С.П. КОРОЛЕВ

ОТЕЦ

Наталия Королева

Книга **2**

Наталия Королева

С.П.КОРОЛЕВ ОТЕЦ

К 100-летию со дня рождения

Книга вторая

1938-1956 годы

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 629.7 (092)
ББК 39.62
К68

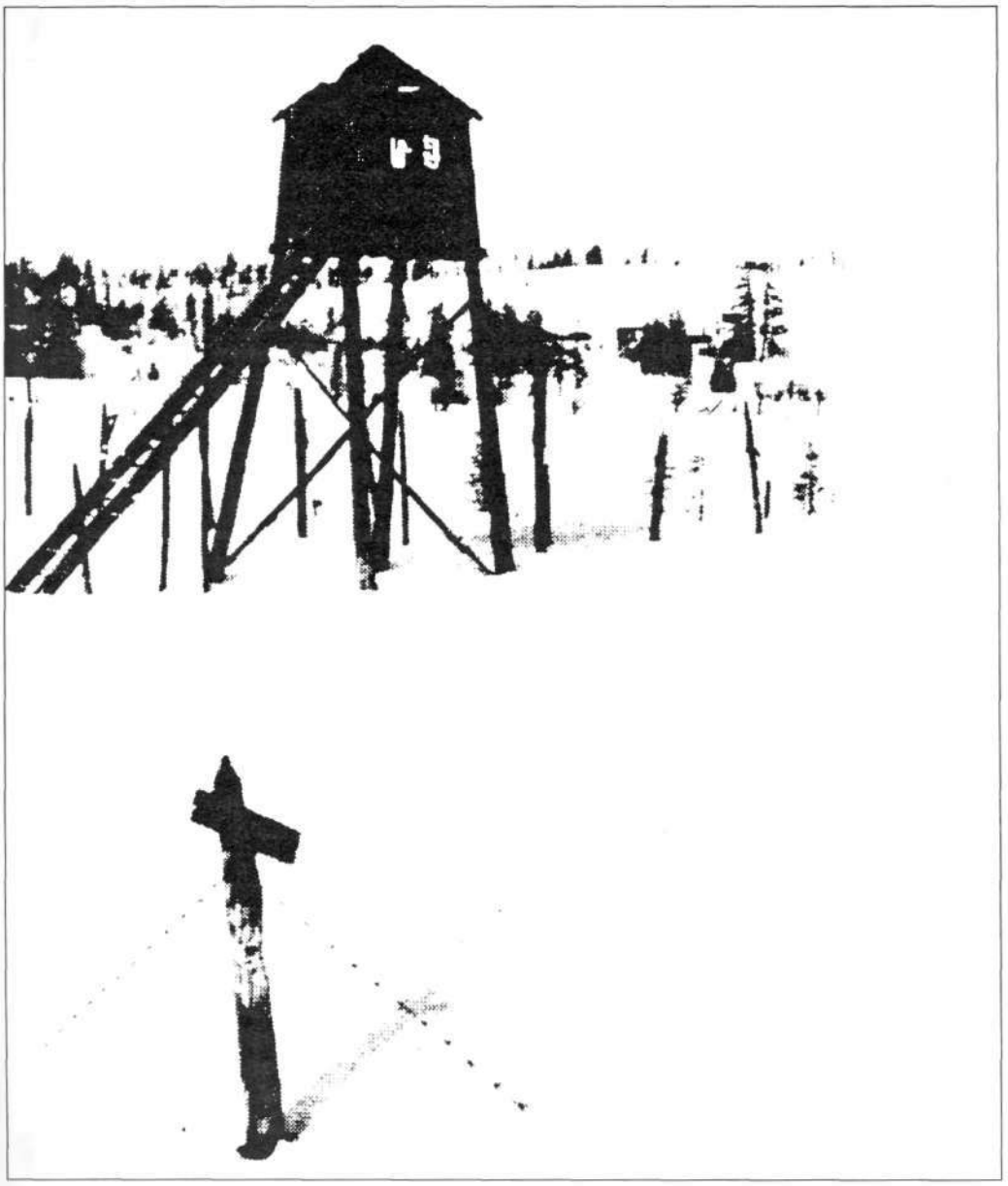
Консультант
Адриан Васильевич РУДОМИНО

Научный и литературный редактор
Юрий Георгиевич ДЕМЯНКО

Темплан 2006-11-202

ISBN 5-02-034432-X
ISBN 5-02-034430-3 (кн. 2)

© Королева Н.С, 2007
© Совет РАН по космосу, 2007
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2007



Прерванный полет

АРЕСТ, СУД, ТЮРЬМА

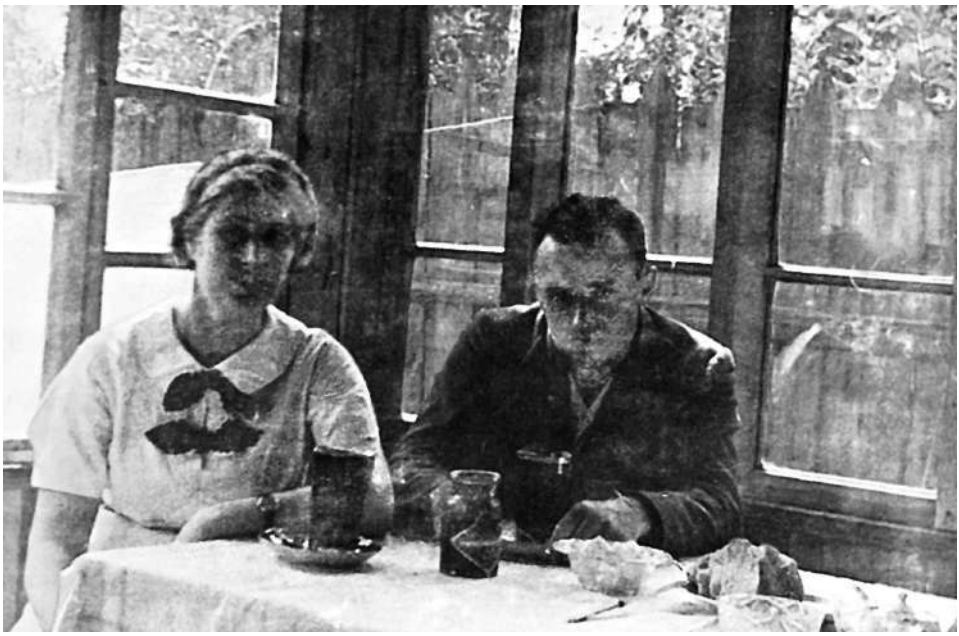
МОСКВА-НОВОЧЕРКАССК (1938-1939)

День 27 июня 1938 г. круто изменил жизнь отца и всей нашей семьи. Конечно, после ареста М.Н. Тухачевского и Р.П. Эйдемана, а потом И.Т. Клейменова, Г.Э. Лангемака и В.П. Глушко отец был почти уверен, что эта участь может постигнуть и его. Может, но ведь не значит, что обязательно должна. Человеку свойственно надеяться на лучшее, даже понимая, что все безнадежно.

Между тем в нашем доме на Конюшковской уже появились сургучные печати на входных дверях квартир, извещавшие об исчезновении на неопределенный срок их владельцев. Наступила пора мучительного каждодневного ожидания грозы, которая уже вряд ли могла пройти мимо.

В воскресенье, 26 июня 1938 г., состоялись первые в республике выборы в Верховный Совет РСФСР. Мама была членом избирательной комиссии в Боткинской больнице. А накануне мои родители гостили в подмосковном

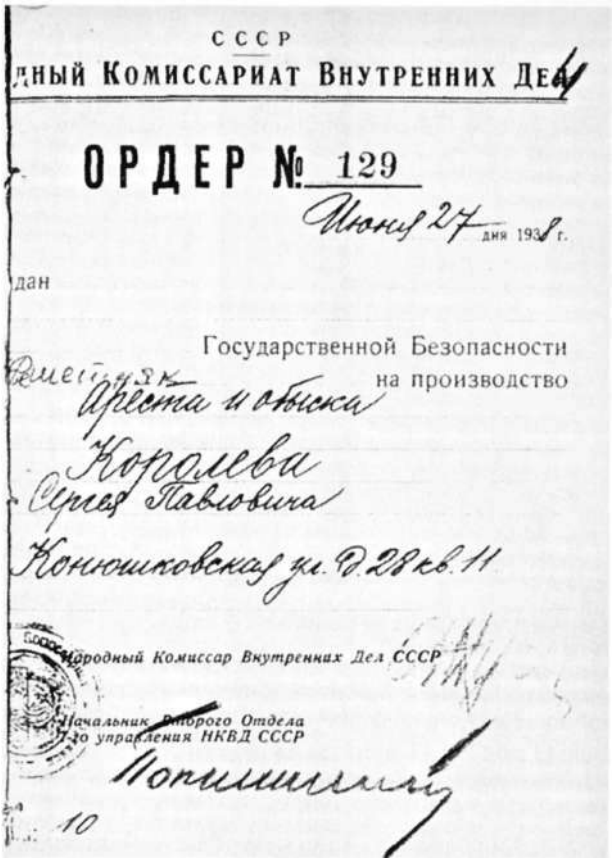
Патефонная пластинка, купленная С.П. Королевым в день ареста 27 июня 1938 г.



С.П. Королев с женой на даче у Ю.М. Винцентини. Пушкино, 25 июня 1938 г. Последний снимок перед арестом. Фотография Ю.М. Винцентини

К.М. Винцентини (слева) на избирательном участке в больнице им. СП. Боткина. Москва, 26 июня 1938 г.

Ордер на арест С.П. Королева. 27 июня 1938 г.



СССР

ДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ОРДЕР № 129

Июня 27 дня 1938 г.

дан

Государственной Безопасности

Решетняк на производство

ареста и обыска

Королева

Сергея Павловича

Конюшковская ул. Д. 28 кв. 11

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР

Начальник Второго Отдела
1-го управления НКВД СССР

Попилинский

10

Пушкино на даче маминого брата Юрия Максимилиановича. Несмотря на усилия хозяев, веселого вечера не получилось. Настроение отца было мрачным, он был подавлен и молчалив.

В понедельник мама возвращалась с работы около 9 часов вечера. Подойдя к дому, она увидела фигуры двух мужчин, прогуливавшихся по улице и присматривавшихся к прохожим. Мама рассказывала мне потом, как сжалось ее сердце. Она бросилась бегом на шестой этаж и со страхом постучала в дверь. Открыл отец. Он был один - мы с Лизой жили на даче в Барвихе. Увидев состояние жены, он обнял ее и тихо произнес: «Ну, это уже, видимо, за мной». На столе стоял патефон. Отец сказал, что продал облигацию и купил пластинку - на одной стороне «Метелица», на другой - «Во поле березонька стояла». Завел патефон, и они несколько раз послушали эти песни. А потом молча, не раздеваясь и не зажигая света, держа друг друга за руки, просидели до половины двенадцатого, когда среди ночной тишины раздался громкий стук в дверь. На вопрос «Кто?» сказали, что из НКВД. Отец открыл дверь. Вошли те двое, которых мама видела на улице. Третьим был управдом И.П. Чубаков, которого представили как понятого. Вошедшие - сотрудники НКВД Решетняк и Комиссаров - предъявили ордер на арест и обыск, подписанный С.Б. Жуковским. Его же подпись после слов: «Обыскать, арестовать» - стоит и на справке с грифом «Совершенно секретно», составленной начальником 7 отдела 1 управления НКВД СССР майором государственной безопасности Л.И. Рейхманом еще 19 июня 1938 г. В справке говорится: «Следствием по делу антисоветской троцкистской

М.Н. Баланина. Москва, начало 1938 г.

вредительской организации в научно-исследовательском институте № 3 (Наркомат оборонной промышленности) установлено, что одним из активных участников этой организации является инженер института № 3 - Королев Сергей Павлович.

В антисоветскую троцкистскую организацию Королев был привлечен в 1935 г. бывшим директором института № 3 Клейменовым».

Подтверждением этих обвинений якобы являлись показания «участников организации» Клейменова и Лангемака, по словам которых «практическая деятельность Королева, как участника антисоветской организации, была направлена на затягивание лабораторных и конструкторских работ по оборонным объектам с целью срыва их ввода на вооружение РККА».

Более чудовищные обвинения человеку, смыслом жизни которого являлась инженерно-конструкторская работа, трудно было придумать. Естественно, что он подпадал под 7 и 11 пункты 58 статьи Уголовного кодекса РСФСР, принятого в 1926 г.: пункт 7 - подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения (т.е. вредительство) - до расстрела; пункт 11 - действия, готовившиеся организованно, или если обвиняемые вступили в уже действующую организацию (состоящую хотя бы из двух человек) - до расстрела. Таким образом, судьба моего отца была решена задолго до 27 июня.

А в тот злополучный вечер вошедшие обыскали отца, а затем усадили моих родителей на диван в большей комнате, запретив им вставать. Сами же начали перерывать все, что было в квартире. Они выбрасывали на пол немногочисленные вещи из платяного шкафа, содержимое ящиков письменного стола, копались в белье, книгах и даже посуде. Мама видела, как один из них потихоньку спрятал себе в карман малахитовые запонки, которые подарил отцу на свадьбу Максимилиан Николаевич, но сказать об этом не решилась.

Потом сотрудники НКВД опечатали дверь кабинета отца и составили протокол с перечислением изъятых при аресте и обыске вещей. В их числе были документы отца: паспорт, военный и профсоюзный билеты, пилотское свидетельство, диплом пилота-планериста, удостоверение о награждении знаком «За активную оборонную работу» и сам знак, послужной список, 26 различных удостоверений и справок, а также папки с инженерными расчетами и чертежами, записные книжки, фотоаппарат, альбомы с фотографиями, облигации, деньги и даже сберегательная книжка моей мамы. Отцу предложили поставить подпись под протоколом и написать доверенность на получение последней зарплаты. Вставая с дивана, он повернулся к маме и обмер - перед ним сидела не молодая, красивая его жена с золотистыми волосами, а постаревшая за ночь женщина с измученным лицом и потухшим взглядом. «Да... Ты пережила эту ночь», - с грустью сказал он. Потом прочитал протокол и подписал его, возмутившись тем, что опечатана комната и отобраны деньги.

ПАСПОРТ

Действителен до 26 июня 1942

1. Имя, отчество, фамилия Королев Сергей Павлович

2. Время и место рождения 1906 г. г. Житомир

3. Национальность украинец

4. Социальное положение рабочий

5. Постоянное местожительство г. Москва

6. Отношение к военной службе Воен. обяз. состоит

7. Собственноручная подпись владельца паспорта

МЦ № 747693

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

С. С С. Р.

ПАСПОРТ ВЫДАН 33

(имя)

(отчество)

КР.-ПР. РАЙОН. ВОЕНКОМАТОМ Г. МОСКВЫ

(год, месяц)

1930

Нач. Управления

Делопроизводитель

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОЧИХ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

№ 292735

ФАМИЛИЯ Королев

ИМЯ, ОТЧЕСТВО Сергей Павлович

ГОД РОЖДЕНИЯ 1906.

ПРОФЕССИЯ Инженер

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СТАЖ 1924

ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В СОЮЗ 1924

ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В ДАННЫЙ СОЮЗ 1937

ПОДПИСЬ ЧЛЕНА СОЮЗА

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОФОРГАНИЗАЦИИ Завван НИИ № 3 НКАП.

МЕСЯЦ ОПЛАТЫ КАРТОЧКИ

ДАТА

ПОДПИСЬ

М. П.

1	9	3	7
ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	4 руб.	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФМАРКА ЧЛ. ВЗНОС 5 руб.
		3 руб.	4 р 50 к
2 руб.	6 руб.	5 руб.	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФСОЮЗНАЯ ЧЛ. МАРКА 5 руб.
5 руб.	3 руб.	3 руб.	ЧЛ. МАРКА 5 руб.
ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФСОЮЗНАЯ ЧЛ. МАРКА 5 руб.	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФМАРКА ЧЛ. ВЗНОС 5 руб.	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФМАРКА ЧЛ. ВЗНОС 5 руб.	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФМАРКА ЧЛ. ВЗНОС 5 руб.
ЧЛ. МАРКА 5 руб.	ЧЛ. ВЗНОС 5 руб.	ЧЛ. ВЗНОС 5 руб.	ЧЛ. ВЗНОС 5 руб.

При неуплате членских взносов в течение 3 месяцев членский билет недействителен.

Паспорт, военный и профсоюзный билеты СП. Королева, конфискованные во время ареста 27 июня 1938 г.

В результате в конце протокола была приписана фраза: «Неправильно опечатана комната и взяты деньги - заявил Королев».

Мама сказала, что не в состоянии ехать в институт за его зарплатой, и попросила написать доверенность на имя Марии Николаевны, что и было сделано. Около шести часов утра все формальности закончились и отцу предложили собираться. Мама подняла с пола пару белья, мыло, зубную щетку и пасту. Все это было уложено в маленький фанерный чемоданчик. Отец надел кашне и свое единственное кожаное черное пальто. Они обнялись с мамой и попрощались. Последними его словами были: «Ты же знаешь, что я не виноват». Она пошла вместе с ним к двери, но дальше ее не пустили, заявив: «Не положено». В окно лестничной клетки она видела, что во дворе стояла машина, в которую его посадили и увезли.

Мама рассказывала мне, что, оставшись одна, даже не могла плакать, а только громко стонала. Случайно посмотрев в зеркало, она не узнала себя и ей стал понятен смысл фразы, сказанной отцом.

Немного успокоившись, она позвонила на Октябрьскую. Мария Николаевна и через много лет помнила совершенно чужой, незнакомый голос моей мамы, которая сказала: «Приезжайте, Сергея больше нет», - и повесила трубку. В ту минуту Мария Николаевна забыла и про неприятности у сына на работе, и про все переживания и страх ожидания его ареста, забыла все это и почему-то решила, что он застрелился, что уже мертв. Моментально собравшись, они с Григорием Михайловичем выбежали на улицу, поймали такси и помчались на Конюшковскую. Расплачиваясь с таксистом, Мария Николаевна дала ему лишние деньги и попросила подождать десять минут, пока они не узнают, что случилось. Где-то в глубине души теплилась надежда, что, может быть, сын только ранен и нужно будет привезти доктора. Таксист обещал подождать, а Мария Николаевна и Григорий Михайлович бегом поднялись на шестой этаж. Когда мама открыла дверь, перед ними предстала жуткая картина: все было перевернуто вверх дном. Даже из шкафчика с лекарствами, стоявшего на кухне, выбросили на пол вату, бинты, пилюли, какие-то бутылочки. Первое, что вырвалось у Марии Николаевны: «Жив?» - «Да, жив, но арестован и его увезли», - последовал ответ. У нее отлегло от сердца, и она невольно сказала: «Слава богу». Мама вначале даже опешила: как можно благодарить бога, когда случилась такая катастрофа. - «Вы что, с ума сошли или не поняли? Его нет, он арестован», - еще раз произнесла она. - «Я все поняла. Он арестован, но жив, значит мы будем бороться», - сказала Мария Николаевна. Когда эти слова, так поразившие тогда мою маму, дошли до сознания, ей стало ясно, что не все потеряно, что есть еще шанс на спасение. Пусть призрачный, но есть! И вскоре стало ясно, что слова бабушки не разойдутся с делом: трезво оценив произошедшее, будучи мудрым и сильным человеком, она сразу же бросилась спасать своего единственного сына. А тогда, утром 28 июня 1938 г., она молча ходила по квартире, с ужасом осматривая следы ночного погрома. Вместе с мамой они подняли с пола вещи и кое-как растолкали их по разным местам. Потом мама поехала на Лубянку. Из здания НКВД ее направили в приемную на Кузнецком мосту. На вопрос о причине ареста мужа последовал ответ: «Следствие разберется».

Несмотря на подавленное состояние и настроение, мама поехала на работу в Боткинскую больницу. Придя в отделение, она почувствовала, что многие сослуживцы смотрят на нее с ужасом. Было видно: что-то произошло, случилась беда.

Надев белый халат, мама направилась к главному врачу больницы Б.А. Шимелиовичу. Именно он принимал ее на работу в 1932 г. по просьбе про-

фессора В.Н. Розанова, с сыном которого в то время дружил отец. Собравшись с силами, она тихо сказала: «Сегодня ночью арестован мой муж». Он остановил ее словами: «Можешь больше ничего не говорить, я все понял» - и тут же вызвал секретаря партийной организации П.Ф. Нырову и председателя местного комитета Г.М. Нейштадт. Он сам рассказал им о случившемся, после чего мама спросила, что ей теперь делать. И они всем «треугольником» решили, что она должна работать, как и работала с декабря 1936 г., врачом-ординатором травматологического отделения и даже оставаться членом месткома, куда она была избрана и где выполняла функции руководителя производственного сектора. Все трое сказали, что для них никаких перемен в отношении нее не произошло. На этом разговор окончился, но мама запомнила его на всю жизнь и с чувством глубокой благодарности вспоминала о смелом для того времени решении руководства больницы. Это стало для нее большой моральной поддержкой.

Прощаясь с мамой, Б.А. Шимелиович сказал, что «таков наш век: сегодня ты, а завтра я». Слова его оказались пророческими. Этот честный и порядочный человек был в начале 1949 г. безвинно репрессирован по делу о еврейском антифашистском комитете и в августе 1952 г. расстрелян.

Вечером на Конюшковскую приехали Софья Федоровна с Максимилианом Николаевичем и Мария Николаевна с Григорием Михайловичем. Надо было срочно решать целый ряд возникших в связи с арестом отца жизненно важных вопросов. Первый и главный из них - как ему помочь. В его невиновности никто из родных ни секунды не сомневался. Мама сказала, что не оставит мужа в беде и завтра же обратится в НКВД. Но Максимилиан Николаевич категорически заявил, что она не имеет права так рисковать, ведь у нее крохотная дочь, а бабушки и дедушки уже немолоды. В конечном счете семейный совет решил, что хлопотать в НКВД будет Мария Николаевна, поскольку матерей не трогали, и риска было меньше. А жен зачастую арестовывали вслед за мужьями, и потому маме было опасно вмешиваться, имея маленького ребенка. Деньги же отцу и, если возможно, передачи каждый месяц будет приносить мама, стараясь при этом узнать, в какой тюрьме он находится.

Атмосфера в Москве тогда была действительно жуткой. Арестовывали мужей, их жен и даже взрослых детей, а маленьких отсылали в детские приюты. В доме Марии Николаевны, где было восемь корпусов, не нашлось ни одного подъезда, около которого хотя бы раз не стоял «черный ворон». Поэтому необходимо было подстраховаться в отношении меня на случай возможного ареста мамы. Софье Федоровне предстояло заготовить и оформить через РОНО документы для моего удочерения, чтобы я, оставшись без родителей, не попала в детский дом. Возник вопрос и по поводу квартиры, которая была оформлена на отца. Сотрудники НКВД опечатали его кабинет, оставив нам с мамой одну комнату. Теперь ее следовало перевести на маму. О возвращении всей квартиры нечего было и думать. Несомненно, появятся соседи, но с этим уже ничего не поделаешь. Наконец, необходимо было подумать о том, на какие средства жить дальше. Все имевшиеся деньги и даже сберкнижку мамы забрали, а вещей, которые можно продать, в доме не было. Жили тогда небогато, так как отец зарабатывал немного, а мама, хотя и была занята абсолютно весь день, до ареста отца получала маленькую зарплату. Рассчитывать на материальную помощь дедушек и бабушек тоже не приходилось. Предстояло решить, как быть с моей няней Лизой. Мария Николаевна прислала ее на следующий день с дачи, и мама сказала ей, что денег нет и оплачивать ее труд нечем. Но Лиза в той ситуации проявила себя преданным другом нашей семьи. Она плакала и просила разрешить ей остаться, пусть без оплаты, лишь бы

только вместе с нами. Лиза взяла на себя ведение хозяйства, всячески экономила деньги и освободила маму от очень многих дел по дому, благодаря чему она смогла поступить еще и на третью службу - взять ночные дежурства на «скорой помощи». Ежемесячно приходилось дежурить по тринадцать-пятнадцать ночей. Это было очень трудно, но давало дополнительный заработок, чрезвычайно важный для бюджета семьи. Кроме того, иногда больница помогала тем, что при возникавшей необходимости подменить врачей на дежурстве (кто-то заболевал или находился в отпуске) тут же ставили на это место маму, если она не была уже занята на «скорой помощи».

Утром 28 июня отца привезли в знаменитую Бутырскую тюрьму. Эта тюрьма хорошо известна не только в Москве, но и во всей стране. Она возникла на месте построенного в XVII веке острога, в котором еще при Петре I находились в заточении участники стрелецких бунтов. В конце XVIII в., при Екатерине II, по проекту архитектора М.Ф. Казакова здесь построили губернский «тюремный замок для содержания под стражей». В 1879 г. он был перестроен, расширен и стал вмещать свыше двух с половиной тысяч человек. Через эту тюрьму прошли народники, участники крестьянских восстаний, революционеры. В 1930-е годы она находилась в ведении НКВД, и камеры ее были переполнены жертвами «большого террора», среди которых оказался и мой отец.

По прибытии в тюрьму отец заполнил «анкету арестованного», в левом верхнем углу которой значилось «вредит.». В тот же день его сфотографировали анфас и в профиль и вызвали на допрос к следователю - сержанту госбезопасности Быкову. На вопрос: «Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете себя виновным?» - был дан ответ: «Нет, не признаю. Никакой антисоветской деятельностью я не занимался».

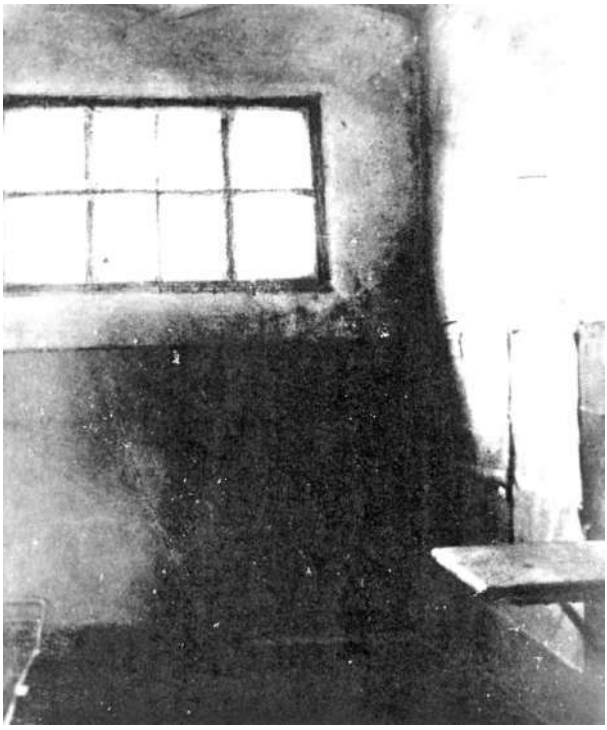
Однако уже на следующий день отец подписывает заявление народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову, в котором сознается «в антисоветской вредительской деятельности». Почему? Позднее он напишет, что к нему применялись репрессивные меры (его унижали, избивали, издевались), но объяснить этим признание несуществующей вины невозможно, не такой он был человек. А объяснение оказалось простым, и отец сам рассказал об этом маме и Марии Николаевне той ночью в ноябре 1944 г., когда после освобождения впервые приехал на несколько дней из Казани в Москву. После того как другими методами воздействия заставить его признать себя виновным не удалось, следователь применил психологический прием. Он заявил, что если отец сегодня не сознается, то завтра будет арестована его жена, а дочь отправлена в детский дом. Отец вспоминал тот ужас, который охватил его, когда он на секунду представил себе, какая участь грозит маме и мне, тогда трехлетней девочке. В том, что угроза может быть исполнена, сомнений не возникало. И он решил во имя спасения семьи соглашаться на допросах с любыми, пусть самыми абсурдными обвинениями, а на суде все отрицать и доказать свою невиновность.

Между тем следственная машина набирала обороты. 29 июня сотрудником НКВД Гордеевым в присутствии начальника первого отдела (секретной части) НИИ-3 П.М. Моисеева был произведен обыск по месту работы отца, изъяты его личное дело и служебные документы. В тот же день Мария Николаевна приехала на дачу, где находились Григорий Михайлович и я с няней. Слезы душили бабушку, и где-то в кустах она горько плакала. На следующее утро Григорий Михайлович сказал ей, что слезами горю не поможешь, что надо начинать действовать и что он набросал текст письма на имя Сталина. Его нужно внимательно прочесть, отредактировать, напечатать и отослать. Мария Николаевна с благодарностью согласилась, но ее тревожило, что она

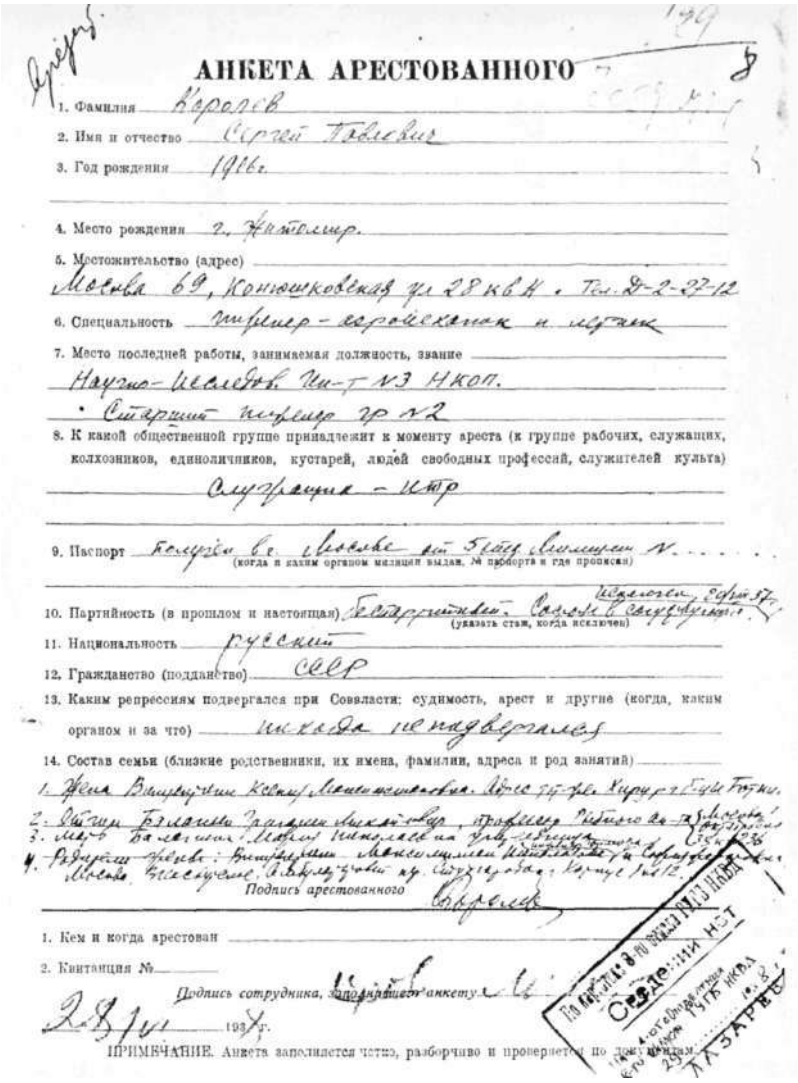
Бутырская тюрьма в Москве. Фотография начала XX в.

Бутырская тюрьма. Корпус с угловой башней. Фотография начала XX в.

Бутырская тюрьма.
Вид из камеры
на Пугачевскую башню.
Фотография начала XX в.



Бутырская тюрьма.
Одиночная камера.
Фотография начала XX в.



АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Королев
2. Имя и отчество Сергей Павлович
3. Год рождения 1906.
4. Место рождения г. Житомир.
5. Местожительство (адрес) Москва 69, Конюшковская ул 28 кв 4. Тел. 2-2-27-12
6. Специальность инженер-аэродинамик и летчик
7. Место последней работы, занимаемая должность, звание Научно-исслед. ин-т № 3 НКОП. Старший инженер гр № 2
8. К какой общественной группе принадлежит к моменту ареста (к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий, служителей культа) служащий - инж
9. Паспорт Получен в Москве от 5 отд милиции № ... (когда и каким органом милиции выдан, № паспорта и где прописан)
10. Партийность (в прошлом и настоящая) Беспартийный. Состоял в ВКП(б) с 1927 г. (указать стаж, когда исключен)
11. Национальность русский
12. Гражданство (подданство) СССР
13. Каким репрессиям подвергался при Совласти: судимость, арест и другие (когда, каким органом и за что) никогда не подвергался
14. Состав семьи (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
1. Жена Виноградова Ксения Александровна. Адрес ул. Фрунзе, Хирург в Гор больнице
2. Отец Королев Павлин Михайлович, профессор Одесского университета
3. Мать Королева Мария Николаевна, учительница
4. Родители жены: Виноградов Александр Иванович и Виноградова Ксения Александровна, проживают в Москве, Большая Серпуховка, д. 32, кв. 12.

Подпись арестованного Королев

1. Кем и когда арестован
2. Квитанция №

Подпись сотрудника, заполняющего анкету

2 VII 1938 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. Анкета заполняется четко, разборчиво и проверяется по документам.

Следствие НЕ ПРОВОДИЛОСЬ

ЛАЗАРЕВ

Анкета арестованного, заполненная С.П. Королевым. Бутырская тюрьма, 28 июня 1938 г.

должна будет подписаться фамилией мужа, а ведь он работает и у него есть брат и племянники. Григорий Михайлович ответил, что не верит в виновность Сергея и поэтому полагает, что хлопотать надо, и не важно, что заявление будет подписано его фамилией. Оба брата Москаленко и их жены поддержали предложение Григория Михайловича.

В результате 15 июля родилось выстраданное бессонными ночами письмо И.В. Сталину, крик души матери, кинувшейся без оглядки на спасение самого дорогого ей человека. При чтении письма поражает ее осведомленность о творческой работе сына и его переживаниях. Это говорит об их душевной близости и доверии друг к другу, о том, что мать всегда была рядом с сыном - и в светлые, и в горькие минуты жизни.

Первая тюремная фотография С.П. Королева. Бутырская тюрьма, 28 июня 1938 г.

«Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

29/V с.г., при проверке одного из опытов над засекреченным объектом своих работ, был ранен с сотрясением мозга и доставлен на излечение в больницу им. Боткина (корпус 4) сын мой, один из ведущих инженеров Научно-Исследовательского Института № 3 Наркомата Оборонной Промышленности, КОРОЛЕВ Сергей Павлович в возрасте 31 г.

Не закончив еще курса лечения, он 27/VI впервые зашел к администрации Института № 3 и в ту же ночь был арестован органами НКВД по ордеру № 129 от 27/VI с.г.

Мне неизвестны мотивы, послужившие причиной его ареста.

Зная, дорогой Иосиф Виссарионович, Ваше повседневное, исключительное внимание к авиации и отеческую заботу о ее «гордых соколах-летчиках», твердо уверенная, что Вы следите за развитием у нас дела реактивного полета, решила я обратиться лично к Вам.

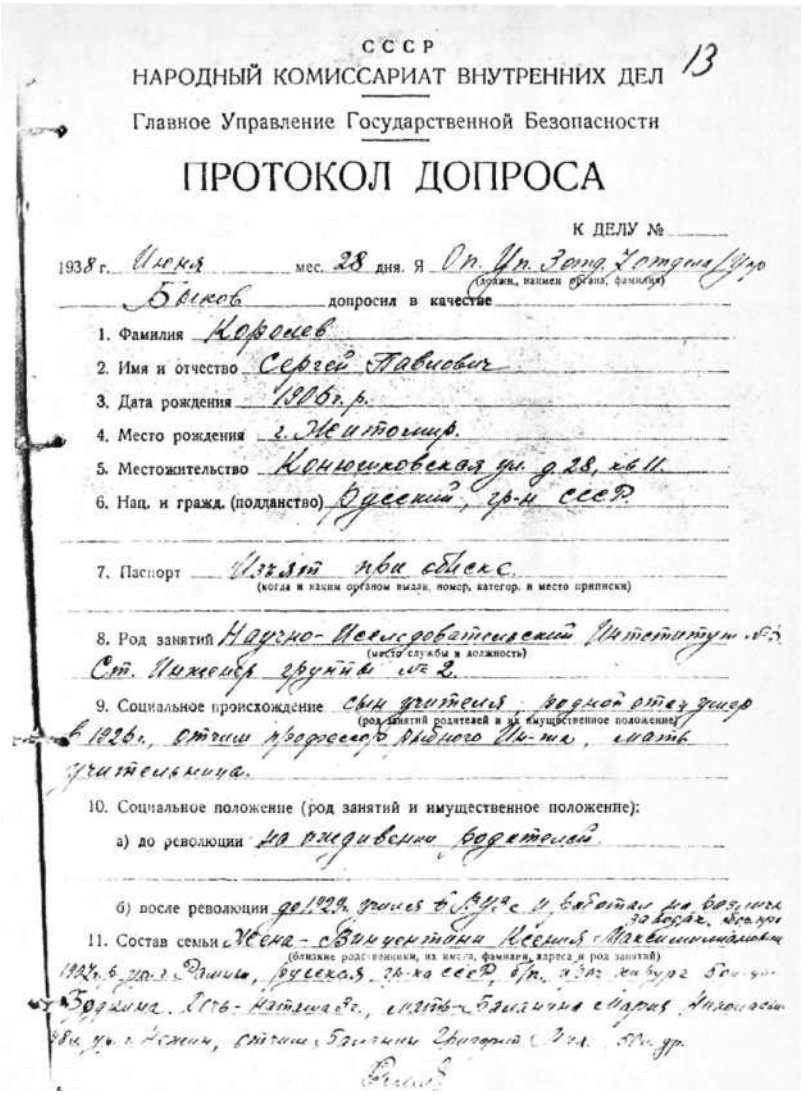
Сын мой не только летчик, но и инженер-конструктор авиа- и ракетных аппаратов.

Вот уже третья пятидневка, как он арестован, и я невольно вспоминаю его трудовую жизнь. Лет с 15-ти он уже начинает летать на планере, оканчивая среднюю школу, конструирует свой первый планер, одобренный специальной комиссией в Харькове, в 1931 г. на планере «Красная Звезда» его конструкции делается первая «мертвая петля», не знаю, первая ли она «мертвая петля» в мире, но во всяком случае первая в СССР, потом - увлечение идеей реактивных полетов - маленький кружок энтузиастов, в нем участвует известный профессор Цандер, сын - во главе, активная, деловая связь с Циолковским, им удается получить какие-то крохи денег, организовать опытную мастерскую, сын, да, кажется, и все это ядро работают бесплатно, параллельно с основной службой. Сын не раз свою зарплату (жил он тогда у меня, только три последние года он живет со своей семьей отдельно) вкладывал временно туда, энтузиазм зажигал рабочих, проекты и опыты требуют времени - люди остаются на всю ночь, ночуют на столах.

Дело ладится, есть достижения, кружок реорганизуется в ГИРД (группа изучения реактивного движения) - сын во главе.

Сколько достижений, сколько творческих фантазий, сколько малых горестей и больших радостей!

Попутно он летает, тренируется как летчик-испытатель, готовится. Жутко мне было, сознаюсь, а сын шутил: «Полетим еще с тобой на Луну!».



СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 13

Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №

1938 г. Июня мес. 28 дня. Я Оп. Уп. Зам. Начальника Управ. Быков (должн., наименование органа, фамилия) допросил в качестве

1. Фамилия Королев
2. Имя и отчество Сергей Павлович
3. Дата рождения 1906 г. р.
4. Место рождения г. Житомир.
5. Местожительство Конюшковская ул. д. 28, кв. 11.
6. Нац. и гражд. (подданство) Русский, гр-н СССР
7. Паспорт Изъят при обыске (когда и каким органом выдан, номер, категор. и место прописки)
8. Род занятий Научно-Исследовательский Институт № 3 Ст. Инженер группы № 2. (место службы и должность)
9. Социальное происхождение Сын учителя, родной отец умер в 1926 г., отчим профессор Либного Ин-та, мать учительница. (род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
а) до революции до революции водителем
б) после революции до 1929 г. учился в РУЗе и работал по возрасту за борт. Бросил
11. Состав семьи Жена - Бондуренко Ксения Максимилиановна (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий) 1924 г. р. дочь Дина, русская гр-на СССР, в р. Ивановке Бородинского р-на. Мать - Наталья Ив., мачеха - Екатерина Сергеевна 48 л. г. Ижин, отчим Быкчин Григорий Ив. 50 л. др.

Протокол первого допроса СП. Королева. Бутырская тюрьма, 28 июня 1938 г.

И вот в Московский ГИРД вливается Ленинградский и на базе Московского ГИРД'а образуется РНИИ (Реактивный Научно-Исследовательский Институт), позже Институт № 3.

Директором становится Клейменов из Ленинграда, сын теперь помощник - технический руководитель. С этого времени начинается горестная полоса в работе сына и в моей памяти.

Директор поначалу, что называется, «мягко стелет», но мало-помалу начинаются трения, и я слышу горькие сетования сына, что методы административного руководства вызывают явное недовольство сотрудников, падают темпы работы, планы уже не выполня-тся, падает прежний энтузиазм, против некоторых мероприятий сын вынужден категори----- возражать и т.д. Последовало неожиданное для сына устранение его от должности технического директора - возвратясь из отпуска, прочел на стене приказ.

Казалось бы, естественно обидеться и уйти, но сын рассуждал, что дело дороже. Здесь все условия для работы, квалифицированный коллектив, оборудование - решил уйти целиком в творческую работу и остался в должности старшего инженера.

2*

12 Образование (общее, специальное) высшее, инженер-механик.

13. Партийность (в прошлом и в настоящем) был сочувствующим ВКП(б) исключен 20 августа 1937 г. за пассивность.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции Нет

б) после революции Нет.

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти Нет.

16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете ВУС Т-II, на учете состоял в Октябрьском РВК.

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого Нет.

18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда, в качестве кого) Нет. С 1918 г. проживал в Одессе на территории белых совместно с родственниками.

19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях Нет.

20. Сведения об общественно-политической деятельности По линии ОСОАВИАХИМа принимал участие при Совете содействия по планеризму.

Королев

Примечание. Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а после и допрашивающего.

Протокол первого допроса С.П. Королева (продолжение)

Конструкторская группа под его руководством скоро развернулась в обширный отдел и сын волей-неволей был поставлен во главе его.

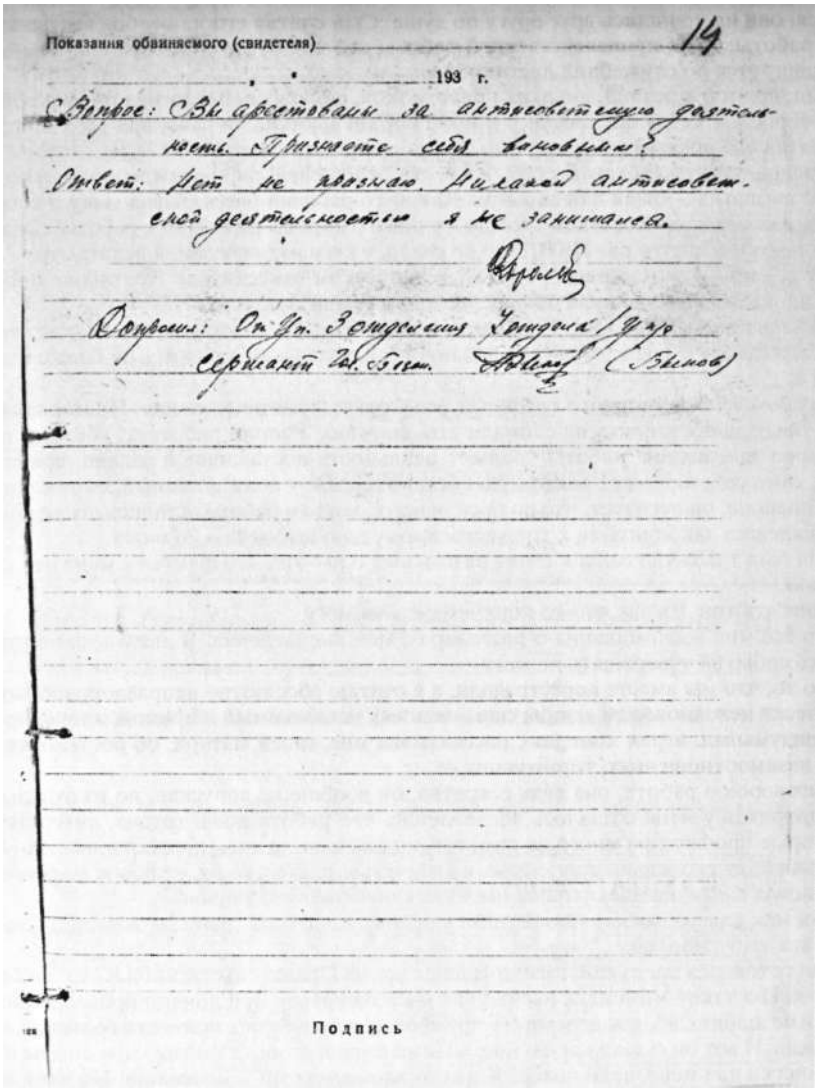
Назначенный техническим директором ленинградец Лангемак держался корректно. Сын примирился, полагая, что Институту действительно нужен для дела военный специалист.

Однако этим не кончилось, как из рога изобилия посыпались неприятности, сегодня одно, завтра другое, доносы - то в ОГПУ, то по линии Наркомвоенмора.

Тяжела была обстановка! Сотрудникам сына, помнится, тоже доставалось. Люди стали разбегаться. Помню, сын старался сохранить кадры, уговаривал, убеждал остаться.

А сына все теснили, то сюда вызывают, то туда - по доносам или жалобам (не знаю, как назвать) директора Клейменова.

Но директору Клейменову не удалось «выжить» сына. Дело дошло до Комиссии Советского Контроля. Здесь сын все высказал, что наболело. Помнится, Куйбышев лично решал это дело, советовал примерно так: директору - бережно относиться к молодым специалистам и создать им необходимые для работы условия, а сыну - сдерживать свой характер (в характере сына нет угодничества, и подчас он резок).



Показания обвиняемого (свидетеля) 14

193 г.

Вопрос: Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете себя виновным?

Ответ: Нет не признаю. Никакой антисоветской деятельностью я не занимался.

Вопрос: От Уп. Зондеркомм Уендова / Уар сержант гв. бат. (Бимов)

Подпись

Протокол первого допроса СП. Королева (окончание)

Сыну внешне работать как будто стало спокойнее. Клейменов дал сыну партийные рекомендации, сын принят был в ряды сочувствующих, вел кружки.

Но все же велась, по-видимому, какая-то тактика исподволь.

Когда был брошен намек на преступную связь с врагами народа, когда Клейменов забрал свою партийную рекомендацию, когда сын был исключен из сочувствующих - на что здесь была ставка? Общественность настораживается, обстановка сгущается. А между тем вскоре арестовывают самого Клейменова.

Но тень уже брошена! Разве сыну кто-либо в Институте даст теперь необходимые для работы партийные рекомендации? Конечно нет! Их надо искать на стороне.

Иосиф Виссарионович! У меня ведь никаких фактов в руках, мне ведь, слушая сетования сына, видя его расстроенным, взволнованным, в голову не приходило запоминать хотя бы имена кого-то в парткоме, кого-то на производственном совещании!

Чаще всего слышала фамилию инженера Костикова, у меня с ним ассоциируется недоразумение целых годов у сына.

Инженер этот появился как будто вскоре после организации РНИИ, точно не знаю.

Кажется, они не пришлись друг другу по душе. Сын считал его не особо сведущим в области их работы; годы производственной работы это как будто подтвердили. Тем не менее он продвигается по служебной лестнице.

Сын, прямой и резкий, никаких кривотолков, никаких передергиваний фактов и виляний не терпел, и когда все ежились и молчали, он выступал и защищал себя или другого, если считал его правым.

К человеку с таким характером, ясно, два отношения: либо враждебность и подковырка, либо симпатия - явная или скрытая. Какой-то рабочий рассказывал сыну о том, что он слышал, как инженер Костиков требовал у нового директора снятия с работы сына, на что директор возражал, что раз НКВД его не сняло, у него нет оснований делать это.

Все же при новом директоре и его техническом заместителе Костикове происходит снижение по должности - сын больше не заведующий отделом.

Но ведь пришел директор Слонимер, новый человек, спрашиваю сына, как теперь работается, и слышу в ответ: лучше, но ненамного. Костиков ведь рядом - он ближе к директору, чем я.

А работа? 7 лет упорного труда, где все - опыт и умозаключение. Ни моральные удары, ни тяжелая обстановка не сломали его энергию. Упорно работает, убежден глубоко, что скорое завершение работы докажет реальность поставленной задачи, правильность метода, само собой рассеет тягостную обстановку. Он у цели! Раненый, окруженный врачами больницы, он негодует, что должен лежать, когда в работе остались последние штрихи. Он надеялся закончить ее к торжественному дню выборов - 26 июня.

Сын был так скуп всегда в своих разговорах о работе, что фактов у меня нет никаких, повторяю.

Написать тов. Ежову что-то конкретное я не могу.

Это все мои воспоминания о разговорах, мои впечатления. Я даже хронологическую точность событий утверждать не могу.

Это то, что мы вместе перестрадали, и я считаю абсолютно неправдоподобным и психологически невозможным, чтобы сын - человек независимый и прямой, в течение 5-6 лет лгал, придумывал, играл комедию, рассказывая мне, своей матери, об обстановке его работы и взаимоотношениях, тормозящих ее.

Разговоров о работе, она ведь секретна, он вообще не допускал, но из отдельных каких-то штрихов у меня создалось впечатление, что работа нова, трудна, литературы нет, даже старые профессора много не помогут, но она день за днем движется вперед, что мечта стольких лет его жизни воплощена в этот объект, что это будет новое мировое достижение, новая слава родине, что она имеет исключительное значение.

Сын мне как-то сказал, что он имеет основание думать, что сам товарищ Сталин интересуется этой работой.

Сын готовился предъявить в ближайшее время Правительственной Комиссии свои достижения. И в такой момент, к несчастью, сын был ранен при личной проверке опыта.

Сын не любит слез, и я, дорожа его дружбой, держусь бодро, приходя в больницу, но страх за него жив. И вот он сказал как-то мне: «Ты не горюй, мама, если даже мои опыты окончатся трагически для меня, дело новое! Я в него вложил жизнь и не жалею! Но зато, в случае удачи товарищ Сталин скажет: у нас не было реактивной техники, теперь она у нас есть!».

И я спрашиваю себя все эти дни: как же получилось, что такая работа протекала в такой неестественной обстановке, работа, которая имеет сейчас, может быть, действительно особое значение, - обрывается почти в момент ее завершения? Почему не дали ее завершить? Виноват ли здесь действительно сын, или... не смею делать никаких умозаключений. Тов. Ежов и не такие клубки распутывал!

Я понимаю значение большевистской бдительности, дорогой Иосиф Виссарионович, и только хочу знать, где же истина?

Вас же, дорогой Вождь и Учитель, прошу об одном - об ускорении производства расследования по делу моего сына КОРОЛЕВА С.П. и о смягчении условий заключения в этот период, т.к. ко времени ареста он находился еще на больничном листе, не успел оправиться от перенесенного им сотрясения мозга, и т.к. повышенные нервные переживания и потрясения в этом состоянии могут оказать пагубные результаты на его творческие способности и на его силы как летчика-испытателя.

Москва, Октябрьская ул. д. 38 кв. 236
Баланина М.Н.
(по первому браку Королева)
15/VII-38 г.».

3 763 МОСКВА 42 отд.

СРОЧНАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ заказное

МОСКВА - КРЕМЛЬ

товарищу

СТАЛИНУ

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ

Москва Октябрьская ул. д. 38 кв.236 Баланина М.Н.

Конверт письма М.Н. Баланиной И.В. Сталину. 15 июля 1938 г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР

ПРИЕМ ПЕРЕДАЧА Адрес

ТЕЛЕГРАФ

22 ИЮЛ 1938

МОСКВЫ 39/5 82 19 8 41= ВРУЧИТЬ СТАРШЕМУ — МОСКВА КРЕМЛЬ СТАЛИНУ= ДОПОЛНИТЕЛЬНО МОЕМУ ПИСЬМУ 15 ИЮЛЯ СЕГО ГОДА ДЕЛУ СЫНА КОРОЛЕВА СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА ЗПТ РАБОТАВШЕГО ИНСТИТУТЕ НОМЕР ТРИ НКОП АРЕСТОВАННОГО ОРГАНАМИ НКВД МОСКВЕ 27 ИЮНЯ СЕГО ГОДА ТЧК УБЕДИТЕЛЬНО ПРОШУ СРОЧНО ОЗНАКОМИТЬСЯ ПИСЬМОМ ТЧК СЫН МОЙ НЕДАВНО РАНЕНЫЙ С СОТРЯСЕНИЕМ МОЗГА ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НАХОДИТСЯ УСЛОВИЯХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЗПТ КАКОВЫЕ СМЕРТЕЛЬНО ОТРАЗЯТСЯ ЕГО ЗДОРОВЬИ ТЧК УМОЛЯЮ СПАСЕНИЯ ЕДИНСТВЕННОГО СЫНА МОЛОДОГО ТАЛАНТЛИВОГО СПЕЦИАЛИСТА ИНЖЕНЕРА РАКЕТЧИКА И ЛЕТЧИКА ПРИНЯТЬ НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛА ТЧК = МАТЬ КОРОЛЕВА МАРИЯ БАЛАНИНА МОСКВА ОКТЯБРЬСКАЯ 38 КВАРТИРА 236=

Телеграмма М.Н. Баланиной И.В. Сталину. 19 июля 1938 г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР

ПРИЕМ	ПЕРЕДАЧА	Адрес
го ч. м. пор. № 21 17 18	го ч. м.	МОСКВА
от 17 40 Бл. № 47/48 039	в Г. О. №	НАРКОМВНУДЕЛ ТОВАРИЩУ ЕЖОВ
Принял КОРОЛЕВА	Передал	

Из МОСКВЫ 39/162 85 21 17 07

№ ВРУЧ СТАРШЕМУ сл. го ч. м.

ТЕКСТ ДОПОЛНИТЕЛЬНО МОЕМУ ПИСЬМУ ОТ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ИЮЛЯ СЕГО ГОДА ЗПТ ОПУЩЕННОМУ ДВАДЦАТОГО ИЮЛЯ ВАШ ЯЩИК КУЗНЕЦКОМ МОСТУ ЗПТ ДЕЛУ СЫНА МОЕГО КОРОЛЕВА СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА ЗПТ РАБОТАВШЕГО ИНСТИТУ =ТЕ НОМЕР ТРИ НКОП ЗПТ АРЕСТОВАННОГО ОРГАНАМИ НКВД МОСКВА ДВАДЦАТ СЕДЬМОГО ИЮНЯ СЕГО ГОДА ОРДЕРУ 129 БУДУЧИ ЕЩЕ БОЛЬНИЧНОМ ЛИСТЕ ПОСЛЕ РАНЕНИЯ С СОТРЯСЕНИЕМ МОЗГА ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОС =ТЕЙ ТЧК УМОЛЯЮ ОЗНАКОМИТЬСЯ ПИСЬМОМ И ПРИНЯТЬ МЕРЫ НЕОТЛОЖНОМУ

24-25/8.

ПРИЕМ	ПЕРЕДАЧА	Адрес
го ч. м. пор. №	го ч. м.	
от Бл. №	в Г. О. №	
Принял	Передал	

Из

№ сл. го ч. м.

ТЕКСТ

РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЛА МОЕГО ЕДИНСТВЕННОГО СЫНА МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА ИНЖЕНЕРА КОНСТРУКТОРА РАКЕТЧИКА И ЛЕТЧИКА=МАТЬ КОРОЛЕВА МАРИЯ БАЛО =НИНА ОКТЯБРЬСКАЯ 38 КВАРТИРА 236;

Телеграмма М.Н. Баланиной Н.И. Ежову. 21 июля 1938 г.

СЕКРЕТНО

СЕКРЕТАРИАТ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

1-й Спецотдел НКВД СССР
Вх. № 63803 3/8 1938 г.

Почта

193 8.

№ 1061/4

Кому ~~Зам. нач. 1-го отдела НКВД СССР~~
~~капитану государственной безопасности т. Зуйкину~~

Направляю полученное на имя Народного комиссара внутренних дел СССР Генерального комиссара государственной безопасности тов. ЕЖОВА заявление Баланиной М.Н. в дополнение к

~~нашему № 1061/4 от 23-7-38г.~~

~~Результаты прошу сообщить секретариату НКВД, возвратив заявление.~~

Нач. 2-го отделения Секретариата НКВД СССР
Ст. лейтенант госуд. безопасности

В НКВД

Тов.

По данным УАО значится ул. 9 19908 - Почта 1/2 28
арест 28/6-38 г. почтовый ящик

Начальник 3 отдел. УАО ГУГБ НКВД

Справку наводил (подпись):

14/8 193 8

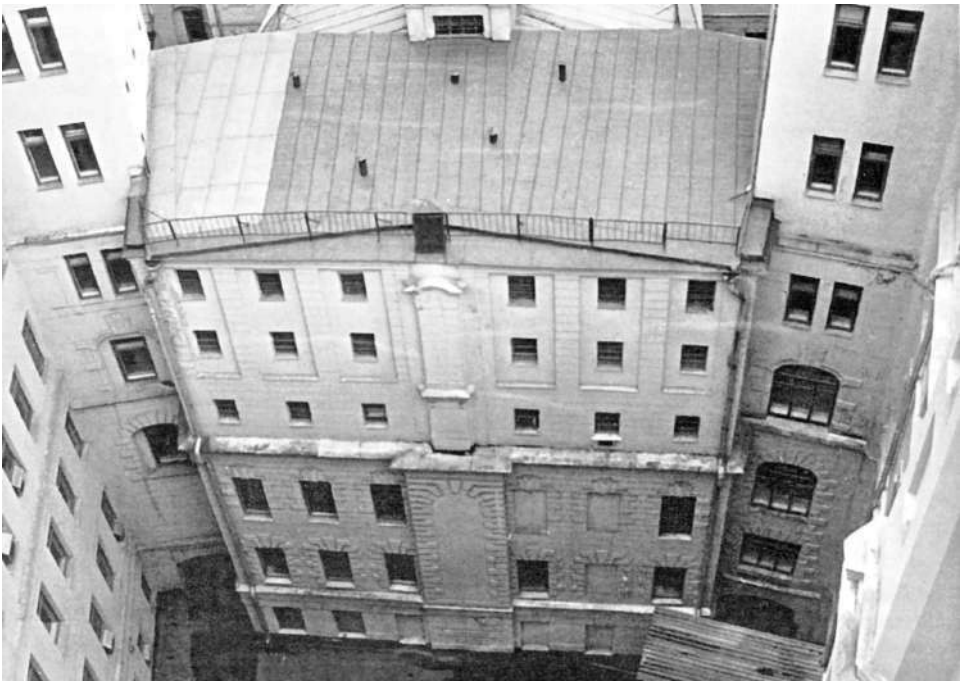
ГЛОТОВА

Сопроводительная служебная записка к заявлению М.Н. Баланиной на имя Ежова. Москва, 2 августа 1938 г.

Письмо Сталину послано заказным, но дошло ли оно, получил ли он его, прочел ли? На эти мучительные вопросы нет ответа, и 19 июля 1938 г. Мария Николаевна вдогонку за письмом шлет Сталину телеграмму. Она умоляет срочно провести расследование и спасти ее сына.

21 июля Мария Николаевна посылает наркому внутренних дел Н.И. Ежову телеграмму, а 23 июля опускает в ящик Приемной НКВД на Кузнецком мосту заявление на его имя с просьбой о скорейшем расследовании дела сына. Через две недели письмо Ежову поступило в 1-й Спецотдел НКВД.

2 июля 1938 г. отца перевели из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму НКВД. Она располагалась во внутреннем дворе дома № 2 на Лубянской площади, откуда и получила свое название. В прошлом два этажа здания представляли собой гостиницу страхового общества «Россия». Позднее были надстроены еще четыре этажа. На крыше тюрьмы имелся так называемый прогулочный двор, куда узников поднимали на грузовом лифте или вели мрачными лестничными маршами. В Инструкции по управлению Внутренней тюрьмой Управления делами Особого отдела ВЧК, утвержденной 29 марта 1920 г., отмечалось: «Внутренняя (секретная) тюрьма имеет своим назначением содержание под стражей наиболее важных контрреволюционеров и шпионов на то время, пока ведется по их делам следствие, или тогда, когда в силу известных причин необходимо арестованного совершенно отрезать от внешнего мира, скрыть его местопребывание, абсолютно лишить его возможности каким-либо путем сноситься с волей, бежать и т.п.». Подследственным не разрешались переписка с родственниками, чтение свежих газет и журналов, пользование письменными принадлежностями. В тюрьме было 118 камер на 350 мест, из них 94 одиночных (на 1^4 человека) и 24 общих (на 6-8 человек). Стены между камерами имели воздушные полости, поэтому узники не могли перестукиваться друг с другом, используя «тюремный телеграф». Они не могли также определить расположение своего застенка, поскольку номера камерам присваивались не по порядку, а вразнобой. Таким образом, пребывание во Внутренней тюрьме обеспечивало полную изоляцию заключенного. Вот в такую тюрьму и был переведен отец под порядковым номером 1442. 10 июля ему объявили «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения». В нем оперуполномоченный Быков «изобличал» отца в том, что тот «является активным участником антисоветской троцкистской вредительской организации, проводившей подрывную деятельность в НИИ № 3». Мерой пресечения было избрано содержание под стражей в Бутырской тюрьме, куда отца вновь перевели 8 августа 1938 г. Но до этого, 20 июля, в деле появился еще один документ - акт, характеризующий работу С.П. Королева и В.П. Глушко в НИИ-3 в течение пяти лет. Он был подписан инженерами А.Г. Костиковым, Л.С. Душкиным, М.П. Каляновой и А.Н. Дедовым и представлял собой по существу обвинительное заключение. Читая его, я не переставала удивляться, как могли коллеги после совместной многолетней работы буквально добивать своих товарищей, зная, что им грозит после ареста. Конечно, подписавшие акт были несвободны в своих, скорее всего навязанных органами НКВД действиях, но все же... Как можно было написать, что многолетняя работа В.П. Глушко и моего отца, «рекламировавшаяся в течение ряда лет как успешная, оказалась совершенно неудовлетворительной и непригодной для решения задач, поставленных перед НИИ-3 в области освоения и применения жидкостных ракетных двигателей и ракетных летательных аппаратов»?! В этом же акте приведены материалы, характеризующие действия - вначале В.П. Глушко, а затем С.П. Королева. Эти материалы про-



Внутренняя тюрьма НКВД «Лубянка» в Москве. Фотография 1980-х годов

Коридор Внутренней тюрьмы НКВД. Фотография 1980-х годов

„УТВЕРЖДАЮ"
Июня 1938 г.

12

Постановление
об избрании меры пресечения и пред'явления обвинения

Город Москва 1938 г. Июня 10 дня
я, Ст. Уполномоченный Быков отд-ния 3 отделения отдела
(должность и фамилия)
Главного Управления НКВД.
рассмотрев следственный материал по делу № 19208 и приняв во внимание,
что гр. Королев Сергей Павлович, 1906 г. рожд.
уч. г. Житомир, б. Инженер Водо-мо. Земледельческого Института № 3
достаточно изобличается в том, что
является активным участником
контрреволюционной троцкистской
организации, проводившей подрывную деятельность в РКИ-ме.

ПОСТАНОВИЛ:
гр. Королева С. П. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст.
58 п. 7, 11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда
избрать содержание под стражей в Бутырской тюрьме

Уполномоченный

„СОГЛАСЕН" Нач. 3 Отд-ния Главного Управления

Настоящее постановление мне об'явлено 10 Июня 1938 г.
Подпись обвиняемого

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения С.П. Королеву. 10 июля 1938 г.

сто уничтожающие: «Методика работы КОРОЛЕВА была поставлена так, чтобы сорвать выполнение столь серьезных заказов путем создания определенных трудностей, запутывания существа дела ведением кустарного метода работы и непроизводительным расходованием средств». Все перечисленные факты сводились к одному выводу: умышленное вредительство. Разумеется, этот акт давал в руки следователям как бы «дополнительные доказательства» вины отца, хотя им, убежденным в его виновности еще до ареста, это вряд ли было необходимо - ведь сколько заключенных (И.Т. Клейменов, Г.Э. Лангемак и множество других) они отправляли на гибель без всяких подобных «актов». Кстати сказать, в ту счастливую и вместе с тем ужасную ночь своего первого приезда из Казани в Москву, отец, рассказывая близким о злоключениях

КМ. Винцентини на даче. Барвиха, июль 1938 г. Фотография Ю.М. Винцентини

Наташа Королева. 2 августа 1938 г.

последних лет, вспоминал, как ему дали прочесть выдержки из этого акта и как он был потрясен искажением фактов и явной ложью.

А наша жизнь продолжалась. До конца лета я жила на даче с Марией Николаевной, Григорием Михайловичем и Лизой и, конечно, ничего не знала о катастрофе, случившейся в нашей семье. Мне говорили, что мой папа - летчик, у него важная работа и он уехал в командировку. Эти же слова я повторяла детям, с которыми играла. Мама старалась в выходные дни хоть на несколько часов приезжать на дачу, чтобы побыть со мной. В то время это было непросто, так как поезда на паровозной тяге ходили медленно и с большими интервалами. Обычно по выходным пассажиров бывало очень много, приходилось стоять, но мама, хронически недосыпавшая, умудрялась спать даже стоя и только просила ее вовремя разбудить, чтобы не проехать свою остановку. Вечером она всегда возвращалась в Москву.

В первое время после ареста мужа мама боялась, что ее тоже арестуют и, если это случится при мне, она не переживет. Постоянно носила в портфеле на всякий случай две смены белья. В летние месяцы 1938 г., когда она не дежурила и ночевала дома, к ней каждый вечер поднимался Ю.А. Победоносцев, живший в том же подъезде на первом этаже, и оставался в квартире до часа ночи, чтобы ей не было так страшно одной. Позже этого времени обычно не арестовывали, и он уходил к себе. Там, в коридоре под зеркалом, у него на всякий случай тоже стоял чемоданчик. В нем весьма наивно были сложены полотенце, носовые платки, носки, подушечка и другая первоочередная мелочь - на случай возможного ареста, исключить который тогда никто не мог.

Зная, что у мамы почти ничего нет, Юрий Александрович, приходя к ней, всегда приносил с собой печенье или другое лакомство. В то время это было самым дорогим для нее угощением, а главное, она чувствовала дружескую поддержку и с благодарностью принимала ее. В этой поддержке мама тогда очень нуждалась, потому что положение ее, как жены арестованного, оставалось незавидным. Люди, которые еще недавно стремились с ней встретиться, пожать руку, улыбнуться, поговорить, теперь стали ее избегать, переходили на другую сторону улицы, делая вид, что не заметили, - ведь она была женой «врага народа», а в то время не только дружба, но даже простое общение с родственниками репрессированных было чревато опасными последствиями. Да и на работе многие стали сторониться ее, боясь проявить участие, а некоторые даже отказывались под тем или иным предлогом ассистировать ей на операциях. В доме от нее все шарахались и старались быстрее пройти мимо. Вначале маме было очень горько, обидно, но потом она решила, что все это нужно пережить. Не давала покоя еще одна боль, которую мама перенесла, по ее словам, благодаря советам одного из своих учителей, крупного хирурга Т.П. Ларина. Дело в том, что нашлись «друзья», которые не верили, что она, такая молодая и красивая, оставшись без мужа, живет одна. Мама очень переживала, пока Георгий Петрович не убедил ее успокоиться и перестать реагировать, после чего эти разговоры прекратились сами собой. Несмотря на все неприятности, никто никогда не видел ее слез, никто не знал, что ей живется плохо и в любое время может стать еще хуже. Она собрала в кулак всю волю, все душевные силы и мужественно переносила удары судьбы.

Еще одним таким ударом был неожиданный визит А.Г. Костикова, который пришел к нам домой вскоре после ареста отца и предложил поменяться с ним жилой площадью. Он тогда жил на Петровке в бывшем «митрополичьем» доме, где отцу ранее предлагали комнату в огромной коммунальной квар-

тире. Мама очень удивилась такому предложению - ведь у нас осталась лишь одна маленькая комната, а другая была опечатана. Но Костиков заявил, что это его не смущает, что он сумеет добиться снятия печати НКВД, а ей нечего рассчитывать на возвращение мужа. Он пробыл около двадцати минут, держался вначале вежливо, затем дерзко и вызывающе, но мама ответила категорическим отказом. Сразу после его ухода она позвонила свекрови. Когда Мария Николаевна приехала, мама была очень расстроена. Бабушка, как могла, утешала и ободряла ее, уверяя, что отец обязательно вернется, а из квартиры ее никто не выселит.

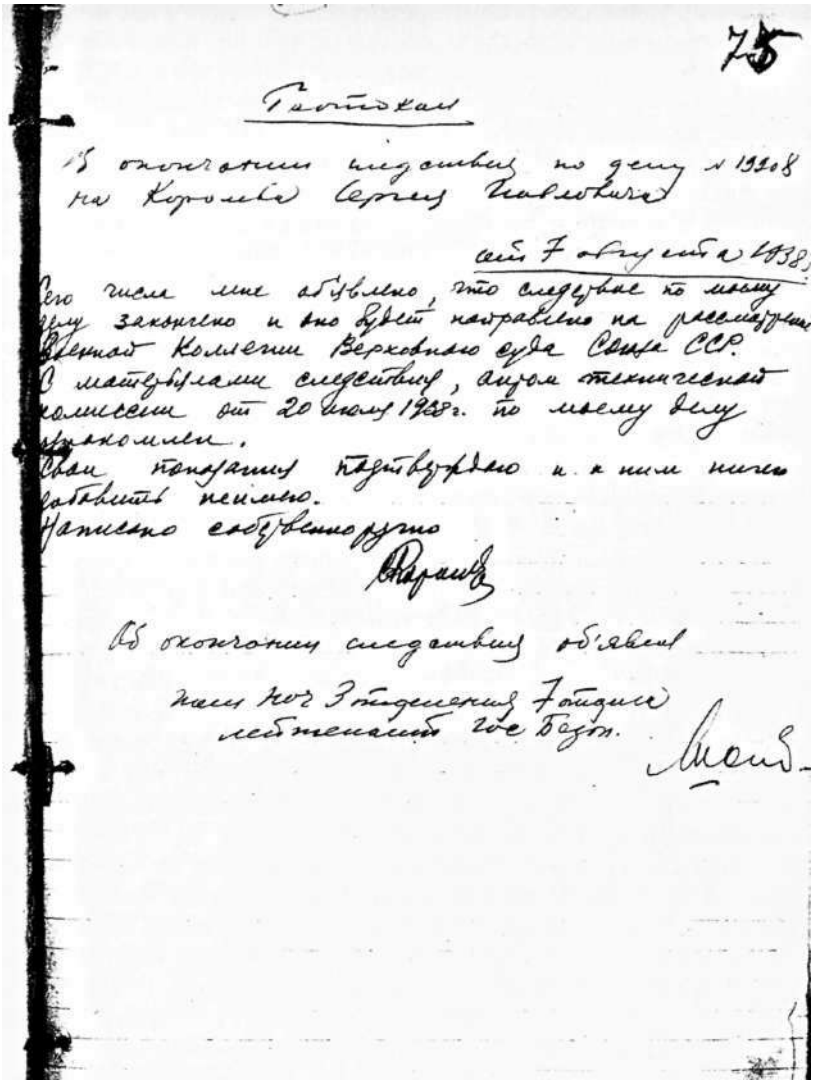
На другой день Мария Николаевна специально поехала на Петровку, чтобы понять причину прихода А.Г. Костикова и его странного предложения. Оказалось, что хотя его комната превосходила по размерам нашу, но в том доме была коридорная система и он, видимо, искал пути переезда в отдельную квартиру.

Вскоре после ареста отца мама позвонила В.Н. Топору, который давал ему рекомендацию в сочувствующие партии, чтобы сообщить о случившемся. Встреча состоялась в сквере у Тишинского рынка, так как встречаться у него, а тем более у себя дома, мама считала опасным. Валентин Николаевич, узнав о нашей беде, взволновался, старался подбодрить маму и просил о нем самом не беспокоиться. Он сказал, что не верит обвинениям и убежден, что Сергей ни в чем не виноват. В дальнейшем его неоднократно «обсуждали» на партбюро и партсобраниях, требовали, чтобы он покаялся в даче рекомендации «врагу народа». Его понизили в должности и вынесли выговор с занесением в учетную карточку. По истечении пятилетнего срока выговор был снят автоматически, и в последующем Валентин Николаевич даже гордился им. Он навсегда остался другом нашей семьи, любил меня как дочь (у него было два сына), ежегодно доставал мне билеты на Елку в Колонный зал Дома Союзов и старался помочь нашей семье всем, чем только мог.

После ареста отца мама получила разрешение передавать ему деньги - 50 рублей один раз в месяц или два раза по 25. Она предпочитала делать это именно дважды, чтобы таким образом узнавать, не отправлен ли он из Москвы. В те трудные дни и без того нелегкой жизни необходимо было не позднее семи часов утра приехать к Бутырской тюрьме, где обычно уже собиралась толпа - в основном женщины. Внутрь запускали всех сразу. Обстановка ожидания - угнетающая. Люди молчали. Когда-то у стен небольшого помещения стояли скамейки, потом администрация тюрьмы, по-видимому, решила, что это слишком большая роскошь для родственников «врагов народа», и скамейки убрали. Теперь приходилось стоять, переминаясь с ноги на ногу или опираясь о стену.

Вызывали по алфавиту. На букву «К» было очень много заключенных, в том числе и Королевых. Когда наконец подходила очередь мамы, она предъявляла свой паспорт и свидетельство о браке (так как носила другую фамилию), после чего сдавала деньги. Иногда на это уходил весь день и она, вконец измученная, выходила на улицу поздно вечером. Но ее поддерживала мысль: раз деньги взяли, значит, муж жив и он в Москве. Родные боялись, что маму могут не выпустить обратно, и у выхода из тюрьмы ее всегда ждали Максимилиан Николаевич и Софья Федоровна или Мария Николаевна. Если бы, не дай бог, она не вышла оттуда, Софья Федоровна должна была немедленно удочерить меня. Все бумаги для этого подготовили заранее.

Тем временем следствие по делу отца подходило к концу. 4 августа его вызвали на очередной допрос, во время которого следователи Шестаков и Быков



75

Протокол

Об окончании следствия по делу № 19308
на Королева Сергея Павловича

сей 7 августа 1938 г.

Сего числа мне объявлено, что следствие по моему делу закончено и оно будет направлено на рассмотрение Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР.
С материалами следствия, акром технической комиссии от 20 июля 1938 г. по моему делу ознакомлен.
Свои показания подтверждаю и к ним ничего добавить не имею.
Записано собственноручно

Королев

Об окончании следствия объявил
нач. нач. 3 отделения 7 отдела
лейтенант гос. безп.

Мош

Протокол об окончании следствия по делу С.П. Королева. Москва, 7 августа 1938 г.

предъявили ему все те же обвинения в принадлежности к антисоветской троцкистской вредительской организации, которая якобы ставила «своей целью сорвать вооружение Красной Армии новыми образцами вооружения и тем самым подготовить ее поражение в случае войны». Отец подписал машинописный текст протокола допроса с этими абсурдными обвинениями, так как понимал, что спорить и доказывать обратное равносильно тому, что биться головой о стену.

7 августа 1938 г. отцу объявили, что следствие по его делу закончено и дело будет направлено на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Именно там он собирался рассказать правду, привести неоспоримые доказательства своей невиновности, наивно полагая, что будет внимательно выслушан, понят и, конечно, освобожден.

Акт 79

на уничтожение материалов обыска арестованного Королева С.П. след. дело № 19906

7го августа 1938 года. г. Москва.

Мы, нач. 3 отд. 7го отдела 1го Управления Н.К.В.Д. сер. Лейтенант Гос. Безоп. Шестаков и оперуполномоченный этого же отдела Сержант Гос. Безоп. Быков рассмотрев материалы обыска изъятые у Королева С.П. при его аресте

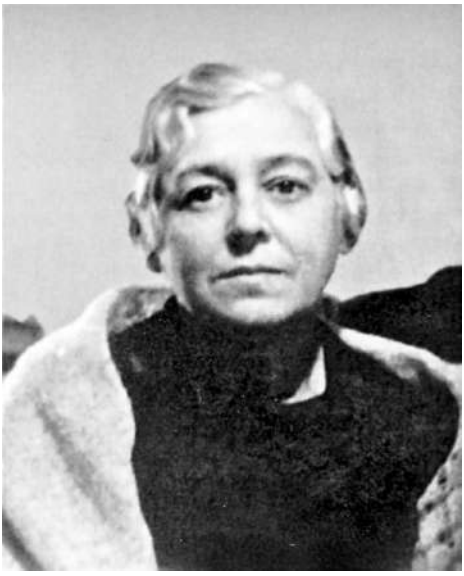
нашли:

что материалы обыска арестованного Королева С.П. вещественными доказательствами и материалами следствия не являются, а также не имеют никакой ценности, а поэтому, указанные материалы обыска, согласно ст 69 п. 3. УПК РСФСР — уничтожить.

Нач. 3 отд. 7го отдела 1го Упр. НКВД сер. Лейтенант Гос. Безоп. (Шестаков)

Оперуполном. 3 отд. 7го отдела 1го Упр. НКВД сер. Сержант Гос. Безоп. (Быков)

Акт об уничтожении материалов обыска, изъятых у СП. Королева при его аресте. Москва, 7 августа 1938 г.



М.Н. Баланина. Москва, конец 1938 г.

В тот же день сотрудники НКВД Шестаков и Быков составили акт об уничтожении материалов обыска, изъятых при аресте отца. Конечно, для НКВД пакет с инженерными расчетами отца, его записная книжка или альбомы с семейными фотографиями ценности не представляли, а ведь в них была его жизнь. Но вершителям судеб людей требовалось только одно: заставить арестованного «сознаться» в сочиненных ими «грехах».

25 августа 1938 г. Прокурор Союза ССР А.Я. Вышинский утвердил обвинительное заключение по делу отца, заканчивавшееся словами: «...Королев Сергей Павлович, 1906 г. рождения, урож. гор. Житомир, русский, гр-н СССР, беспартийный, по происхождению сын учителя, до ареста инженер научно-исследовательского института № 3 НКОП, обвиняется в том, что: являясь участником антисоветской троцкистской вредительской организации, с 1935 г. занимался срывом отработки и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п.п. 7, 11,8-17.

Вследствие изложенного, обвиняемый КОРОЛЕВ Сергей Павлович подлежит суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР с применением закона от 1 декабря 1934 г.». Упоминание «закона от 1 декабря 1934 г.», принятого сразу же после убийства СМ. Кирова, означало, в частности, что судебное заседание по делу отца будет закрытым и проведенным в ускоренном порядке, без участия защиты и свидетелей.

Вскоре после ареста сына Мария Николаевна узнала, что в Верховном суде есть приемная, где принимает следователь, а родственники заключенных ходят туда и подают заявления с просьбой о пересмотре дел. Она тоже включилась в это изнурительное хождение. В течение двух летних месяцев она как на работу уезжала с дачи, чтобы попасть к следователю. Перед его кабинетом находилась довольно большая комната, в которой скапливалось много людей, в подавляющем большинстве женщин. Каждая несла сюда свое горе - у одной арестован муж, у другой сын, у третьей отец или брат. Все приходили с надеждой получить хоть какую-то информацию о своих близких. Каждой двигала наивная вера в торжество справедливости, каждая добивалась приема. За долгие часы ожиданий Мария Николаевна наслушалась от этих несчастных таких страшных рассказов, что помнила их всю жизнь. Особенно запомнились ей исповеди двух женщин. У одной был арестован муж - ответственный партийный работник. Когда она сообщила об этом двум его братьям и отцу, то один из братьев привез ей пятьсот рублей, сказав, что кроме денег ничем помочь не может, другой объявил, что никакого участия в судьбе брата принимать не будет, так как это опасно для его собственной семьи. Отец же заявил, что раз сын арестован, то он отрекается от него, потому что враг народа ему не сын. Другая женщина рассказала, что ее мужа, научного работника одного из

сибирских институтов, увозят куда-то на Север, и вот ему удалось оторвать от рубашки и каким-то образом передать ей ленточку, на которой он кровью написал: «Скажи сыну, что я погиб, но невиновен». И она показала Марии Николаевне эти кровавые каракули.

Люди испытывали потребность поделиться своей бедой с такими же горемыками, которые сами переживали подобное и могли их понять. Говорили всегда шепотом и обычно с теми, внешность которых располагала к доверию. А на остальных поглядывали с опаской, не исключая, что среди них могут находиться агенты НКВД.

Наконец подошла очередь Марии Николаевны. На все вопросы следователь отвечал, что своевременно будет суд, что дело будет рассмотрено, и если ее сын не виноват, то он вернется. Следователь говорил спокойно, вежливо, с любезной улыбкой. По-видимому, он отвечал такими стереотипными фразами и всем другим просителям, сидевшим в приемной сутками. Но иных способов узнать что-либо о своих близких и их судьбе не существовало, и люди тратили силы и время ради этой короткой, совершенно бесполезной, но так необходимой им встречи.

Здесь же, в ожидании приема у следователя, Мария Николаевна услышала о знаменитом юристе, пожилом человеке, который если берется за дело, то обязательно за трудное, и очень часто добивается успеха. Она узнала адрес и пришла к нему на прием в маленькую юридическую консультацию, битком набитую людьми. Дожидаясь своей очереди, она рассматривала собравшихся и обратила внимание на высокую, одетую во все черное пожилую женщину. Она сидела, сложив руки, закрыв глаза и покачивая вправо - влево головой. И такая безысходная тоска была во всем ее облике, что кто-то не выдержал и участливо спросил, почему она здесь, кто у нее арестован. Не меняя позы, она ответила, что осуждены три ее сына - горные инженеры, работавшие на Алтае. Потом, выйдя от юриста, она сказала, что тот обещал помочь. А Марии Николаевне он отказал.

В последних числах августа мы с Лизой вернулись в Москву, так как на даче, где не было отопления, стало холодно. Весной, до отъезда на дачу, я всегда играла во дворе с соседским мальчиком, сыном В.И. Дудакова - начальника группы, в которой отец работал последние месяцы перед арестом. И вдруг теперь, при первой же нашей встрече, он заявил, что его мама не разрешает со мной «водиться», потому что мой папа арестован. Мне было всего три года, ему - четыре и мы оба, конечно, не понимали смысла запрета, но мою маму это очень взволновало. Во избежание повторения подобных инцидентов, она попросила Лизу и бабушку Софью Федоровну гулять со мной не во дворе, а в расположенном неподалеку зоопарке.

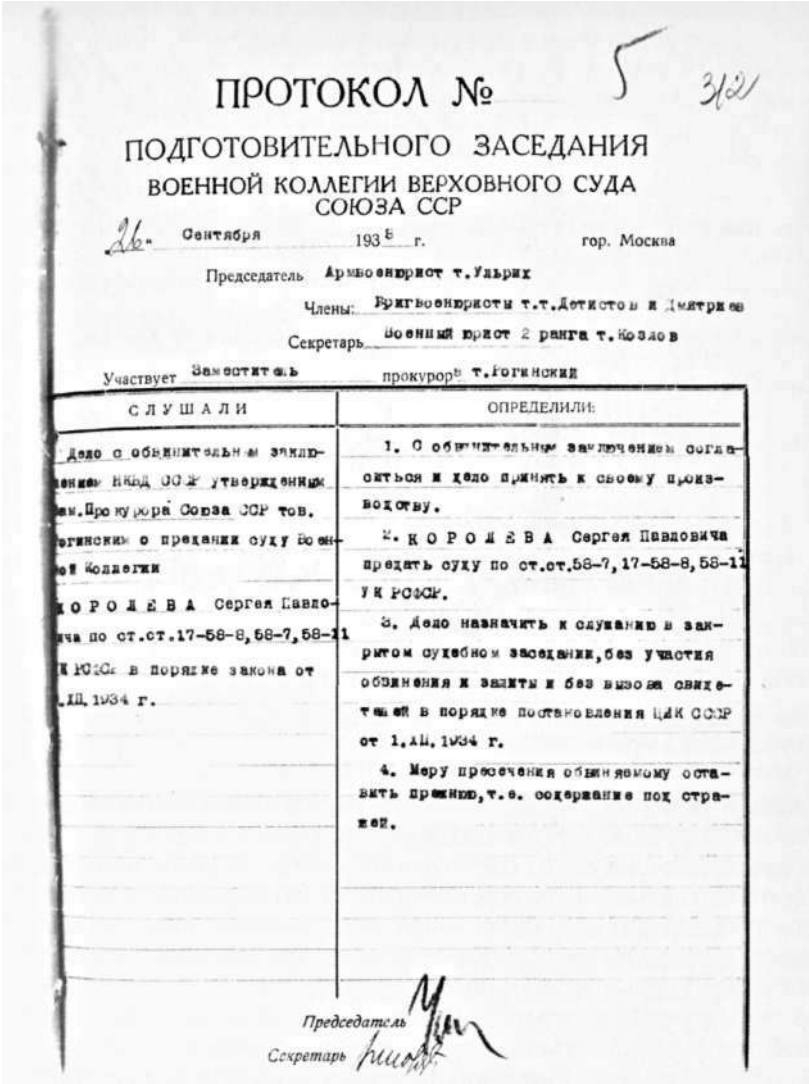
Вскоре мама получила извещение, что 26 сентября предстоит конфискация нашего имущества. Вопреки логике она состоялась не после суда, который вынес это постановление, а за день до него. Другими словами, весь сценарий был подготовлен еще тогда, когда принималось решение об аресте отца.

В тот день мама взяла отгул, вызвала своих родителей и Марию Николаевну, а меня с Лизой отправила на Октябрьскую, чтобы я не присутствовала при этой тягостной церемонии. К тому времени большая комната, в которой мы жили, уже была переведена на имя мамы, так что конфискации подлежало только то, что находилось в меньшей комнате. Два пришедших сотрудника НКВД - Альтшуллер и Стрелец - сняли печать с двери, ведущей в кабинет отца из коридора. Но она оказалась такой узкой, что выносить через нее мебель было невозможно. Тогда они распечатали вторую дверь - между ком-

М.Н. Баланина и Наташа Королева. Москва, 1938 г.
Фотография ЮМ. Винцентини

натами - и приступили к выполнению задания. Это оказалось непростым делом, так как лифта в доме не было и им приходилось на руках нести по лестнице тяжелые вещи с шестого этажа на первый, а потом снова подниматься наверх. Маму, двух моих бабушек и дедушку посадили в другой комнате. Там же сидел и понятой - дворник К.Г. Юсупов. Его вся эта процедура явно тяготила, и когда Мария Николаевна робко попросила разрешения взять несколько книг на память, он сказал, чтобы они делали все что хотят и брали что угодно - он ничего не видит и не слышит, и вообще это первый и последний раз в его жизни, когда он согласился выступать в такой роли. После этого мама, обе бабушки и дедушка дружно принялись за работу. Пока сотрудники НКВД, ругаясь и пыхтя, стаскивали вниз мебель, мама снимала с полок наиболее важные с ее точки зрения книги, которые, как она считала и верила, могут когда-нибудь пригодиться моему отцу. Мария Николаевна и Софья Федоровна переносили их - одна в ванную комнату под ванну, другая - в кухню под матрац раскладушки, на которой спала Лиза. А Максимилиан Николаевич засовывал книги под матрац моей детской кровати. Благодаря этому несколько десятков книг отца удалось сохранить. Таким же образом был сохранен и чернильный прибор, стоявший на его письменном столе. Конечно, сотрудники НКВД не могли всего этого не видеть и прекрасно все понимали, но они ни на что не обращали внимания, скорее всего даже радовались, что им останется меньше работы.

Вначале они вынесли зеленый диван с валиками и огромными подушками, затем письменный стол, кресло и стулья. Наконец дошла очередь до пианино. Не имея специальных ремней и какого-либо опыта в этом деле, они волочили его по ступеням лестницы, пока между третьим и четвертым этажами не раздался «взрыв» - лопнула дека. Оставшиеся книги и журналы, альбом с фотографиями и пачку фотокарточек, а также серебряный портсигар с дарствен-



ПРОТОКОЛ № 5 312

ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР

26 Сентября 1938 г. гор. Москва

Председатель Армвоенюрист т. Ульрих

Члены: Бригвоенюристы т.т. Детистов и Дмитриев

Секретарь Военный юрист 2 ранга т. Козлов

Участвует Заместитель прокурора т. Рогинский

СЛУШАЛИ	ОПРЕДЕЛИЛИ:
Дело с обвинительным заключением НКВД СССР утвержденным зам. Прокурора Союза ССР тов. Рогинским о предании суду Военной Коллегии КОРОЛЕВА Сергея Павловича по ст.ст.17-58-8, 58-7, 58-11 УК РСФСР в порядке закона от 1.XII.1934 г.	1. С обвинительным заключением согласиться и дело принять к своему производству. 2. КОРОЛЕВА Сергея Павловича предать суду по ст.ст.58-7, 17-58-8, 58-11 УК РСФСР. 3. Дело назначить к слушанию в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей в порядке постановления ЦИК СССР от 1.XII.1934 г. 4. Меру пресечения обвиняемому оставить прежнюю, т.е. содержание под стражей.

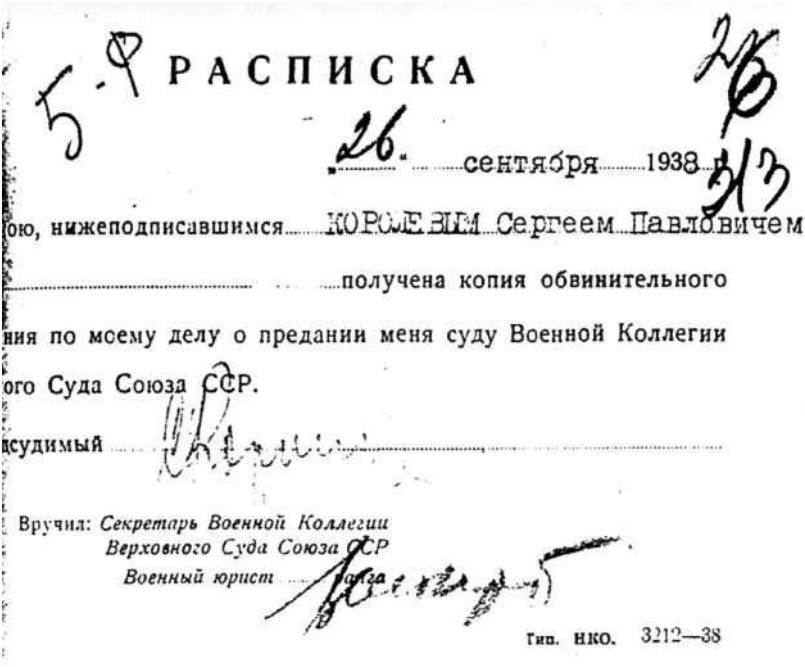
Председатель

Секретарь

Протокол подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР. Москва, 26 сентября 1938 г.

ной надписью, врученный отцу при организации РНИИ, они положили в мешок, после чего оторвали от стены прибитый к ней книжный стеллаж. Среди конфискованных книг оказались «Техника ракетного полета» (1936 г.) Эйгена Зенгера, «Проектирование воздушных сообщений» (1937 г.) Н.А. Рынина, «Полет птиц и машин с машущими крыльями» (1937 г.) М.К. Тихонравова, «Введение в космонавтику» (1937 г.) А.А. Штернфельда, несколько книг К.Э. Циолковского и др.

По завершении «операции» обе двери кабинета отца были вновь опечатаны и составлен акт с описью конфискованного имущества, которое перевозилось на склад административно-хозяйственного Управления НКВД в усадьбе Покровское-Глебово на Волоколамском шоссе.



РАСПИСКА

26 сентября 1938 г.

ою, нижеподписавшимся КОРОЛЕВЫМ Сергеем Павловичем

получена копия обвинительного

ния по моему делу о предании меня суду Военной Коллегии

ого Суда Союза ССР.

судимый

Вручил: *Секретарь Военной Коллегии*
Верховного Суда Союза ССР
Военный юрист ранга

Тип. НКО. 3212—38

Расписка СП. Королева в полунении копии обвинительного заключения. Бутырская тюрьма, 26 сентября 1938 г.

27 января 1939 г. оценочная комиссия определила стоимость нашей мебели всего в 430 рублей (кроме пианино, оцененного в 5000 рублей). Затем мебель сдали, как следует из составленного тогда же акта, на склад реализации. Все попытки мамы, подкрепленные удостоверением Одесского музыкального техникума и справками свидетелей, вернуть принадлежащее лично ей пианино, результата не дали. К счастью, именной портсигар отца сохранился и был возвращен маме 19 октября 1940 г.

А 6 октября 1938 г. у нас на Конюшковской появились соседи - семья молодого милиционера Ивана Прокофьевича Панишева, который только что женился на совсем юной, очень симпатичной девушке Августе. Оба они были сотрудниками НКВД. Отношения с этой семьей у нас с самого начала сложились теплые и дружеские. Вскоре у них родились один за другим два сына и им, конечно, стало очень тесно в маленькой комнате. Но Августа так полюбила мою маму, что отказывалась переезжать куда-нибудь без нее. Лишь через много лет, в 1952 г., удалось поменять квартиру на Конюшковской на две большие комнаты в огромной коммунальной квартире на Малой Бронной улице, и еще долгие годы мы оставались близкими соседями.

26 сентября 1938 г. под председательством В.В. Ульриха состоялось подготовительное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором слушался вопрос о предании СП. Королева суду. После заседания с отца взяли расписку в том, что им получена копия обвинительного заключения.

На следующий день, 27 сентября, в том же составе состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Как следует из

протокола заседания, на вопрос председательствующего, признает ли Королев себя виновным, «подсудимый ответил, что виновным он себя не признает и данные им показания на предварительном следствии он отрицает». Далее отец добавил, что «участником контрреволюционной организации он никогда не был и, конечно, он не знал никаких участников организации». В конце протокола отмечено: «В последнем слове подсудимый просит учесть его молодость, его преданность Правительству и Партии и просит дать ему возможность плодотворно работать в области авиации».

Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательствующий огласил приговор:

«...Признавая Королева виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-7, 17, 58-8 и 58-11 УК РСФСР, и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верхсуда СССР

Приговорила:

Королева Сергея Павловича к тюремному заключению на десять лет с поражением в политических правах на пять лет и с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества».

Можно представить, что пережил отец, услышав такой приговор! Долгих три месяца он с нетерпением ждал суда, готовился к нему, оттачивая аргументацию, надеясь наконец-то сказать там всю правду. Он был убежден, что следователи Быков и Шестаков ничего не понимают, это просто пешки, выполняющие чей-то нелепый приказ. На суде все должно быть иначе, члены суда наверняка серьезные люди. Он ни в чем не виноват, и это очень легко установить - ведь никаких доказательств его вины просто не существует. Он может все объяснить. Но... его объяснения, оказывается, никого не интересовали. Все шло по заранее намеченному плану. Зачем судьям тратить время на никчемные разбирательства? У них и без того много работы. Подобных дел - тысячи. Что же касается судьбы одного, отдельно взятого человека, то разве стоит об этом задумываться? Главное - всеобщая борьба с «терроризмом и вредительством». И вот он, этот отдельно взятый человек, мой отец, стоит, слушая убийственные слова, перечеркивающие всю его жизнь. У него без всяких на то причин отнимают любимую работу. Он уверен, что может принести много пользы своей стране, что работа, от которой он теперь оторван, чрезвычайно важна для обороны, а из-за ареста его и В.П. Глушко она фактически остановилась. Его обрекают на бесправное тюремное существование, и он бессилен что-либо изменить. Вместо освобождения его возвращают в Бутырскую тюрьму. Он удручен, подавлен, но все же не сломлен. Десять лет - это не расстрел. Еще не все потеряно.

Однажды в начале октября у мамы в Бутырской тюрьме не приняли денежную передачу, сказав, что ее мужа здесь больше нет. Где он - не объяснили, но она уже знала, что заключенных иногда переводят в другие тюрьмы и бросилась его искать. Однако ни в Матросской тишине, ни в Лефортовской или Таганской тюрьмах его не оказалось, и передачу не взяли нигде. Вечером Ю.А. Победоносцев сообщил, что по сведениям, просочившимся в институт, суд уже состоялся и отца должны отправить этапом из Москвы. Официальных сведений о суде и приговоре ни родственники, ни сотрудники не получили. По слухам, накануне отправки заключенных всегда переводили в пересыльную тюрьму в районе Красной Пресни, а затем сажали в вагоны на расположенной неподалеку товарной станции. И вот мама с

Приговор по делу СП. Королева. Москва, 27 сентября 1938 г.

Дело №

8

315

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Дивизионного юриста т. ULЬРИХ В.В.

Членов: Бригвоенюристов т.т. ДЕТИСТОВА и ДМИТРИЕВА

При секретаре Военном юристе 2 ранга т. ИОЗИНОВЕ

В закрытом судебном заседании, в городе Москве

„27" сентября 1938 года

, рассмотрела дело

обвинению КОРОЛЕВА Сергея Павловича, 1903 г.р., быв. инженера Научно-Исследовательского Института № 3 НКОП - в преступлениях, предусмотренных ст.ст.58-7,17- 9-8 и 8-11 УК РСФСР

Предварительным и судебным следствием установлено, что Королев являлся участником антисоветской террористической и контрреволюционно-вредительской троцкистской организации, действовавшей в научно-исследовательском институте № 3 НКОП, в группу он был вовлечен в 1935 г. Тухачевским.

По заданию этой организации Королев проводил вре-

дительство направленное на срыв отработки и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения.

Признавая Королева виновным в совершении преступлений предусмотренных ст.ст. 58-7, 17, 58-8 и 58-11 УК РСФСР и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военная Коллегия Верховного СССР

приговорила:

Королева Сергея Павловича к тюремному заключению на десять лет с поражением в политических правах на пять лет и с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Срок тюремного заключения исчислять с 27 июня 1938

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Члены

Тюрьма в Новочеркасске, где С.П. Королев находился с 10 октября 1938 г. до 1 июня 1939 г.

Марией Николаевной несколько вечеров подряд бегали по путям этой станции в надежде хоть на секунду увидеть моего отца. Так продолжалось до тех пор, пока какой-то сердобольный человек не подошел к ним с сочувствием: «Что вы здесь делаете? Надеетесь увидеть своих? Но это невозможно: день и час неизвестны, путь неизвестен. Подвезут их, бедолаг, к самому составу, поставят в два ряда, прикажут присесть на корточки, посчитают по головам, все ли на месте, а затем - команда «по вагонам», и повезут их в дальние края». Так мама с бабушкой и ушли ни с чем. Потом мама еще раз обошла все известные ей московские тюрьмы, но ни в одной из них отца не было. Стало ясно, что его увезли.

И действительно, 10 октября 1938 г. он уже оказался в общей камере № 70 Новочеркасской пересыльной тюрьмы. Что его ждет? Он безвинно осужден, это горько, обидно, оскорбительно, но нужно использовать любые возможности, чтобы выйти на свободу и продолжить дело создания ракетного самолета. Надо бороться - писать, просить, требовать. И отец продолжает борьбу. Он подает протест Верховному прокурору СССР, пишет наркому внутренних дел Ежову, 20 октября обращается с заявлением к председателю Верховного суда СССР, однако ответа не получает. 29 октября он вновь пишет заявление на имя Верховного прокурора СССР, в котором максимально сжато излагает суть вопроса и просит пересмотреть его дело.

«Верховному Прокурору СССР г. Москва

от заключенного Новочеркасской тюрьмы
Королева Сергея Павловича. 1906 г. рожд.

В порядке прокурорского надзора

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Вас в порядке прокурорского надзора пересмотреть мое дело, т.к. я осужден 27 сентября с.г. в г. Москве Военной Коллегией Верхсуда неправильно и в предъявленных мне обвинениях совершенно невиновен.

Я авиационный инженер и летчик, окончивший (МВТУ. - *Н.К.)* в 1930 г. С 1931 г. и до ареста работал в совершенно новой области авиационной техники - по ракетным самолетам. Эта область работы настолько нова, что до 1935 г. вообще никаких экспериментов не велось, были лишь изыскания и до сего дня нам не известны случаи осуществления даже в передовых странах за границей самолетов подобного типа.,

Мне же с моими товарищами по работе (инж. Глушко - ныне также арестован) за эти годы удалось провести многочисленные эксперименты и в конце 1937 г. осуществить впервые в технике небольшой ракетный самолет. В 1938 г. он был мною успешно испытан на земле с хорошими результатами. Этот самолет, все отчеты об испытаниях и проч. находятся и сейчас в НИИ № 3 НКОП в г. Москве, где я работал до своего ареста. Но ряд лет группа лиц из НИИ № 3 во главе с ныне техдиректором Костиковым упорно травила меня и мои работы, которые имеют совершенно исключительное оборонное значение. Всеми способами они старались меня убрать из НИИ № 3, прибегая к самым гнусным приемам, о которых я писать здесь не буду из-за недостатка места.

Они же (Костиков) ввели в заблуждение НКВД, и 27 июня с.г. меня арестовали, причислив к группе ранее арестованных в Ин-те лиц. Мне предъявили обвинение во вредительстве и участии в антисоветской организации. Я заявлял и заявляю, что никогда вредительством не занимался и ни в какой организации не состоял и ничего подобного и не подозревал. Несмотря на то, что я был арестован в момент достижения успеха в своей многолетней работе, следователи VII отдела Шестаков и Быков избиениями и издевательствами заставили меня подписать ложные показания на себя. Я 3 раза писал об этом Вам протест, то же Н.И. Ежову, но Суд, не разбирая дела по существу, осудил меня на 10 лет тюрьмы.

В результате: я осужден невинным, причем обвинен в преступлении по делу, которое является целью моей жизни и мною создано, как реализация идей нашего ученого К.Э. Циолковского. Я оторван от дела в период его успешного развития и работа стоит, т.к. арестован и Глушко. Этим нанесен ущерб СССР, т.к. указанные работы чрезвычайно важны и нужны. Прошу Вас пересмотреть мое дело, причем все расчеты и сведения могут быть мною доказаны.

1938 г. 29 октября С. Королев».

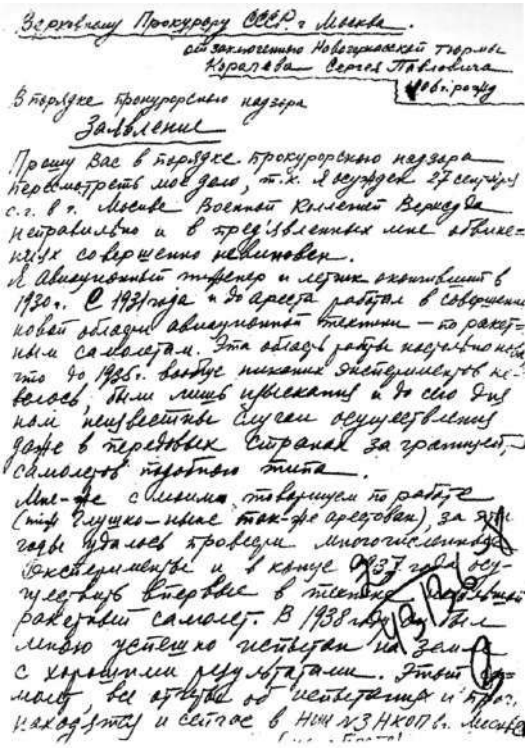
Ответа снова нет, а время безвозвратно уходит. Нельзя опускать руки, надо действовать. 10 ноября 1938 г. отец повторно обращается к председателю Верховного суда СССР.

«г. Москва. Председателю Верховного Суда СССР

От заключенного Новочеркасской тюрьмы НКВД
Королева Сергея Павловича, 1906 г. рожд.

ЗАЯВЛЕНИЕ

20 октября с.г. я обратился к Вам с заявлением с просьбой в порядке судебного надзора пересмотреть мое дело, т.к. 27 сентября с.г. я был осужден в г. Москве Военной Коллегией на 10 лет тюремного заключения неправильно, и в предъявляемых мне обвинениях ст. 58 п 7,11 и 8/17 я совершенно не виновен. В упомянутом заявлении я уже заявлял, что никакой вредительской деятельностью я никогда не занимался, ни в какой антисоветской вредительской организации я никогда не состоял и ни о чем подобном не знал. Там же я кратко излагал обстоятельства, при которых следователи VII отдела НКВД Шестаков и Быков путем избиений меня и издевательств заставили меня написать на себя вымышлен-



Верховному Прокурору СССР. г. Москва.

от заключенного Новочеркасской тюрьмы
Королева Сергея Павловича

В порядке прокурорского надзора

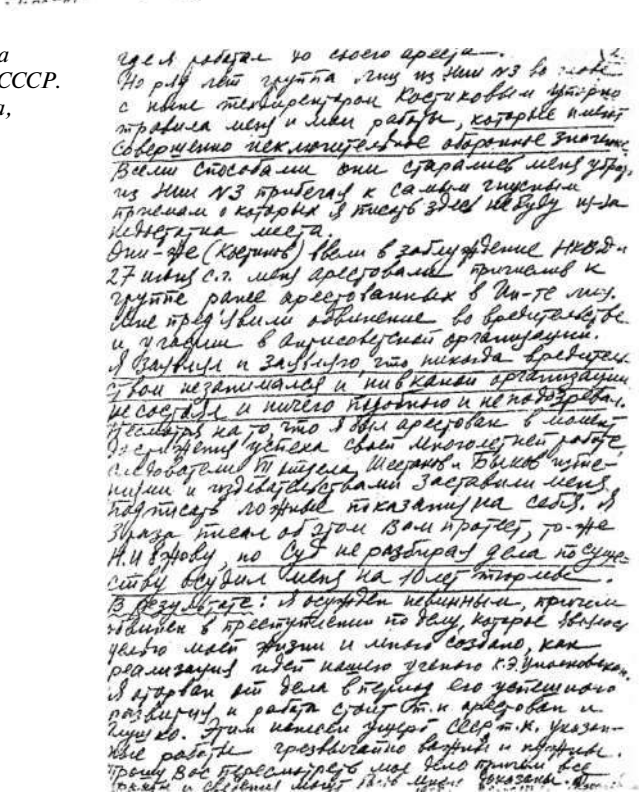
Заявление

Прошу Вас в порядке прокурорского надзора пересмотреть мое дело, т.к. я осужден 27 сентября с.г. в г. Москве Военной Коллегией Верхсуда неправильно и в предъявленных мне обвинениях совершенно невиновен.

Я авиаконструктор и летчик окончил в 1930 г. С 1931 года и до ареста работал в совершенно новой области авиаконструкций — по ракетным самолетам. Эта область работы научно-технического до 1935 г. вообще никаких экспериментов не велось, были лишь привлекаты и до сего дня нам неизвестны случаи осуществления даже в передовых странах за границей самолетов подобного типа.

Мы же с моим товарищем по работе (тоже глухо-немые) так же арестован, за годы удалось провести многочисленные эксперименты и в конце 1937 года осуществить впервые в технике ракетный самолет. В 1938 году был мною успешно испытан на земле с хорошими результатами. Этот самолет, все чертежи об испытаниях и проект находятся и сейчас в НИИ №3 НКОП г. Москвы

Заявление СП. Королева Верховному прокурору СССР. Новочеркасская тюрьма, 29 октября 1938 г.



где я работал до своего ареста.

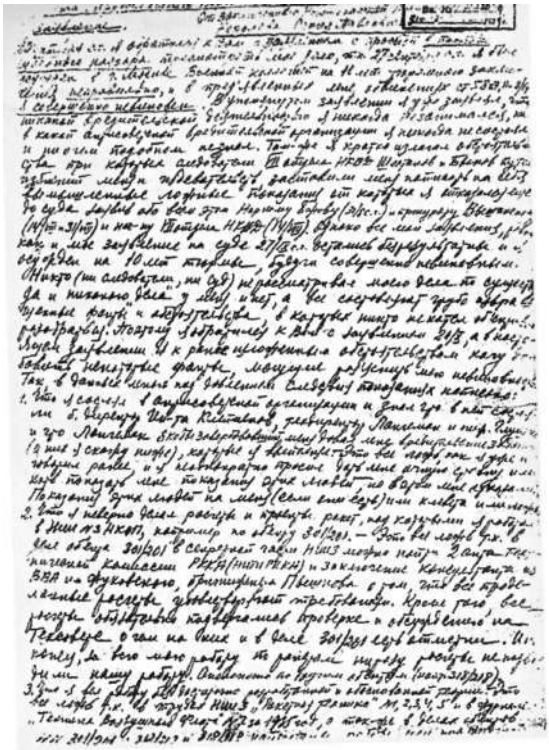
Но для этой группы лиц из НИИ №3 во главе с инженер-техником Костиковым и другими травили меня и мои работы, которые имеют совершенно исключительное оборонное значение. Всеми способами они старались меня убрать, из НИИ №3 прибегая к самым гнусным приемам в каких я тысяч здесь неизвестна из-за конспирации места.

Они же (Костиков) были в заговорщическом НКВД и 27 июня с.г. меня арестовали, приписав к группе ранее арестованных в Ин-те мы. Мне предъявили обвинение во вредительстве и угодили в Бутырскую организацию.

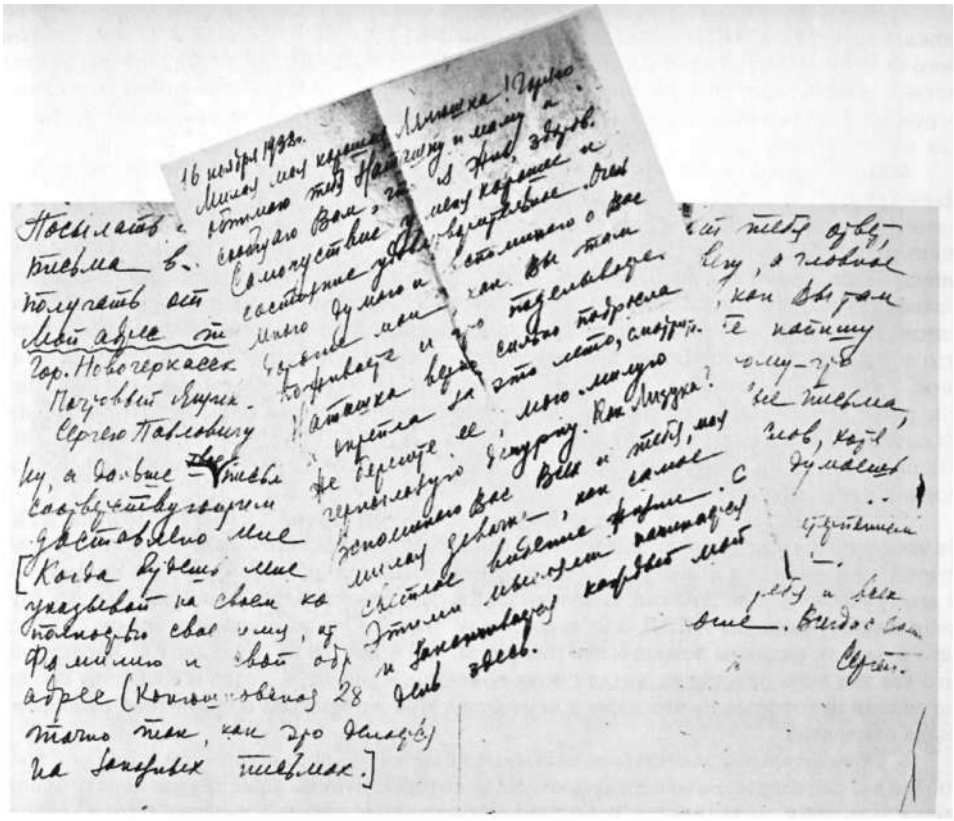
Я заявил и заявляю, что никакой вредительством не занимался и ни в каких организациях не состоял и ничего подобного и не подозревал. Несмотря на то, что я был арестован в момент достижения успеха своей многолетней работе, следователи Тарасов, Шестаков и Быков пытками и издевательствами заставили меня подписать ложные показания на себя. Я сразу писал об этом Вам прокурору, то же и Ежову, но Суд не разбирал дела по существу, осудил меня на 10 лет тюрьмы.

В результате: я осужден невинным, причем обвинен в преступлении по делу, которое явилось делом моей жизни и мною создано, как реализация идей нашего ученого К.Э. Циолковского. Я отрван от дела в период его успешного развития и работа стоит т.к. арестован и глухо. Этим нанесен ущерб СССР т.к. указанные работы чрезвычайно важны и нужны.

Прошу Вас пересмотреть мое дело приняв все доводы и сведения могут быть доказаны.



Заявление С.П. Королева Председателю Верховного суда СССР. Новочеркасская тюрьма, 10 ноября 1938 г.



Письмо С.П. Королева жене в Москву из Новочеркасской тюрьмы. 16 ноября 1938 г.

ные ложные показания, от которых я отказался еще до суда, заявив обо всем этом Наркому Ежову (31/8 с.г.), прокурору Вышинскому (14/VIII и 31/VIII) и начальнику VII отдела НКВД (14/VIII). Однако все мои заявления, равно как и мое заявление на суде 27ДХ с.г. остались безрезультатны и я осужден на 10 лет тюрьмы, будучи совершенно невиновным. Никто (ни следователи, ни суд) не рассматривал моего дела по существу, да и никакого «дела» у меня и нет, а все составляют грубо извращенные факты и обстоятельства, в которых никто не хотел объективно разобраться. Поэтому я обратился к Вам с заявлением 20/X, а в настоящем заявлении я к ранее изложенным обстоятельствам хочу добавить некоторые факты, могущие разъяснить мою невиновность. Так, в данных мною под давлением следствия показаниях написано:

1. Что я состоял в антисоветской организации и знал, что в ней состояли б. директор Ин-та Клейменов, техдиректор Лангемак и инж. Глушко и что Лангемак, якобы завербовавший меня, давал мне вредительские задания (о них я скажу ниже), которые я выполнял. Это все ложь, как я уже и говорил ранее, и я неоднократно просил дать мне очную ставку или хоть показать мне показания этих людей, но в этом мне отказали. Показания этих людей на меня (если они есть) или клевета или ложь.

2. Что я неверно делал расчеты и проекты ракет, над которыми я работал в НИИ № 3 НКОП, например по объекту 301/201. Это все ложь, т.к. в деле объекта 301/201 в секретной части НИИ-3 можно найти два акта технической комиссии РККА (НИТИ РККА) и заключение консультанта из ВВА им. Жуковского, бригинженера Пышнова о том, что все проделанные расчеты удовлетворяют требованиям. Кроме того, все расчеты обязательно подвергались проверке и обсуждению на техсовете, о чем на них и в деле 301/201 есть отметка. Наконец, за всю мою работу по ракетам ни разу расчеты не подводили нашу работу. Аналогично по другим объектам (напр. 318/218).

3. Что я вел работу без достаточно разработанной и обоснованной теории. Это все ложь, т.к. в трудах НИИ-3 «Ракетная техника» № 1,2,3,4,5 и в журнале «Техника воздушного флота» № 7 за 1935 год, а также в делах объектов № 301/201,312/212 и 318/218 напечатаны работы мои, инж. Щетинкова, инж. Дрязгова и других работавших со мной инженеров по вопросам теории ракет. Теория ракет именно нами и разработана в тех пределах, как это позволяло время (с 1935 г.) и новизна дела.

4. Можно сказать «венцом» или завершением моих работ над ракетами было создание мною и инж. Глушко (ныне арестован) в период с 1935 до 1937 г. ракетного самолета - ракетоплана. Такая работа не сделана еще нигде и за рубежом. Я провел 30 испытаний машины на земле с работающим ракетным двигателем и 100 испытаний разных (пробная заливка баков, проба арматуры и проч). Количество этих испытаний ничтожно для такого большого, технически сложного и нового вопроса - проблемы, как ракетоплан. Простой автомобиль, хорошо изученный, испытывают десятки раз. Но меня заставили написать, что я умышленно затягивал выпуск машины, увеличивая число испытаний, что когда я и инж. Глушко испытывали зажигание, то хотели взорвать объект и т.п. Это все ложь, т.к. ракетоплан цел и невредим и находился до дня моего ареста в НИИ № 3 НКОП (27 июня с.г.). Никаких взрывов на нем вообще не было, и он, и мотор целы. А в обвинительном заключении сказано, что в 1935 г. (!) я взорвал ракетоплан (!). Подобные примеры можно привести еще, но нет места.

5. Так все переврано, извращено в этих показаниях, да иначе и быть не могло, т.к. меня заставляли писать неправду, извращая факты. Следствие, как я уже указывал в предыдущем заявлении, было введено в заблуждение ныне техдиректором НИИ-3 Костиковым и его группой (Дедов, Душкин, Калянова), которые травили меня и мои работы ряд лет и дали ложные сведения НКВД (я их видел, но не читал). Они же составили акт от 20/VII с.г. (его я читал), целиком ложный, где говорится, что я ничего не сделал и т.п. Характерно, что все эти лица никогда не видали моих объектов в работе, а Дедов и Калянова вообще не видали некоторые из них даже в чертежах! Моя же просьба о грамотной экспертизе была отклонена.

6. Обвинительное заключение сильно отличается от «показаний» тем, что в нем абсолютно все так извращено и перепутано, что некоторые пункты даже трудно понять (например, о том, что я сделал ракету, работавшую вместо 60 секунд 1-2 секунды. Что это такое?) и т.д. Весь этот ком лжи и извращенных фактов получился в результате вопиющей безграмотности и пристрастия ведших мои допросы.

7. В приговоре сказано, что я тормозил «образцы вооружения». Но я никогда не работал над «образцами»! Я вел научно-исследовательскую проблемную работу (с 1935 г.), которая со временем могла стать «образцами». Работа за эти $2^1/2$ года шла с такими результатами, как создание ракетного опытного самолета, испытания ракет и пр. Все материалы об этом есть в НИИ № 3 НКОП в Москве.

Ракетные самолеты - цель моей жизни, они нужны СССР, и я прошу Вас пересмотреть мое дело для того, чтобы я мог снова над ними работать, а не сидеть без дела в тюрьме. В заявлении всего не напишешь, но если мне дадут возможность, я легко докажу свою невиновность. А врагом я никогда не был.

10 ноября 38 г. С. Королев».

После этапирования отца из Москвы семья о нем вначале ничего не знала. Затем маму вызвали в приемную на Кузнецком мосту, где сообщили, что ее муж переведен в Новочеркасскую тюрьму и она может пересылать ему прежнюю сумму денег, но только один раз в месяц и по шифрованному адресу. Было известно, что Новочеркасская тюрьма - пересыльная, однако сколько времени отец в ней пробудет и куда его отправят, никто не знал. Оставалось ждать хоть какой-то весточки от него самого. Наконец пришло долгожданное письмо.

«16 ноября 1938 г.

Милая моя, хорошая Лялюшка! Горячо обнимаю тебя, Наташку и маму и сообщаю Вам, что я жив, здоров. Самочувствие у меня хорошее и состояние удовлетворительное. Очень много думаю и вспоминаю о Вас, дорогие мои, как Вы там поживаете и что поделываете. Наташка, верно, сильно подросла и окрепла за это лето, смотрите же, берегите

Наташа Королева и овчарка Бинго. Барвиха, 1938 г.
Фотография В.Н. Москаленко

ее, мою милую черноглазую дочурку. Как Лизуха? Вспоминаю Вас всех и тебя, моя милая девочка, как самое светлое видение жизни. С этими мыслями начинается и заканчивается каждый мой день здесь. Посылать тебе я смогу 2 письма в месяц и столько же получать от тебя.

Мой адрес такой:
Гор. Новочеркасск, Ростовской области
Почтовый ящик № 43
Сергею Павловичу Королеву

Ну, а дальше - твое письмо будет соответствующим путем доставлено мне. Когда будешь мне писать, то указывай на своем конверте полностью свое имя, отчество, фамилию и свой обратный адрес (Конюшковская 28, кв. 11), точно так, как это делается на заказных письмах.

Когда получу от тебя ответ, то, конечно, отвечу, а главное, буду хоть знать, как Вы там живете, и о себе напишу как-то полнее, потому что когда пишешь первые письма, всегда не хватает слов, хотя перед этим много думаешь и готовишься. Итак, пиши, буду с нетерпением поджидать твои письма. Крепко обнимаю тебя и Всех Вас, мои дорогие: Всегда с Вами, Сергей».

Письмо перечитывали несколько раз всей семьей. Его общий настрой вселял оптимизм и веру в то, что рано или поздно мы снова будем вместе. Еще два письма отца пришли в декабре 1938 г., но никакой информации о том, что с ним будет дальше, там не содержалось.

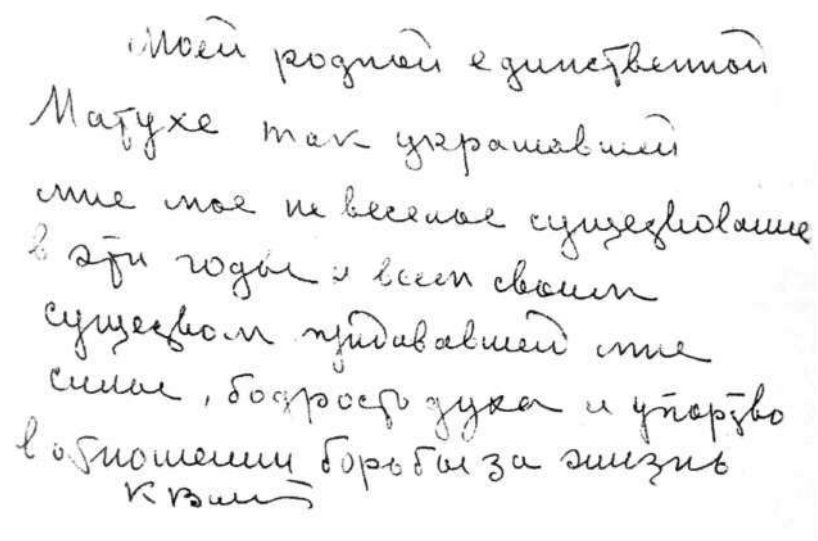
Жизнь наша в конце 1938 г. была трудной и в первую очередь, конечно, для мамы. Ей приходилось очень много работать, чтобы прокормить нас троих и посылать деньги отцу. Иногда она возвращалась домой пешком, а не на трамвае, чтобы сэкономить немного денег. Питались очень скромно. Покупали в основном «микояновские» котлеты по 10 копеек. Мама вспоминала, что приходя домой, она уверяла Лизу, что пообедала на работе, на что Лиза отвечала, что тоже сыта, так как ее угостила обедом Катя - дворничиха. Обе прекрасно по-

Наташа Королева. Барвиха, 1938 г. Фотография Ю.М. Винцентини

нимали, что и то, и другое было неправдой, но благодаря этой неправде все котлеты доставались ребенку, то есть мне. Только один раз в месяц, в день зарплаты, мама позволяла себе удовольствие: покупала белоснежный, мягкий, теплый батон с изюмом за 23 копейки и вместе с пачкой мороженого съедала его одна. Много позднее мама подарила мне свою фотографию того времени, написав на обороте: «Моей родной единственной Натухе, так украшавшей мне мое невеселое существование в эти годы и всем своим существом придававшей мне силы, бодрость духа и упорство в отношении борьбы за жизнь».

Осенью 1938 г., видя, как тяжело живется маме, как она борется за существование, надрываясь на трех работах, профессор М.О. Фридланд, заведующий кафедрой травматологии и ортопедии Государственного центрального института усовершенствования врачей (ЦИУв), действовавшей на базе Боткинской больницы, и главный врач больницы Б.А. Шимелиович решили ей помочь, предложив подать заявление о зачислении на должность ассистента кафедры. Мама согласилась не сразу. Она знала, что ей придется, заполняя анкету, написать, что ее муж арестован, а кто возьмет на такую должность жену арестованного? Тем не менее Михаил Осипович и Борис Абрамович убеждали ее и буквально заставили написать заявление. По их рекомендации, к величайшему удивлению мамы, с 1 сентября 1938 г. она была зачислена в штат института на должность ассистента. Но вскоре ее неожиданно вызвали в кабинет главного врача, где уже находилась директор ЦИУв профессор В.П. Лебедева, которая очень внимательно посмотрела на нее и задала несколько вопросов. Лишь потом мама узнала, что какой-то «доброжелатель» сказал директору, что она - итальянка, плохо говорит по-русски и даже институт закончила за рубежом... Маму приняли на должность ассистента без кандидатской степени с тем условием, что она должна как можно скорее подготовить и защитить диссертацию. Теперь, помимо трех служб, предстояло еще заниматься научной работой. М.О. Фридланд предложил ей тему: «Спирт-новокаиновая блокада как метод борьбы с мышечной ретракцией (сокращением мышц. - *Н.К.)* при переломах длинных трубчатых костей». Экспериментальную часть диссертации мама выполняла по ночам на лягушках, морских свинках и кроликах. Имея уже большой опыт работы практического врача-хирурга, много оперируя на органах брюшной полости и костях, она сама была не в состоянии зарезать лягушку. Приходилось, несмотря на дефицит денег, нанимать санитарку, оплачивая ее «труд», иначе завершить работу оказалось бы невозможно. Когда экспериментальная часть диссертации была закончена, разработанная методика начала применяться в клинике у больных с переломами длинных трубчатых костей, а затем и ребер. В дальнейшем она нашла широкое применение при лечении раненых во время Великой Отечественной войны.

В конце 1938 г. отец все еще находился в Новочеркасской тюрьме. Его безумно угнетали вынужденное безделье и безысходность, в которой он оказался. Но в глубине души теплилась надежда, что все еще может измениться, что его


Моей родной единственной
Матухе так украшавшей
мне мое не веселое существование
в эти годы и всем своим
существом придававшей мне
силы, бодрость духа и упорство
в отношении борьбы за жизнь
К. Вин

К.М. Винцентини. Москва, 1938 г. Фотография ЮМ. Винцентини. Надпись на обороте

голос рано или поздно будет услышан. И хотя никаких ответов на предыдущие письма не было, 29 ноября 1938 г. он обращается к Верховному прокурору страны с новым заявлением.

«Верховному Прокурору Союза ССР г. Москва.

От: Осужденного Новочеркасской тюрьмы НКВД
Королева Сергея Павловича. 1906 г. рожд.

В порядке Прокурорского надзора.

ЗАЯВЛЕНИЕ

29 октября с.г. мною направлено на Ваше имя заявление с просьбой в порядке прокурорского надзора пересмотреть мое дело, т.к. я осужден 27 сентября с.г. в г. Москве Военной Коллегией неправильно и в предъявляемых мне обвинениях (ст. 58 п. 7,11 и 8/17) совершенно не виновен. Тогда я указал, что на следствии меня вынудили силой дать ложные

Заявление С.П. Королева
Верховному прокурору СССР.
Новочеркасская тюрьма,
29 ноября 1938 г.

показания, и хотя я об этом писал Вам еще до суда (14 и 31 августа с.г.) и заявлял на суде, - я был осужден на 10 лет тюремного заключения, хотя являюсь невиновным. Это мое заявление является дополнением к предыдущим с изложением некоторых отдельных фактов по существу моего дела и обвинения:

1. В данных мною под физическим и прочим воздействием следователей VII отдела Быкова и Шестакова ложных показаниях говорится, что я состоял во вредительской антисоветской троцкистской организации и занимался вредительством в области ракетной техники, где я работал. Это все вымысел, т.к. никогда ни в какой организации я не состоял, ни о чем подобном у нас в Ин-те не знал и не подозревал и никогда вредительством не занимался. На следствии я не раз просил очных ставок или хоть прочитать показания на меня других, ранее арестованных лиц, но получал отказ и соответствующее «внушение», чтобы я сам писал такие показания. Видел я (но не читал) агентурные, как мне сказали, данные на меня. Я знаю, что они написаны техдиректором НИИ-3 (где я работал) Костиковым, который ряд лет травил меня и мои работы по ракетам и теперь оклеветал меня и ввел в заблуждение НКВД, припутав меня к ранее арестованным лицам. Их показания, если они есть, равно как и Костиковские измышления, являются ложью и клеветой на меня. Тем же Костиковым и его группой представлен в НКВД «технический акт» от 20/VII с.г. (его я читал), где говорится, что я ничего не сделал по ракетам, и прочий вымысел и вздор. Этот «акт» подписан лицами, никогда вообще не видевшими моих объектов в действии, а двое из них не видали даже их чертежей (Дедов, Калянова). Цена такому «акту» грош ломаный, а в грамотной технической экспертизе мне было отказано. А по существу дела, с 1935 г. (т.е. за $2^{1/2}$ года) в совершенно новой области оборонной техники, на голом месте, без помощи, в крайне тяжелых условиях, мною с моими товарищами по работе сделаны несколько типов опытных научно-исследовательских образцов ракет (объекты 217, 212, 201 и 218); произведены десятки испытаний их в полете и сотни испытаний на стендах и в лабораториях с неплохими результатами (см. отчеты в делах этих объектов в НИИ-3). Создан и успешно испытан на земле опытный ракетный самолет (нам известно, что за границей, несмотря на усиленную работу, этого нигде еще не сделано). Моя работа по ракетам была для меня целью моей жизни - меня же принудили написать и обвинили, что я занимался вредительством, использовав для этого все средства и мое состояние после тяжелого ранения в голову при испытаниях, сотрясение мозга и пр., произошедшее незадолго до ареста.

2. Более того, в обвинительном заключении указано, что в 1935 г. (?) я и инженер Глушко В.П. (арестован) взорвали ракетный самолет. Заявляю, что 27 июня 1938 года (день моего ареста) он, целый и невредимый, стоял в НИИ № 3. Все отчеты - см. дело 218. Эта работа большого оборонного значения и с моим арестом на ней не осталось никого, чего и добивались Костиков и др. А в 1935 году я его только начал разрабатывать и осуществил в 1937 году.

3. Далее, я обвиняюсь, что делал неверно расчеты объектов (например 201/301) и не разрабатывал теории. Это ложь. В делах объектов 212, 201, 218, 301 есть в НИИ-3 все расчеты. Они неоднократно проверены и приняты посторонними техническими приемщиками, о чем есть акты. Теоретические научные работы мои и других инженеров помещены в сборниках трудов НИИ-3 «Ракетная техника» № 1-5, журнале «Техника воздушного флота» № 7 за 1935 год и др. Всего не менее 10 работ.

4. В обвинении взяты все денежные суммы, которые были израсходованы на объекты и записаны как зря истраченные. Это, конечно, неверно, т.к. на эти деньги сделано немало полезного.

5. В обвинении указано, что я увеличивал с целью задержки число испытаний ракетного самолета - их было сделано 30 шт. полных и около 100 шт. лабораторных, включая и пробную заливку топлива и т.п. Нелепость обвинения ясна, т.к. даже автомобиль испытывают дольше и больше, а это все же первый ракетный самолет! В обвинении сказано, что я заставлял ракеты работать не 60 сек, а 1-2 секунды. Что это означает, вообще нельзя понять.

6. По приговору я обвиняюсь, что «задерживал образцы вооружения». Но я никогда не работал еще над образцами вооружения, а вел лишь научно-исследовательскую работу, которая в будущем могла стать образцами. Понятно, что за $2^{1}/2$ года работы над новой, очень сложной технической проблемой нельзя дать образцы... И т.д. Можно еще привести ряд фактов, говорящих за себя и подтверждающих мою невиновность. Да иначе и быть не могло, т.к. меня заставили извратить правду и получились путаница и ложь. Следователи своею безграмотностью и пристрастием только усугубили путаницу и ложь, в результате

чего я осужден на тюрьму. Я прошу Вас пересмотреть мое дело, т.к. я хочу работать над ракетными самолетами, которые сейчас как никогда нужны СССР. Я полон сил, энергии, обладаю знаниями и опытом и желанием работать. Врагом нашей родины, партии и Советской власти я никогда не был. Я воспитан и вырос при Советской власти. Прошу снять с меня незаслужанное обвинение.

29.XI.38. С. Королев».

Приближался Новый, 1939 год. Прошло полгода после ареста отца, которые и ему, и его близким показались вечностью. За это время у мамы появилось в волосах много седины, резко контрастировавшей с молодым лицом. Иногда она слышала, как люди, глядя на нее, говорили: «Такая молодая и уже седая». Эти реплики терзали ее и без того раненую душу, и она старалась все время закрывать голову - медицинским колпаком, шапкой, косынкой. Настроение было подавленное. Невольно вспоминались предыдущие встречи Нового года вместе с мужем и друзьями. Все это осталось в той, другой жизни, теперь уже такой далекой. Она купила и нарядила для меня маленькую елочку и хотела в новогодний вечер в одно время со мной и Лизой лечь спать, но Победоносцевы уговорили ее встретить Новый год в компании их друзей. Однако на душе было неспокойно, и сразу после двенадцати ночи она вернулась домой. Дверь оказалась запертой на цепочку, и вдруг, приоткрыв ее, мама почувствовала сильный запах газа. После отчаянного стука дверь открыла Лиза и тут же потеряла сознание. Мама бросилась ко мне, но все попытки разбудить меня оказались тщетными. Она поняла, что произошло отравление газом. И действительно - все краны газовой плиты на кухне были открыты. Как выяснилось наутро, к соседке из деревни приехала мать, которая впервые увидела газовую плиту и не умела ею пользоваться. На улице стоял сильный мороз, но мама распечатала заклеенные окна и открыла их настежь. Таким образом она спасла нам жизнь.

В начале 1939 г. мама, вернувшись с работы, обнаружила дома повестку в милицию. Ей надлежало срочно явиться туда с паспортом. Перед тем как пойти, она позвонила своим родителям и Марии Николаевне, предупредив их об этом неожиданном вызове. В милиции ей предложили пройти «не очень далеко отсюда» и дали для сопровождения милиционера. Он шел с ней рядом, а не сзади, как бывает при аресте, и это несколько успокаивало ее, хотя она не понимала, куда и зачем ее ведут. Они пришли к зданию теперешнего Биологического музея имени К.А. Тимирязева на Малой Грузинской улице и спустились в подвал, где находилось несколько комнат. Маму пригласили в одну из них. Сидевший там мужчина с любезной улыбкой предложил ей чай, а затем в довольно деликатной форме стал убеждать ее согласиться помогать НКВД. Он говорил, что она, красивая, интересная, сможет войти в доверие к любому человеку, что она и ее дочь ни в чем не будут нуждаться, что ее «оденут», снабдят билетами в любые театры, концерты, кино, но она должна будет ходить туда с тем, кого ей назовут. «Ну что вам стоит? - убеждал он. - Вы только расскажете нам потом, о чем там был разговор, мы же от вас ничего другого не требуем. Вы должны помочь нам, мы вам верим». На это мама ответила: «Нет. Такие поручения я выполнять не могу и не буду, я на это не способна». Он сказал, что даст ей время подумать. Но она думала только об одном: если ее не выпустят, надо, чтобы Софья Федоровна немедленно меня удочерила. В течение ночи сотрудник НКВД то оставлял ее одну, то снова уговаривал. Но мама была непреклонна. Около пяти часов утра ее отпустили, взяв подписку о том, что она никогда никому об этом разговоре не расскажет. Мама в течение мно-

гих десятилетий соблюдала жесткое требование, хотя это было нелегко. Тем более что встреча с безымянным сотрудником НКВД оказалась не единственной (о трех других встречах мамы с ним я еще расскажу). А вот в Тимирязевский музей мама не ходила никогда, даже когда там бывали интересные выставки. У нее на всю жизнь остались об этом здании тяжелые воспоминания, которыми она поделилась со мной лишь в свои последние годы - ведь дала подписку!

Другой похожий эпизод произошел в конце 1939 г., когда отец уже находился на Колыме. К нам на Конюшковскую пришел сотрудник НКВД и попросил дать ему возможность периодически наблюдать за кем-то из окна нашей комнаты, то есть устроить в ней наблюдательный пункт. Мама категорически отказалась, сославшись на то, что у нее всего одна комната и маленькая дочь.

В январе и феврале 1939 г. пришли четыре письма от отца из Новочеркасской тюрьмы. Из них, выхолощенных цензурой, можно было понять только, что жив да здоров, чувствует себя сносно, все благополучно. А в начале марта пришло письмо, заставившее задуматься. Первая страница представляла собой описание того, как отец живет и что жить, в общем, можно, вторая была вся вымарана, да так искусно, что ни на свет, ни с лупой ни одной буквы не разобрать, а на третьей странице после слов «целую Вас крепко, мои дорогие» сохранились еще две фразы о том, что все же до отца доходят вести из большого мира, что он знает о полете наших летчиц во главе с Валентиной Гризодубовой и что гордится ею. А на первой странице внизу было приписано: «Я рад получать от Вас хоть какие-нибудь весточки, передайте мой большой поклон дяде Мише».

Прочтя это письмо, Мария Николаевна с мамой долго думали и решили, что неспроста отец написал о дяде Мише. Но кто же это? В нашей семье мужчины с таким именем нет. Конечно, это - Михаил Михайлович Громов! Отец его знал, бывал у него дома, был знаком с его женой, наблюдал испытательные полеты, не раз восхищался его работой, мужеством и в то же время осторожностью. Однажды он провожал знаменитого летчика к самолету перед очередным испытанием. Механик доложил, что все готово. Тем не менее, к большому удивлению отца, Громов обошел самолет и еще раз сам все проверил. Механик считался человеком ответственным, и летчик мог на него положиться, но все-таки он решил лично удостовериться в надежности машины. Этот случай так глубоко запал в память отца, что в дальнейшем, уже будучи Главным конструктором и посылая людей в космос, он сам многократно все тщательно проверял. «Михаил Михайлович, как старший, не только учил меня жить, но и помогал советом и делом. Но прежде всего я учился у летчика тщательности, с которой он готовился к полетам. В нашем деле тщательность играет исключительную роль», - сказал в одном из интервью отец, уже будучи Главным конструктором.

Итак, ясно: дядя Миша - это летчик-испытатель М.М. Громов, Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР. В письме намек на то, что нужно обратиться за помощью к нему. А Гризодубова? Почему отец пишет о наших летчицах? Если для того, чтобы нас порадовать, дать понять, что он не наглухо отрезан от остального мира, так можно бы и не называть Валентину Гризодубову. А если он ее назвал, значит - не зря. Они знакомы еще с 1927 г., со времени планерных состязаний в Коктебеле, где она жила с матерью и двумя подругами. Вместе вечерами ходили к морю, купались, танцевали, пили чай. Теперь она, как и Громов, - Герой Советско-

го Союза, депутат Верховного Совета СССР и, возможно, согласится помочь. Значит, необходимо разыскать их обоих. До этого Мария Николаевна уже пыталась обратиться к некоторым людям за помощью, за добрым словом о сыне, которое она могла бы использовать как характеристику или довод, чтобы облегчить его положение. Так, она была в Академии имени Н.Е. Жуковского у профессора Б.Н. Юрьева. Он встретил ее приветливо, но проводил довольно сухо, сказав, что мало знает ее сына и помочь, к сожалению, ничем не может. Ездила и в Наркомат авиационной промышленности, пытаясь попасть на прием к А.С. Яковлеву, авиаконструктору и будущему замнаркома, однако, прождав в вестибюле Наркомата более двух часов, так и не была принята. Посоветовавшись, бабушка и мама решили, что нужно пойти к Громову и Гризодубовой и попросить их о поддержке. Началось новое «хождение по мукам», потому что записную книжку отца изъяли при аресте, адреса Героев были неизвестны, а Мосгорсправка таких сведений о знаменитых людях не предоставляла. В одном справочном киоске в ответ на слезные просьбы бабушки женщина-информатор сказала, что сочувствует ей, но не имеет права давать подобные адреса, так как это категорически запрещено, и посоветовала постараться узнать их через знакомых. Придя домой, бабушка нашла свою старую записную книжку, по счастью сохранившуюся, и в ней адрес молодого журналиста, летчика Евгения Федоровича Бурче, который был редактором книги отца «Ракетный полет в стратосфере», опубликованной в 1934 г., и часто бывал у него еще на Октябрьской. Вечером того же дня она отправилась к Е.Ф. Бурче. Он жил далеко. Когда летчик-журналист открыл дверь и увидел бабушку, на его лице отразился испуг. Он так растерялся, что не мог произнести ни слова. Придя в себя, хозяин все же пригласил ее в комнату, где находились его жена и какой-то летчик, с которым он познакомил бабушку, сказав, что при нем можно говорить о чем угодно. Она сказала, что Сергей арестован, что она пытается ему помочь и ей нужны адреса Громова и Гризодубовой. Об аресте они знали, а что касается адресов, то Евгений Федорович выразил большое сомнение в возможности обращения к таким известным людям. Он уверял, что бабушка все равно к ним не попадет, что они ее не примут, что Громов после своего рекордного перелета через Северный полюс в Америку, наверняка, стал таким человеком, что не всякому и мизинец подаст, а разговаривать тем более не станет, что Гризодубова еще, может быть, выслушает ее, но вряд ли что-нибудь сделает. Тем не менее бабушка сказала, что попробует с ними встретиться и повторила свою просьбу дать их адреса. В конечном счете, адреса Е.Ф. Бурче дал, но без указания номера квартиры Громова, которого не знал.

Первым делом бабушка решила пойти к Громову. Он жил на Большой Грузинской улице. Вначале она отправилась на разведку. Большой новый дом оказался обнесенным железной решеткой с проходной будкой, где сидел привратник. Пройти мимо него невозможно. Попытаться узнать телефон и позвонить Громову было бы опрометчиво - велика вероятность натолкнуться на отрицательный ответ. Бабушка решила идти напролом. Она приоделась, как могла, ибо считала, что «бедной родственницей» слезами и мольбами ничего не добьешься. Кроме того, ее сын не преступник, и она идет просить для него не помилования, а защиты его прав. Поэтому она пошла с гордо поднятой головой. Надев еще довольно приличную серую беличью шубку, платье, которое, она знала, ей шло, черные лакированные туфли, поверх которых надевались боты, и захватив на всякий случай пас-

порт, бабушка после работы отправилась на Большую Грузинскую. Быстрым шагом войдя в проходную, она уверенно сказала: «По-моему, Михаил Михайлович уже дома, я должна его видеть». «Так точно, они дома», - ответил, вставая, привратник. Наверное, у нее был такой решительный вид, что он даже не спросил, кто она такая. - «Пожалуйста, проводите меня, я боюсь запутаться, давно у него не была», - попросила бабушка, не знавшая ни номера квартиры, ни этажа, ни подъезда, в котором жил Громов. Вместе они вошли во двор. «Это его окна светятся?» - спросила она, сделав неопределенный жест рукой, поскольку в доме светилось много окон. «Да, вот эти три окна с левой стороны, ближе к арке, на третьем этаже», - последовал ответ. «Да, да, спасибо, именно эти, я позабыла», - сказала она и быстро направилась к арке, одновременно соображая, в какую сторону нужно повернуть. Теперь оставался неизвестным только номер квартиры. Войдя в подъезд и увидев там лифтершу, она смело обратилась к ней, сказав: «Поднимите меня, пожалуйста, к Громову, я боюсь ездить на чужих лифтах, застрянешь еще». Они поднялись на третий этаж. Выходя из лифта, бабушка спросила: «Кажется, эта квартира?» «Да, да, именно эта», - ответила лифтерша. Дав ей спуститься вниз и собравшись с духом, бабушка позвонила. Дверь приоткрыла домработница. Увидев незнакомую женщину, она спросила: «Кто вы?» Бабушка ответила: «Доложите Михаилу Михайловичу, что его спрашивает Баланина». Она умышленно не назвалась матерью Королева, чтобы эта фамилия не звучала в присутствии домработницы. Через несколько минут он сам открыл дверь и впустил ее. Она впервые так близко видела Громова. До этого ей удалось наблюдать его триумфальный проезд по Москве после перелета в Америку, когда он ехал с женой в открытой машине, а она стояла на тротуаре, переживая с ним его славу. Теперь перед ней стоял высокий, статный, красивый сорокалетний мужчина с волевым смуглым лицом. Таким он запечатлелся в ее памяти на всю жизнь.

М.М. Громов.
Фотография конца 1930-х годов

М.М. Громов предложил бабушке войти. Она сняла шубу, боты и в этот момент с ужасом увидела, что один лакированный туфель не черный, а белый от мела, видимо, попавшего в бот на работе, где в то время шел ремонт. Пока хозяин вешал ее шубу, она успела как-то смахнуть мел и прошла за ним, следуя приглашению, в огромную комнату, служившую ему кабинетом. Он предложил неожиданной гостье кресло, а сам, внимательно ее разглядывая, сел за большой письменный стол. Она произнесла: «Фамилия моя вам ничего не сказала. Я - Баланина Мария Николаевна, мать Королева Сергея Павловича». И посмотрела, какое впечатление это на него произведет. Но на его лице не дрогнул ни один мускул. Тогда она спросила: «Вы знаете моего сына?» - «Да, я его знаю». - «Вы слышали,

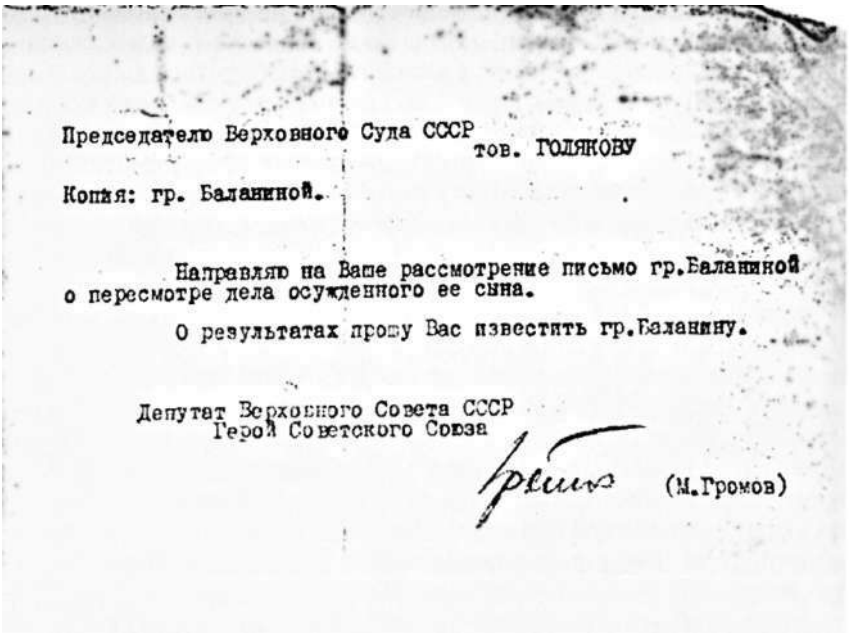
что он арестован?» — «Да, слышал». — «Он прислал нам письмо, в котором упоминает Валентину Гризодубову и просит передать привет дяде Мише. Для нас дядя Миша - это вы, потому что никакого другого человека с таким именем у нас нет, а Сергей вас знал и вы знали его. Поэтому я пришла к вам с просьбой помочь мне в хлопотах о нем». «Чем могу служить?» - спросил он. - «Прежде всего я хотела бы знать, убеждены ли вы в правильности осуждения Сергея, в том, что он действительно вредитель?» - «Нет. Может быть, здесь какая-то ошибка». - «Тогда скажите мне прямо: вы сможете что-нибудь сделать или отказываетесь?». Он сказал: «Насколько могу, помогу. Чем я могу быть вам полезным?» - «Мне нужно попасть к председателю Верховного суда, чтобы просить о пересмотре дела. Я была в его приемной. Проникнуть к нему без поддержки, скажем вашей, я не смогу. Вот я и хочу обратиться к вам за такой поддержкой. Не просить о пересмотре дела - я сама попрошу, а только помочь попасть к нему, чтобы передо мной открылись двери». Выслушав бабушку, он спросил: «А у Гризодубовой вы были?» - «Нет, еще не была». - «Ну, тогда вот что. Я охотно вам помогу. Сделаем так: я посоветуюсь с Валентиной Степановной — она сейчас куда-то улетела, возвращается, кажется, на днях, а затем посоветуюсь со своим секретарем, в какой форме я могу вам помочь». То, что он, Герой Советского Союза, не может сам решить этот вопрос и должен с кем-то советоваться, так поразило бабушку, что она широко открыла глаза. Поняв ее реакцию, он добавил: «Ведь я же беспартийный. У меня, как у депутата Верховного Совета, есть помощник, который мне помогает в ответственных случаях». - «Когда можно вам позвонить или зайти?» - спросила бабушка. - «Позвоните послезавтра, потому что сегодня мой помощник болен, может быть, он завтра тоже будет болеть, а послезавтра, я думаю, уже его увижу. Позвоните послезавтра домой в 8 вечера». Он написал ей номер телефона и она, обнадеженная, что помощь близка, радостная, примчалась домой. Рассказала маме и Григорию Михайловичу об этом приеме, о том, как ей все удалось.

Два последующих дня прошли в нетерпеливом ожидании результата. В условленный час она позвонила и услышала в трубке незнакомый мужской голос. Она поняла, что это и есть помощник Громова. «Кто говорит?» - «Баланина, мать Королева». - «Зачем же, товарищ, вы беспокоите такого занятого человека, обремененного общественными делами и своей личной работой? Вы совсем не по адресу обратились, не по тем инстанциям пошли. Вам надо к Ульриху». - «Знаете, к Ульриху это одно. Но помимо этого, мне нужна поддержка Михаила Михайловича в какой-то форме, чтобы я могла попасть к председателю Верховного суда». - «Это совершенно напрасно. Михаил Михайлович человек очень занятой и его сейчас нет». - «А мне известно, что он дома. Ведь он сам назначил этот час». - «Да, он дома, спустился в гараж, но я его звать и беспокоить не буду. Ваше дело его совсем не касается. Что он тут может сделать, чем может помочь? Обратитесь к товарищу Ульриху». И повесил трубку. Бабушка горько заплакала. Она металась по комнате из угла в угол, и если бы рядом не было Григория Михайловича, верного ее друга, неизвестно, чем бы это закончилось. Он уговаривал ее и всячески пытался успокоить. Но ее отчаянию не было границ. Она провела бессонную ночь. Громов отказал, он, наверное, такой же, как другие, теперь все кончено. Уж если человек, перелетевший в Америку через Северный полюс, побоялся написать два слова, побоялся сказать ей в лицо, что ничего делать не будет, то кому же тогда верить, на кого надеяться? И вдруг бабушка поду-

мала, что нельзя так распускаться. Ведь если она не будет хлопотать, то сын погибнет. Его отправят на Север, оттуда он не вернется, - там выживают немногие. И она сказала себе, что не сдастся и будет бороться до последнего.

Назавтра бабушка снова пошла к Громову домой, решив выяснить, действительно ли он испугался и обманул. Привратник ее уже знал, и она спокойно прошла к дому. На звонок дверь открыл сам Громов. Она вошла в переднюю и сразу спросила: «Скажите, Михаил Михайлович, вы отказали мне?». Он удивился: «Почему вы спрашиваете? Я не отказал вам, я сказал, что помогу, только посоветуюсь со своим помощником». - «Но ваш помощник уговаривал меня вчера, чтобы я вас не беспокоила, что я обратилась не по адресу. Мне неясно одно: вы ли мне отказали или ваш помощник так повел дело, скажите мне откровенно». Он поглядел на нее с изумлением. - «Помощник сказал мне, что можно написать письмо с просьбой о приеме вас председателем Верховного суда, и я его подписал. А вам тоже нужно написать письмо на его имя. Как же это могло так получиться?» Она облегченно вздохнула и сказала: «У вас благородное сердце. Недаром вы такой чудо-летчик. Спасибо вам». Громов объяснил, что ей нужно пройти к его помощнику Иванову в Моссовет с бокового входа и подняться на второй этаж. Там в зале должна сидеть женщина, которая покажет ей нужную дверь.

На следующий день бабушка отправилась в Моссовет. На втором этаже женщины не оказалось и спросить, куда идти, было не у кого. Оглядевшись, она, к своему удивлению, обнаружила на дверях двух расположенных там кабинетов одну и ту же надпись: «Заместитель председателя Моссовета Иванов», вот только инициалы у этих Ивановых были разные. Пораженная неожиданным совпадением и не предполагая, что помощником Громова может быть столь высокое должностное лицо, как заместитель председателя Моссовета, она ушла, решив, что неправильно поняла, куда идти. Вечером снова пошла к Громову, и он подтвердил, что один из Ивановых и есть его помощник. Наутро она вновь пошла в Моссовет, на этот раз уже смело. В шикарно обставленном кабинете за великолепным письменным столом сидел представительный мужчина средних лет. Он предложил ей сесть и спросил, что она хочет. Она ответила, что пришла за бумагой, оставленной Громовым. И тут опять началось: «Зачем вам такая бумага, ведь я уже разговаривал с вами по телефону, а вы продолжаете беспокоить такого большого занятого человека и надоедаете ему. Почему вы так упорствуете, ведь целая группа инженеров арестована, в том числе Туполев, который оказался врагом народа, а ваш сын с ним работал. Здесь, в этих креслах, уже сидели родственники осужденных и все просили об одном и том же. Что же вы так настаиваете и хлопочете?» Но бабушка долго объясняться с ним не собиралась. Она знала, что бумага есть, и Громов ее подписал. Значит вопрос в том, как ее поскорее получить. Несколько минут продолжалась между ними словесная дуэль. Потом бабушка протянула руку и сказала: «Ну, в конце-то концов, Михаил Михайлович ведь письмо подписал, значит он посчитал возможным это сделать и оставил вам этот документ для меня. Потрудитесь мне его выдать». Тогда он взял в руки небольшой лист бумаги, обошел вокруг стола и подал его ей. А потом вдруг рассыпался мелким бесом: «Ах, какая вы мужественная, какая настойчивая женщина, я желаю вам всяческой удачи и успеха. И вот мой вам совет: не ходите сегодня к председателю Верховного суда. У них в эти дни была трудная сессия, он устал, а сегодня последнее, заключительное заседание. Он приедет, несомненно, к себе на работу, но



Председателю Верховного Суда СССР
тов. ГОЛЯКОВУ

Копия: гр. Баланиной.

Направляю на Ваше рассмотрение письмо гр.Баланиной о пересмотре дела осужденного ее сына.

О результатах прошу Вас известить гр.Баланину.

Депутат Верховного Совета СССР
Герой Советского Союза

(М.Громов)

Сопроводительная записка М.М. Громова председателю Верховного суда СССР И.Т. Голякову к письму М.Н. Баланиной. Москва, март 1939 г.

не стоит добиваться приема именно сегодня, потому что, знаете, когда человек устал, он раздражен и не будет вас слушать внимательно, а ведь вы в этом заинтересованы. И не забудьте взять с собой заявление на его имя». Пожав руку, он проводил ее до дверей кабинета. Совершенно другой человек, ну просто хамелеон!

Бабушка была на седьмом небе. По дороге домой и дома она еще и еще раз перечитывала напечатанные на машинке такие важные для нее и ее сына слова: «Направляю на Ваше рассмотрение письмо гр. Баланиной о пересмотре дела осужденного ее сына».

Заручившись поддержкой Громова, бабушка стала готовиться к походу в Верховный суд. Предварительно вместе с мамой она побывала дома у юриста, которого кто-то рекомендовал маме. Это была женщина средних лет, внимательная и толковая. Она жила на Большой Молчановке. Бабушка уже дважды бывала у нее в юридической консультации на Пушкинской улице. Сейчас она хотела получить совет, что говорить и как себя держать на приеме у председателя Верховного суда. Юрист не стала советовать, что говорить, сказав, что бабушка и сама прекрасно все объяснит. Зато порекомендовала ей иметь вид не бедной просительницы, а уверенной в своей правоте красивой женщины: «Оденьтесь к лицу. Вы должны произвести впечатление и своей настойчивостью добиться положительного результата. Это последнее, что вы можете сделать для вашего сына, желая его спасти. Если вы получите здесь отказ, больше вам никто не поможет». И кроме того, предложила прийти наутро к ней в консультацию, чтобы снять с ходатайства Громова машинописную копию, а подлинник, на всякий случай, оставить себе. Бабушка так и сделала. На следующий день она надела платье синего цвета, которое ей шло, настроила себя на решительный раз-

говор и отправилась. В приемной председателя Верховного суда было много народу. Когда подошла ее очередь, она вошла в кабинет секретаря и увидела у окна двух машинисток, а у письменного стола высокого, молодого военного, который внимательно ее выслушал, взял ее заявление с копией ходатайства М.М. Громова и назначил день приема. К заявлению бабушка приложила выдержки из трех писем моего отца. Вот текст этих документов:

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
Тов. ГОЛЯКОВУ

От БАЛАНИНОЙ Марии Николаевны
(по первому мужу КОРОЛЕВОЙ)
прож. Москва 18, Октябрьская ул. д. 38 кв. 236

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой сын КОРОЛЕВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ, осужденный в 1938 году Военной Коллегией Верховного Суда Союза к 10 годам тюремного заключения, ныне находится в гор. Новочеркасске, почт, ящик № 43.

Я прошу Вас о пересмотре его дела, так как сын убежден в своей невиновности, что видно из его писем, в которых он высказывает твердую уверенность в том, что при пересмотре его дела в Верховном Суде Союза, куда он в октябре-ноябре 38 г. направил свое мотивированное заявление, «ВСЕ ВЫЯСНИТСЯ И ПРАВДА ВОСТОРЖЕСТВУЕТ». Выдержки из писем прилагаются на особом листе (подлинные письма могут быть представлены по первому требованию).

О сыне я могу сообщить следующее:

Сын мой, один из ведущих инженеров Научно-Исследовательского Института № 3 НКОП (Народного Комиссариата Оборонной Промышленности).

29 мая 1938г при проверке одного из опытов над засекреченным объектом своих работ сын был ранен и с сотрясением мозга доставлен на излечение в больницу им. Боткина.

Не закончив еще курса лечения, имея еще больничный лист, он был арестован органами НКВД по ордеру № 129 от 27.VI 1938г в Москве.

Вся жизнь сына, которому в настоящее время 32 года, обстановка, в которой протекала его работа, а равно сопровождавшая ее борьба заставляют меня не только, как мать, но и как советскую гражданку обратиться к Вам с настоящим заявлением, в целях восстановления истины.

Сын мой, КОРОЛЕВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ, инженер-конструктор авиа- и ракетных аппаратов и одновременно летчик.

Его планер «Красная Звезда» в 1930 году сделал первую в мире мертвую петлю, другой его проект - аэроплана - получил премию на конкурсе.

В область реактивного движения он также, несомненно, внес свой вклад (печатные труды, доклады - его доклад в Академии наук СССР помещен в «Трудах Академии наук»).

Он - пионер реактивного дела. В его комнате в 1931 году маленькой группой, с участием покойного профессора Цандера, давшего первую конструкцию особого реактивного двигателя, обсуждалась эта замечательнейшая проблема сверхскоростных полетов. Сын поддерживал тесную деловую связь и с Циолковским.

Сын был организатором, руководителем этой Группы Изучения Реактивного Движения (ГИРД), умел зажечь энтузиазмом коллектив рабочих и инженеров, которые по суткам не выходили из помещения, стремясь помочь своей стране, Партии и Правительству наладить новую отрасль техники и обороны СССР.

Примерно в середине 1933 года в Москве на базе Московского ГИРДа был создан Реактивный Научно-Исследовательский Институт (РНИИ), позже Институт № 3 НКОП.

Директором РНИИ был назначен Клейменов из Ленинграда, а сын мой - его заместителем - техническим руководителем.

Уже вскоре я стала слышать сетования сына на то, что методы административного руководства нового директора вызывают явное недовольство сотрудников, падают темпы

работы и прежний энтузиазм, планы не выполняются. Сын вынужден был категорически возражать против ряда мероприятий.

В результате последовало, неожиданное для сына, устранение его с должности заместителя директора. На место сына был назначен Лангемак из Ленинграда.

Сын не ушел из РНИИ, остался в должности старшего инженера-конструктора, твердо веря в успех дела и его исключительное значение для обороны страны.

В последующий период я часто видела сына расстроенным. На мои расспросы нехотя отвечал, что вызывали в разные учреждения для объяснений, почти всегда по инициативе Клейменова, происходит какая-то склока, все время тормозят, мешают работать...

Частые столкновения в Институте с Клейменовым, секретарем парткома (фамилию не помню) и инженером Костиковым выводили сына из состояния равновесия.

Однако быв. директору не удалось избавиться от инженера, твердо стоявшего на почве советского закона. Дело дошло до Комиссии Советского Контроля, куда был вызван как Клейменов, так и мой сын. Здесь сын высказал все, что наболело. Помнится, тов. КУЙБЫШЕВ, лично разбиравший это дело, примерно потребовал: директору бережно относиться к молодым специалистам и создать им необходимые для работы условия, а КОРОЛЕВУ (сыну моему) быть сдержаннее. У сына моего характер прямой, и подчас он бывает резок.

Сыну внешне работать стало как будто спокойнее, но трения с Клейменовым и Костиковым продолжались.

Успешный ход работ в той конструкторской группе, которой стал руководить сын, как старший инженер, привел к развертыванию ее в обширный отдел, во главе которого администрации, волей-неволей, пришлось поставить сына. Эту должность он и занимал примерно до начала 1938 года.

Сын готовился и должен был в ближайшее время защищать научную диссертацию на тему, связанную с его работой над реактивным полетом, работой, о которой профессор-руководитель говорил, что излишняя скромность представлять ее как кандидатскую и после защиты она должна быть зачтена ему как докторская. Готовил он ее в стенах Института.

Охваченный мыслью о чрезвычайных скоростях, об исключительных полетах в Стратосфере, он летает, тренируется до последних дней в рекордном отряде Центрального Аэроклуба.

В 1937 году директор Клейменов был арестован. При новом директоре Слонимере тот же Костиков остался теперь его заместителем, и против сына продолжалась все та же система несообразных обвинений по службе, имевшая, по-видимому, целью дискредитацию его в глазах общественности и выживания его.

Один из партийных товарищей - рабочий рассказывал сыну, что инженер Костиков требовал у нового директора снятия с работы сына.

Сын был снят с должности заведующего отделом.

Характерно, что весной 1938 года, при получении от зам. директора Института Костикова обязательной для представления в Военкомат характеристики, Костиков передал сыну таковую в уже запечатанном конверте, заверив сына в благоприятном для него характере последней. В то же время, представитель Военкомата, вскрывший конверт в присутствии сына, выразил свое удивление и запечатанному конверту, и той, «более чем отрицательной» характеристике, которая в нем содержалась.

Весной прошлого года сын, заходя ко мне, не раз говорил: «Устал, бесконечное дерганье!» - и продолжал упорно работать. В то же время он говорил о близком завершении своей работы, о том, что надеется в ближайшее время предъявить ее Правительственной Комиссии, а пока что ставил опыт за опытом, работал, прислушивался к каждому шороху винтика, все проверяя сам бесконечное множество раз. Он забыл о личной жизни, забыл о необходимости отдыха и полностью ушел в свою работу. Он глубоко верил, что завершит работу и докажет на деле правильность своей идеи и методов работы, а тем самым рассеет нездоровую атмосферу, которая создалась для него в стенах Института. А между тем атмосфера все более ухудшалась.

Арест сына после ранения ясно говорит, что даже неудавшееся проверочное испытание, при котором лишь по счастливой случайности не погиб сын, и которое произошло, по словам его сослуживцев и его самого, по недосмотру механика, подготовлявшего опыт и недостаточно прочно закрепившего одну из деталей, - даже это, по-видимому, приписывалось сыну, как что-то преступное и умышленное. Сын делал опыт сам, и никто больше не пострадал.

Этим письмом к Вам я решила осветить в возможно кратком изложении упорную борьбу сына, направленную к осуществлению выношенной им идеи реактивного полета, и ту обстановку, в которой протекала его работа, сопровождавшаяся непрерывными нравственными ударами.

Его глубокое увлечение работой, его искренность не подлежат для меня сомнению. Ибо он не мог не быть искренним, когда годами приходил ко мне и рассказывал о своих невзгодах; не мог не быть искренним в больнице, когда, окруженный врачами, горько сожалел, что ранение затормозит окончание работы; не мог не быть искренним, когда там же в больнице говорил мне: «Ты не горюй, мама, если даже мои опыты окончатся трагически для меня, дело новое! Я в него вложил жизнь и не жалею! Но зато, в случае удачи, товарищ СТАЛИН скажет - у нас не было реактивной техники, теперь она у нас есть!» Он не мог не быть искренним, он, убежденный сторонник генеральной линии Партии и Правительства, ставивший интересы Родины выше собственной жизни.

А между тем ныне он осужден, по-видимому, как враг народа.

Обращаюсь к Вам, тов. Голяков, с убедительной просьбой ПЕРЕСМОТРЕТЬ ДЕЛО МОЕГО СЫНА КОРОЛЕВА С.П., ЗАТРЕБОВАВ ЕГО ИЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА, А ТАКЖЕ ПРЕДОСТАВИТЬ ЧЛЕНУ КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ тов. КОММОДОВУ ПРАВО ОЗНАКОМИТЬСЯ С ДЕЛОМ, ДАБЫ ГАРАНТИРОВАТЬ МОЕМУ СЫНУ, МОЛОДОМУ СОВЕТСКОМУ СПЕЦИАЛИСТУ, ПРАВО НА ЗАЩИТУ, КОЕГО ОН БЫЛ ЛИШЕН ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА В ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

1. Выписки из 3-х писем КОРОЛЕВА С П.
2. Копия отношения тов. ГРОМОВА Михаила Михайловича

М. Баланина

27.III.39 г.

К заявлению

ВЫПИСКИ ИЗ ПИСЕМ КОРОЛЕВА СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА

«... Когда думаю о будущем - то верю, что мы снова свидимся. Верю в то, что правда восторжествует...»

(письмо от 2.1.39 г.)

«.... Живу мыслью и надеждой на скорую встречу с Вами и твердо верю, что все выяснится и правда восторжествует...»

(письмо от 15.1.39 г.)

Сообщая о том, что подал мотивированное заявление в Верховный Суд СССР, заканчивает:

«... я уверен, что в этом сумеют разобраться и, конечно, разберутся...»

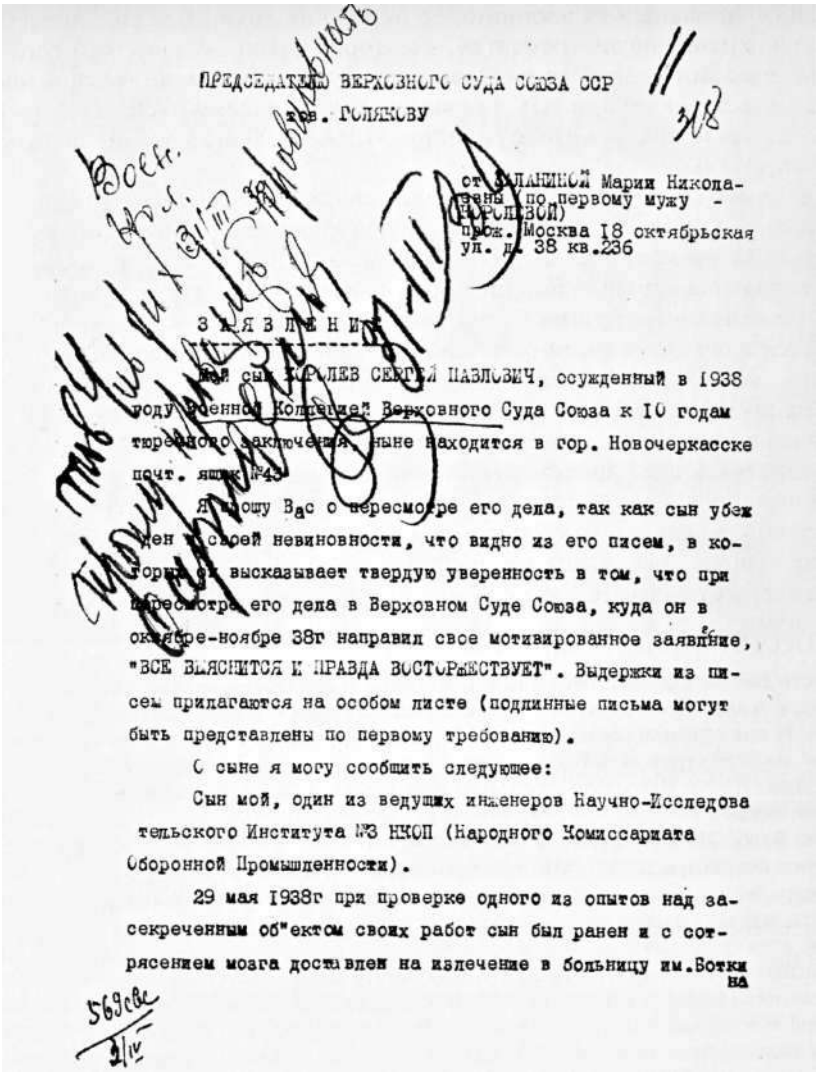
(письмо от 5.II.39 г.)

С подлинным верно - М. Баланина».

В назначенный день, 31 марта 1939 г., бабушка снова пошла в Верховный суд. Можно представить, что она испытывала, зная, что сегодня может решиться судьба ее сына. Она собрала в кулак всю свою волю, все самообладание и, натянутая как струна, вошла в кабинет председателя Суда. В глубине большого зала, застланного ковровой дорожкой, за огромным письменным столом сидел коренастый пожилой мужчина с сединой в волосах, с приятным, но строгим лицом, одетый в косоворотку, подпоясанную кушаком. Он внимательно следил за бабушкой с ее первого шага. А она, высоко подняв голову, смело шла по дорожке, думая о том, что это дорожка жизни ее сына. Подошла к столу, поздоровалась и сказала, по какому делу пришла. Он пригласил ее сесть в огромное кожаное кресло. Его рука лежала на объемистой папке. Он открыл ее и, заглянув внутрь, сказал, что внимательно слушает. Бабушка стала говорить, что просит о пересмотре дела сына, так как считает, что произошла судебная ошибка, что ее сын не может быть преступником. Он ответил, что здесь сидели многие женщины, доказывавшие, что их

мужья или сыновья не преступники. Тут были матери, жены, дочери даже его друзей, которые, увы, осуждены по закону и правомерно понесли наказание. На это она сказала, что просит не о помиловании, а о вызове сына на пересмотр дела, и ее просьбу поддерживает Герой Советского Союза Громов, который не стал бы этого делать, если бы тоже не думал о возможности судебной ошибки. Он снова возражал ей, а она опять и опять доказывала свое, пытаясь убедить его. Пробыв в кабинете не меньше двадцати минут и чувствуя, что время ее истекает, бабушка поднялась и привела последний аргумент. Она сказала, что сама по профессии педагог, что у нее единственный сын, и если она воспитала Родине врага народа, то как же можно доверять ей учить и воспитывать других людей. Логично арестовать и ее - мать, воспитавшую такого сына. Трудно сказать, какой довод оказался более убедительным. Может быть, повлияла ее смелая речь и то, что она не стушевалась перед Верховным судьей, только он, внимательно поглядев на нее, взял большой красный карандаш и размашистым почерком написал что-то на ее заявлении. Она не могла прочесть, что он написал, но по движению руки ей показалось, что она добилась того, чего хотела. Поклонившись ему, она пошла к двери, чувствуя, что он, как и прежде, внимательно смотрит на нее. На вопрос секретаря, каков результат беседы, она ответила, что, по ее мнению, все должно быть хорошо. Секретарь сказал, что если так, то ее сын будет вызван на пересмотр дела, но это может состояться не слишком скоро и во многом зависит от того, признал он или не признал свою вину. Бабушка ответила, что у ее сына сильный характер, и вряд ли он что-либо подписал, если не считает себя виновным. На это секретарь возразил, что «там» умеют разговаривать так, что человек подпишет все что угодно. Бабушка вспоминала, как ее передернуло от этих слов и мороз прошел по коже. За официальным ответом - будет дело пересмотрено или нет - секретарь попросил ее зайти через день. Торжествующая, окрыленная, приехала она домой и сказала всем, что вопрос должен решиться положительно. Но судьба готовила ей еще одно испытание.

Через день, как было условлено, бабушка отправилась за ответом. В ожидании очереди к секретарю она неспешно беседовала с женщиной, хлопотавшей о своем сыне, с доктором из Подмосковья, который приехал просить за своих коллег, арестованных также по 58-й статье, с другими людьми, которые рассказывали о своих бедах. Наконец подошла ее очередь. Она вошла в кабинет, готовая услышать официальные слова, что ее сына вызовут в Москву. Тогда снимется огромное напряжение, и можно будет спокойно ждать этого дня. Увидев ее, секретарь поднялся из-за стола с каменным лицом. Бабушка вспоминала, что ее будто ледяной водой окатило от его официального вида. Вежливо, но очень сухо, совершенно так, как суд оглашает свой приговор, он поглядел на нее, взял со стола какую-то открытку и, подавая ей, сказал: «Гражданка Баланина. Вам отказано в вашей просьбе». Она на какое-то мгновение словно приросла к полу, не могла пошевельнуться и лишь чувствовала, что женщины-машинистки и секретарь смотрят на нее. Потом медленно повернулась и пошла к двери, держа в руках эту открытку. Выйдя из приемной, она стремглав бросилась в туалет в конце коридора и здесь, запершись, разрыдалась. Ей было ясно, что все кончено, что в этой последней инстанции потеряна последняя надежда и ее сын теперь погиб. Она слышала, что в дверь стучали, ломились, что-то кричали, но не открывала, пока немного не взяла себя в руки. Когда же, собравшись с силами, открыла дверь, на нее тут же набросилась толпа: «Что ж вы заперлись? Вас ведь вызывают, обратно вызывают!» Ничего не понимая, растерянная, она вошла к секретарю, держа в руках



ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
тов. ГОЛЯКОВУ

от БАЛАНИНОЙ Марии Николаевны (по первому мужу - КОРОЛЕВОЙ)
прож. Москва 18 октябрьская ул. д. 38 кв.236

З А Я В Л Е Н И Е

Мой сын КОРОЛЕВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ, осужденный в 1938 году Военной Коллегией Верховного Суда Союза к 10 годам тюремного заключения, ныне находится в гор. Новочеркасске почт. ящик №43.

Я прошу Вас о пересмотре его дела, так как сын убежден в своей невиновности, что видно из его писем, в которых он высказывает твердую уверенность в том, что при пересмотре его дела в Верховном Суде Союза, куда он в октябре-ноябре 38г направил свое мотивированное заявление, "ВСЕ ВЫЯСНИТСЯ И ПРАВДА ВОСТОРЖЕСТВУЕТ". Выдержки из писем прилагаются на особом листе (подлинные письма могут быть представлены по первому требованию).

О сыне я могу сообщить следующее:

Сын мой, один из ведущих инженеров Научно-Исследовательского Института №3 НКОП (Народного Комиссариата Оборонной Промышленности).

29 мая 1938г при проверке одного из опытов над засекреченным об"ектом своих работ сын был ранен и с сотрясением мозга доставлен на излечение в больницу им.Боткина

Первая страница заявления М.Н. Баланиной И.Т. Голякову с его резолюцией от 31 марта 1939 г.

все ту же открытку. И вдруг, увидев ее, он встал и сказал: «Я виноват перед вами, пожалуйста, простите меня. Вы можете сию же минуту зайти к председателю Суда и подать на меня жалобу». Она все еще ничего не могла понять и только спросила: «Да в чем же дело?» - «Я допустил ошибку. Я дал вам не ту открытку». От волнения и отчаяния бабушка так и не прочла ее. Теперь же она поднесла открытку к глазам и увидела, что она адресована не Баланиной, а Балакиной, возможно, как раз той несчастной женщине, которая тоже хлопотала о своем сыне. Бабушка протянула секретарю эту открытку, а он дал ей другую, еще раз принеся свои извинения. Конечно, она никуда не пошла жаловаться. Мир снова засиял яркими красками, но то, что ей пришлось пережить за эти жуткие 10-15 минут, бабушка не могла забыть до самой смерти.

Когда она вышла из кабинета, ее окружили люди. Все радовались и вместе с ней перечитывали открытку, в которой было указано, что согласно ее просьбе дело Королева Сергея Павловича будет проверено. А основанием для этого явилась резолюция И.Т. Голякова на ее заявлении: «Тов. Ульрих! Прошу проверить правильность осуждения. 31.03.39». Так Мать отстояла право на жизнь своего сына.

Много лет спустя М.М. Громов написал автобиографическую книгу «Через всю жизнь». Журнальный вариант ее был опубликован в «Новом мире» в 1977 г. Этот журнал он подарил 20 мая 1977 года моей бабушке с надписью: «Марии Николаевне Баланиной - матери великого первого конструктора космических ракет. С великим уважением на добрую память». В конце книги он пишет о ней и об их первой встрече: «Но одно письмо особенно дорого мне. Я получил его в 1969 году, но не в день моего семидесятилетия, а в День Космонавтики. Написала его мать Сергея Павловича Королева - Мария Николаевна Баланина. Когда-то, а точнее после моего полета через Северный полюс, она пришла ко мне на Большую Грузинскую с просьбой помочь ей встретиться с влиятельными людьми, которые могли бы устранить трагическую несправедливость, угрожающую ее сыну. Я это сделал».

Вот полный текст этого письма бабушки, которое М.М. Громов приводит в своей книге в несколько сокращенном виде.

«ДОРОГОЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ!

Пусть Вас не удивляет это письмо. Сегодня День космонавтики - я была во Дворце Съездов, в Аллее Космонавтов и у Кремлевской стены - жизнь Сергея пробежала перед глазами. И вот вспомнился мне Громов Михаил Михайлович. Как и почему я пришла тогда к Вам, не буду утруждать Вас, постараюсь рассказать в своих маленьких отрывках - воспоминаниях. Найти Вас и попасть к Вам в те времена было очень трудно. Я шла к Вам с тревогой, боясь ошибиться во внутреннем моем представлении о Вас, - вернувшись домой, я сказала мужу: «Глядя на него, я думала - это потомок тех, кто »шли из варяг в греки», и рядом Ваш секретарь тогда - Иванов, человек-хамелеон!

Теперь не только я, но сама История должна сказать Вам спасибо. Вы дали мне возможность вырвать из Колымы моего сына.

Я не хочу сказать, что не будь Королева, ничего не было бы, но когда? И если Сергей через все испытания тех лет смог пронести свою мечту, свою целеустремленность, и если на граните памятника я видела сегодня не только роскошные цветы, но и просто зеленые веточки - благодарность народа, так доля этой благодарности принадлежит Вам, Михаил Михайлович.

Вы, может быть, не помните меня, мать Королева Сергея Павловича, тогда я была у вас на Б. Грузинской.

Да, Вы имели гражданское мужество, которое, увы, не всем большим людям дано, как я могла убедиться, помочь мне открыть двери к Председателю Верховного Суда, а там уже, как видите, мне удалось добиться пересмотра дела.

Я навсегда сохранила добрую память о Вас и благодарность матери.

Всего, всего лучшего желаю Вам.

Мария Баланина - мать Королева Сергея Павловича.

19 $\frac{12}{IV}$ 69

Простите за почерк, - письмо посылаю уже из б-цы - сердце изменило ... и вот попала на Грановского, 2».

5 апреля 1971 г. М.М. Громов прислал бабушке по ее просьбе свою фотографию, на которой написал: «Марии Николаевне Баланиной, дорогой матери Сергея Павловича Королева. Кроме любви и преданности нет подобных прекрасных чувств. Шлю Вам и помню - лучшие воспоминания от всей моей души - чудной матери о чудном сыне нашей Родины».

М.М. Громов и М.Н. Баланина на даче в день празднования 85-летия Марии Николаевны. Барвиха, 7 апреля 1973 г.

7 апреля 1973 г., в день своих именин, бабушка отмечала 85-летие на даче в Барвихе. Было много гостей и среди них - Михаил Михайлович Громов. Выступая с поздравлением имениннице, он вспоминал их первую встречу в 1939 г. А 6 декабря 1975 г., М.М. Громов вместе с женой, Ниной Георгиевной, побывал в нашем домашнем музее. В книге отзывов Громовы оставили такую запись:

«Дорогая Мария Николаевна! Вечер, проведенный в Вашей семье, никог-да не забудется. А то, что мы услышали от Вас, потрясает. Вы же сами вызываете восхищение и преклонение».

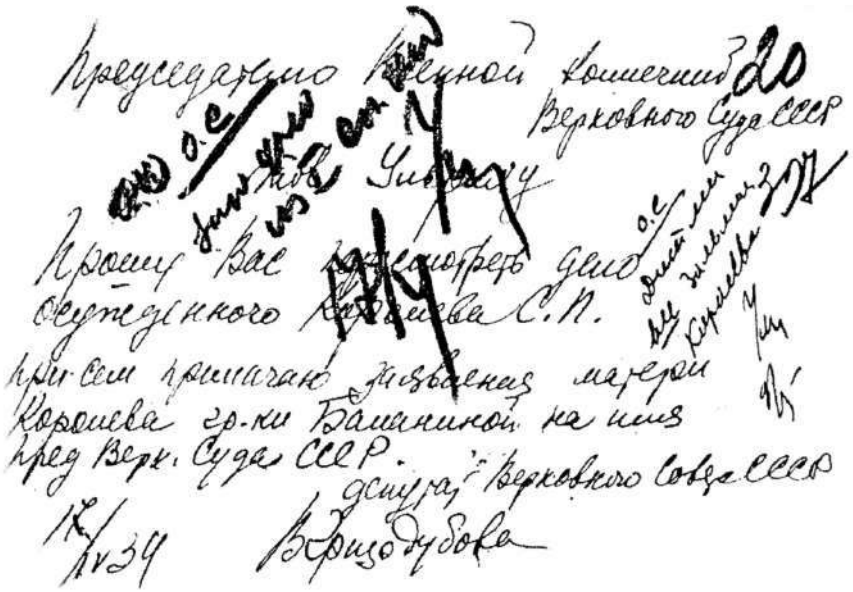
Той весной 1939 г. бабушка, кроме обращения к М.М. Громову, решила заручиться и поддержкой В.С. Гризодубовой. Однажды после работы она поехала по данному ей адресу на Красноармейскую улицу. Падал мокрый снег, который сразу же таял. Под ногами - грязная каша. Район был бабушке незнаком, и она с большим трудом нашла небольшой дом. Поднялась на второй этаж и, к своему огорчению, увидела, что квартира пуста, - в ней шел ремонт. Двери были открыты, стояли бочки с цементом и краской. Что делать? Где узнать новый адрес? Она спустилась вниз и остановилась у лестницы, думая, как поступить. Пока раздумывала, в подъезд вошел молодой моряк и хотел было быстро взбежать по ступеням, но бабушка его остановила и спросила, не знает ли он, куда выехала Гризодубова, - привезла, дескать, ей бумаги, а той не оказалось. Он ответил, что точного адреса не знает, но может объяснить, как ее найти. Она переехала на Ленинградское шоссе в новый, еще не достроенный дом. Бабушка отправилась туда, стараясь обходить в полутьме кучи строительного мусора и ямы с водой. Дом имел посередине арку. Одна половина его оставалась темной, в другой окна уже светились. Бабушка зашла в ближайший подъезд. Увидев лифтершу, спросила, дома ли Гризодубова. Та ответила, что ее квартира в другом подъезде. Сидевшая там

лифтерша оказалась более дотошной. Оглядев нежданную посетительницу с головы до ног и увидев ее мокрое пальто и грязные боты, она стала допытываться, зачем ей в такое позднее время понадобилась Гризодубова. С большим трудом бабушке удалось упросить ее подняться вместе с ней - ведь она не знала этажа и номера квартиры. Лифтерша подвезла ее на третий этаж и указала на 41-ю квартиру. Дождавшись пока лифт уйдет, бабушка робко позвонила и замерла в ожидании. За дверью послышались шаркающие шаги, и женский голос спросил, кто пришел. Она ответила, что просит Валентину Степановну ее принять. Через приоткрытую на цепочке дверь ее внимательно рассматривала пожилая женщина. «Но ведь поздно, она уже спать ложится». Действительно, в своих поисках бабушка провела больше двух часов и уже было начало одиннадцатого. «Боже мой, я с таким трудом вас нашла, совершенно промокла, неужели не увижу ее?» Женщина сказала: «Подождите, я спрошу». Потом вернулась и открыла дверь. Бабушка сняла пальто и боты. Платье внизу и ноги были мокрыми. Женщина, а это была мать Валентины Степановны - Надежда Андреевна, проводила ее через столовую в кабинет, где бабушка увидела молодую, крупного сложения женщину с распущенными волосами. У нее было приятное открытое лицо и ласковая улыбка. Большие серые глаза смотрели внимательно. «Мама уговорила меня принять вас, ведь уже так поздно. Еще бы десять минут и я заснула. Но я вас слушаю». - «Вы должны знать Сергея Королева». - «Да, я его знаю». - «Он арестован». - «Да, я слышала». Бабушка стала излагать суть дела и свою просьбу. Гризодубова вдруг задумалась. Может быть, ей вспомнились юные годы и встречи в Коктебеле, когда она была еще совсем девчонкой, а Сергей - двадцатилетним юношей, полеты на планерах, веселые прогулки, вечерние чаи. «А вы ему кто?» - «Я - мать». - «Да, одни и те же глаза, конечно, он похож на вас. Вы его мать, и я вам помогу. Попробую позвонить Берия». Подошла к телефону. «Ах, жаль, Берия нет, он на каком-то заседании. Ну, хорошо. Позвоню Ульриху». Набрала номер. «Досада какая, Ульриха тоже нет, а то мы, возможно, сейчас бы все уладили. Ко мне обращается много людей, не всем удается помочь, но надо пытаться. Времена и наркомы меняются. Ежова, слава богу, нет. Теперь Берия. К сожалению, сейчас уже не то время, когда можно было сказать: да, возьмусь и наверняка помогу. Так вот я вернула к жизни нескольких молодых специалистов - попросила Берия, их дела пересмотрели, и они освобождены. Такие времена, как ни жаль, прошли. Сейчас не так быстро реагируют на наши просьбы. Но попытаемся. Я созвонюсь с Громовым, и мы обсудим, как и чем можем вам помочь. Я думаю, что, поскольку приговор Сергею вынесла Военная коллегия Верховного суда, надо писать Ульриху. Я пошлю ему письмо с просьбой о пересмотре дела».

Так началось знакомство бабушки с этой замечательной женщиной. Гризодубова еще много раз помогала ей, направляла, давала множество добрых советов, принимая самое горячее участие в судьбе моего отца. А тогда, после первой встречи, Валентина Степановна выполнила свое обещание и 17 апреля 1939 г. направила ходатайство В.В. Ульриху со словами: «Прошу Вас пересмотреть дело осужденного Королева СП. При сем прилагаю заявление матери Королева гр-ки Баланиной на имя пред. Верх. Суда СССР».

На этом письме В.В. Ульрих в тот же день написал наискось синим карандашом «зап[росить] дело из I спецчасти», а 9 мая его рукой здесь же написано «О.С* Дост[авьте] мне все заявления Королева».

* Особый сектор. - *Н. К.*



Ходатайство В.С. Гризодубовой по делу С.П. Королева с резолюцией председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульриха. Москва, 17 апреля 1939 г.

Таким образом, делом отца вновь стали заниматься, но теперь уже с целью его пересмотра. И важную роль в этом, помимо М.М. Громова, сыграла В.С. Гризодубова. В апреле 1969 г. бабушка написала ей письмо со словами глубокой благодарности и любви.

«Валентина Степановна!

Такой дорогой, такой хороший в моих воспоминаниях человек!

День космонавтики - ...была я и во Дворце Съездов, и на Аллее Космонавтов, и у Кремлевской стены, и вспомнились те горькие годы, начало работы Сергея над ракетой.

Он был молод, крепок и силен духом - все перенес, но, если бы в те роковые годы не удалось его вырвать из Колымы?

Конечно, незаменимых людей нет, и все то, что теперь уже сделано, пришло бы, конечно, но он свои, казалось бы несбыточные, мечты уже вынашивал, уже пытался воплотить их в жизнь, когда увезли на Колыму. И не приди Вы на помощь, не отзовись Вы в тот памятный вечер, когда я, не зная адреса Вашего, измученная поисками, вся промокшая насквозь, робко просила Вашу маму впустить меня, кто знает, который День космонавтики мы праздновали бы сегодня. Никогда не забыть мне Вашего участия, а по характеру Вы ведь не из слезливых, и Вашего отношения даже ко мне лично. Оно давало мне уверенность, поддерживало стремление к борьбе. Не попади я тогда к Председателю Верховного суда, не тот бы был ход событий.

И вот теперь Аллея Космонавтов. Народ принес сыну много цветов, зелени - любовь народная и благодарность! Это не только ему, но и Вам.

Я собрала довольно большой альбом о нем и его работе, о близких ему людях и там вместо Вашей хорошей карточки - вырезка из заметки в «Правде» за 38-й год. Какую-нибудь, от любого периода жизни дайте мне Вашу фотокарточку - это будет священная память о Вас. Какую хотите, но дайте!

Этот альбом будет моим правнукам на память, а м.б., и Народу. Растет двое хороших ребят! Андрей - 6-ти лет и Сергей - 2-х. Оба что-то унаследовали от деда, хочется ду-

В.С. Гризодубова.
Фотография конца 1930-х годов

мать - хорошего. Вот так и живу, дорогая Валентина Степановна, памятью о сыне и сознанием, что я еще нужна моим правнукам и внучке. Мой привет Вашей маме, если она помнит меня. Всего, всего Вам хорошего, спасибо! Сердце матери ничего не забывает.

19 *20/IV* 69 Ваша Мария Баланина

P.S. Простите за почерк, но пишу уже из больницы на Грановского лежа - сдает сердце».

Через несколько лет Валентина Степановна прислала ей свою фотографию с надписью:

«Дорогая Мария Николаевна! Шлю Вам свой сердечный привет и самые добрые пожелания. Целую Вас

9/11 76 В. Гризодубова».

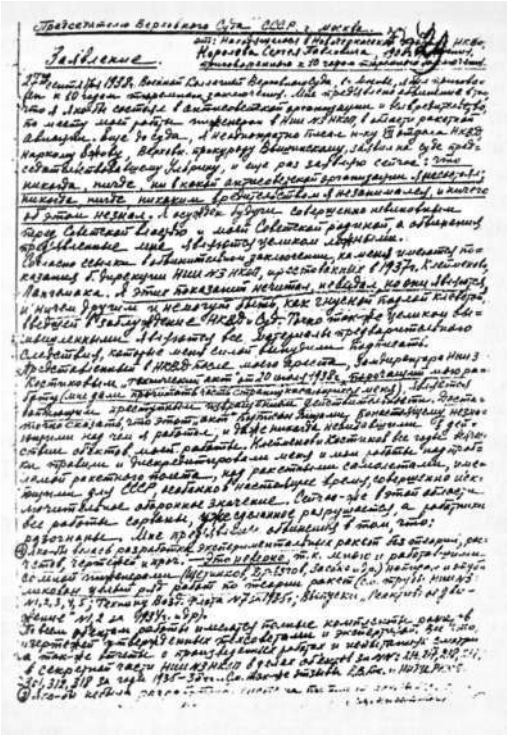
В дальнейшем мы многократно бывали у Валентины Степановны дома, присутствовали на ее 80-летнем юбилее во Дворце культуры комбината «Правда» 12 января 1990 г. (она и мой отец родились в один день с разницей в три года). Наша семья навсегда сохранила светлый образ этой чудесной мужественной женщины.

После указания председателя Верховного суда о проверке дела началось томительное ожидание перевода отца в Москву. Судя по его письмам, он все еще находился в Новочеркасской тюрьме и продолжал бороться за свою свободу. Так, 3 апреля 1939 г. он написал новое заявление председателю Верховного суда СССР с просьбой об освобождении.

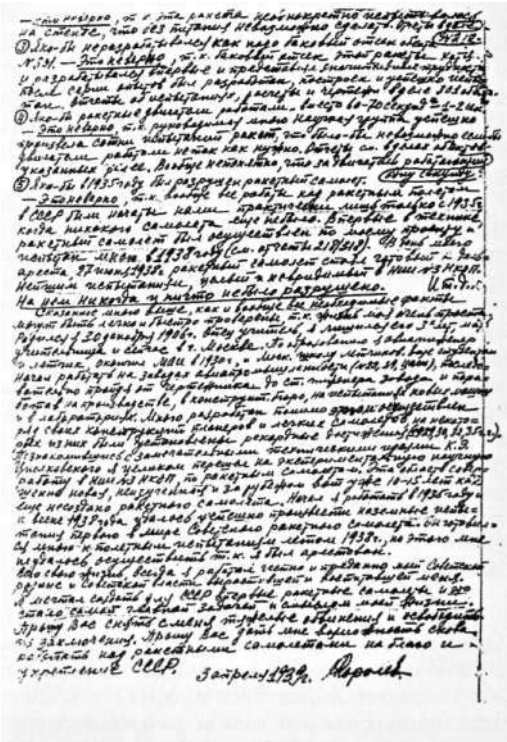
«Председателю Верховного Суда СССР, г.Москва
от находящегося в Новочеркасской тюрьме НКВД
Королева Сергея Павловича, 1906 г. рождения,
приговоренного к 10 годам тюремного заключения

ЗАЯВЛЕНИЕ

27 сентября 1938 г. Военной Коллегией Верховного Суда в г. Москве я был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Мне предъявлено обвинение в том, что я якобы состоял в антисоветской организации и вел вредительство по месту моей работы инженером в НИИ № 3 НКОП в области ракетной авиации. Еще до суда я неоднократно писал н-ку VII отдела НКВД, наркому Ежову, Верховному прокурору Вышинскому, заявил на суде председательствовавшему Ульриху и еще раз заявляю сейчас, что никогда, нигде ни в какой антисоветской организации я не состоял, никогда, нигде никаким вредительством я не занимался и ничего об этом не знал. Я осужден, будучи совершенно невиновным перед Советской властью и моей Советской родиной, а обвинения, предъявленные мне, являются целиком ложными. Согласно ссылки в обвинительном заключении, на меня имеются показания б.дирекции НИИ № 3 НКОП, арестованных в 1937 г. Клейменова и Лангемака. Я этих показаний не читал, не видал, но они являются и ничем другим и не могут быть, как гнусной подлой клеветой, введшей в заблуждение НКВД и Суд. Точно также целиком вымышленными являются все материалы предварительного следствия, которые меня силой вынудили подписать.



Заявление СП. Королева Председателю Верховного суда СССР. Новочеркасская тюрьма, 3 апреля 1939 г.



Представленный в НКВД после моего ареста замдиректора НИИ № 3 Костиковым «технический акт» от 20 июля 1938 г.. порочащий мою работу (мне дали прочитать часть страниц, касающихся меня), является вопиющим преступным извращением действительности. Достаточно сказать, что этот «акт» подписан лицами, по-настоящему не знающими, над чем я работал, и даже никогда не видавшими в действии объектов моей работы. Клейменов и Костиков все годы всячески травили и дискредитировали меня и мои работы над проблемой ракетного полета, над ракетными самолетами, имеющими для СССР, особенно в настоящее время, совершенно исключительное оборонное значение. Сейчас же в этой области все работы сорваны, уже сделанное разрушается, а работники разогнаны. Мне предъявлены обвинения в том, что:

1. Якобы велась разработка экспериментальных ракет без теории, расчетов, чертежей и проч. - Это неверно, т.к. мною и работавшими со мной инженерами (Щетинков, Дрязгов, Засько и др) написан и опубликован целый ряд работ по теории ракет (см. труды НИИ № 3: №: 1,2,3,4,5; «Технику возд. Флота» № 7 за 1935 г.; выпуски «Реактивное движение» № 1,2 за 1934 г. и др.). По всем объектам работы имеются полные комплекты расчетов и чертежей, утвержденных техсоветами и экспертизой. Все это, а также отчеты о произведенных работах и испытаниях смотри в секретной части НИИ № 3 НКОП в делах объектов № 216, 217, 218, 212, 301, 312, 318 за годы 1935-38 гг. См. также отзывы ВВА и НИТИ РККА.

2. Якобы не была разработана система питания ракеты 212. - Это неверно, т.к. эта ракета неоднократно испытывалась на стенде, что без питания невозможно сделать. Отчеты в деле № 212.

3. Якобы не разрабатывался как надо баковый отсек объекта № 301. - Это неверно, т.к. баковый отсек этой ракеты хотя и разрабатывался впервые и представлял значительные трудности, после серии опытов был разработан, построен и успешно испытан. Отчеты об испытаниях, расчеты и чертежи - в деле 301 объекта.

4. Якобы ракетные двигатели работали «вместо 60-70 секунд - 1-2 сек» - Это неверно. т.к. руководимая мною научная группа успешно произвела сотни испытаний ракет, что было бы невозможно, если бы двигатели работали не так, как нужно. Отчеты см. в делах объектов, указанных ранее. Вообще непонятно, что это за двигатель, работающий одну секунду?

5. Якобы в 1935 году был разрушен ракетный самолет. - Это неверно, т.к. вообще все работы над ракетным полетом в СССР были начаты нами практически лишь только с 1935 г.. когда никакого самолета еще не было. Впервые в технике ракетный самолет был осуществлен по моему проекту и испытан мною в 1938 году (см. отчеты 218/318). В день моего ареста. 27 июня 1938 г.. ракетный самолет стоял, готовый к дальнейшим испытаниям, целый и невредимый, в НИИ № 3. На нем никогда и ничто не было разрушено. И т.д.

Сказанное мною выше, как и вообще все необходимые факты, могут быть легко и быстро проверены, т.к. жизнь моя очень проста. Родился 30 декабря 1906 г. Отец учитель, я лишился его 3-х лет, мать учительница и сейчас в г.Москве. По образованию я авиаинженер и летчик, окончил МАИ* в 1930 г. и Моск. школу летчиков. Еще студентом начал работать на заводах авиапромышленности (№ 22,39,ЦАГИ), последовательно пройдя от чертежника до ст. инженера завода и поработав на производстве, в конструкт, бюро, на испытаниях новых машин и в лабораториях. Мною разработан помимо этого и осуществлен ряд своих конструкций планеров и легких самолетов, на некоторых из них были установлены рекордные достижения (1929, 30, 32, 35 г.г.). Познакомившись с замечательными техническими идеями К.Э. Циолковского, я целиком перешел на экспериментальную научную работу в НИИ №3 НКОП по ракетным самолетам. Эта область совершенно новая, неизученная, и за рубежом вот уже 10-15 лет как еще не создано ракетного самолета. Начал я работать в 1935 году, и к весне 1938 года удалось успешно произвести наземные испытания первого в мире Советского ракетного самолета. Он готовился мною к полетным испытаниям летом 1938 г., но этого мне не удалось осуществить, т.к. я был арестован. Всю свою

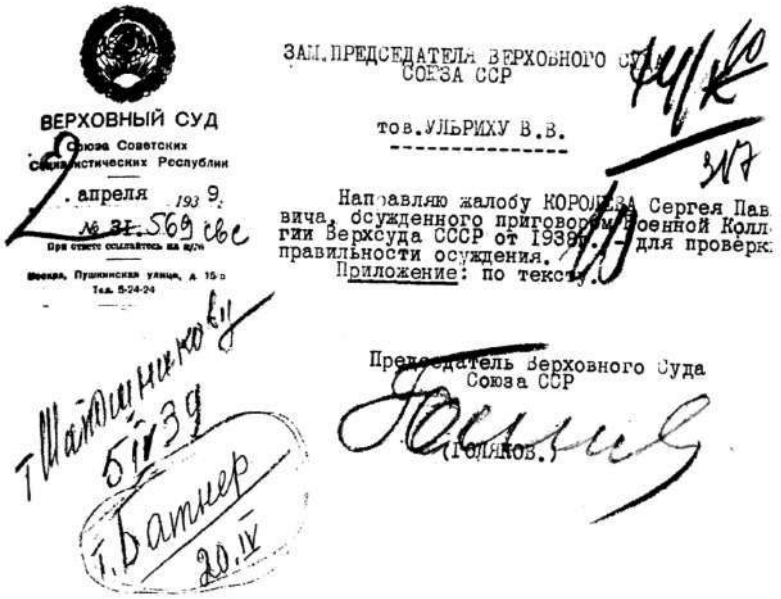
---

*Отец, как я отмечала выше, защитил дипломный проект на аэромеханическом отделении механического факультета МВТУ им. Н.Э. Баумана в декабре 1929 г., но в начале 1930 г. это отделение выделилось из МВТУ и вскоре стало Московским авиационным институтом. Видимо, эта реорганизация и явилась причиной того, что в ряде документов отец писал, что окончил МАИ. - *Н.К.*

жизнь, всегда я работал честно и преданно моей Советской родине и Советской власти, вырастившей и воспитавшей меня. Я мечтал создать для СССР впервые ракетные самолеты, и это стало самой главной задачей и смыслом моей жизни.

Прошу Вас снять с меня тяжелые обвинения и освободить из заключения. Прошу Вас дать мне возможность снова работать над ракетными самолетами на благо и укрепление СССР.

3 апреля 1939 г.
С. Королев».


ВЕРХОВНЫЙ СУД
Союза Советских Социалистических Республик
2 апреля 1939 г.
№ 31.569 сек
При ответе ссылайтесь на № и дату
Москва, Пушкинская улица, д. 15-а
Тел. 5-24-24

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

тов. УЛЬРИХУ В.В.

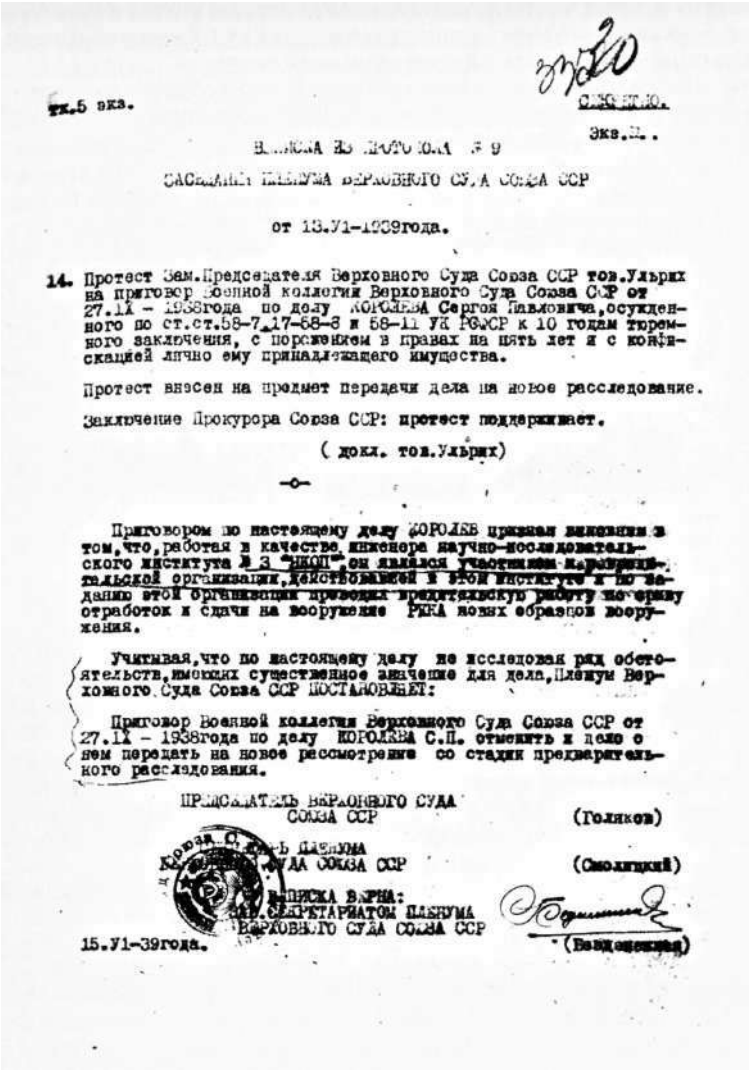
Направляю жалобу КОРОЛЕВА Сергея Павловича, осужденного приговором Военной Коллегии Верхсуда СССР от 1939 г., для проверки правильности осуждения.
Приложение: по тексту.

Председатель Верховного Суда Союза ССР
(Голяков.)

Поручение И.Т. Голякова В.В. Ульриху о проверке дела С.П. Королева. Москва, 2 апреля 1939 г.

Отец не знал, что накануне, 2 апреля 1939 года, председатель Верховного суда СССР И.Т. Голяков направил его заявление, написанное 10 ноября 1938 г., своему заместителю В.В. Ульриху с указанием о проверке правильности осуждения.

Итак, лед тронулся, но очень неторопливо. Пока следственные органы в Москве собирались проверять дело осужденного Королева, в Новочеркасской тюрьме готовили этап в Сибирь. В мае 1939 г. от отца пришло последнее из Новочеркасска письмо, в содержании которого ощущалось беспокойство в связи с возможной отправкой из тюрьмы. Мама вспоминала, что они с бабушкой, прочитав это письмо, были буквально убиты - ведь им казалось, что отец должен со дня на день вернуться в Москву. А дорога на Север, дорога узников, каторжников в Сибирь прочно закрепилась в генетической памяти русских людей, особенно женщин, как дорога смерти. Но что бабушка и мама могли сделать, чем помочь? В поисках выхода советовались с юристами. Ответ был один: надо ждать. Между тем 25 мая отец прошел медицинское освидетельствование, из которого следовало, что он здоров и может выполнять физическую работу. Естественно, о необходимости его творческой деятельности в то время никто не думал: стране нужна была дешевая физическая рабочая сила.



гк.5 экз.

Экз.№.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 9

ЗАСЕДАНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

от 13.VI-1939года.

14. Протест Зам.Председателя Верховного Суда Союза ССР тов.Ульрих на приговор Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 27.IX - 1938года по делу КОРОЛЕВА Сергея Павловича,осужденного по ст.ст.58-7,17-58-8 и 58-11 УК РСФСР к 10 годам тюремного заключения, с поражением в правах на пять лет и с конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

Протест внесен на предмет передачи дела на новое расследование.

Заключение Прокурора Союза ССР: протест поддерживает.

(докл. тов.Ульрих)

-о-

Приговором по настоящему делу КОРОЛЕВ признан виновным в том,что,работая в качестве инженера научно-исследовательского института № 3 "НКОП",он являлся участником контрреволюционной организации,действовавшей в этом институте и по заданию этой организации проводил вредительскую работу по срыву отработок и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения.

Учитывая,что по настоящему делу не исследован ряд обстоятельств,имеющих существенное значение для дела,Пленум Верховного Суда Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Приговор Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 27.IX - 1938года по делу КОРОЛЕВА С.П. отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР (Голяков)

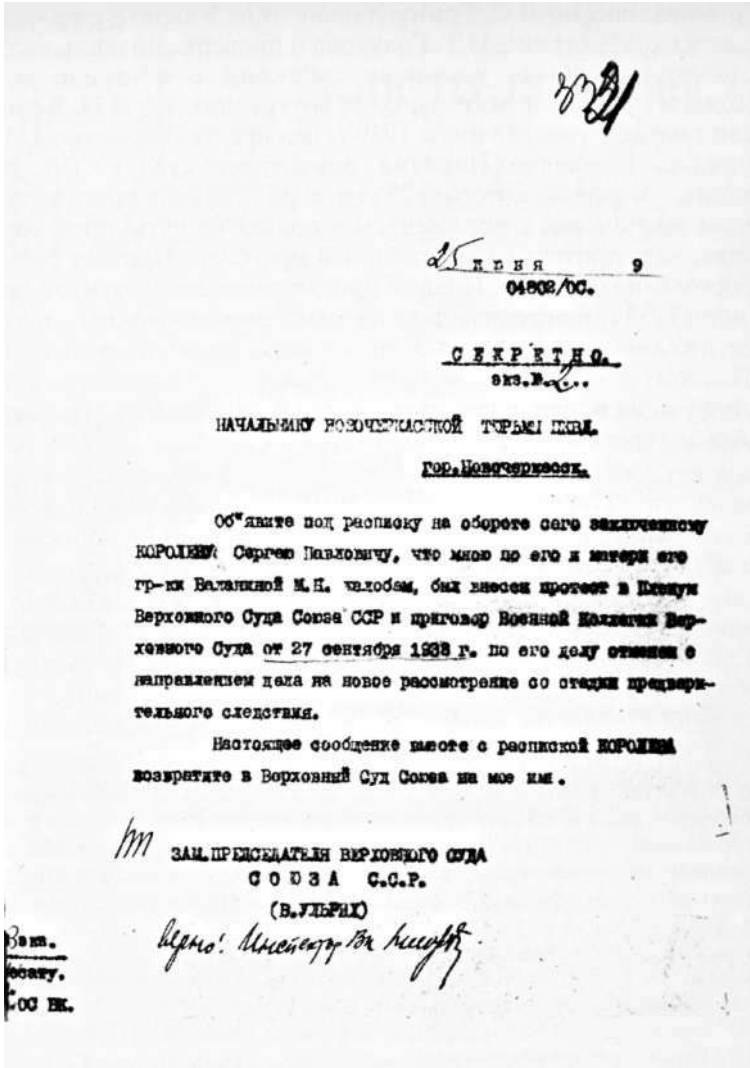
Секретарь Пленума Верховного Суда Союза ССР (Смолицкий)

ВЫПИСКА ВЕРНА:
ЗАВ.СЕКРЕТАРИАТОМ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР (Вендеменкова)

15.VI-39года.

Выписка из протокола заседания Пленума Верховного суда СССР. Москва, 13 июня 1939 г.

1 июня 1939 г. этап из Новочеркасска отправился во Владивосток. Заключенных везли в товарных вагонах. Но, несмотря на строгий режим и почти полную изоляцию от внешнего мира, узники умудрялись выбрасывать на волю через зарешеченные окна весточки о себе. Это были маленькие листочки тонкой папиросной бумаги, предназначенные для того, чтобы насыпать в них махорку и свернуть так называемую самокрутку. На таком листочке удавалось огрызком карандаша нацарапать, что, дескать, жив, люблю, целую и все, больше там места не было. Да и что мог написать о себе человек, которого везли неизвестно куда? Это «письмо» вкладывалось в треугольный конверт, сделанный из бумажной обертки от махорки, который заклеивался потом хлебным мякишем. На конверте писали адрес. Чтобы письмо не унесло



25 июня 9

04802/ОС.

СЕКРЕТНО.

экз.№ 2.

НАЧАЛЬНИКУ НОВОЧЕРКАССКОЙ ТЮРЬМЫ НКВД.

гор.Новочеркасск.

Об"явите под расписку на обороте сего заключенному КОРОЛЕВУ Сергею Павловичу, что мною по его и матери его гр-ки Ватагиной М.Н. жалобам, был внесен протест в Президиум Верховного Суда Союза ССР и приговор Военной Коллегии Верховного Суда от 27 сентября 1938 г. по его делу отменен с направлением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Настоящее сообщение вместе с распиской КОРОЛЕВА возвратите в Верховный Суд Союза на мое им.

ЗАМ.ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА С.С.Р.
(В.УЛЬРИХ)

Верно: Инспектор Вк

Зам.
секр.
ОС НК.

Письмо В.В. Ульриха начальнику Новочеркасской тюрьмы. Москва, 25 июня 1939 г.

ветром в кусты, к нему нитками, выдернутыми из полотенца, привязывали корку хлеба. А между конвертом и коркой вкладывали рубль и листочек папиросной бумаги с надписью: «Прошу приклеить марку и опустить в почтовый ящик». Мама получила несколько таких писем с пути следования отца на восток, отправленных неизвестными добрыми людьми. Одно из них пришло в середине июня из-под Новосибирска. Жаль, что ни оно, ни другие уникальные «этапные» послания отца не сохранились для истории.

Пока эшелон с заключенными малой скоростью двигался на восток, в Москве произошло событие, сыгравшее важную роль в дальнейшей судьбе отца. Многократные заявления его в различные инстанции, обращение бабушки к Председателю Верховного суда СССР, подкрепленное ходатайством

М.М. Громова, письмо В.С. Гризодубовой В.В. Ульриху с просьбой о пересмотре дела отца, указание И.Т. Голякова о проверке правильности его осуждения, некоторое общее улучшение обстановки в стране после ареста Н.И. Ежова и прихода нового наркома внутренних дел Л.П. Берия - все это возымело свое действие. 13 июня 1939 г. под председательством И.Т. Голякова состоялось заседание Пленума Верховного суда СССР, на котором В.В. Ульрих, тот самый, который 27 сентября 1938 года приговорил отца к десяти годам заключения с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества, внес протест на собственный приговор. Протест был поддержан Прокурором Союза ССР, и Пленум принял решение об отмене приговора от 27 сентября 1938 г. и передаче дела на новое расследование. Это стало большим достижением, но о нем ни отец, ни наша семья, ни начальник этапа не знали. Поэтому отец продолжал свой путь на каторгу, а бабушка, отчаявшись в ожидании сына и желая ускорить процесс пересмотра его дела, написала заявление в секретариат И.В. Сталина.

«В ЦК ВКП(Б)

Секретариат товарища СТАЛИНА И.В.

от БАЛАНИНОЙ Марии Николаевны
(по первому браку КОРОЛЕВОЙ),
прож. Москва 18, Октябрьская
ул. 38 кв. 236.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой сын, КОРОЛЕВ Сергей Павлович, осужден Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР в гор. Москве в августе - сентябре 1938 года к 10 годам лишения свободы и ныне отбывает наказание в Новочеркасской тюрьме.

По его личному заявлению и моей просьбе, которая подкреплена знавшими лично сына как специалиста редкой отрасли авиации (реактивного полета в стратосфере) Героями Советского Союза т.т. Громовым М.М. и Гризодубовой В.С., -дело находится на пересмотре у тов. Ульриха.

Сын неоднократно в своих письмах ссылается на то, что основная жалоба написана им на имя товарища СТАЛИНА И.В. (в ЦК ВКП(б)), где он наиболее детально, со ссылкой на документы опровергает предъявленные ему обвинения.

Убедительная просьба направить заявление моего сына, КОРОЛЕВА СП., от 6 февраля 1939г. Председателю Военной Коллегии Верхсуда Союза тов. Ульриху, т.к. я надеюсь, что доводы сына о его невиновности могут иметь значение при пересмотре дела.

Считаю нужным отметить, что мой сын является молодым советским специалистом (ему 32 года) и до ареста работал в Институте № 3 Оборонной Промышленности (быв. Реактивный Научн. Иссл. Институт).

Просьба ответить мне по вышеуказанному адресу.

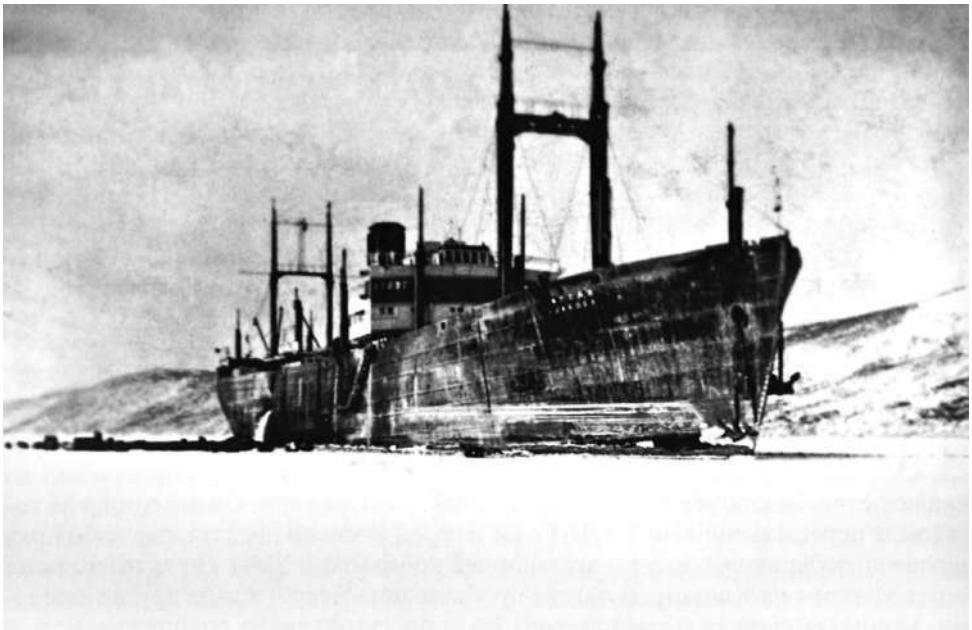
15.VI.39 г. М. Баланина».

Отправляя это заявление, бабушка не знала, что отца уже нет в Новочеркасске. Но и в аппарате Верховного суда СССР не было известно, где в данный момент находится заключенный С.П. Королев. 25 июня 1939 г. В.В. Ульрих направил начальнику Новочеркасской тюрьмы извещение с грифом «секретно» об отмене приговора по делу отца с указанием под расписку объявить ему об этом. Но объявлять оказалось некому. Этап давно ушел, догонять его никто не собирался. И... письмо В.В.Ульриха вернулось в Москву.

Глава десятая

ЗОЛОТО КОЛЫМЫ (1939)

Прокуратура СССР 5 июля 1939 г. обратилась в 1-й спецотдел НКВД с просьбой выслать для изучения дело С П. Королева А сам он тем временем приближался к Тихому океану. 9 июля 1939 г. этап прибыл во Владивосток. Заключенных направили в лагерь «Омский». Он находился за городом, в пересыльной зоне ГУЛАГа на Второй речке, и представлял собой ряд деревянных бараков, обнесенных колючей проволокой. Далее путь отца лежал через Магадан на Колыму. В лагере пробыли пять дней - ждали другие эшелоны, чтобы заполнить большой корабль, ибо сухопутного сообщения между Владивостоком и Магаданом не существовало. По морю курсировали корабли Дальстроя - организации, созданной в 1931 г., которая с 1938 г. подчинялась НКВД. Корабли регулярно доставляли в бухту Нагаєво заключенных и вольнонаемных, приехавших работать по контракту. В течение 1939 г. на Колыму завезли 70 492 человека, из них вольнонаемных «за счет вербовки» было всего 3654, остальные - заключенные. Среди последних ранее, в начале 1937 г., преобладали уголовники. Но уже к концу того же года и тем более в 1938-1939 гг. основной контингент Управления северо-восточных исправительно-трудовых лагерей состоял из «политических», то есть осужденных по 58-й статье за «контрреволюционную деятельность». Вот на одном из таких пароходов с названием «Дальстрой», совершавшем в 1939 г. свой четвертый рейс, 14 июля 1939 г. был отправлен в бухту Нагаєво мой отец. Заключенные с вещами прошли подконвойной колонной от Второй речки до мыса Чуркин в заливе Золотой Рог - причала Дальстроя, где было пришвартовано судно. Этот пароход грузоподъемностью 8 тыс. тонн, называвшийся ранее «Алмело», был куплен Советским Союзом весной 1935 г. в Амстердаме у Нидерландской королевской компании. По прибытии в октябре того же года в Нагаєво он получил название «Ягода» - в честь наркома внутренних дел СССР в 1934-1936 гг. Г.Г. Ягоды, - а 11 мая 1937 г., после ареста последнего, переименован в «Дальстрой». Одновременно с ним у той же компании был приобретен пароход «Масуда» грузоподъемностью 7 тыс. тонн, который стал называться «Джурма», что в переводе с эвенского означает «солнечный путь». На этом судне примерно в то же время по тому же маршруту этапировали на Колыму бывшего комдива, впоследствии генерала армии, Героя Советского Союза А.В. Горбатова, который описал этот период в автобиографической книге «Годы и войны». По его воспоминаниям, в течение всего рейса заключенные находились в трюме, в отдельных отсеках. Время от времени их партиями выводили на палубу подышать свежим воздухом. В Японском море вплоть до пролива Лаперуза погода стояла хорошая, и море было спокойным. В Охотском море начался шторм, сопровождавшийся сильной качкой. Этот участок пути оказался для узников особенно



Пароход «Ягода» в бухте Нагаєво. Зима 1937 г.

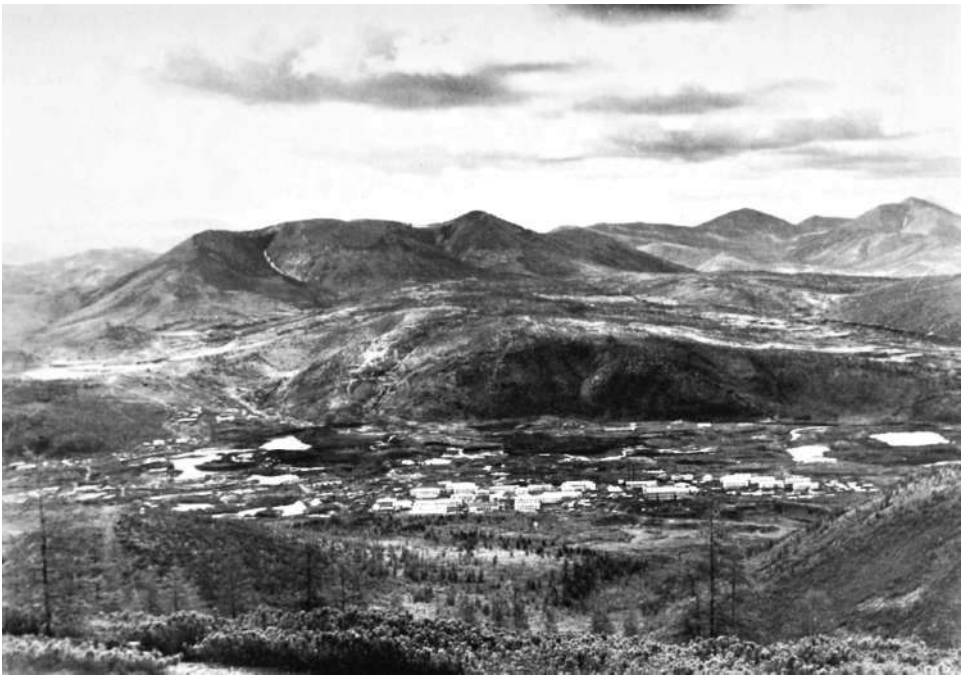
тяжелым, так как в трюме было очень душно, а на палубу их не выпускали, опасаясь, чтобы кого-нибудь не смыло волной. А.В. Горбатов пишет: «Все эти изнурительные семь суток плавания мы питалась сухим пайком, который доходил до нас в сильно урезанном виде, да получали немного кипятку. Многие не выдержали такого режима и заболели».

21 июля 1939 г. пароход «Дальстрой» пришел в бухту Нагаєво - морские ворота Колымского края. Свое название она получила в память о выдающемся русском гидрографе XVIII в. адмирале А.И. Нагаеве. На берегу бухты расположился поселок Магадан, удаленный от Москвы на 7110 километров и состоявший в то время в основном из сборных двухэтажных домов, бараков и палаток. Лишь за неделю до прибытия отца, 14 июля 1939 г., Указом Президиума Верховного Совета РСФСР он получил статус города.

Заключенных первым делом зарегистрировали в «Книге прибытия этапов» № 41, заведенной еще в июне 1932 г. и ныне хранимой в Магаданском областном архиве УВД. Под номером 236 438 там значится Королев Сергей Павлович. Следующим записан его знакомый по Новочеркасской тюрьме Василий Алексеевич Кудрявцев, бывший агрохимик, директор опытной льняной станции в г. Белый Западной (ныне - в Тверской) области, член ВКП(б), также осужденный на десять лет по 58-й статье.

После регистрации заключенных направили в так называемые транзитки - бараки, обнесенные колючей проволокой, с караульными вышками по углам. Ни в чем не повинные, окруженные конвоем, люди понуро шли по улицам Магадана под молчаливыми взглядами его немногочисленных жителей. В «транзитке» отец провел восемь дней. 29 июля он прошел медицинское освидетельствование, подтвердившее его пригодность к физическому труду, и был отправлен в пункт назначения - золотодобывающий прииск Мальдяк, находившийся почти в семистах километрах к северу от Магадана. Путь проходил

Путь СП. Королева по Колымской трассе из Магадана в Мальдяк в июле-августе 1939 г.



Золотодобывающий прииск Мальдяк, 1980-е годы

Вышка лагеря заключенных. Колыма, 1930-е годы

по знаменитой Колымской трассе. Заключенных пять суток везли на трехтонках ЗИС-5, грузовых машинах с брезентовым верхом, по 30 человек в каждой, вначале по выбитому шоссе, затем по грунтовой дороге по маршруту: Магадан-Палатка-Атка-Мякит-Оротукан-Дебин-Ягодное-Сусуман, затем поворот направо на Мальдяк. Считается, что название этого места и одноименной речки, петляющей между тремя сопками, - левого притока Берелеха в его среднем течении - имеет эвенское происхождение. В переводе «мальдяк» означает место, куда приходят за дровами, и действительно, сопки там покрыты лесом. Не исключается и якутское происхождение этого слова, означающего «восход и заход одновременно двух солнц» - солнце заходит за одну сопку и почти сразу же всходит из-за другой.

Освоение Мальдяка началось в 1937 г. и связано с открытием крупного месторождения золота. В 1939 г. это был типичный для того времени колымский горняцкий поселок, состоявший из деревянных домиков, в которых жили вольнонаемные, и лагеря с заключенными. По воспоминаниям бывшего узника Мальдяка генерала А.В. Горбатова, прибывшего туда почти одновременно с отцом, «в лагере, огороженном колючей проволокой, было десять больших, санитарного образца двойных палаток, каждая на пятьдесят-шестьдесят заключенных. Кроме того, были деревянные хозяйственные постройки: столовая, кладовые, сторожка, а за проволокой - деревянные казармы для охраны и там же шахты и две бутары - сооружения для промывки грунта. Нас пересчитали, завели за проволоку. Первый раз за пять суток дали горячую пищу. В нашем лагере было около четырехсот осужденных по 58-й статье и до пятидесяти «уркаганов», закоренелых преступников, на совести которых была не одна судимость, а у некоторых по нескольку, даже по восьми ограблений с убийством. Именно из них и ставились старшие над нами».

Вот в такую обстановку попал 3 августа 1939 г. отец, приговор по делу которого был отменен еще до его прибытия на Колыму. Он этого не знал, но в семье уже знали, и бабушка продолжала борьбу за возвращение сына в Москву. 5 августа она послала телеграмму с оплаченным ответом Главному военному прокурору с просьбой принять ее.

Ответа, конечно, нет, и И августа бабушка пишет Главному военному прокурору заявление, в котором просит приостановить этапирование сына, не зная о том, что он уже находится на Колыме.

«ГЛАВНОМУ ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ СССР

гр. БАЛАНИНОЙ М.Н. (Королевой по первому браку),
прож. Москва 18, Октябрьская 38, кв. 236.

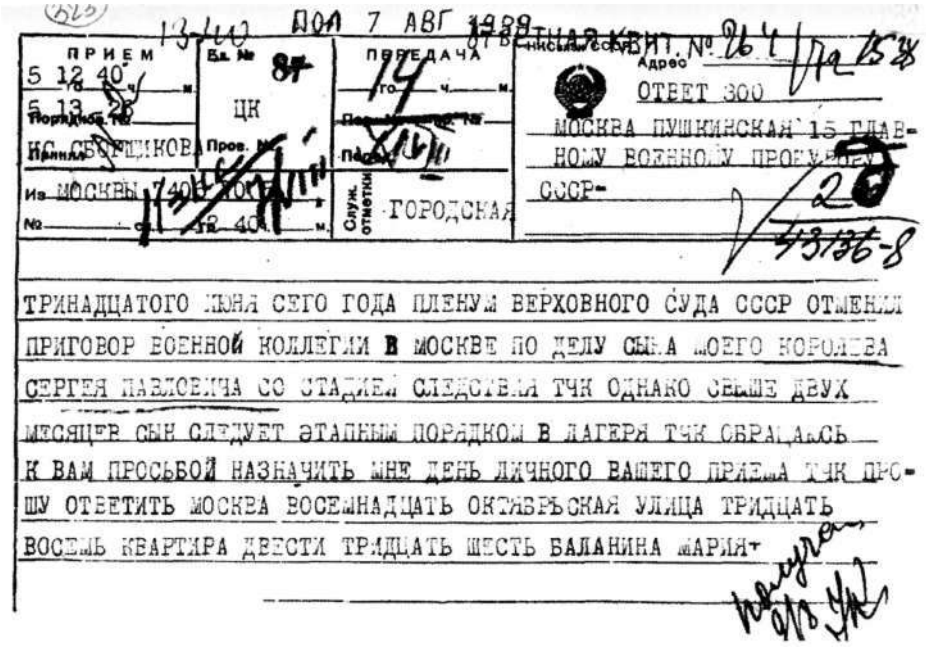
ЗАЯВЛЕНИЕ

Определением Пленума Верховного Суда Союза ССР от 13.VI. 1939 г. ОТМЕНЕН ПРИГОВОР в отношении моего сына КОРОЛЕВА Сергея Павловича, осужденного Военной Коллегией Верховного Суда Союза в августе-сентябре 1938 года в гор. Москве. Дело передается на новое рассмотрение со стадии следствия.

Мой сын КОРОЛЕВ С.П. примерно с октября 1938 года до июня 1939 г. находился в Новочеркасской тюрьме, после чего отправлен этапом, а последние известия о нем от середины июня имею из-под Новосибирска.

Я прошу Вас приостановить телеграфным распоряжением его этапирование и ускорить его вызов с пути следования в Москву по месту производства следствия.

Я убедительно прошу Вас об этом, т.к. с момента отмены приговора прошло уже 2 месяца, а под стражей, арестованный через несколько дней после выхода из больницы, где он находился из-за ранения с сотрясением мозга, он находится уже свыше года и чувствует себя физически плохо.



ПРИЕМ
5 12 40
5 13 26
Принято
ИС СЕРГЕЕВКОВ
Из МОСКВЫ 7 40
№ 12 40

Вх. № 87
ЦК
Пров. №

ПЕРЕДАЧА
14
Передано
Служ. отметки
ГОРОДСКАЯ

ОТВЕТНАЯ КВИТ. № 264
Адрес
ОТВЕТ 300
МОСКВА ПУШКИНСКАЯ 15 ГЛАВНОМУ ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ СССР-

ТРИНАДЦАТОГО ИЮНЯ СЕГО ГОДА ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ОТМЕНИЛ ПРИГОВОР ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ В МОСКВЕ ПО ДЕЛУ СЫНА МОЕГО КОРОЛЕВА СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА СО СТАДИЕЙ СЛЕДСТВИЯ ТЧК ОДНАКО СВЫШЕ ДВУХ МЕСЯЦЕВ СЫН СЛЕДУЕТ ЭТАПНЫМ ПОРЯДКОМ В ЛАГЕРЯ ТЧК ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ ПРОСЬБОЙ НАЗНАЧИТЬ МНЕ ДЕНЬ ЛИЧНОГО ВАШЕГО ПРИЕМА ТЧК ПРОШУ ОТВЕТИТЬ МОСКВА ВОСЕМНАДЦАТЬ ОКТЯБРЬСКАЯ УЛИЦА ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ КВАРТИРА ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ БАЛАНИНА МАРИЯ-

Телеграмма М.Н. Баланиной Главному военному прокурору. Москва, 5 августа 1939 г.

Кроме того, как видно, он направлен в дальние лагеря, откуда возвращение возможно лишь в известные периоды и без Вашего срочного распоряжения может задержаться на многие месяцы.

По сему вопросу я обращалась к Вам телеграфно 5 сего августа с просьбой принять меня для личного изложения дела, но до сих пор не получила никакого ответа.

11.VIII.39 г. М.Баланина.

Москва».

Семья уже в июле 1939 года знала, что отец этапирован из Новочеркасской тюрьмы, а следственные органы, как оказалось, не знали этого даже в сентябре. 3 сентября 1939 года они издали следующее постановление:

« «УТВЕРЖДАЮ»
НАЧ СЛЕДЧАСТИ НКВД СССР
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА
/КОБУЛОВ/
3 сентября 1939 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Москва, 29 августа, 1939 года.

Я, следователь Следчасти НКВД, лейтенант Гос. безопасности Быков, рассмотрев следственное дело № 19908 /арх № 954694/ по обвинению КОРОЛЕВА Сергея Павловича, 1906 г. рожд., урож. г. Житомира, русский, гр-н СССР, беспартийный, до ареста - инженер Научно-Исследовательского Института № 3, быв. НКОП,

НАШЕЛ:

КОРОЛЕВ С.П. арестован 27-го июня 1938 года, как участник антисоветской организации, проводившей вредительскую работу.

В процессе следствия КОРОЛЕВ признал себя виновным, что являлся участником троцкистской вредительской организации, существовавшей в НИИ № 3, по заданию которой

проводил вредительство по срыву отработки и сдачи новых образцов вооружения для РККА.

На заседании Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР 27ДХ-38 г. КОРОЛЕВ от данных им показаний на предварительном следствии - отказался.

Решением Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР 27-го сентября 1938 года КОРОЛЕВ был приговорен к 10 годам тюремного заключения с поражением в политических правах сроком на 5 лет и конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

Находясь в тюремном заключении, КОРОЛЕВ подал заявление на имя председателя Верховного Суда Союза ССР о пересмотре его дела. Подобное же заявление на имя председателя Верховного Суда Союза ССР поступило от матери КОРОЛЕВА-БАЛАНИНОЙ М.Н.

На основании этого 13-го июня 1939 года Пленум Верховного Суда Союза ССР, пересмотрев дело КОРОЛЕВА, нашел, что по делу не исследован ряд обстоятельств и вынес решение отменить приговор Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 27ДХ-38 года, а след. дело по обвинению КОРОЛЕВА передать в Следственную часть НКВД СССР на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

На основании изложенного -

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело № 19908 /арх.№ 95469/ по обвинению КОРОЛЕВА СП. принять к своему производству для ведения дополнительного расследования. Арестованного КОРОЛЕВА Сергея Павловича из Новочеркасской тюрьмы затребовать в гор. Москву.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ НКВД СССР
Лейтенант гос. безопасности /БЫКОВ/

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ НКВД СССР
Мл. лейтенант гос. безопасности /ПАВЛОВ/

«СОГЛАСЕН»: ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ НКВД СССР
Капитан гос. безопасности /АРЕНКИН/».

А заключенный Королев тем временем уже добывает «золотишко» на Мальдяке. За два дня до прибытия его туда, 1 августа 1939 года, был издан приказ № 765 по Дальстрою «О выполнении августовского плана», которым предписывалось: «Принять решительные меры к максимальному повышению производительности труда и лучшему, бесперебойному использованию механизмов. Использовать все меры поощрения лучших лагерников, работающих по-стахановски и по-ударному... Одновременно злостных отказчиков строго наказывать, сажая в карцер на штрафной паек и предавая суду». Прииск Мальдяк в то время был на хорошем счету. За сутки там добывали до нескольких килограммов золота. Как отмечено в «Хронике золотодобывающей промышленности Магаданской области» от 21 сентября 1939 года: «За успешное выполнение программы металлодобычи 1938 г. прииску «Мальдяк» выделены автомашина М-1 и 10 тыс. руб. для премирования работников, отличившихся в борьбе за план».

Да, план выполнялся. Но какой ценой? Заключенных поднимали в шесть часов утра и после скудного завтрака, колонной, шеренгами по пять человек, под конвоем вооруженной охраны - один конвоир впереди, два сзади - отправляли на работу. Каждая бригада занимала свое рабочее место. Несколько заключенных разводили костер, у которого можно было погреться во время коротких перерывов. Работали без выходных по двенадцать часов в сутки. С 13 до 14 часов объявлялся перерыв на обед. Посудой служили металлические миски и кружки, алюминиевые или приспособленные из консервных банок. Пища была скудной - болтушка на муке, вареная селедка, каша, чай. Хлеба не хватало. Его давали сразу на весь день - по килограмму на человека, если бригада выполняла план, и по 600 граммов, если не выполняла. На ужин приходилось около 200 граммов каши без масла и чай с двумя кусками сахара.

Работа состояла в добыче на глубине 30-40 метров золотоносной породы и велась вручную. Это требовало значительных усилий. Отколотую кирками породу лопатами насыпали в тачки, доставляли к подъемнику, поднимали по стволу наверх и тачками по проложенным доскам подвозили к бутарам. На столь тяжелую работу посылали, как правило, «врагов народа». Среди них был и отец. Уголовники же обычно выполняли функции бригадиров, поваров, учетчиков, дневальных и старших по палаткам. Естественно, что при полуголодном питании ежедневный изнурительный труд быстро приводил к физическому истощению и гибели людей. Но на любые жалобы заключенных от лагерного начальства следовал ответ: «Вы отбываете наказание и обязаны работать. За вашу жизнь мы не отвечаем. Нам нужен план, а вас не станет, привезут в навигацию других».

Советский писатель А.И. Алдан-Семенов, также отбывавший наказание на прииске Мальдяк, вспоминал, что осенью 1939 г. ему довелось работать в забое с зэком по фамилии Королев. Надо было в узкой норе киркой отбивать куски золотоносной руды. В норе помещался только один человек, поэтому напарник в это время отдыхал. Потом, после короткого перекура, добытую руду везли наверх - «нагора» - на тачке. В один из перекуров, - рассказывал Андрей Игнатьевич, - Сергей высказался приблизительно так: «Я могу понять, что нас, инженеров, могут обвинить в каких-то грехах, так как наша исследовательская работа состоит из проб и ошибок. А Вас-то, писателей, в каком грехе можно обвинить? Ну, вот Вы за что сидите?» - «За ЧТО», - шутливо ответил я и тут же расшифровал, - мол я - «член троцкистской организации». Королев горько рассмеялся - «Выходит, и я сижу тут за «ЧТО»! Вот, за что мы должны погибнуть».

Заключенные, люди разных возрастов, различного здоровья и физической силы, жили бригадами в черных палатках размерами 7Х21 м из брезента, натянутого на деревянные каркасы, спали на деревянных двухъярусных нарах с матрасами, набитыми сухой травой. Под голову клали бушлаты - длинные, до колен, телогрейки, обычно прожженные у костров. Постельного белья не было - давали лишь «вафельные» полотенца. Укрывались солдатскими одеялами. Каждая палатка отапливалась стоявшей посредине печкой, сделанной из железной бочки. Угля в те годы на Мальдяке не было. Топливом служили так называемые хлысты - сухие стволы и ветки деревьев, которые заключенные приносили с сопок. Эти «дрова» они не рубили, а постепенно вдвигали в печку. Но печка не спасала от холода, так как морозы с сильным ветром, начинавшиеся уже в октябре, достигали зимой сорока, пятидесяти, а иногда и шестидесяти градусов. Поэтому на зиму стены палаток заваливали снегом, чтобы таким образом создать хоть какую-то тепловую защиту. Из одежды заключенным выдавали ватные штаны и рукавицы, бушлаты, шапки-ушанки и валенки, подшитые резиной, но в них в мороз очень мерзли ноги. Поэтому заключенные делали себе из старых ватников «чуни», подошва которых вырезалась из валенок. Они были более теплыми, но быстро изнашивались. Иногда на них сверху надевали веревочные лапти. Бани в лагере не было. В палатках висели рукомойники. Нательное белье не стиралось. Заключенных заедали вши. «Политические» жили вместе с уголовниками, которые всячески над ними издевались: отнимали «пайку», а у вновь прибывших личную одежду и часто били.

Такова была жизнь в лагере. Нечего и говорить, что моральное состояние политзаключенных было подавленным. Безвинно осужденных, оторванных от любимой работы и семьи, этих людей - участников революции, военачаль-

ников, специалистов народного хозяйства - обрекли на жалкое существование бесправных рабов, вынужденных подчиняться приказам грубых полуграмотных охранников и матерых преступников, почти без надежды на избавление. Но ... человеку свойственно надеяться даже в, казалось бы, безвыходных ситуациях. Надеялся и отец. Я была потрясена рассказом метрдотеля ресторана Центрального Дома литераторов во время поминок по бабушке Марии Николаевне в 1980 г. Оказалось, что отец этой женщины был когда-то соседом моего отца по нарам. Увидев в январе 1966 года фотографию над некрологом в газете «Правда», он сказал: «Да ведь это тот самый Серега Королев, который на Колыме поражал всех тем, что делал по утрам зарядку, а на наши скептические прогнозы отвечал, что еще надеется пригодиться своей стране».

Мысли о том, как вырваться на волю, не давали отцу покоя. Самым опасным было затеряться в огромной людской массе, заброшенной за тысячи километров от столицы. Единственный шанс - еще и еще напоминать о себе. И 15 октября 1939 г. отец вновь пишет заявление Верховному прокурору СССР с просьбой снять с него несправедливые обвинения и дать возможность продолжить работу над ракетными самолетами для укрепления обороноспособности страны.

«Гор. Москва. Верховному прокурору Союза ССР.

От: КОРОЛЕВА Сергея Павловича. 1906 г. рожд., приговоренного в г. Москве 27 сент. 1938 г. Военной Коллег. Верхсуда СССР к 10 годам тюремного заключения, с поражен, прав на 5 лет и конфискац. личного имущества, по ст. 58-й п.п. 7-11 и 17-8.

Адрес: ДВК, Нагаєво. Берелех. Лагпункт прииска Мальдяк.

ЗАЯВЛЕНИЕ

27 июня 1938 г. я был арестован в г. Москве 7-м отделом НКВД СССР. Мне были предъявлены обвинения по статье 58-й п.п. 7 и 11 УК в следующем:

I. В том, что якобы я состоял членом антисоветской контрреволюционной организации, работая в Научно-исследовательском институте № 3 б. НКОП* в должности ст. инженера.

В том, что якобы я проводил вредительство в области ракетной авиации, заключавшееся согласно обвинительного заключения в следующем:

1. Якобы мною производилась разработка экспериментальных ракет без должных расчетов, чертежей, исследований по теории ракетной техники.

2. Якобы мною неудачно была разработана опытная ракета № 217 с целью задержать остальные, более важные работы.

3. Якобы мною не была разработана система питания опытной ракеты № 212, что сорвало ее испытания.

4. Якобы мною разрабатывались ракетные двигатели, которые работали только 1-2 секунды /!?/

5. Якобы мною, совместно с инж. Глушко (арестован 23 марта 1938 г.), в 1935 году был разрушен ракетный самолет.

Любопытна эта скромная буква «б» перед аббревиатурой. Она говорит о том, что до С.П.Королева дошли сведения (видимо, от недавно арестованных товарищей по несчастью), что НИИ-3 уже находится не в составе Наркомоборонпрома, а в выделившемся из этого ведомства в январе 1939 г. Наркомате боеприпасов. Вряд ли эта новость обрадовала Сергея Павловича. Она означала, что работы института по реактивным снарядам стали безоговорочно приоритетными, а тематика по ракетным летательным аппаратам, если и сохранилась, то будет, безусловно, отодвинута на задний план. - *Прим. ред.*

Гор. Москва. Верховному Прокурору Союза ССР

от: Королева Сергея Павловича, 1906 г. рожд.
приговоренного в г. Москве 27 сент. 1938 г. Военной Коллег. Верх. суда СССР к 10 годам тюремного заключения, с пораж. прав на 5 лет и конфиск. личного имущества, по ст. 58-1 п.п. 7-11 и 17-8.
Адрес: ДВК, Нагаево, Берелех, Лагпункт Прииска Мальдяк.

Заявление.

27-го июня 1938 г. я был арестован в г. Москве 7-м отделом НКВД СССР. Мне были предъявлены обвинения по статье 58-1 п.п. 7 и 11 УК в следующем:
I. В том, что якобы я состоял членом антисоветской контр-революционной организации, работая в Научно-Исследовательском Институте № 3 б. НКОП в должности ст. инженера.
II. В том, что якобы я проводил вредительство в области ракетной авиации, заключавшееся согласно обвинительного заключения в следующем: 1. Якобы мною производилась разработка экспериментальных ракет без должных расчетов, чертежей, исследований по теории ракетной техники.
2. Якобы мною неудачно была разработана опытная ракета № 217 с целью задержать остальные более важные работы.
3. Якобы мною небыла разработана система питания опытной ракеты № 212, что сорвало ее испытания.
4. Якобы мною разрабатывались ракетные двигатели, которые работали только 1-2 секунды (!?).
5. Якобы мною, совместно с инж. Глушко (арестован 23 марта 1938 г.) в 1935 году был разрушен ракетный самолет.
По существу этих обвинений могу сказать следующее:
I. Я неоднократно заявлял на следствии, писал Наркому Внутренних дел СССР и Верховному Прокурору, а также категорически заявляю на суде и заявляю еще раз сейчас, что я никогда, нигде и ни в какой антисоветской контр-революционной организации не состоял и ничего об этом не знал и не слыхал. Мне 33 года. Отца моего, учителя в гор. Житомире, я лишился 3-х лет от роду. Мать моя и сейчас учительница в Дзержинском р-не г. Москвы. Я вырос при Советской власти и воспитан. Все что я имел в жизни мне дала партия Ленина-Сталина и Советская власть. Всегда, всюду и во всем я был предан генеральной линии партии, Советской власти и моей Советской родине.
II. Я работал над исключительно важной для обороны СССР проблемой создания ракетной авиации. Это совершенно новая область техники, нигде еще неизученная. Нигде еще небыло успешно осуществлен настоящий ракетный самолет, идея которого была дана К.Э. Циолковским в 1903 г. Но лишь при Советской власти эти работы получили практическое осуществление. За рубежом эти работы усиленно ведутся в секретном порядке вот уже 15-20 лет. Работать над ракетами практически я начал лишь с 1935 года в НИИ-3. Однако несмотря на столь малый период работы, на большую техническую сложность и трудность, а также полную новизну дела и отсутствие какой либо помощи и даже консультации извне, совместно с моими товарищами по работе, были достигнуты положительные результаты. (перенос)

Первая страница написанного в лагере прииска Мальдяк заявления СП. Королева Верховному прокурору СССР. 15 октября 1939 г.

По существу этих обвинений могу сказать следующее:

1. Я неоднократно заявлял на следствии, писал наркому внутренних дел СССР и Верховному прокурору, а также категорически заявил на суде и заявляю еще раз сейчас, что я никогда, нигде и ни в какой антисоветской контрреволюционной организации не состоял и ничего об этом не знал и не слыхал. Мне 32 года. Отца моего, учителя в гор. Житомире, я лишился 3-х лет от роду. Мать моя и сейчас учительница в Дзержинском районе г. Москвы. Я вырос при Советской власти и ею воспитан. Все, что я имел в жизни, мне дала партия Ленина-Сталина и Советская власть. Всегда, всюду и во всем я был предан генеральной линии партии, Советской власти и моей Советской Родине.

П. Я работал над исключительно важной для обороны СССР проблемой создания ракетной авиации. Это совершенно новая область техники, нигде еще не изученная. Нигде еще не был успешно осуществлен настоящий ракетный самолет, идея которого была дана К.Э. Циолковским в 1903 г. Но лишь при Советской власти эти работы получили практическое осуществление. За рубежом эти работы усиленно ведутся в секретном порядке вот уже 15-20 лет. Работать над ракетами практически я начал лишь с 1935 г. в НИИ № 3. Однако, несмотря на столь малый период работы, ее большую техническую важность и трудность, а также полную новизну дела и отсутствие какой-либо помощи и даже консультации, мною, совместно с моими товарищами по работе, были достигнуты положительные результаты. Был последовательно разработан и осуществлен целый ряд опытных ракет (№№ 48; 06; 216; 217; 212; 201/301). Были произведены, впервые в технике, сотни испытаний этих объектов в лаборатории, на стендах и в полете. Параллельно с этой экспериментальной работой произведена большая научная работа по теории ракетной техники. Как завершение первого начального этапа нашей работы над ракетным полетом с 1935/36 г. были начаты работы над первым ракетным самолетом, который был закончен осенью 1937 года. В 1938 г. мною были успешно произведены его испытания в условиях стенда и он готовился к полетам летом 1938 г., но в июне месяце я был арестован.

Поэтому, на основании всего изложенного выше, по существу предъявленных мне обвинений во вредительстве заявляю следующее:

1. Все без исключения разработки ракет и их агрегатов всегда производились на основании чертежей, расчетов, опытных исследований, предварительных продувок в аэродинамических трубах и т.д. По всем объектам моей работы (номера указаны выше), а также по ракетному самолету № 218/318 все чертежи, расчеты, технические акты, заключения экспертизы из Технического ин-та РККА, Военно-воздушной академии РККА им. Жуковского, НИИ № 10 НКОП и др., а равно все отчеты об испытаниях этих объектов находятся в секретной части и архиве чертежей НИИ № 3 б. НКОП, в делах и папках соответственно за номерами этих объектов.

В трудах НИИ № 3 «Ракетная техника» с № 1 по № 5 помещен целый ряд теоретических работ по ракетному полету (инж. Дрязгов, Щетинков, Глушко и др.).

Мною лично произведены многие технические разработки, расчеты, чертежи, испытания, в 1934 г. написана и издана книга по ракетному полету в стратосфере (Военгиз), ряд статей (»Техника Возд. флота» № 7 за 1935 г. и др.), а также прочитаны доклады на научных конференциях в Академии наук (Ленинград, 1934 г.) и на ракетной конференции (Москва, 1935 г.). Поэтому предъявленное мне обвинение является ложным.

2. Ракета 217 являлась плановой работой Института, была нами выполнена удачно со значительным перевыполнением данных (см. сравнение результатов в отчете по объекту 217 за 1936 г.) и полностью принята заказчиком НИИ № 10 (б. Ц.Л.П.С., г. Ленинград). Приемочные акты в деле объекта 217. Никаких задержек по другим объектам не было, да и быть не могло, т.к. сам объем работ по № 217 был очень небольшой. Поэтому это обвинение является ложным.

3. Ракета № 212 была разработана инж. Дудаковым* в 1936/37 г.г. и в 1938 г. прошла испытания на стенде и полигоне. Система ее питания была сделана (без чего нельзя было бы сделать какие-либо испытания) и притом в нескольких вариантах. На объекте 212 в 1937 - 38 г.г. непрерывно велась научно-исследовательская работа, прерванная лишь моим арестом. Все отчеты см. дело № 212. Поэтому это обвинение является ложным.

4. Работы над ракетными двигателями мною никогда не производились, а велись в другом отделе Ин-та и другими лицами. Кроме того, вообще непонятно, что означает «рабо-

*Неточность. В действительности - Е.С. Щетинковым. - *Прим. ред.*

та в течение 1-2 секунд» (!?). Несмотря на значительное несовершенство ракетных двигателей Ин-та, с ними были произведены все вышеуказанные многочисленные испытания объектов. Поэтому это обвинение является ложным и малопонятным.

5. Ракетный самолет в 1935 г. еще не существовал вообще. Как уже указано мною выше, он успешно проходил испытания в 1938 году. В день моего ареста, 27 июня 1938 г., он целый и невредимый стоял в НИИ № 3. На нем никогда и ничто не было разрушено. Чертежи, расчеты, отчеты об испытаниях и заключения экспертизы (ВВА им. Жуковского) см. в деле 218/318. Поэтому это обвинение является ложным.

III. В обвинительном заключении упомянут пункт 8-й через 17-й статьи 58-й. Это мне совершенно непонятно, т.к. нигде в материалах следствия по этому вопросу нет ничего и мне ничего предъявлено не было.

По существу же этого вопроса я заявляю Вам, что мне никогда и ничего об этом не было известно.

Я осужден, будучи совершенно невиновным ни в чем перед моей Советской Родиной и Советской властью, при которой я вырос и которая воспитала меня.

Предъявленные мне обвинения являются целиком и полностью ложными и вымышленными. Никогда я не состоял ни в какой антисоветской организации и никогда, нигде и никаким вредительством не занимался и ничего об этом не знал и не слыхал. Я всегда был верен партии и Советской власти.

Я осужден на основании подлой клеветы со стороны ранее арестованных б. директора НИИ № 3 Клейменова, зам. дир. Лангемака и инж. Глушко, которые, как мне говорили на следствии и как упомянуто в обвинительном заключении, дали на меня показания. Несмотря на все мои просьбы и требования, эти «показания» мне не были показаны, а в очных ставках мне было отказано.

Следствие, проводившееся следователями Быковым и Шестаковым, производилось очень пристрастно и подписанные мною материалы были вынуждены у меня силой и являются целиком и полностью ложными, вымышленными моими следователями. Об этом я тогда же писал начальнику VII отд. НКВД, на Ваше имя и наркому внутренних дел, а также заявил суду.

Уже после моего ареста, 20-го июля 1938 г., из НИИ № 3 был представлен в НКВД акт, несколько страниц которого, касающиеся меня, были мне показаны. Этот акт пытается опорочить мою работу. Однако заявляю Вам, что он является ложным и неправильным. Лица, его подписавшие, никогда не видали в действии объектов моей работы (Костиков, Душкин, Калянова и Дедов). Приводимые в акте «факты» вымышлены, например: при испытании макетов объекта 201/301 пуском с самолета никакой аварии не было (см. отчеты и акты комиссии, производившей испытания). Необходимые меры предосторожности были приняты по моему указанию, о чем имеются записи в деле 201/301, сделанные задолго до испытаний. В акте же делается совершенно ложный намек на якобы «возможность аварии». Еще раз заявляю, что все это ложь и вымысел, как и другие относящиеся к моей работе данные этого акта.

Таковы отдельные факты и обстановка следствия, производившегося по моему делу. Все мои попытки добиться фактических данных по предъявленным обвинениям, как я уже указывал ранее, были безуспешны. Ни органы следствия, ни суд не пожелали разобраться в моем деле, проверить факты, документы и т.д.

В результате я осужден, будучи совершенно невиновным ни в чем, а все мои заявления остаются без ответа.

Вот уже 15 месяцев, как я оторван от моей любимой работы, которая заполняла всю мою жизнь и была ее содержанием и целью. Я мечтал создать для СССР, впервые в технике, сверхскоростные высотные ракетные самолеты, являющиеся сейчас мощнейшим оружием и средством обороны.

Прошу Вас пересмотреть мое дело и снять с меня тяжелые обвинения, в которых я совершенно не виноват.

Прошу Вас дать мне возможность снова продолжать мои работы над ракетными самолетами для укрепления обороноспособности СССР.

15 октября 1939 г. С.Королев

СПРАВКА. Заявления мною подавались:

1. Верховному прокурору СССР - в августе и октябре 1938 г. и апреле 1939 г.
2. Председателю Верхсуда СССР - в октябре 1938 г. и апреле 1939 г.
3. НКВД СССР - в августе 1938 г.
4. ЦК партии - в феврале 1939 г. (из Новочеркасской тюрьмы)».

Копию этого заявления отец вложил в письмо бабушке, однако твердой уверенности в том, что оно будет отправлено и дойдет до адресата, у него не было. Поэтому на всякий случай он оставил себе черновик и, как оказалось, не напрасно. Потому что из лагеря заявления и письма заключенных отправлялись в УСВИТЛ, где проходили цензуру, а затем в большинстве случаев до адресатов не доходили. Предусмотрительно оставленный черновик отцу удалось переслать домой в Москву через освобожденного уголовника в январе 1940 г. и только тогда он попал в Верховную прокуратуру.

К.М. Винцентини с дочерью. Москва, 1939 г.

В то время как так называемые враги народа не видели конца своим мытарствам, уголовников, как правило, выпускали на свободу по окончании срока заключения, а иногда и досрочно. Отец старался переслать с ними весточки домой. Эти отбывшие наказание преступники и даже убийцы приходили к маме на Конюшковскую. Однажды рано утром в дверь постучал красивый молодой парень и передал от отца короткое, полное грусти письмо. Звали парня Василий. Он отбывал срок за уголовное преступление и жил в одной палатке с отцом. Между ними возникла взаимная симпатия, и отец делился с ним своими мыслями о работе и семье. Василий рассказал, что условия жизни в лагере очень тяжелые, работа изнурительная, питание плохое, письма от родных не приходят. Сергей болеет цингой, но стимулом к жизни для него являются образы дочери и жены - «Наташки и Ляльки». Маме этот парень понравился. Она накормила его и дала на первое время какие-то оставшиеся вещи отца. Когда отец вернулся, он рассказал об этом человеке - единственном, с кем он мог там о чем-то говорить, хотя тот и был уголовником. И еще отец сказал маме, что если у них когда-нибудь будет сын, он назовет его Василием. После этого парня к нам приходили еще несколько человек, тоже уголовников, отбывших свой срок, которых отец просил зайти и просто передать от него привет. Они рассказывали о жизни на Колыме, а мама подкармливала их тем, что было в доме, - ведь благодаря им она знала, что ее муж жив.

Между тем с наступлением холодов работать и жить в лагере стало еще тяжелее. Постоянное недоедание и полное отсутствие каких-либо витаминов делали свое дело. Люди болели и умирали. Состав бригад постоянно обновлялся. Практически всеобщей болезнью, не обошедшей и моего отца, была цинга, вызванная авитаминозом. У него опухли и кровоточили десны, расшатались и стали выпадать зубы, распух язык, начали опухать ноги. Сильная боль не давала открыть рот. Отец очень мучился, ему стало трудно есть и ходить.

Именно в это время в лагере появился Михаил Александрович Усачев - бывший директор Московского авиазавода, где был построен самолет, на котором в декабре 1938 года разбился Валерий Чкалов. После катастрофы Усачева репрессировали, и он оказался на Колыме. Это был мужчина высокого роста,

очень сильный физически (в молодости был тренером по боксу) и довольно властный. Благодаря этим качествам он стал среди заключенных своего рода «главным». Но при этом Усачев столкнулся со старостой-уголовником, который был, по существу, хозяином лагеря, поставившим перед собой задачу как можно больше эксплуатировать «врагов народа», освобождать за их счет «своих» от тяжелой физической работы, отнимать пайки, чтобы лучше питаться самому и сотоварищам. Во взаимоотношения между заключенными лагерное начальство вмешивалось мало, и уголовники издевались над людьми безнаказанно. Когда Усачев, прибыв в лагерь, увидел эти безобразия, он возмутился и с согласия лагерного начальства стал наводить порядок. Первым делом он объявил старосте из уголовников, что теперь здесь хозяин он. Для подавления явно выраженного недовольства ему, правда, пришлось применить свои боксерские навыки, так как в разговоре с уголовниками это был лучший язык. После первых «уроков» низложенный староста стал послушным и повел Усачева показывать свое «хозяйство». В одной из палаток староста сказал, что «здесь валяется Король - доходяга из ваших», что он заболел и, наверное, уже не встанет. Действительно, под кучей грязного тряпья лежал человек. Усачев подошел, сбросил тряпки и увидел Королева, которого хорошо знал. Рассказывая через много лет эту историю заместителям отца - Б.Е. Чертоку и П.В. Цыбину, Усачев вспоминал, что в тот момент у него словно что-то оборвалось внутри: перед ним в немыслимых лохмотьях лежал страшно худой, бледный, безжизненный человек. Почему, как он попал в такое положение? Усачев провел едва ли не целое следствие. Выяснилось, что именно староста довел его до такого состояния. Отец вначале показывал свой характер, не хотел мириться с тем, что творили уголовники, не подчинялся старосте, ну а тот применил свои приемы: оставлял его практически без пайки, а когда он уже совершенно обессилел, стал гонять на непосильные для голодного человека работы. В конце концов отец свалился. Усачев обнаружил его вовремя - отвел в медсанчасть и попросил на некоторое время оставить там. Кроме того, он заставил старосту сколотить компанию, которая стала отдавать больному, фактически уже умиравшему моему отцу часть своих паек, организовав ему таким образом «усиленное» питание. Лагерный врач Татьяна Дмитриевна Репьева приносила из дома сырую картошку, из которой отец и другие больные цингой выжимали сок и натирали им свои десны. Еще одним средством от цинги являлся отвар из мелко нарубленных веток стланика: их заваривали в большом чане кипятком и давали пить больным. Других способов лечения в лагере не было. Но благодаря этим мерам отец встал на ноги и на всю жизнь сохранил чувство глубокой благодарности к своим спасителям. В начале 60-х годов, уже будучи Главным конструктором, он разыскал Усачева и принял его на работу заместителем главного инженера опытного завода.

Помимо того что заключенные сами умирали от голода, холода и болезней, их могли лишить жизни действовавшие в УСВИТЛ так называемые расстрельные тройки. Говоря о них, журналист Т.П. Смолина писала: « «Тройка» трудилась в поте лица: в день разбирала до трехсот и более дел. Так, за 2 февраля 1938 г. было «рассмотрено» 309 дел, по 307-ми из них - высшая мера наказания. Прокурор Метелев приехал в 2 часа ночи на прииск Мальдяк и к 6 утра «рассмотрел» более 200 дел, 135 человек приговорил к расстрелу. Никому из арестованных не задал ни единого вопроса».

По счастью, эта участь отца миновала. Но, немного подлечившись в медсанчасти, он вынужден был вернуться к изнурительному труду. Скорее всего, он не выдержал бы эту первую зиму 1939-1940 гг.: цинга прогрессировала, на-

растало общее физическое истощение. В довершение всего случился такой эпизод. В одной бригаде с отцом был старик, для которого тяжелая работа оказалась непосильной. Однажды он не смог везти тачку, и бригадир из уголовников, наблюдавший за работой, ударил его палкой по голове. Старик упал. Отец взорвался и, бросив свою тачку, дал бригадиру затрещину. Все замерли в ожидании дальнейшего. Но, к величайшему удивлению отца, подумавшего было, что ему пришел конец, бригадир не сказал ни слова. Возможно, сыграл роль признанный всем лагерем авторитет Усачева, который, как было известно, опекал отца. Эпизод окончился тем, что старику помогли встать и довезти его тачку.

В один из дней ноября 1939 г. рано утром в палатку вошел охранник, назвал фамилию отца и, ничего не объясняя, приказал собираться. Отец рассказывал потом маме и бабушке, как это происходило, а они, в свою очередь, рассказали мне. В первый момент он подумал, что, очевидно, бригадир все-таки пожаловался начальству и его призывают к ответу. Не зная, что его ждет, он стал со всеми прощаться. Когда подошел к лежавшему на нарах заболевшему бригадиру, тот велел отцу снять с себя старье и надеть его новый бушлат. Отец, было, отказался, но уголовник сказал: «Возьми мой бушлат, а свой положи мне на ноги. Не надо лишних слов. Ты, инженер, хороший парень. Я тебя уважаю. Счастливо тебе». И пожал ему руку. После этого все решили, что коль бригадир так ведет себя, ничего плохого случиться не должно. Отец тоже воспрянул духом. Охранник привел его к начальнику лагеря, который объявил ему о вызове в Москву. Отец вспоминал, что был потрясен этим известием. Его не забыли, его вызывают! Значит, появилась реальная возможность освобождения и возвращения к любимой работе и семье.

Заместитель отца в ОКБ-1 М.В. Мельников вспоминал, как в 1960-е годы вместе с академиком Б.Е. Патоном находился в кабинете Сергея Павловича и слышал его рассказ о возвращении из лагеря в Магадан.

Отцу выдали новую шапку, валенки и справку о том, что его направляют по вызову в Москву, подвели к часовому и выпустили за ворота, причем без всякой охраны, так как бежать там было некуда. Его охватило ни с чем не сравнимое чувство свободы и он наивно рассчитывал, что теперь, на воле, все легко и просто, но очень быстро понял, что это не так. Как ни тяжела была жизнь в лагере, он все-таки чувствовал плечо таких же несчастных, которые в минуту жизни трудную помогали друг другу, а тут он оказался один.

Через некоторое время он дошел до большака. Там существовал неписанный закон: кто бы ты ни был, если едет машина и ты ее останавливаешь, тебя не спрашивают, кто ты и куда тебе надо. Ты садишься и едешь, и сходишь там, где тебе нужно. Отцу повезло: удалось сесть в грузовик, следовавший до Магадана, и не в кузов, а в кабину, поскольку водитель ехал один. Вскоре голод дал о себе знать.

На колымской трассе тогда почти не было населенных пунктов, и достать еду не представлялось возможным. Одолевали мысли о хлебе. Поздно вечером они подъехали к небольшому поселению из шести бараков, стоящих торцами к маленькой площади, освещаемой двумя слабенькими фонарями. В центре ее находился колодец в виде домика, как это принято в Сибири - чтобы вода не замерзала. Отец обошел вокруг колодца, открыл дверцу, попил воды, вышел из него и медленно направился к машине. В это время ему вдруг показалось, что мелькнула какая-то тень, и он почувствовал запах свежего хлеба. Он вспоминал, что как собака пошел на этот запах и увидел на лавке перед колодцем завернутую в чистую тряпку круглую, еще теплую буханку аромат-

ного черного хлеба. Это было похоже на чудо. Кто ее положил? Наверное, добрые люди, которые могли предположить, что она пригодится, а может быть, и спасет жизнь голодному путнику. Этот эпизод мне подтвердил Б.Е. Черток, который слышал о нем вместе с А.П. Абрамовым и В.П. Финогеевым от отца во время их совместной поездки в 1960-е годы в Северодвинск.

Между тем, отчаявшись в ожидании сына, приговор по делу которого был отменен еще в июне, бабушка 26 ноября 1939 г. написала заявление в Военную прокуратуру, в котором привела выдержки из только что полученного письма отца и вновь просила о вызове его на доследование.

«ПРОКУРОРУ 2-го ОТДЕЛА ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ СССР

БАЛАНИНОЙ Марии Николаевны
(по первому браку КОРОЛЕВОЙ),
прож. гор. Москва 18, Октябрьская ул.
д. 38 кв. 236

ЗАЯВЛЕНИЕ

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу сына моего КОРОЛЕВА Сергея Павловича отменен Пленумом Верховного Суда СССР 13 июня 1939 года с направлением на доследование.

Ныне обращаюсь с просьбой вызвать КОРОЛЕВА СП. для допроса, о чем он и сам настоятельно просит в своих письмах, утверждая, что он НЕВИНОВЕН.

Он пишет в полученном мною последнем письме: «Я твердо и неизменно верю в Советское Правосудие и в то, что в моем деле разберутся, так как я осужден, будучи абсолютно и ни в чем невиновен перед Советской властью и моей Советской родиной. Обвинение меня во вредительстве, участии якобы в какой-то антисоветской организации и в разделении взглядов ее (п.п. 7, 11 и 8 через 17 ст. 58) - все это от начала и до конца является ложью, вымыслом и подлой клеветой как клеветников, так и арестованных ранее врагов народа с нашего завода. Органы НКВД разоблачили и обезвредили их, но даже и после этого они продолжали свое грязное дело и оклеветали меня. Но, конечно, все дело здесь лишь в том, чтобы этим занялись и при том достаточно серьезно, так как очень много есть вынужденного и целиком ложного, просто напутанного и т.д., т.е. нужно, чтобы был серьезный пересмотр всех материалов. Это, конечно, возможно только в центре, куда и должен быть вызов на пересмотр... А ведь ты знаешь, что моя работа, особенно над моим последним объектом, шла очень успешно, о чем есть абсолютно все данные, что хорошо известно, и что эта работа была для меня дороже жизни. Это было мной доказано не один раз. Повторяю, несмотря на всё очень многое мною пережитое, я бодр и полон веры в торжество правды».

Еще раз прошу о вызове на доследование моего сына КОРОЛЕВА Сергея Павловича и об ускорении расследования этого дела, так как с момента отмены приговора Пленумом Верховного Суда СССР прошло около полугода.

Сын мой находится ныне в бухте Нагаево-Мальдяк.

Письмо сына в подлиннике от 18.VII.* с.г., полученное мною 23.XI. с.г., может быть представлено по первому требованию.

М. Баланина
(мать Королева)

26 ноября 1939 г.».

Поскольку теперь, после получения письма отца, его местонахождение стало известно, мама и бабушка отправили ему телеграмму-молнию, заверенную в Верховном суде: «Приговор отменен Целуем Ляля Мама». Они хотели поскорее сообщить ему эту радостную новость, подбодрить его, вселить надежду на скорое возвращение. Но телеграммы отец не получил - в

* В тексте заявления, видимо, опечатка. Скорее всего - 18.VIII. - *Н.К.*

последних числах ноября 1939 г. он находился уже не на прииске Мальдяк, а снова в пересыльной магаданской тюрьме. Это явствует из постановления от 29 ноября 1939 г., подготовленного следователем Быковым, с ходатайством о продлении срока следствия по делу СП. Королева на два месяца, то есть до конца января 1940 г., в связи с длительностью этапирования его из бухты Нагаєво в Москву.

« «УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР
КАПИТАН ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ
/АРЕНКИН/

3 декабря 1939 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о продлении срока следствия и содержания под стражей)

гор. Москва, 29 ноября 1939 года. Я - Следователь Следчасти ГЭУ НКВД СССР, Лейтенант Государственной Безопасности БЫКОВ, рассмотрев следственное дело № 19908 (арх. № 954694) по обвинению КОРОЛЕВА Сергея Павловича, 1906 года рождения, урож. гор. Житомира, русский, гр-н СССР, беспартийный, до ареста - инженер Научно- Исследовательского Института № 3 бывш. НКОП, -

НАШЕЛ:

КОРОЛЕВ изобличается показаниями ЛАНГЕМАКА Г.Э., КЛЕЙМЕНОВА И.Т. и ГЛУШКО В.П. как участник антисоветской троцкистской вредительской организации, существовавшей в НИИ-3, по заданию которой проводил вредительскую работу.

Решением Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР 27-го сентября 1938 года КОРОЛЕВ был приговорен к 10 годам тюремного заключения, для отбывания наказания отправлен в гор. Новочеркасск, откуда был этапирован в один из глубинных пунктов Севвостлага.

13-го июня 1939 года Пленум Верховного Суда Союза ССР, пересмотрев дело КОРОЛЕВА, нашел, что по делу не исследован ряд обстоятельств, и вынес решение: следственное дело по обвинению КОРОЛЕВА передать в Следственную часть НКВД СССР на новое расследование.

На основании изложенного арестованный КОРОЛЕВ затребован из Севвостлага и в настоящее время доставлен в бухту Нагаєво, откуда с первым этапом будет направлен в Москву, для чего потребуется продолжительное время, а со дня вынесения постановления о принятии дела к производству прошло 2 месяца, поэтому на основании ст. 116 УПК РСФСР

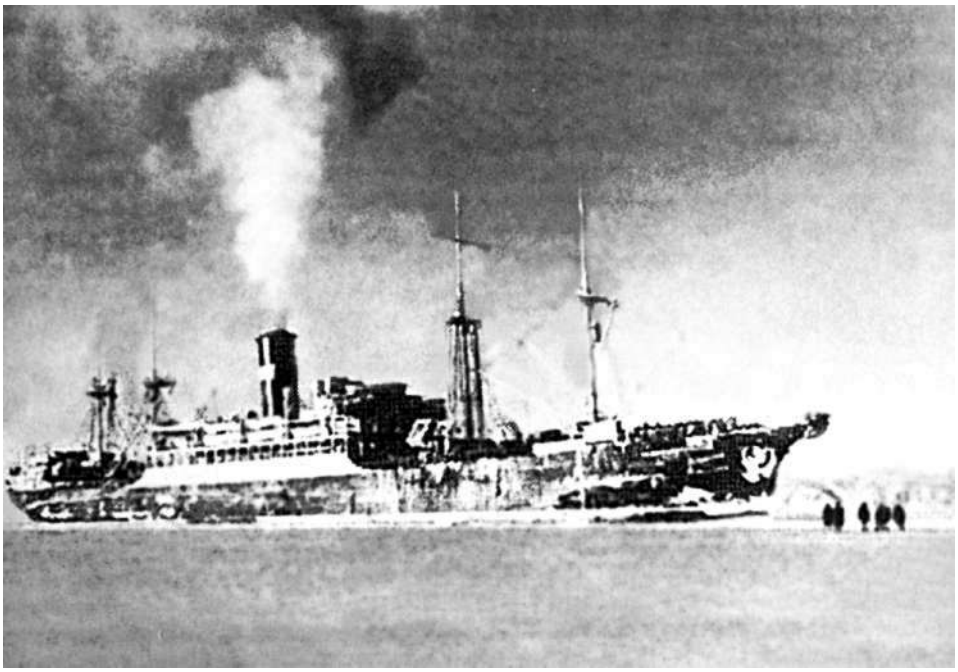
ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство перед Прокурором Союза ССР о продлении срока следствия на 2 м-ца, т.е. до 29 января 1940 года.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/ БЫКОВ/

«СОГЛАСЕН»: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ:
/РОДОВАНСКИЙ/».

Однако срок следствия был продлен только на один месяц. Отца должны были этапировать из бухты Нагаєво во Владивосток ближайшим пароходом. 8 декабря уходила «Индигирка», но этап на нее - из освобождаемых, а также вызванных на переследствие и переводимых в другие лагеря - был уже сформирован и пароход ушел без отца. Он тогда очень горевал - существовала опасность, что придется ждать новой навигации, то есть лета 1940 г., а так хотелось поскорее попасть в Москву. Оказалось же, что эта задержка спасла ему жизнь. «Индигирку», на борту которой кроме заключенных находились



Пароход «Феликс Дзержинский» в бухте Нагаєво. 1939 г.

рыбаки с женами и детьми, другие пассажиры - всего 1173 человека, в ночь на 12 декабря 1939 г. во время жестокого шторма бросило на скалы у входа в пролив Лаперуза. Судно получило пробоину по всей длине корпуса и было вынесено на отмель у японского острова Хоккайдо. Заключенные, запертые в трюме, стучали в стальные люки, умоляя выпустить их, но кинувшихся было на помощь матросов остановил начальник конвоя. Прибудь отец в Магадан на две недели раньше, он наверняка оказался бы в трюме «Индигирки». 13 декабря три японских судна с трудом смогли подойти к потерпевшему бедствие пароходу и сняли пассажиров и команду. Однако заключенные в трюмах остались, и оказать им помощь можно было, лишь разрезав автогеном борт. Это сделали только 16 декабря. Вырезав отверстие, спасатели увидели страшную картину: сотни замерзших или задохнувшихся людей, некоторые из которых перед смертью так вцепились в бимсы и шпангоуты, что их нельзя было оторвать. Удалось спасти лишь 28 заключенных, из которых один умер. Всего же было спасено 428 человек, в том числе 35 женщин и 22 ребенка. 741 пассажир и четыре члена экипажа погибли.

Спасенных доставили в японский порт Вакканай, затем в Отару, а оттуда на специально прибывшем через десять дней пароходе «Ильич» вывезли во Владивосток. К 50-летию трагедии в Японии издали книгу «SOS «Индигирка»», в которой указывалось, что на пароходе плыли советские моряки со своими семьями. Но когда японцы попытались провести поиск тех, кого когда-то спасли, нашелся только один - в момент катастрофы ему было три года. Японцы недоумевали - где же те остальные? Им было невдомек, что кроме моряков и вольнонаемных на «Индигирке» находились «враги народа», которые после катастрофы вновь попали в тюрьмы и лагеря, а о самом бедствии в СССР вообще не сообщалось. 12 октября 1971 г. на берегу пролива Лаперу-

Форма № 2.
разм. 15,5x9 см

Л. д. № 236438 Арх. №

УПРАВЛЕНИЕ СЕВВОСТЛАГЕРЕЙ НКВД СССР

1. Фамилия Королев
2. Имя и отчество Сергей Павлович
3. Год и место рождения 1906 г. Житомир
4. Соц. происхождение
5. Национальность русский подданство
7. Образование Высшее
8. Бывшая партийность Бп.
9. Местожительство г. Москва
10. Профессия
11. Специальность Авиа инженер
12. Спец. указание

Г. 6 1942 г. Заполнил:

Кем осужден Воен. кол. Верх суд. СССР
Когда 27.9.38 ст. УК 17-58-8-11 срок 10 л. л.
Начало срока 27.7.38 Конец срока 27.6.48
Изменение срока
Новый конец срока Прибыл в Севвостлагеря
19 г. п/х

Название подразделений	Прибыл	Убыл	Куда убыл	
Убыл во Владивосток 28-12-39				
С ОКПП Сер 257/с				

Убыл
Дата и основ. убытия

2694—350000

Карточка учета заключенных в Управлении северо-восточных лагерей НКВД СССР с записью о СП. Королеве. 17 июня 1942 г.

Н.С. Королева на прииске Мальдяк. Август 1991 г. Фотография Н.А. Сусловой

за в японском поселке Саруфуцу по инициативе его жителей был воздвигнут памятник погибшим: три пятиметровые фигуры образуют круг - символ взаимопомощи в беде.

Итак, «Индигирка» ушла, а отец остался в Магадане в ожидании следующего транспорта. В связи с этим в Москве 19 декабря 1939 г. вышло новое постановление о продлении срока следствия и содержания его под стражей - на этот раз до 29 января 1940 года. Наконец, 23 декабря 1939 г. отца отправили из бухты Нагаєво во Владивосток пароходом «Феликс Дзержинский». Этот пароход грузоподъемностью 9 тыс. тонн был куплен в Англии - он назывался «Доминия». Отремонтированное в Амстердаме судно было доставлено в Нагаєво и получило имя «Николай Ежов», а после ареста Ежова в апреле 1939 г. переименовано в «Феликс Дзержинский». За один рейс оно перевозило около тысячи пассажиров. О том, что отец плыл на нем в декабре 1939 г., маме и бабушке сообщил в январе 1940 г. его попутчик. Он сказал по телефону, что привез от отца письмо и хочет передать его.

Вечером к нам на Конюшковскую пришел мужчина средних лет, рассказавший, что отсидел свой срок за уголовное преступление, потом два года работал в Магадане вольнонаемным и вернулся «на материк» тем же пароходом, что и отец. Раньше они не были знакомы. Беспокоясь, было ли отправлено с Мальдяка его заявление Верховному прокурору от 15 октября 1939 г., отец спрятал в своем башмаке его черновик, чтобы передать с кем-нибудь в Москву на пароходе. Но это оказалось непросто. Заключенных везли в трюме, а вольнонаемные находились в пассажирском отсеке. Отец раз за разом просился в туалет, надеясь там кого-нибудь увидеть. Другого способа передать документ не было. Каждый раз его сопровождал молодой охранник, которому вскоре это стало надоедать. Он довел отца в очередной раз до двери туалета и сказал: «Ну, ты мне надоел. Холера, что ли, на тебя напала? Только и знаешь, что бегаешь сюда. Иди сам. Я подожду здесь». Отец вошел в гальюн и к своей радости обнаружил там того человека, который теперь сидел перед мамой и бабушкой. Узнав, что он едет домой как вольный, отец передал ему свое заявление Верховному прокурору. Наш адрес и телефон неожиданный помощник заучил наизусть со слов отца. Он рассказал, что отец плохо себя чувствует, слаб, что его ноги покрыты ранами, но он рад, что едет в Москву, и надеется, что будет освобожден.

Бабушка и мама сразу поняли, что полученному документу надо немедленно дать ход. Заявление перепечатали и отправили по назначению. Оно было подписано бабушкой, которая внизу приписала: «Черновик, с которого снята эта копия, может быть мною представлен по первому требованию». Именно

этот экземпляр заявления отца оказался в его деле. На нем есть резолюция прокурора отдела по спецделам: «Следователю тов. Быкову. Направляю Вам жалобу Королева для приобщения к его делу и проверки указанных им в жалобе доводов по существу обвинения».

Итак, в декабре 1939 г. отец навсегда покинул Магадан. Уже в конце своей жизни он как-то сказал, что хотел бы слетать на Колыму и посмотреть, как она изменилась за прошедшие годы, но осуществить это ему не удалось.

Мне же очень хотелось побывать на прииске Мальдяк, где отец провел несколько самых тяжелых месяцев своей жизни. Такой случай представился в 1991 г. 12 августа я прилетела в Магадан и уже на следующий день на «Волге», любезно предоставленной Магаданской администрацией, в сопровождении заслуженного учителя, историка и журналиста Д.С Райзмана и журналистки Н.А. Сусловой, отправилась на прииск Мальдяк. Перед выездом на Колымскую трассу мы проехали в поселке Сокол по улице Королева. Первые 150 км пути, до перевала с колоритным названием Стополста, шоссе было асфальтировано, затем пошел пыльный грунтовый большак. Стояла жаркая сухая погода и местами вдоль трассы горел стланик. Меня поразили красота и величавость северной природы. И еще - безмолвие. Единичные машины и полное отсутствие людей. Через 12 часов, оставив позади 685 км, мы въехали в районный центр Сусуман, где нас ожидал ночлег.

В поселке Мальдяк, расположенном в часе езды от Сусумана, около конторы собрались местные жители, узнавшие о нашем приезде. Состоялась теплая, сердечная встреча. Потом мы посетили школу, пообщались с учителями и детьми. Я подарила им экспонаты, связанные с жизнью отца, и по инициативе директора школы Н.Ш. Язевой они решили организовать уголок его памяти. На прощанье ребята преподнесли мне баночку колымского варенья из голубики и помидоры, выращенные в школьной теплице.

Потом мы осмотрели поселок. От прошлого остались только два барака, где располагались в 30-е годы лагерное начальство и охрана. Мы поднялись на плоскую вершину сопки, где стояли когда-то брезентовые палатки заключенных - теперь, к счастью, ни тех, ни других нет, - и я набрала для своего домашнего музея немного земли с этого злополучного для моего отца места. Затем поехали к бутаре - сооружению для промывки золотоносного песка. Я смотрела, как бульдозер подгребает породу, мысленно представляя себе усталых, изможденных людей - и среди них отца, которые в лютую стужу добывали эту породу и вручную возили ее тяжелыми тачками. Да, жестокое было время!

После обеда мы вернулись в Сусуман, и там в здании райсовета я рассказала собравшимся об отце, показала слайды и кинофильмы, ответила на многочисленные вопросы. Меня познакомили с бывшим заключенным И.М Петелиным, отбывавшим срок на Колыме одновременно с отцом, только на другом прииске. Он поведал много подробностей о лагерной жизни заключенных, условиях их работы, взаимоотношениях.

Вечер мы провели у Татьяны Дмитриевны Репьевой - бывшего лагерного врача. Память ее, несмотря на преклонный возраст, оставалась ясной. Она рассказала, что по окончании Горьковского медицинского института была направлена на работу в Восточную Сибирь. С января 1937 г. по 29 декабря 1939 г. заведовала медчастью лагеря на прииске Мальдяк, которая располагалась тогда в большой брезентовой палатке, разделенной внутри фанерными

Один из двух бараков, где в 1930-е годы располагались лагерное начальство и охрана. Прииск Мальдяк, 1991 г.

перегородками. Конечно, Татьяна Дмитриевна не помнила заключенных Королева и Горбатова - слишком много прошло перед ее глазами похожих друг на друга людей. Все они были обриты, на всех были ватные штаны и бушлаты, на ногах - одинаковые валенки или «чуни», на головах - шапки-ушанки с болтающимися шнурками. Лишь у некоторых еще сохранилась гражданская одежда - та, которую не растащили заключенные-бытовики или они сами не променяли на пайки хлеба и курево. И всем им Татьяна Дмитриевна и ее помощники - заключенные врачи - пытались помочь, как могли. Хотя это было очень трудно: лекарства практически отсутствовали, перевязочного материала не хватало. Разводили марганцовку и давали ее пить от кашля, температуры, болей в животе, головной боли, вообще от всех бед. Старые простыни стирали и использовали как бинты. Ободряли словом, старались поддерживать морально, ведь в жестоких условиях лагеря на прииске ежемесячно умирали до 250 человек - по 10-15 в день.

В то страшное время врач Т.Д. Репьева не побоялась обратиться к начальнику Дальстроя К.А. Павлову с просьбой об улучшении рациона питания и медицинского обеспечения заключенных. И... добилась своего. Не потому, конечно, что Павлов проникся состраданием к умирающим от голода и цинги людям. Он, видимо, понял, что если не выполнить просьбу врача, то некому будет выполнять жесткие планы золотодобычи.

Более полувека прошло с тех пор, а Татьяна Дмитриевна, рассказывая мне все это шепотом, постоянно оглядывалась и повторяла: «Не надо записывать, я ведь подписку дала ни при каких обстоятельствах ничего никому не говорить...»

На следующий день мы поехали через поселок Ягодное к месту расположения печально знаменитой тюрьмы «Серпантинка». Свое название она по-

Бывший лагерный врач прииска Мальдяк Т.Д. Репьева. Сусуман, 1991 г. Фотография автора

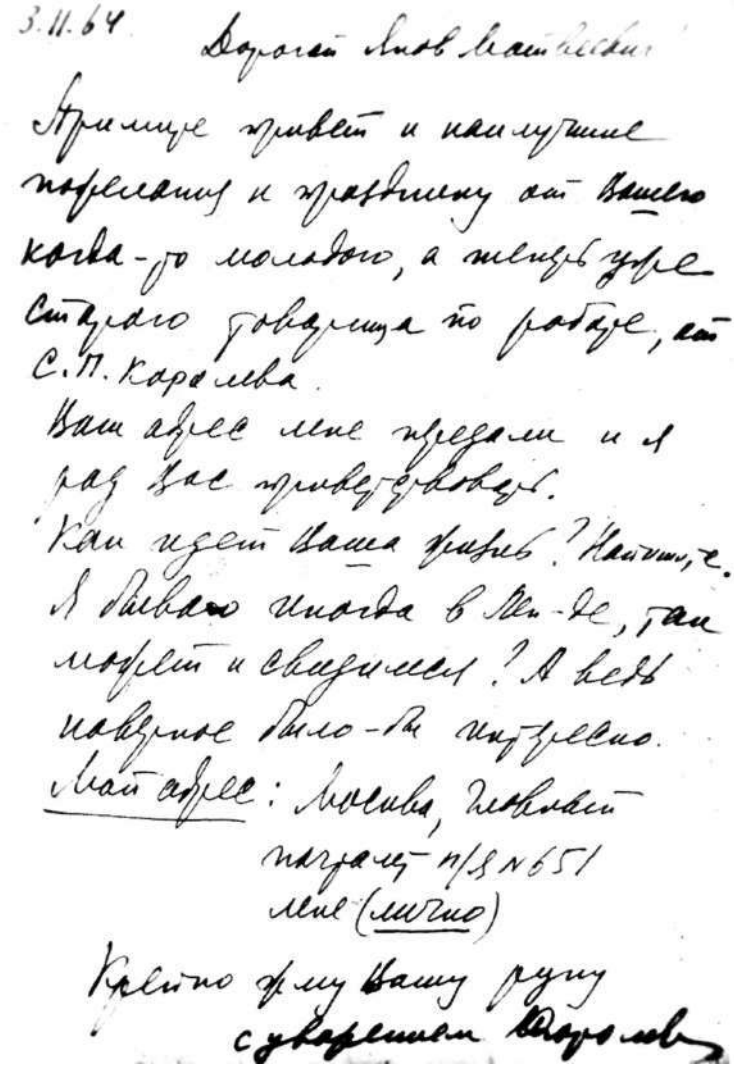
Н.С. Королева у памятника погибшим в лагере «Серпантинка». Колыма, 1991 г. Фотография Д.С. Райзмана

лучила в связи с тем, что располагалась у дороги, извивающейся серпантином вдоль ручья Снайпер. В тридцатые годы здесь стояли три барака, обнесенные высоким забором с колючей проволокой и пулеметными вышками по углам. В июне 1991 г. на этом месте был установлен памятник безвинно погибшим - белая каменная глыба, обвитая ржавой колючей проволокой, напоминающая согнутого человека или поднятую руку с надетой на нее рукавицей. У подножия памятника черная плита с надписью: «На этом месте в 30-х годах находилась следственная тюрьма «Серпантинка», где были казнены десятки тысяч репрессированных граждан, прах которых покоится в этой долине»». Рядом - металлический крест, установленный в том же 1991 г. сыном одного из погибших с надписью: «Земля гор. Сафоново Смоленской области. 1991 год. Ждан Федор Николаевич. 1907-1940 гг./30.10».

Возвращались мы в Магадан необычным путем: от Ягодного до Синегорья - на вертолете, оставив по пути пожарных для тушения таежного пожара, а затем - на самолете «АН-24». Видели сверху реку Колыму и Колымскую ГЭС, поселки горняков и необыкновенно красивые, действительно синие горы.

Утром следующего дня я посетила областной краеведческий музей и осмотрела там стенд, посвященный репрессированным, а затем побывала в местном архиве УВД, где удалось найти книгу этапов с записью о прибытии отца в Магадан и убытии из него. Никаких других сведений о его пребывании здесь не осталось. В архиве сохранились дела лишь тех, кто погиб и навеки остался в колымской земле. Так произошло с В.А. Кудрявцевым, прибывшим вместе с отцом на Мальдяк из Новочеркасской тюрьмы. Он умер 14 ноября 1939 г., не выдержав тяжелых условий жизни и непосильного труда.

Плита с надписью у подножья памятника погибшим в лагере «Серпантинка». Колыма, 1991 г. Фотография автора



3.11.64

Дорогой Лев Матвеевич

Примите привет и наилучшие пожелания к празднику от Вашего когда-то молодого, а теперь уже старого товарища по работе, от С.П. Королева.

Ваш адрес мне передали и я рад Вас приветствовать.

Как идет Ваша фирма? Кстати, я бываю иногда в Мн-ве, там может и свидимся? А вообще было-бы интересно.

Мой адрес: Москва, Головинское шоссе п/я N 651 мне (лично)

Крепко жму Вашу руку

с уважением Королев

Письмо С.П. Королева ЯМ. Терентьеву. Москва, 3 ноября 1964 г.

В акте о смерти, подписанном врачом Т.Д. Репьевой, сказано, что «смерть наступила от воспаления правого легкого и общего упадка питания. Похоронен 16/XI 39 г. в нательном белье, со сложенными на груди руками, закрытыми глазами, головой на восток, в могиле глубиной 1,75 метра в 2 км от поселка».

В деле Кудрявцева я видела его отчаянное, на нескольких листах, письмо секретарю ЦК ВКП(б) Сталину с издевательской резолюцией сотрудника НКВД: «Адресату не может быть передано, поскольку написано бывшим членом ВКП(б)», видела душераздирающие просьбы матери о пересмотре дела сына, распоряжение о наказании пятью сутками карцера «за хранение бычков в карманах». И после всего этого - настойчивые просьбы осужденного послать его на любую работу на благо социалистической Родины...

Титульный лист книги «В скафандре над планетой! Walk into space», подаренной СП. Королевым Я.М. Терентьеву 11 августа 1965 г.

Еще одно дело - потомка Оболенских. Тоже 10 лет, и только за то, что из княжеского рода. А в протоколе вскрытия - переломы ребер, разрыв крупных сосудов грудной полости...

Я улетала из Магадана, полная впечатлений, чувств и размышлений по поводу увиденного и услышанного. Конечно, политзаключенные сыграли очень большую роль в освоении Колымы. Но можно ли сомневаться в том, что те же люди принесли бы гораздо больше пользы, если бы жили и трудились в нормальных человеческих условиях и работали по своей специальности.

Колыма закалила характер отца, но сколько он потерял здоровья, сил и времени! И то, что несмотря на все пережитое, он не утратил интереса к жизни и работе, не озлобился из-за несправедливости судьбы, говорит о его пре-

данности своей стране и делу, которому он себя посвятил. Но вот золото не любил до конца жизни и не раз повторял: «Я ненавижу золото!» О колымском периоде отец старался не вспоминать - слишком тягостны были воспоминания. Все, что накопилось в душе за годы заключения, он излил маме и бабушке в ночь своего первого приезда в Москву из Казани в ноябре 1944 г. Изредка, при встречах с единомышленниками, отец мысленно возвращался к тем тяжелым временам. Такая встреча состоялась у него 11 августа 1965 г. с Я.М. Терентьевым, бывшим заместителем начальника Управления военных изобретений РККА, в тридцатые годы помогавшим работе ГИРД и РНИИ, а после ареста М.Н. Тухачевского также репрессированным.

Несколькими месяцами ранее отец прислал Терентьеву письмо.

«3.11.64.

Дорогой Яков Матвеевич!

Примите привет и наилучшие пожелания к празднику от Вашего, когда-то молодого, а теперь уже старого товарища по работе, от СП. Королева.

Ваш адрес мне передали и я рад Вас приветствовать.

Как идет Ваша жизнь? Напишите. Я бываю иногда в Ленинграде, так, может, и свидимся? А ведь, наверное, было бы интересно.

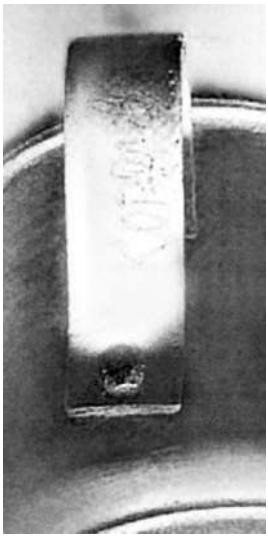
Мой адрес: Москва, Главный почтамт, п/я № 651, мне (лично).

Крепко жму Вашу руку.

С уважением С. Королев».

Невольным свидетелем волнующей встречи оказалась медсестра чукотской районной больницы А.Н. Шарыпова, гостившая в то время у Терентьевых. Она вспоминала, как однажды в доме Терентьевых в поселке Ульяновка Ленинградской области раздался звонок. Яков Матвеевич открыл дверь и бросился в объятия вошедшему. Им был отец, который «удрал» с какого-то совещания, выкроив время для встречи. Мужчины обнялись со слезами на глазах, ощупывая друг друга, будто желая убедиться, что это не сон - не виделись ведь почти тридцать лет... За ужином потекли рассказы о том, как прошли эти годы. Яков Матвеевич вспоминал Чукотку, куда был выслан после ареста, отец - Бутырскую тюрьму и свою одиночную камеру, где было сыро, бегали крысы и где он, чтобы не ослабеть, занимался гимнастикой, а чтобы не отупеть, не сойти с ума, вспоминал вслух прочитанное, «ходил» в кино, «путешествовал». Затем он поведал о колымском лагере, где «золотишко добывал», болел цингой, чуть не умер от истощения и где его спасла женщина - лагерный врач, к которой он сохранил огромную благодарность.

На вопрос жены Терентьева, какой внутренней силой он пережил несправедливость, отец ответил: «Надеждой, что правда восторжествует, что случилось недоразумение и нужно не падать духом, а держаться». На прощанье отец подарил Я.М. Терентьеву глобус Луны, модель первого искусственного спутника Земли и книгу «В скафандре - над планетой», вышедшую в 1965 г. в Издательстве АПН, с надписью: «Дорогому Якову Матвеевичу Терентьеву на добрую память о незабываемых годах совместной работы на заре отечественной космонавтики. 11 августа 1965 г. Академик С Королев». В свою очередь Яков Матвеевич возвратил ему фотографию, на которой оба они сняты в августе 1933 г. во время подготовки запуска первой ракеты на Нахабинском полигоне, подписанную отцом: «Многоуважаемому Якову Матвеевичу на память об историческом дне 17.08.1933 года». Отец очень обрадовался дорогому для него подарку - ведь эту фотографию вместе с другими у него изъяли



Лагерная кружка СП. Королева

во время ареста в 1938 г. Они расстались с надеждой на будущие встречи, которым, увы, не суждено было состояться.

С Колымы отец привез алюминиевую кружку, на ручке которой гвоздем нацарапано «Королев». Она прошла с ним все последующие трудные годы, а позднее заняла место в нашем домашнем музее вместе с кусочком золотоносной породы, привезенным мною с прииска Мальдяк.

Но все это было потом. А тогда, в декабре 1939 г., пароход «Феликс Дзержинский» доставил партию заключенных, среди которых находился отец, во Владивосток. Узники вновь оказались в пересыльном лагере, а когда был сформирован этап, их погрузили в товарные вагоны и отправили на Запад. Они ехали как обычные заключенные, но конвой относился к ним теперь более мягко - уж если люди едут обратно, вряд ли они сбегут или что-то натворят.

В пересыльной тюрьме Хабаровска отец почувствовал себя настолько больным, что попросил разрешения обратиться к врачу. Дежурный охранник ответил, что это зависит от начальника тюрьмы, и повел его к нему. Отец рассказывал, что начальник тюрьмы сказал примерно следующее: «Уже поздно, и доктор давно дома. Но тебя вызывают в Москву и ты, конечно, будешь освобожден. Я тебе верю, ты не убежишь в тайгу. Я открою тебе ворота, и ты самостоятельно пойдешь вон к тому дому, где светится огонек. Там живет женщина - врач. Она, может быть, побоится тебя впустить, но это уже от тебя зависит. Иди и возвращайся». И отец пошел. Он говорил потом, что у него и мысли такой не возникало - бежать в тайгу или за границу, а, как рассказывали, такие случаи бывали. Дойдя до указанного дома, он постучал в дверь и спросил доктора. Женский голос ответил, что ее нет. Но он так просил и умолял, что врач все-таки его впустила. Она осмотрела отца, перевязала раны на ногах, сказала, что нужны витамины. Поблагодарив ее, он вернулся в тюрьму. Через несколько дней, когда подали эшелон для дальнейшего следования, в вагон, где находился отец, принесли несколько больших мисок со свеклой, морковью и кислой капустой - натуральные витамины. Это было все, что могла сделать врач в тех условиях. Но этим она очень помогла отцу и другим больным цингой.

Впоследствии установили фамилию того доктора - Днепровская, но найти какие-либо следы ее не удалось. Отец же через всю жизнь пронес благодарность этой женщине и рассказал о ней маме, бабушке и другим людям.

По мере того как отец «малой скоростью» приближался к Москве, напряженность ожидания в семье возрастала. Узнать точную дату его приезда не представлялось возможным. По расчетам и принимая во внимание рассказ плывшего с ним на пароходе попутчика, это должно было случиться в конце февраля 1940 г. И действительно, 28 февраля отец снова оказался в Бутырской тюрьме. По иронии судьбы именно в этот день состоялся первый полет его детища - ракетоплана «РП-318-1», на разработку которого ушли годы труда и успех в создании которого он использовал в качестве одного из главных аргументов своей защиты.

В июне 1938 г. директор НИИ № 3 Б.М. Слонимер и начальник группы, в которой работал отец, В.И. Дудаков решили прекратить работы по ракетоплану, о чем написали мотивированное предложение в Наркомат, а отработку ракеты «212» продолжить, устранив недостатки, выявленные при стендовых испытаниях. Осенью 1938 г. наземные испытания ракеты были закончены, и в январе 1939 г. на Софринском полигоне под Москвой состоялся ее первый пуск. Ракета запускалась с помощью тележки-катапульты, разгоняемой пороховым ракетным двигателем по рельсовому пути длиной 150 метров до скорости 40 м/с. Всего испытывались две ракеты. В обоих случаях двигатели системы разгона и взлета сработали нормально, но из-за неполадок в системе управления оба полета закончились преждевременно.

В декабре 1938 г. благодаря настойчивости Л.С Душкина и А.В. Палло руководство института приняло решение о возобновлении работ по ракетоплану. В то время институт не имел своей летно-испытательной станции. Тогда обратились к авиаконструктору А.Я. Щербакову, работавшему на заводе № 1 Наркомавиапрома, который был хорошо знаком и с отцом, и с проектом ракетоплана. А.Я. Щербаков охотно отозвался на просьбу и предложил, чтобы летные испытания ракетоплана провел один из лучших летчиков его предприятия В.П. Федоров. Испытателя предупредили, что полет может оказаться небезопасным. Однако Федоров, сознавая степень риска, все же без колебаний согласился провести испытания.

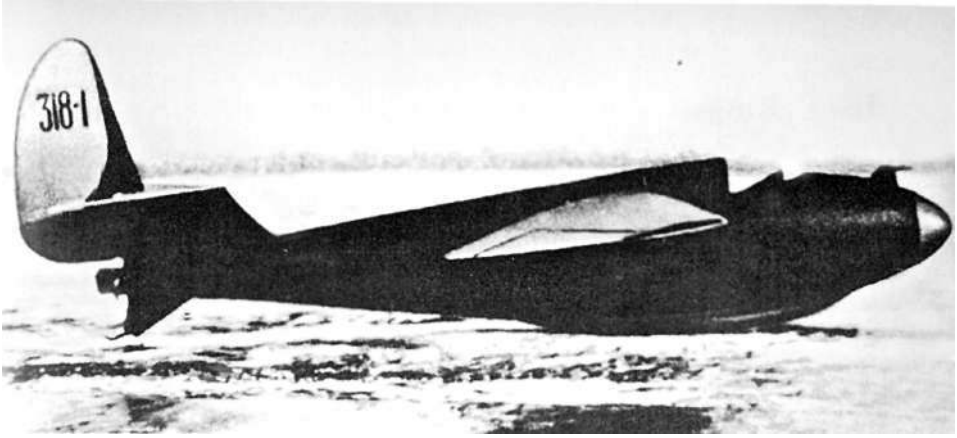
К тому времени в связи с негативным отношением В.И. Дудакова к разработке ракетоплана эту тему передали в отдел Л.С Душкина. Им была разработана новая конструкция азотнокислотно-керосинового двигателя - РДА-1-150, обладавшая рядом преимуществ, главным образом по части надежности, по сравнению с двигателем В.П. Глушко ОРМ-65. Наземные испытания двигательной установки ракетоплана, которому был возвращен индекс «РП-318-1», проводились в течение февраля-октября 1939 г. Ввиду давности изготовления планера «СК-9», его подвергли тщательному осмотру и предъявили экспертизе ЦАГИ. Летные испытания решено было проводить на подмосковном аэродроме КБ-29 вблизи станции Подлипки. В конце ноября 1939 г. ракетоплан установили на окраине аэродрома. Ведущий по испытаниям А.В. Палло с механиками Л.А. Иконниковым и А.И. Волковым оборудовали невдалеке в свободном контейнере из-под самолета походную мастерскую. После цикла наземной отработки, в присутствии специально созданной комиссии Наркомавиапрома и Наркомата боеприпасов, в январе 1940 г. провели контрольные огневые испытания двигательной установки. Рассмотрев все материалы, комиссия дала разрешение на летные испытания с включением ЖРД, что было оформлено специальным актом.

Испытатель ракетоплана «РП-318-1» конструкции СП. Королева летчик В.П. Федоров. Москва, 1940 г.

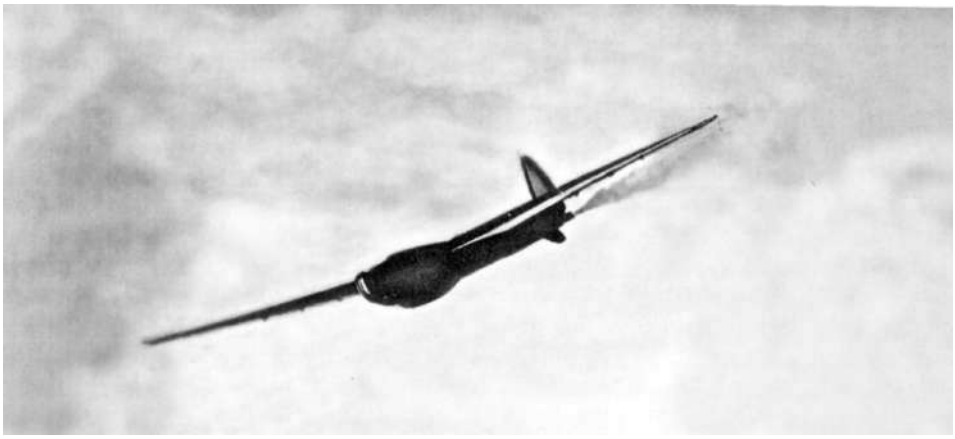
Первый полет наметили на 28 февраля. С утра механики готовили ракетоплан к полету. В 17 часов Федоров, экипированный парашютом, занял свое место в кабине. Самолет-буксировщик «П-5» пилотировал летчик Н.Д. Фиксон. Кроме него в самолете находились А.Я. Щербаков - для работы на лебедке буксировочного троса, и А.В. Палло - в качестве наблюдателя за полетом ракетоплана. Взлет «РП-318-1» за самолетом «П-5» состоялся в 17 часов 28 минут. Поднявшись на высоту 2600 метров, Федоров отцепил буксировочный трос и произвел запуск ЖРД. Ракетоплан увеличил скорость и стал набирать высоту. Вскоре он благополучно приземлился на аэродроме.

В своем докладе комиссии В.П. Федоров сообщил, что двигатель включился нормально и все контрольные приборы работали хорошо. При включении двигателя был слышен ровный, нерезкий шум. На 5-6 секунде его работы скорость планера возросла с 80 км/час до 140 км/час, после чего летчик установил режим полета с набором высоты и скоростью 120 км/час. Во время работы двигателя, длившейся ПО секунд, ракетоплан поднялся на 300 метров и достиг высоты 2900 метров. В.П. Федоров отметил, что нарастание скорости от работающего ЖРД и использование ракетного двигателя для набора высоты оставили у него как у летчика приятное ощущение. Наблюдатели, находившиеся на самолете «П-5», доложили, что при включении ЖРД они заметили небольшое облачко дыма от зажигательной шашки, затем, когда заработали пусковые форсунки, за двигателем появился след в виде светло-серой струи. Во время работы двигателя было видно пламя, которое также оставляло за собой светлый след из конденсированных продуктов сгорания. После прекращения работы ЖРД наблюдалось желтоватое быстро рассеявшееся облачко. Комиссия пришла к выводу, что первый полет ракетоплана прошел успешно. Это был первый в СССР полет человека на летательном аппарате с реактивным двигателем конструкции С.П. Королева.

К сожалению, отец этого не видел и только через три месяца узнал о первом полете. Маме и бабушке рассказал о нем Е.С Щетинков. И бабушка, предполагавшая, что отец вскоре вернется и ему будет интересно узнать подробности полета от первого лица, решила поехать в Подлипки, домой к летчику Федорову, с которым отец ее когда-то познакомил. Был ясный солнечный день. Бабушка спокойно шла по улице, и вдруг раздался такой грохот, что она невольно присела. Оглянулась - никакого переполоха. Пошла дальше - грохот повторился, мощный, словно разрыв бомбы, но люди продолжали идти по своим делам, не обращая на происходящее никакого внимания. К сожалению, летчика не оказалось дома. Жена его подтвердила, что действительно, 28 февраля полет ракетоплана состоялся.



Ракетоплан «РП-318-1» на земле. Подлипки, 28 февраля 1940 г.



Ракетоплан «РП-318-1» в полете. 28 февраля 1940 г.

А насчет грохочущих раскатов пояснила, что рядом находится артиллерийский завод имени Калинина, где постоянно ведутся испытания, к которым все привыкли. Чтобы застать мужа дома, она предложила бабушке приехать вечером следующего дня. Та так и сделала. Владимир Павлович очень радушно встретил ее и, рассказав о полете, дал высокую оценку ракетоплану.

10 и 19 марта 1940 г. Федоров выполнил на ракетоплане еще два полета, которые также прошли успешно. В полетах подтвердились расчетные данные «РП-318-1», надежность и безопасность двигательной установки.

Летчик В.П. Федоров погиб 28 мая 1943 г. в районе подмосковного города Бронницы. Полеты, совершенные им на ракетоплане отца, вошли в историю нашей авиации. Это были первые в СССР полеты человека на аппарате с реактивным двигателем - пока еще в пределах атмосферы. Осуществилась мечта отца, а ведь его обвиняли во вредительстве, преступном расходовании средств и умышленном торможении работ. Отец сам любил испытывать свои конструкции и, если бы не арест, наверняка бы лично пилотировал ракето-

Ракетный истребитель «БИ-1»

Митинг в несть успешного полета летчика Г.Я. Бахчиванджи на самолете «БИ-1». Билимбай, 15 мая 1942 г.

план. Ему не довелось, но первые полеты ракетоплана стали предвестниками развития в нашей стране нового вида техники - реактивной авиации.

Работа имела продолжение в виде ракетного истребителя «БИ-1», разработанного А.Я. Березняком и А.М. Исаевым в конструкторском бюро В.Ф. Болховитинова. Двигатель РД-1-А-1100 тягой 1100 кг для этого самолета был разработан в НИИ-3 под руководством Л.С Душкина. Первый полет на самолете «БИ-1» произвел летчик Г.Я. Бахчиванджи 15 мая 1942 г. После полета он отметил достоинства данного типа самолета в сравнении с другими, особо подчеркнув легкость управления и хороший обзор из кабины пилота. К несчастью, попытка полета на предельной скорости (около 800 км/час) окончилась 27 марта 1943 г. гибелью летчика из-за недостаточной изученности в то время аэродинамических явлений при больших скоростях. Но ничто уже не могло остановить процесс создания реактивных самолетов, прообразом которых явился ракетоплан «РП-318-1». Его можно рассматривать как первый этап длительного процесса перехода авиации на качественно иной уровень развития.

Глава одиннадцатая

ПОВТОРНОЕ СЛЕДСТВИЕ

МОСКВА (1940)

Итак, 28 февраля 1940 г. отец вновь оказался в Бутырской тюрьме. На следующий день он, как и в 1938 г. после ареста, заполнил анкету арестованного, его сфотографировали анфас и в профиль, сняли отпечатки пальцев. О том, что он уже в Москве, в семье еще не знали, и бабушка решила пойти на разведку. В приемной НКВД на Кузнецком мосту она сумела, не имея пропуска, проскользнуть мимо дежурного на второй этаж. Перед ней было несколько не обозначенных табличками дверей. Повинуясь подсознательному чувству, она постучала в одну из них. В кабинете сидела немолодая женщина. Бабушка сказала, что пришла просить разрешения передать больному сыну, вернувшемуся по вызову с Колымы, пачку сахара и кусок сала. На вопрос, откуда она знает, что сын вернулся и что он болен, бабушка ответила, что правду сказать не может, а врать не хочет. Женщина куда-то позвонила и удостоверилась, что заключенный СП. Королев прибыл в Москву и действительно находится в плохом состоянии. Она попросила, чтобы его осмотрел врач. Поблагодарив за заботу и внимание, бабушка, безмерно обрадованная тем, что сын уже точно в Москве и что ему помогут, поехала домой.

2 марта 1940 г. следователь Быков подготовил очередное постановление о продлении на один месяц срока следствия и содержания под стражей отца в связи с необходимостью «провести ряд следственных мероприятий: допросить свидетелей и документировать вредительскую работу».

В первых числах марта 1940 г. мама получила открытку, которой уведомлялось, что ей разрешено свидание с мужем в Бутырской тюрьме в такой-то день и час. Приняв изрядную дозу валерьянки, она отправилась туда. У входа в тюрьму уже стояли в ожидании обе мои бабушки - на всякий случай: если маму не выпустят, они будут знать об этом и тогда Софья Федоровна немедленно займется моим удочерением.

Это первое после ареста мужа свидание с ним мама помнила всю жизнь и подробно описала его. Вот ее рассказ:

«Пошла я туда. В зале ожидания собралось много людей. Через какое-то время нас ввели в помещение, разделенное тремя решетками. За одной, дальней от нас, словно звери в зоопарке, вплотную друг к другу стояли заключенные. На расстоянии 15-20 см от первой была вторая решетка, потом пространство, по которому ходил часовой, а затем третья решетка, разделявшая часового и нас - родственников, кричащих что было сил. Вид у Сережи был страшный. Изможденный, обросший щетиной, он плакал навзрыд. Я из последних сил держалась и не проронила ни одной слезы. Чувствовала, что если еще и я расплачусь, будет вообще что-то ужасное. Мы пытались говорить... О чем? О чем можно говорить в такой обстановке? Чем я могла его утешить?

Бутырская тюрьма. Общий вид. Начало XX в.

СП. Королев в Бутырской тюрьме на следующий день после возвращения с Колымы. 29 февраля 1940 г.

Помню, что я ему крикнула: «Ты о нас не беспокойся, я скоро буду защищать диссертацию». Ко мне тут же подскочил часовой со словами: «Здесь о защите не говорят, я вас выведу». Не понял, что речь идет о защите диссертации, и, наверное, подумал, что я говорю о защите Сергея в суде. Вышла оттуда совершенно убитая. Если бы я не была уже седая, то одного этого посещения хватило бы, чтобы полностью поседеть».

М.Н. Баланина. Москва, 1940-е годы

К.М. Винцентини. Москва, 1940 г.

Через несколько дней на Конюшковскую пришел сотрудник НКВД и принес маме записку от отца. На маленьком клочке бумаги он написал, что просит передать ему носовые платки, носки и башмаки. С башмаками возникла проблема: у мамы не нашли, а купить в магазине, да еще срочно, было невозможно. Тогда Григорий Михайлович снял свои ботинки, заменив их парусиновыми туфлями, хотя на улице еще лежал снег, и бабушка повезла эту драгоценную ношу маме, так как вечером посыльный должен был прийти за вещами.

Чем еще можно помочь сыну и мужу? Прежде всего важно, чтобы повторное следствие проводилось более объективно, без применения тех изуверских методов, которые в 1938 г. использовали следователи Быков и Шестаков и о которых отец писал с Колымы в заявлении на имя Верховного прокурора, доставленном к нам домой. Беспокоясь об этом, бабушка 5 марта 1940 г. направила заявление в Главную военную прокуратуру с просьбой передать дело другим следователям.

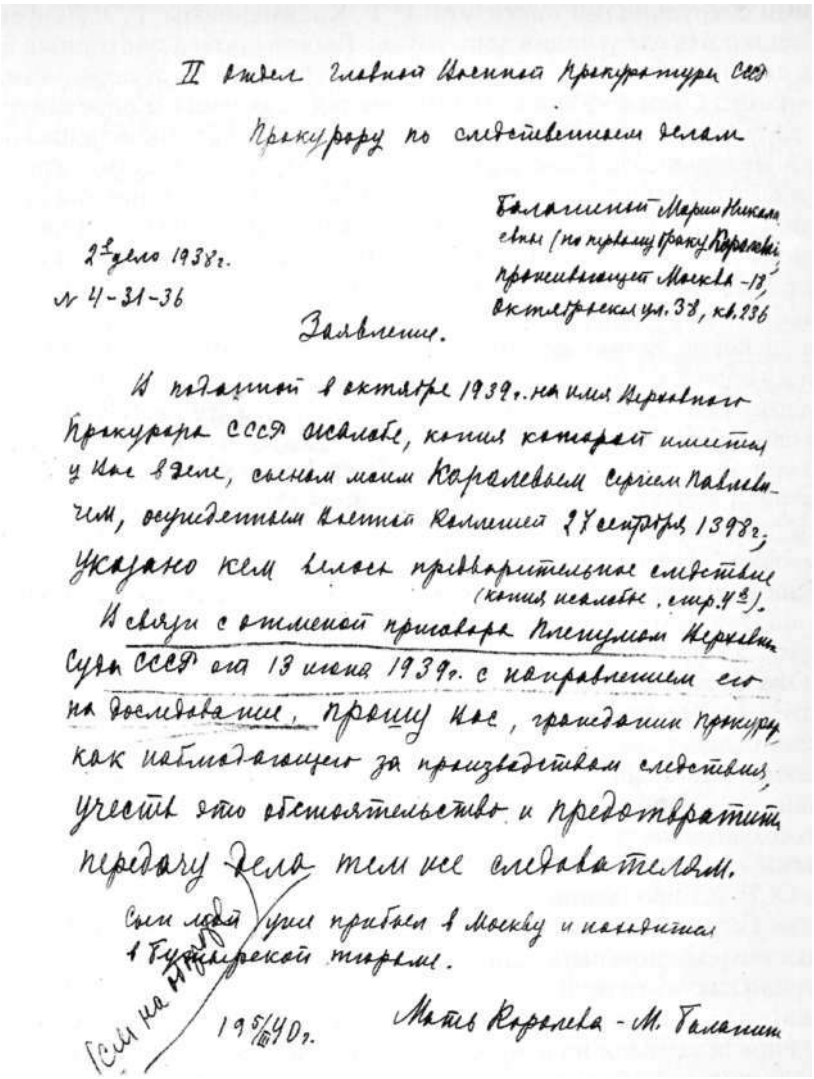
«II отдел Главной Военной Прокуратуры СССР
Прокурору по следственным делам

Баланиной Марии Николаевны
(по первому браку Королевой),
проживающей Москва-18,
Октябрьская ул., 38, кв. 236

ЗАЯВЛЕНИЕ

В поданной в октябре 1939 г. на имя Верховного Прокурора СССР жалобе, копия которой имеется у Вас в деле, сыном моим КОРОЛЕВЫМ Сергеем Павловичем, осужденным Военной Коллегией 27 сентября 1938 г., указано, кем велось предварительное следствие (копия жалобы, стр. 4-я).

В связи с отменой приговора Пленумом Верховного Суда СССР от 13 июня 1939 г. с направлением его на доследование, прошу Вас, гражданин Прокурор, как наблюдающего



II отдел Главной Военной Прокуратуры СССР

Прокурору по следственным делам

Баланиной Марии Николаевны (по первому браку Королевой) проживающей Москва-17, Октябрьская ул. 38, кв. 236

2-е дело 1938 г.
№ 4-31-36

Заявление.

В январе 1939 г. на имя Верховного Прокурора СССР жалобе, копия которой имеется у Вас в деле, моим сыном Королевым Сергеем Павловичем, осужденным Военной Коллегией 27 сентября 1938 г., указано кем велось предварительное следствие (копия жалобы, стр. 4-е).

В связи с отменой приговора Пленумом Верховного Суда СССР от 13 июня 1939 г. с направлением его на доследование, прошу Вас, гражданин прокурор, как наблюдающего за производством следствия, учесть это обстоятельство и предотвратить передачу дела тем же следователям.

Сын мой уже прибыл в Москву и находится в Бутырской тюрьме.

19 5/III 40 г. Мать Королева - М. Баланина

Гсм на [illegible]

Заявление М.Н. Баланиной прокурору по следственным делам. Москва, 5 марта 1940 г.

за производством следствия, учесть это обстоятельство и предотвратить передачу дела тем же следователям.

Сын мой уже прибыл в Москву и находится в Бутырской тюрьме.

19 $^{5}/_{III}$40 г. Мать Королева - М. Баланина».

На обороте этого заявления есть запись от 14 марта: «Жалоба Королева передана следователю Быкову для приобщения к делу и проверки доводов по существу обвинения».

8 марта 1940 года отца вызвали на допрос. Как и опасалась бабушка, его проводил все тот же следователь Быков. Он задавал вопросы, связанные, главным образом, с совместной работой и взаимоотношениями отца с

ведущими сотрудниками института: И.Т. Клейменовым, Г.Э. Лангемаком, В.П. Глушко. На следующий день тот же Быков провел повторный допрос. Теперь его интересовали поданные отцом ходатайства и переписка с родственниками. Отец сообщил, что отправлял заявления о пересмотре дела Прокурору Союза СССР, в Верховный суд и ЦК партии, переписывался с женой и матерью. Из Новочеркасской тюрьмы послал домой тринадцать писем и получил девять, на Колыме написал пять писем, но, как ему стало известно от сотрудника Севвостлага, они отправлены не все. В числе неотправленных оказалось и его письмо матери с копией заявления в Верховный суд, а из Москвы письма на Колыму вовсе не поступали. На довольно странный вопрос о цели переписки с родственниками отец ответил, что помимо выяснения личных семейных вопросов он хотел узнать, дошли ли его заявления адресатам.

8 марта 1940 г. умерла моя прабабушка Мария Матвеевна. Отец очень любил свою бабушку, у которой в Нежине провел детские годы. И она любила старшего внука, интересовалась его здоровьем и делами, молилась за него, верила в его счастливое будущее. Зная, что сын находится в Бутырской тюрьме, Мария Николаевна купила цветы и поехала туда. Ей хотелось, чтобы эти цветы явились как бы последним приветом внука своей бабусе. Она вошла в крошечный дворик перед входом в тюрьму и остановилась у высокого крыльца. Какая-то женщина подошла к ней: «Вы пришли с цветами, у Вас тут кто-то умер?» Бабушка ответила, что да, умер, но не здесь. Она постояла еще немного, думая о матери, о старом добром нежинском доме, мысленно посылая сквозь мрачные каменные стены слова любви своему сыну.

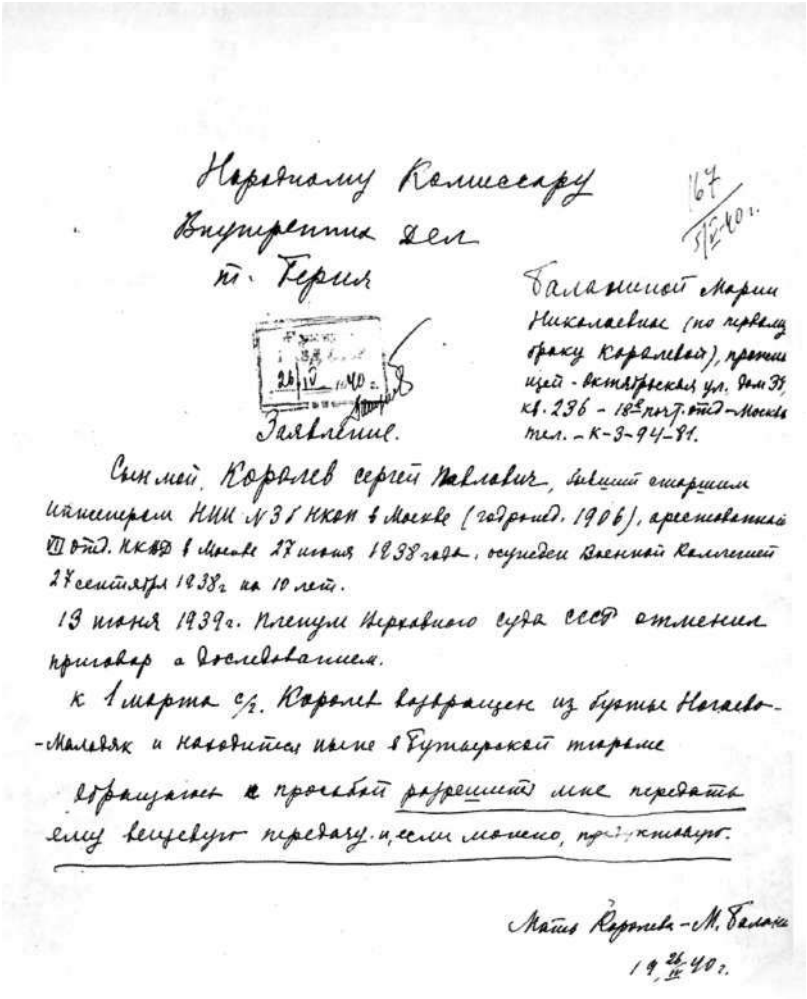
А следственная машина работала. 28 марта 1940 г. было подписано «Постановление о принятии дела к своему производству», в котором обосновывалась необходимость дальнейшего расследования. На следующий день, 29 марта, другим постановлением возбуждено ходатайство перед Прокуратурой Союза ССР «О продлении срока ведения следствия и содержания Королева С П. под стражей на один месяц, то есть до 2 мая 1940 года». Оба постановления составлены новыми следователями - Рябовым и Кононенко, - возможно, сыграло какую-то роль ходатайство бабушки.

19 апреля отца перевели из Бутырской во Внутреннюю тюрьму на Лубянке и 20 апреля вызвали на допрос к следователю Рябову. Там отец в очередной раз заявил, что невиновен в предъявленных ему обвинениях, что его показания в 1938 г. являются целиком и полностью ложными, данными «под воздействием следствия», что он отказался от них еще до подписания протокола об окончании следствия.

22 апреля отец собственноручно дал дополнительные показания по акту экспертной комиссии 1938 г. Он подробно характеризовал все объекты, которыми занимался, доказывая их приоритетность и необходимость для увеличения обороноспособности страны.

При чтении этих показаний, написанных от руки на шестнадцати листах, поражают их аргументированность, знание проблемы в целом и ее деталей, стремление взять ответственность за неудачи на себя - словом, те качества, которые были присущи отцу уже в те годы и проявились в полной мере, когда он стал Главным конструктором.

25 апреля отца снова вызвали на допрос. На заданные следователем Рябовым вопросы, касавшиеся создания крылатых ракет, даны четкие, исчерпывающие ответы.



Народному Комиссару
Внутренних дел
т. Берия

167
5/V-40 г.

Баланиной Марии
Николаевны (по первому
браку Королевой), прожи-
вающей - Октябрьская ул. дом 39,
кв. 236 - 18 гр. отд. Москва
тел. - К-3-94-81.

26/IV 1940 г.

Заявление.

Сын мой, Королев Сергей Павлович, бывший старший инженер НИИ № 3 НКАП в Москве (годрожд. 1906), арестованный III отд. НКВД в Москве 27 июня 1938 года, осужден Военной Коллегией 27 сентября 1938 г. на 10 лет.

13 июня 1939 г. Пленум Верховного суда СССР отменил приговор и доследование.

К 1 марта с/г. Королев возвращен из бухты Нагаево-Маледяк и находится ныне в Бутырской тюрьме.

Обращаюсь с просьбой разрешить мне передать ему вещевую передачу и, если можно, продуктовую.

Мария Королева - М. Баланина

19 26/IV 40 г.

Заявление М.Н. Баланиной наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии. Москва, 26 апреля 1940 г.

26 апреля вышло очередное постановление о продлении срока следствия и содержания отца под стражей до 2 июня 1940 г. в связи с необходимостью «допросить ряд свидетелей и документировать вредительскую деятельность обвиняемого».

О том, что отца перевели во Внутреннюю тюрьму НКВД, ни бабушка, ни мама не знали. Их беспокоило состояние его здоровья, оценить которое было невозможно, не видя отца и не имея от него никаких вестей. А так хотелось хоть чем-то помочь! И тогда 26 апреля бабушка написала заявление на имя наркома внутренних дел.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СЕКРЕТАРИАТ
2 отделение
29/IV 1940 г.
№ 117/20
гор. МОСКВА
Направляется вам полученное на имя Народного комиссара внутренних дел СССР т. БЕРИЯ заявление
Ф. № 2

РАССЕКРЕЧЕНО
Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
Сотрудник
26 — 06 — 199 г.

СЕКРЕТНО

г. Москва

Разрешение вещевой передачи заключенному СП. Королеву. Москва, 29 апреля 1940 г.

«Народному Комиссару Внутренних Дел

т. Берия

Баланиной Марии Николаевны
(по первому браку Королевой),
проживающей - Октябрьская ул.
дом 38 кв. 236 - 18-е почт, отд
Москва
тел.-К-3-94-81

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сын мой, КОРОЛЕВ Сергей Павлович, бывший старшим инженером НИИ № 3 б. НКОП в Москве (год рожд. 1906), арестованный VII отд. НКВД в Москве 27 июня 1938 года, осужден Военной Коллегией 27 сентября 1938 г. на 10 лет. 13 июня 1939 г. Пленум Верховного суда СССР отменил приговор с доследованием.

К 1 марта с/г Королев возвращен из бухты Нагаево-Мальдяк и находится ныне в Бутырской тюрьме.

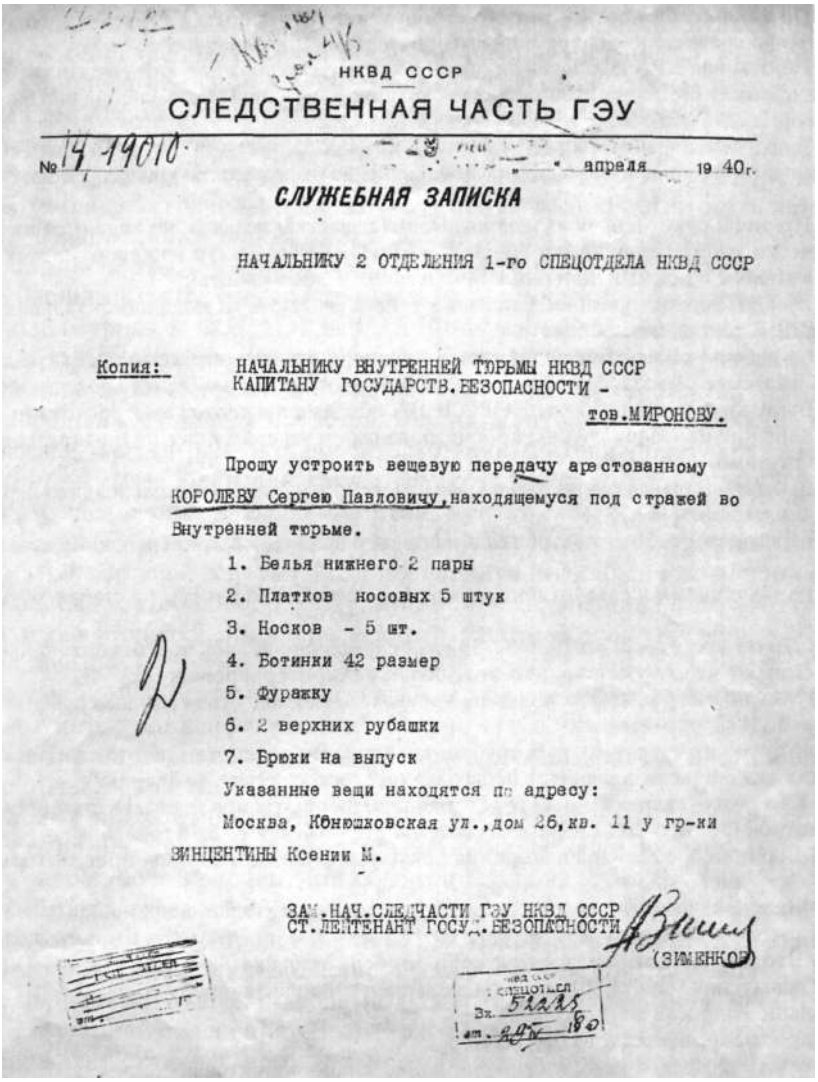
Обращаюсь с просьбой разрешить мне передать ему вещевую передачу и, если можно, продуктовую.

Мать Королева - М. Баланина

19 26ДУ 40 г.»

29 апреля это заявление было направлено на рассмотрение в следственную часть Главного экономического управления НКВД, где наложили резолюцию: «Вещевую передачу можно разрешить».

В служебной записке, направленной в копии начальнику Внутренней тюрьмы, где тогда находился отец, определили список вещей, и с ним на Конюшковскую пришел сотрудник НКВД. В тот же день к вечеру вещи были собраны, уложены в чемоданчик, приняты посыльным по акту и затем переданы отцу.



НКВД СССР

СЛЕДСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ГЭУ

№ 14/19010 апреля 19 40г.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

НАЧАЛЬНИКУ 2 ОТДЕЛЕНИЯ 1-го СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР

Копия: НАЧАЛЬНИКУ ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЫ НКВД СССР
КАПИТАНУ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ -
тов. МИРОНОВУ.

Прошу устроить вещевую передачу арестованному КОРОЛЕВУ Сергею Павловичу, находящемуся под стражей во Внутренней тюрьме.

1. Белья нижнего 2 пары
2. Платков носовых 5 штук
3. Носков - 5 шт.
4. Ботинки 42 размер
5. Фуражку
6. 2 верхних рубашки
7. Брюки на выпуск

Указанные вещи находятся по адресу:
Москва, Кёнюшковская ул., дом 26, кв. 11 у гр-ки ЗИНЦЕНТИНЫ Ксении М.

ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ (ЗИМЕНКОВ)

Служебная записка с перечнем вещей, разрешенных для передачи заключенному СП. Королеву. Москва, 29 апреля 1940 г.

27 апреля отца вновь вызвали на допрос. На сей раз ему предложили сформулировать вопросы к членам создаваемой следствием новой экспертной комиссии. Таких вопросов оказалось восемнадцать.

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного КОРОЛЕВА Сергея Павловича

от 27 апреля 1940 года.

Допрос начат в 10 час. 30 мин.

Вопрос: Какие конкретно вы имеете вопросы к экспертной комиссии?

Ответ: К экспертной комиссии у меня имеются следующие вопросы:

1) Являются ли работы над крылатыми ракетными аппаратами (КРА) работами оборонного значения;

2) По каким своим летно-тактическим показателям работы КРА представляют преимущество по сравнению с современными самолетами и артснарядами;

3) Работы над КРА являются ли новой и технически сложной или уже достаточно изученной, а может быть, простой областью техники, имеющей своих специалистов, литературу, теорию, опыт и т.д.;

4) Являются ли работы по КРА технической проблемой или могли бы быть достаточно успешно разрешены в эпизодическом порядке, на нескольких образцах, в короткий срок 3-4 года;

5) Принцип ракет и идея их использования известны издавна, но являются ли работы, практически производившиеся в НИИ № 3 КОРОЛЕВЫМ и его инженерами, технически оригинальными и новыми, или они копировали чьи-либо работы;

6) Какой период времени охватывает практическая и экспериментальная работа КОРОЛЕВА по крылатым ракетам;

7) От работы каких главнейших частей, агрегатов зависит успешный полет крылатой ракеты (в частности ракеты № 216), кто в течение указанных лет вел работы по этим агрегатам;

8) Были ли объекты работы КОРОЛЕВА обеспечены чертежами, расчетами, продувками в аэродинамических трубах; просматривались и утверждались ли они тех. советами и консультантами;

9) Была ли разработана методика расчета, вопросы теории и исследование перспектив работ по крылатым Р.А.;

10) Является ли факт постройки крылатой ракеты достаточным для ее испытания в полете;

11) Какую цель преследует предварительная отработка ракеты на стенде, в лаборатории и т.д.;

12) По объекту № 212 в 1936-37-38 г.г. непрерывно велись подготовительные испытания. Почему в акте указано, что этот объект законсервирован;

13) Можно ли на одном экземпляре произвести все подготовительные работы и испытания;

14) Можно ли считать отрыв трубки, тройника и прочее, как об этом указано в акте, равно как даже и разрыв впервые испытывающегося агрегата, за аварию;

15) Кто подготавливал и был ответственным за опыты при первом испытании автозапуска мотора ОРМ-65 30.12.37 года и системы 212 объекта 13.5.38 года;

16) Были ли обеспечены испытания крылатых ракет приборами, программами, отчетами и инструкциями;

17) Кем производилась разработка автозапуска двигателей, и возможна ли установка разных двигателей на одну и ту же ракету;

18) Что именно могло повлечь за собою гибель экипажа ТБ-3 (как указано в акте) при первом испытании макета 301, если он не вышел с направляющей.

Больше вопросов не имею.

Допрос прерывается в 13 час. 35 мин.

Ответы записаны с моих слов верно, мною лично прочитаны.

КОРОЛЕВ.

ДОПРОСИЛ: СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР -
СЕРЖАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ:

/ Рябов/».

5 мая 1940 г. было принято постановление о создании новой экспертной комиссии в составе трех инженеров НИИ-3: Ф.Н. Пойды (председатель), Е.С. Щетинкова и М.С. Кисенко. Членам комиссии предложили на основании имеющихся в НИИ-3 документов дать заключение по ряду вопросов, в том числе поставленных отцом. 7 мая отца ознакомили с постановлением о назначении экспертной комиссии. Он согласился с ее составом и поставленными вопросами. 25 мая экспертная комиссия представила свое заключение на 14 листах. В нем тоже присутствовали критические моменты, но уже не было такого искажения фактов, как в предыдущем акте экспертизы от 20 июля 1938 г.

По некоторым пунктам между членами комиссии возникли разногласия. Так, организацию работ отцом по ряду объектов Е.С Щетинков и М.С Ки-

сенко сочли правильной, в то время как Ф.Н. Пойда придерживался противоположной точки зрения. В своем «Особом мнении» он написал: «1. В отделе - группе Королева должной научно-исследовательской работы не производилось; 2. Сам Королев конкретной научно-исследовательской работы не вел; 3. Работа над объектом «Полет человека на планере» не имела достаточной технической базы и рассчитана была лишь на внешний эффект, а средства на эту работу были затрачены напрасно». И это написано после того, как ракетоплан, разработанный отцом, уже успешно летал, о чем сказано в том же заключении экспертной комиссии! Кстати, именно из этого документа отец узнал о первых полетах своего ракетоплана. В противоположность общим обвинительным фразам Ф.Н. Пойды Е.С Щетинков и М.С Кисенко представили свое «Особое мнение» по конкретной работе, касающейся разработки пороховой крылатой торпеды (объект 217). Они подчеркнули, что эта работа была завершена и принята представителями Центральной лаборатории проводной связи. Тем самым свои обязательства по договору институт выполнил уже в конце 1936 г. Написали также, что создание ракет требует продолжительных исследований и экспериментов, при этом небольшие аварии неизбежны. Далее Е.С Щетинков представил свое «Особое мнение» по разработке крылатой торпеды (объект 216), подчеркнув, что «были получены экспериментальные материалы, необходимые для дальнейшей разработки торпед», и что неполадки, имевшие место в работе Королева, нельзя считать умышленными.

Приехав в 1944 г. домой и рассказывая маме и бабушке о злоключениях последних лет, отец вспомнил, как тронуло его в тюрьме это «Особое мнение» Евгения Сергеевича, соратника и друга, не предавшего и не забывшего его, несмотря ни на что.

К своему заключению комиссия приложила весьма нелестную характеристику отца. По-видимому, написать иное было тогда невозможно.

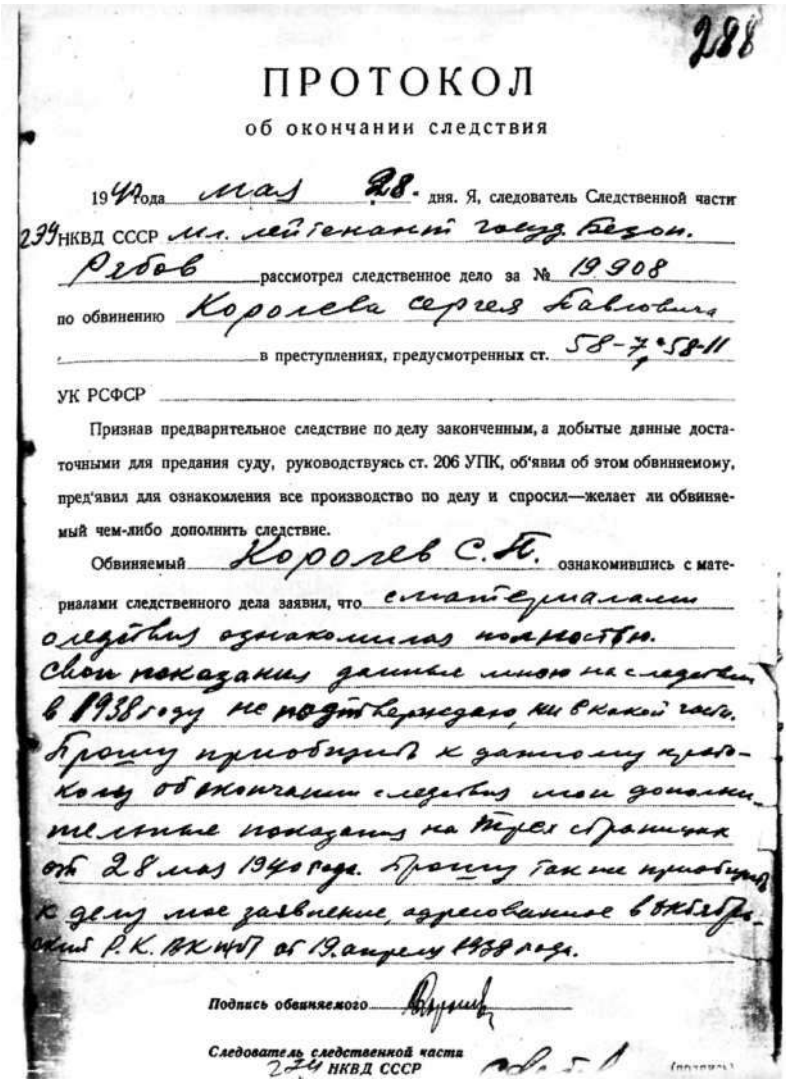
В связи с работой экспертной комиссии срок ведения следствия и содержания отца под стражей 23 мая продлили до 2 июля 1940 г. По окончании работы комиссии отцу представили ее заключение, и 28 мая он был вызван на очередной допрос для изложения своего мнения по этому поводу. Отец заявил, что с некоторыми выводами экспертов согласиться не может и дал соответствующие пояснения. В тот же день был составлен протокол об окончании следствия. К нему, по просьбе отца, приобщили его дополнительные показания, в которых он, в частности, коснулся проблемы ракетного самолета.

«Дополнительные показания арест. Королева
к протоколу об окончании следствия
от 28 мая 1940 г.

I. Ознакомившись с материалами следствия, я еще раз заявляю, что участником антисоветской организации я никогда не был и вредительской работы никогда и нигде не вел. Показания Клейменова, Лангемака и Глушко в отношении меня являются ложью и клеветой.

П. Показания свидетелей Смирнова, Шитова, Косятова, Ефремова, Душкина и других считаю неправильными. Основные объяснения по этим показаниям я уже дал в апреле месяце 1940 г., а также смотри заключение экспертной комиссии от 25 мая 1940 года. Кроме того, в свидетельских показаниях, например, неправильно указано (Смирнов), что мною непроизводительно были затрачены большие суммы средств.

Неправильно указано, что не производилась предварительная отработка узлов объектов, что не получено никаких положительных результатов, что были систематические взрывы и т.д. (свидетели Шитов, Душкин).



288

ПРОТОКОЛ

об окончании следствия

1940 года мая 28 дня. Я, следователь Следственной части 2244 НКВД СССР мл. лейтенант госуд. безоп. Рябов рассмотрел следственное дело за № 19908 по обвинению Королева Сергея Павловича в преступлениях, предусмотренных ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР

Признав предварительное следствие по делу законченным, а добытые данные достаточными для предания суду, руководствуясь ст. 206 УПК, об'явил об этом обвиняемому, пред'явил для ознакомления все производство по делу и спросил—желает ли обвиняемый чем-либо дополнить следствие.

Обвиняемый Королев С.П. ознакомившись с материалами следственного дела заявил, что с материалами следствия ознакомился полностью. Свои показания данные мною на следствии в 1938 году не подтверждаю, ни в какой части. Прошу приобщить к данному протоколу об окончании следствия мои дополнительные показания на трех страницах от 28 мая 1940 года. Прошу так же приобщить к делу мое заявление, адресованное в Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1938 года.

Подпись обвиняемого

Следователь следственной части 2244 НКВД СССР

Протокол об окончании следствия по делу СП. Королева. Москва, 28 мая 1940 г.

Неправильно указано, что объекты были плохо сконструированы и что они предназначались как боевые образцы (свидетели Дедов, Букин, Душкин). Как видно по техническим заданиям и по самой конструкции объектов, они никогда не были да и не могли быть боевыми образцами, особенно учитывая, что это были первые работы в СССР. В то же время уже в конце 1938 года и далее, после очень непродолжительной доработки объекты были испытаны в полете с удовлетворительными результатами, о чем видно из этих же свидетельских показаний и акта экспертизы от 25 мая 1940. Произведенные же переделки коснулись в основном двигательной установки, автоматики и автозапуска, которые мною не разрабатывались.

Если бы в целом работа была мною сделана недобросовестно, то, безусловно, так скоро нельзя было бы произвести испытание этих объектов.

Я прошу допросить свидетелей, знающих мои работы лично, мою деятельность и общественную работу, как то:

проф. Пышнова В.С. из В.В. Акад. им. Жуковского, проф. Юрьева Б.Н. из Москов. Авиац. Ин-та, инженеров НИИ № 3 Дрязгова М.П. и Пивоварова С.А.

III. Считаю неправильным мнение эксперта Пойды, изложенное особо в конце акта экспертизы от 25 мая с.г. по вопросу о ракетном самолете. Работа над ракетным самолетом исключительно важна и производилась в СССР впервые. Как видно из акта экспертизы, полетные испытания в апреле 1940 г. дали удовлетворительные результаты, что, безусловно, является достижением не только в СССР, но и вообще в технике. Как видно из акта, части этой машины, разработанные мною, изменениям и переделкам не подвергались (сам планер, система питания и т.д.) и, следовательно, работали хорошо.

С. Королев
28 мая 1940 года».

Единственной, наверное, радостью за два прошедших мучительных года стало для отца известие о том, что его идея ракетного самолета воплотилась в реальность, что его ракетоплан летал и летал успешно.

Сразу же после окончания следствия 28 мая 1940 г. было составлено обвинительное заключение. Как и в 1938 г., оно сводилось к одному: троцкист-вредитель, ст. 58-7 и 58-11 УК РСФСР.

« «УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. НАЧ. ГЛАВ. ЭКОНОМ. УПР. НКВД СССР
СТ. МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
/НАСЕДКИН/

29 мая 1940 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по след. делу № 19908 по обвинению
КОРОЛЕВА Сергея Павловича
по ст. ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР.

28 июня 1938 года НКВД СССР за принадлежность к троцкистской вредительской организации, действовавшей в научно-исследовательском институте № 3 (НКБ СССР), был арестован и привлечен к уголовной ответственности бывший инженер указанного института КОРОЛЕВ Сергей Павлович.

В процессе следствия КОРОЛЕВ признал себя виновным в том, что в троцкистско-вредительскую организацию был привлечен в 1935 году бывшим техническим директором научно-исследовательского института № 3 ЛАНГЕМАКОМ (осужден).

В процессе следствия по делу ЛАНГЕМАКА он специально о КОРОЛЕВЕ допрошен не был и об участии последнего в антисоветской организации показал, что знал об этом со слов КЛЕЙМЕНОВА - бывш. директора НИИ-3 (осужден) (л.д. 41).

По заданию антисоветской организации КОРОЛЕВ вел вредительскую работу по срыву отработки и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения (л.д. 21-35 53-55, 66-67, 238-339).

Решением Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 27 сентября 1938 года КОРОЛЕВ был осужден к 10-ти годам тюремного заключения.

13-го июня 1939 года Пленум Верховного суда Союза ССР приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР отменил, а следственное дело по обвинению КОРОЛЕВА было передано на новое расследование (см. отдельную папку судебного производства).

В процессе повторного следствия КОРОЛЕВ показал, что данные им показания на следствии в 1938 году не соответствуют действительности и являются ложными (л.д. 153-156).

Однако имеющимися в деле материалами следствия и документальными данными КОРОЛЕВ изобличается в том, что:

В 1936 году вел разработку пороховой крылатой торпеды; зная заранее, что основные части этой торпеды, приборы с фотоэлементами для управления торпедой и наведения ее на цель не могут быть изготовлены Центральной лабораторией проводной связи, КОРОЛЕВ с целью загрузить институт ненужной работой усиленно вел разработку ракетной части этой торпеды в 2-х вариантах. В результате этого испытания четырех построенных КОРОЛЕВЫМ торпед показали их полную непригодность, чем нанесен был ущерб госу-

дарству в сумме 120 000 рублей и затянута разработка других, более актуальных тем (л.д. 250-251).

В 1937 году при разработке бакового отсека торпеды (крылатой) сделал вредительский расчет, в результате чего исследовательские работы по созданию торпеды были сорваны (л.д. 23-24, 256).

Искусственно задерживал сроки изготовления и испытания оборонных объектов (объект 212) (л. д. 21, 54, 255).

На основании изложенного ОБВИНЯЕТСЯ:

КОРОЛЕВ Сергей Павлович, 1906 года рождения, урож. гор. Житомира, русский, гр-н СССР, беспартийный, до ареста - инженер НИИ-3 НКБ СССР, в том, что:

являлся с 1935 года участником троцкистской вредительской организации, по заданию которой проводил преступную работу в НИИ-3 по срыву отработки и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР. Виновным себя признал, но впоследствии от своих показаний отказался.

Изобличается показаниями осужденных КЛЕЙМЕНОВА, ЛАНГЕМАКА, ГЛУШКО, показаниями свидетелей: СМИРНОВА, РОХМАЧЕВА, КОСЯТОВА, ШИТОВА, ЕФРЕМОВА, БУКИНА, ДУШКИНА и актами экспертных комиссий.

Дело по обвинению КОРОЛЕВА направить в Прокуратуру Союза ССР по подсудности.

Обвинительное заключение составлено 28 мая 1940 года в гор. Москве.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /РЯБОВ/

ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /ЛИБЕНСОН/

«СОГЛАСЕН» НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ /ВЛОДЗИМИРСКИЙ/

СПРАВКА: КОРОЛЕВ СП. арестован 28 июня 1938 года.
Содержится под стражей во Внутренней тюрьме.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ /РЯБОВ/».

Интересно, что 17 июня 1940 г. это заключение находилось у заместителя начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР, который на первой странице его наложил резолюцию: «Направить дело на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР с предложением прекратить это дело». Нашелся единственный разумный человек, который, наверное, понял, что подсудимый не является преступником и злоумышленником. 25 июня дело было передано на рассмотрение Особого совещания.

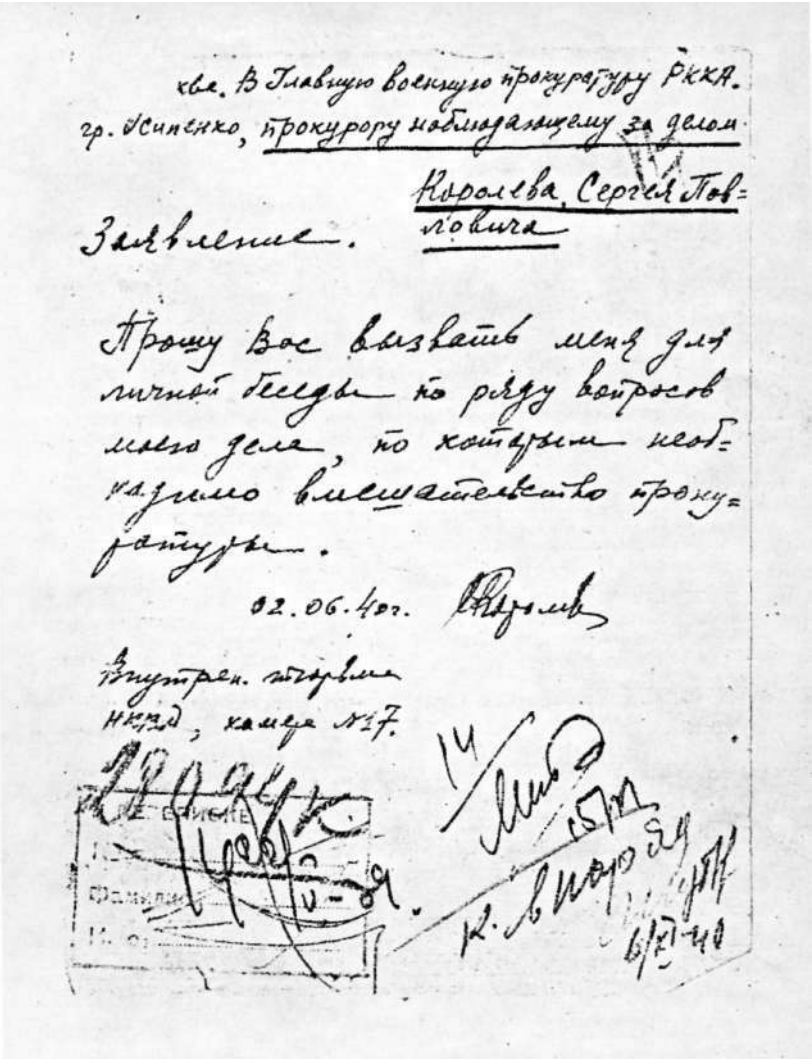
Итак, отец вновь ожидал решения своей судьбы, ожидал с надеждой и, вместе с тем, с намерением продолжать борьбу. 2 июня 1940 г. он написал заявление в Главную военную прокуратуру с просьбой о личной встрече с прокурором.

«Москва. В Главную военную прокуратуру РККА,
гр.Осипенко, прокурору, наблюдающему за делом
Королева Сергея Павловича.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Вас вызвать меня для личной беседы по ряду вопросов моего дела, по которым необходимо вмешательство прокуратуры.

02.06.40 г. С. Королев
Внутрен. тюрьма НКВД, камера № 17».



кве. В Главную военную прокуратуру РККА.
гр. Осипенко, прокурору наблюдающему за делом
Королева Сергея Пав=
ловича

Заявление.

Прошу Вас вызвать меня для
личной беседы по ряду вопросов
моего дела, по которым необ=
ходимо вмешательство проку=
ратуры.

02.06.40г.

Внутрен. тюрьма
НКВД, камера №17.

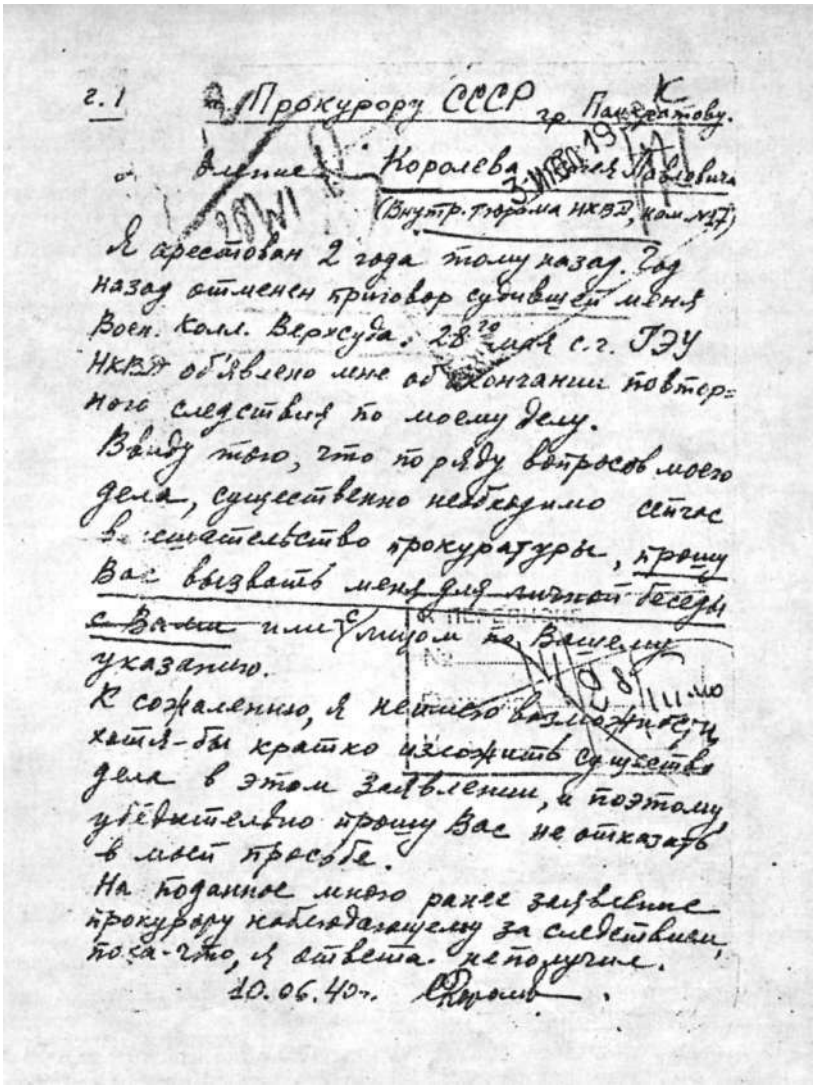
Заявление С.П. Королева прокурору Осипенко.
Внутренняя тюрьма НКВД, 2 июня 1940 г.

Ответа не последовало, и 10 июня отец написал повторное заявление, теперь уже Прокурору СССР, в котором настоятельно просил вызвать его для личной беседы.

«Прокурору СССР гр. Панкратьеву
Заявление Королева Сергея Павловича
(Внутр. Тюрьма НКВД, кам № 17)

Я арестован 2 года тому назад. Год назад отменен приговор судившей меня Воен. Колл. Верхсуда 28-го мая с.г. ГЭУ НКВД объявлено мне об окончании повторного следствия по моему делу.

Ввиду того что по ряду вопросов моего дела существенно необходимо сейчас вмешательство прокуратуры, прошу Вас вызвать меня для личной беседы с Вами или с лицом по Вашему указанию.



г. 1

Прокурору СССР гр. Панкратьеву М. К.

от заявление Королева Сергея Павловича

(Внутр. тюрьма НКВД, кам. № 27)

Я арестован 2 года тому назад. Год назад отменен приговор судившей меня Воен. Колл. Верхсуда. 28 мая с.г. ПЭУ НКВД объявило мне об окончании повторного следствия по моему делу.

Ввиду того, что по ряду вопросов моего дела, существенно необходимо сейчас вмешательство прокуратуры, прошу Вас вызвать меня для лично бесеиы ~~с Вами~~ или с лицом по Вашему указанию.

К сожалению, я не имею возможности хотя-бы кратко изложить существо дела в этом заявлении, и поэтому убедительно прошу Вас не отказать в моей просьбе.

На поданное мною ранее заявление прокурору наблюдающему за следствием, пока-что, я ответа не получил.

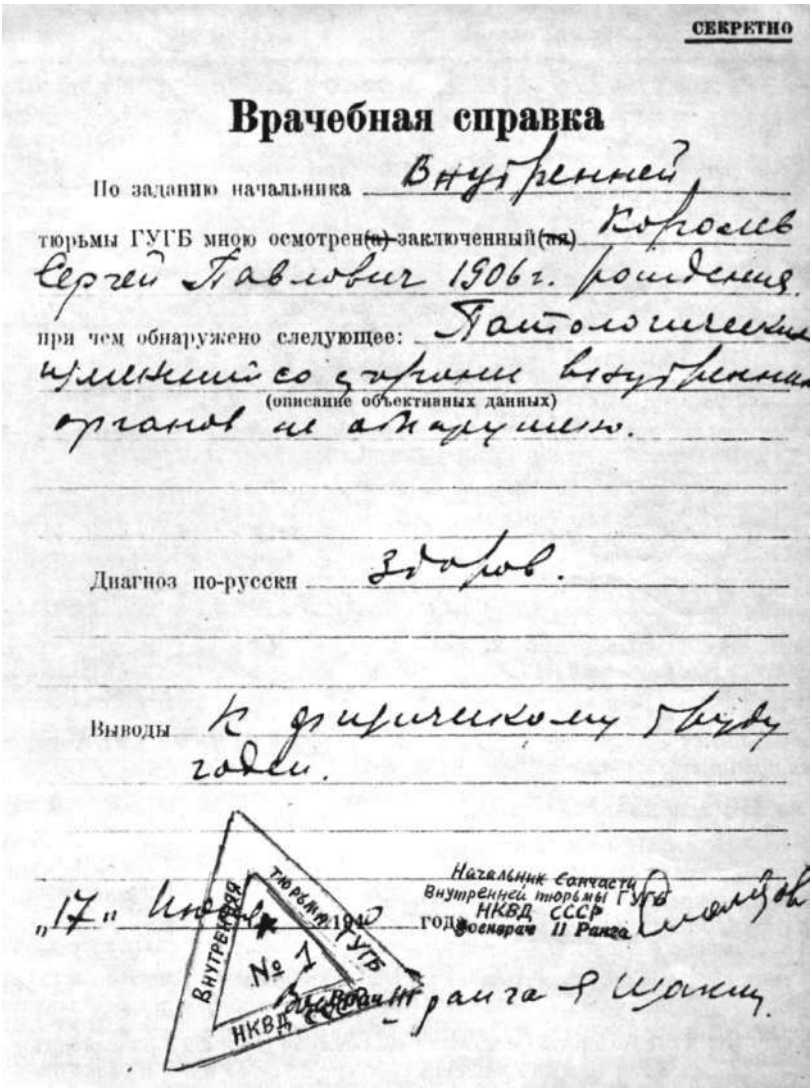
10.06.40 г. С. Королев

Заявление С.П. Королева прокурору М.М. Панкратьеву. Внутренняя тюрьма НКВД, 10 июня 1940 г.

К сожалению, я не имею возможности хотя бы кратко изложить существо дела в этом заявлении и потому убедительно прошу Вас не отказать в моей просьбе. На поданное мною ранее заявление прокурору, наблюдающему за следствием, пока что я ответа не получил.

10.06.40 г. С. Королев».

17 июня отец, все еще находясь во Внутренней тюрьме, прошел медицинское освидетельствование, ведь речь, скорее всего, должна была вновь пойти о работе в так называемом исправительно-трудовом лагере: на стройке, лесоповале или в каком-либо другом месте, где его умственные способности не требовались. Врач дал именно то заключение, которое от



СЕКРЕТНО

Врачебная справка

По заданию начальника Внутренней тюрьмы ГУГБ мною осмотрен(а)-заключенный(ая) Королев Сергей Павлович 1906 г. рождения.

при чем обнаружено следующее: Патологических изменений со стороны внутренних органов не обнаружено.

(описание объективных данных)

Диагноз по-русски Здоров.

Выводы К физическому труду годен.

„17" июня 1940 года

Начальник санчасти Внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР военврач II ранга

Внутренняя тюрьма ГУГБ № 1 НКВД СССР

военврач II ранга

Врачебная справка о состоянии здоровья СП. Королева. Внутренняя тюрьма НКВД, 17 июня 1940 г.

него ждали: «Патологических изменений со стороны внутренних органов не обнаружено. Здоров. К физическому труду годен».

Тем временем волнуется, находясь в полном неведении, вся семья. Как проходит следствие, каково заключение экспертной комиссии и какие выводы сделаны по нему следствием, когда будет суд - ничего неизвестно. Бабушка обращается к заместителю главного военного прокурора Афанасьеву, затем к заместителю главного военного прокурора по спецделам Осипенко, но ясности все равно нет. Тогда 22 июня 1940 г. она пишет заявление на имя Прокурора СССР по спецделам.

Число	Месяц	№ ордера	№ арестованного	Фамилия, имя и отчество	Опись и №№ квитанций
2/VIII	38 г.	ср Б отд 14184	1442	Королев	2674 2678 21630
Здесь.	12/II-40 г.	1592.		Сергей Павлович	

286

Разрешение свидания		Арестованный убыл		КУДА ВЫБЫЛ
Когда произошло свидание	По какому документу разрешено	Число, месяц и год	По какому документу или по чьему разрешению	
		8/VIII-38	с/Б отд 16138	Бут. тюрьма
		28-VI-40 г.	оз-3677	Бутырск. тюр.

Выписка из книги учета заключенных Внутренней тюрьмы НКВД. СП. Королев значится под номером 1442

«ПРОКУРОРУ СССР ПО СПЕЦДЕЛАМ
От БАЛАНИНОЙ Марии Николаевны
(по первому браку КОРОЛЕВОЙ),
прожив, гор. Москва, Октябрьская ул. д. 38 кв. 236

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой сын КОРОЛЕВ Сергей Павлович был осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР 27.IX.1938 г. к 10 годам лишения свободы по ст. 58 п.п. 7 и 11 и 17/8.

13 июня 1939 года приговор был отменен с передачей дела на новое расследование со стадии предварительного следствия, и сын мой был возвращен в Москву с Колымы.

Моему сыну 33 года. Инженер-конструктор авиааппаратов, летчик, организатор исключительной по своему значению отрасли авиации (ракетных полетов в стратосфере), работал в НИИ № 3 в Москве.

Из беседы с зам. главного воен. прокурора тов. Афанасьевым, а затем с зам. глав, прокурора по спецделам тов. Осипенко мне стало ясно, что новое подробное расследование (экспертиза) исключило возможность обвинения моего сына в к-р* вредительстве.

19 июня с.г. тов. Осипенко мне заявил, что следствие закончено и «о судьбе сына я узнаю из его письма».

Надо полагать, что дело перешло в ОСО. В дальнейшем разговоре выяснилось, что, после того как отпало обвинение в к-р вредительстве, моего сына обвиняют якобы «в плохом окружении - знакомстве с гл. инженером Лангемак».

Мне непонятно, как можно обвинить сына за знакомство с Лангемак, которого он узнал на работе и не мог предполагать о его к-р взглядах.

* к-р - контрреволюционном. - *Прим. ред.*

Если можно обвинять за плохое окружение, то нельзя же не учесть, что даже после осуждения сына такие люди, как Герои Советского Союза Гризодубова и Громов, сочли возможным дать письменный отзыв и помочь мне в реабилитации сына и отмене приговора.

По этим основаниям я прошу, поскольку целиком и полностью отпало обвинение в к-р вредительстве и сыну предъявляется новое обвинение в каком-то знакомстве с инж. Лангемак, дать ему возможность доказать свою невиновность при рассмотрении дела в судебном порядке, либо проверить дополнительным следствием окружение сына и допросить тех из его сослуживцев, которые были не только его знакомые по службе, но и близкие товарищи, и которых я могу в случае необходимости назвать.

Считаю нужным добавить, что мой сын находится в заключении уже два года и прошло свыше года с момента отмены приговора Пленумом Верхсуда СССР.

Мать КОРОЛЕВА С.П. (Баланина М.Н.)
22. VI.40 г.».

28 июня 1940 г. отца перевели из Внутренней тюрьмы снова в Бутырскую. Никто в прокуратуре на его просьбы не реагировал и никуда не вызывал. Оставалось ждать своей участи в полном бессилии что-либо изменить. Он жаждал суда, а его все не было. Отец уже давно понял, что его судьбу решают люди, пытаться доказывать свою невиновность которым бесполезно. И тогда он решился на последний шаг - обратиться напрямую к Сталину, объяснить ему значимость своей работы и необходимость продолжения ее для укрепления обороноспособности СССР. Правда, им уже было написано заявление на имя Сталина в феврале 1939 г. из Новочеркасской тюрьмы, оставшееся без ответа, но, быть может, оно не дошло до адресата. И 13 июля 1940 г. отец снова пишет Сталину.

«г. Москва, ЦК ВКП(б), Иосифу Виссарионовичу Сталину

ЗАЯВЛЕНИЕ КОРОЛЕВА СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА

Советские самолеты должны иметь решающее превосходство над любым возможным противником по своим летно-техническим качествам. Главнейшие из них - скорость, скороподъемность и высота полета. Сейчас в авиации повсеместно создалось положение, при котором самолеты нападения почти не уступают по качеству самолетам-истребителям, а также другим средствам обороны.

Это дает возможность нападения воздушному противнику на большинство объектов внутри страны. Это подтверждает и опыт последних войн. Только решающее превосходство в воздухе по скорости, скороподъемности и высоте полета м.б. надежным средством защиты. Это условие необходимо и для успеха наступательных действий авиации и в настоящее время зачастую предопределяет успешный исход всей кампании в целом. Обычная винтомоторная авиация, в силу самого принципа своего действия (двигатель внутреннего сгорания, гребной винт-пропеллер), уже не может дать нужного превосходства самолетам обороны над им же подобными самолетами нападения. В этом отношении обычная авиация стоит почти у своего предела, а все ее средства, как-то: наддув, винт переменного шага, паро-газодвигатели или турбины и пр. - все это полумеры, а не выход из создавшегося кризиса.

Выход только один - ракетные самолеты, идея которых была предложена К.Э. Циолковским. Только ракетные самолеты могут дать преимущество над лучшими винтомоторными самолетами, а именно: по скорости полета в 1,5-2 раза и более; по скороподъемности в 8-10 раз и более; по высоте полета в 1,5 раза и более, а также по своей неуязвимости, мощности поднимаемого вооружения и т.д. Для ракетных самолетов область огромных скоростей полета и высот есть не препятствие в работе, а фактор благоприятный, в силу самого принципа действия ракет и в отличие от винтомоторных самолетов, областью которых являются относительно малые скорости и высоты полета. Значение ракетных самолетов, особенно сейчас, исключительно и огромно. За рубежом уже 15-20 лет во всех крупных странах интенсивно ведутся работы над ракетами вооружения, а в основном над созданием ракетного самолета, чего, однако, до 1938 г. достигнуто с успехом нигде не было

г. Москва. ЦК ВКП(б). Иосифу Виссарионовичу Сталину К

Заявление

Королева Сергея Павловича

Советские самолеты должны иметь решающее превосходство над любым возможным противником, по своим лётно-тактическим качествам. Главнейшие из них – скорость, скороподъемность и высота полета. Сейчас, в авиации повсеместно создалось положение, при котором, самолеты нападения почти неуступают по качеству самолетам истребителям и другим средствам обороны. Это дает возможность нападения также воздушному противнику на большинство объектов внутри страны. Это подтверждает и опыт последних войн. Только решающее превосходство в воздухе по скорости, скороподъемности и высоте полета м.б. надежным средством защиты. Это условие необходимо и для успеха наступательных действий авиации, и в настоящее время, зачастую предопределяет исход всей кампании в целом. Обычная винтомоторная авиация, в силу самого принципа своего действия (двигатель внутреннего сгорания, гребный винт – пропеллер), уже не может дать нужного превосходства самолетам обороны над им же подобными самолетами нападения. В этом отношении обычная авиация стоит почти у своего предела, все ее средства, как то: наддув, винт переменного шага, паро-газо двигатели или турбины и пр. – все это полумеры, а не выход из создавшегося кризиса.

Выход только один – ракетные самолеты, идея которых была предложена К.Э. Циолковским. Только ракетные самолеты могут дать преимущество над лучшими винтомоторными самолетами, а именно: по скорости полета в 2,5–2 раза и более; по скороподъемности в 8–10 раз и более; по высоте полета в 2,5 раза и более, а так же по своей неуязвимости, мощности подвешиваемого вооружения и т.д. Для ракетных самолетов область огромных скоростей полета и высот есть непрерывное в работе, а фактор благоприятный, в силу самого принципа действия ракет, и в отличие от винтомоторных самолетов область которых являются относительно малые скорости и высоты полета. Значение ракетных самолетов, несомненно сейчас, исключительно и огромно. За рубежом, уже 15 лет во всех крупных странах интенсивно ведутся работы над ракетами вооружения, а в основном над созданием ракетного самолета. Чего однако до 1938 г. достигнуто ничего с успехом не было (в Германии – Обер, Зенгер, Гилинг, Оппель и др.; во Франции – Руа, Грегг, Девиньер и др.; Италии – Крокко, Катанео и др.; в США – Годдар, и т.д.). В Советском Союзе работы над ракетными самолетами производились мною практически с 1935 года в НИИ-3 НКОП. Аналогичных работ никем и ничего в СССР не велось. До момента моего ареста (27 июля 1938 г.), за 3 года работы были осуществлены несколько типов и весьма (до 50 кг. весом), разных моделей и агрегатов и произведены сотни ракет на стендах и в полете. Был разработан ряд вопросов методики и теории ракетного полета и изданы труды и пр. Впервые в СССР в 1938 г. с успехом были произведены основные испытания небольшого ракетного самолета (весом 700 кг). Испытания его в полете были с успехом закончены в апреле 1940 г., что я узнал из акта технической экспертизы. Из сказанного видно, что несмотря на очень малый срок моей работы над проблемой ракетного полета, и ее общеизвестные огромные технические трудности, сложность, новизну, особую секретность и отсюда полное отсутствие литературы, зарубежного опыта, консультации и пр. – несмотря на все это, все что было сделано, правильное начало было положено. Целью и мечтою моей жизни было создание впервые для СССР столь мощного оружия, как ракетные самолеты. Повторяю: значение этих работ исключительно и огромно. (Н/оо)

Заявление С.П. Королева И.В. Сталину. Бутырская тюрьма, 13 июля 1940 г.

Однако все эти годы я лично и мои работы подвергались систематичес-
кой и ожесточенной травле; всячески задерживались ист. т. изъ арестов-
анным руководством НИИ-3 — Клейменовым, Лангемаком и группой лиц: Кос-
тиков (сейчас зам. дирек. НИИ-3), Душкин и др. Они по году задерживали мои
производственные заказы (2 г.), увольняли моих сотрудников или их при-
нуждали к уходу (Волков, Власов, Дрозов и др.), распускали обо мне слухи и клевету
на партсобраниях (Костиков), исключили меня без причин и вины из сооб-
ствующих ВКП(б), публично вывели из Совета ОСО и многое другое. Обста-
новка была просто невыносимой, о чем я писал, например, 19 апреля 1938 г.
в Окт. Првский рай-м ВКП(б). Они же ввели в заблуждение органы НКВД
и 27 июня 38 г. я был арестован. Клейменов и Лангемак и слушко дали
клеветнические показания о моей якобы принадлежности к антис-
советской организации. Это гнусная ложь. Это сирно хотя-бы из сле-
дующего: конкретных фактов нет, да и не может быть; Клейменов и Лан-
гемак взаимно ссылаются о том, что якобы один сообщал от другого
при этом в разное время и т. п. Вздуваемые ими за акты вредитель-
ства с моей стороны, сдача заказа на ракеты в Авиатехникум в 34 г.
задержки в объекте 217 и высотной ракете, даже сами по себе, если
разобраться, никак не м. б. истолкованы как вредительство. Кроме
того сдачу заказа в авиатехникум как легко проверить я не производ-
дил и не мог производить, ее вели Щетинков и Стенцев. Над высотной
ракетой я вообще не работал, а объект 217 по своему объему ничто-
жно мал, да и был выполнен досрочно. Костиков, Душкин и др. никогда не
видали в действии объектов моих работ, и незнали даже как следует их
устройства, но они представили в 38 г. в НКВД лживый акт порочащий
мою работу безграмотно искажающий действительность. В 1938 г. следова-
тели Шестаков и Быков подвергли меня физическим репрессиям и издевательствам
добиваясь от меня „признаний". Военная Коллегия неразобравшись сколь либо серьез-
но моего дела, осудила меня на 10 лет тюрьмы и я был отправлен на Колыму.
В частности на суде меня обвиняли в разрушении ракетного самолета, чего
никогда не было, и который эксплоатируется и сейчас, в 1940 г. Но все мои
заявления о невиновности, и по существу обвинений, оказались безрезультатны.
Сейчас я понимаю, что клеветавшие на меня лица старались в вреди-
тельской цели сорвать мои работы над ракетными самолетами.
Уже более года как отменен приговор и 28/V-42 г. окончено повторное следствие
причем: мои показания и повторной экспертизой от 25/V-40 г. опровергну-
ты обвинения и клеветнические показания на меня. Но повторное след-
ствие не встало на путь объективного разбора моего дела а наоборот
всячески его замазывает и прикрывает юридическими крючками, а
именно: в экспертизе оставляется неясные и неправильные места, опоро-
чные эксперты Душкин, Дедов, Клянова — используются снова как сви-
детели (что незаконно), мне не предоставлено дать объяснения по их
показаниям, или иных ставок и пр. Свидетели с моей стороны
не допрошены, я не допрошен подробно по показаниям арестованных и пр., и
наконец мне снова предъявлено обвинение по ст 58 п. 7 и 11, что я явно нера-
вноправно и нелепо. Третий год скитаюсь я по тюрьмам от Москвы до
Бухты Нагаево и обратно, но все еще невижу конца. Все еще меня топ-
буквально в лужи воды, за чем-то стараются представить вредителем и пр.
Я все еще отрван от моих работ, которые как я теперь сумел при
повторном следствии, отстают до уровня 1938 года. Это недопус-
тимо, а мое личное положение так отвратительно и ужасно, что я
вынужден просить Вас заступничества и помощи. Я прошу
назначить новое объективное следствие по моему делу. Я хочу
доказать мою невиновность и хочу продолжать работу над ра-
кетными самолетами для обороны СССР. 13 июля 1940 г. Королев

(2)

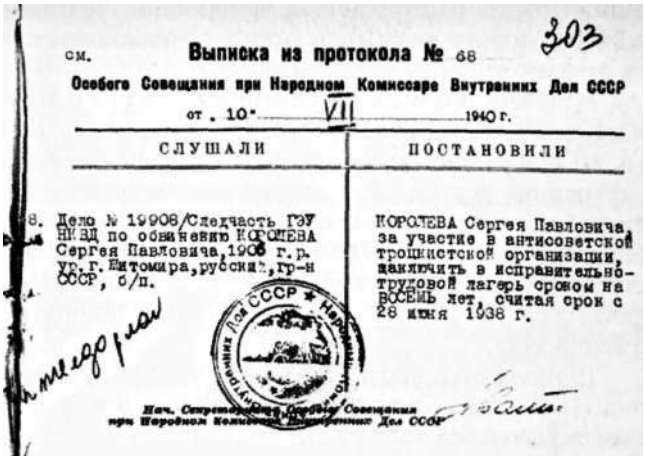
(Это заявление я отдал в ГУЛАГ. Первое более подробное (стр. 1) на имя зам. нач. ГУЛАГа НКВД Дзугашвили-Сталина в 1939 г., в Новотроицке).

(в Германии - Оберт, Зенгер, Тиллинг, Оппель и др; во Франции - Руа, Бреге, Девильер и др; в Италии - Крокко, Катанео и др; в США - Годдард и т.д.). В Советском Союзе работы над ракетными самолетами производились мною практически с 1935 года в НИИ № 3 НКОП. Аналогичных работ никем и нигде в СССР не велось. До момента моего ареста (27 июня 1938 г.) за 3,5 года работы были осуществлены несколько типов небольших ракет (до 150 кг. весом), разных моделей и агрегатов и произведены сотни их испытаний в лаборатории, на стендах и в полете. Был разработан ряд вопросов методики и теории ракетного полета и издан в печати и пр. Впервые в технике в 1938 г. с успехом были произведены основные испытания небольшого ракетного самолета (весом 700 кг). Испытания его в полете были с успехом закончены в апреле 1940 г., что я узнал лишь из акта технической экспертизы. Из сказанного видно, что несмотря на очень малый срок моей работы над проблемой ракетного полета и ее общеизвестные огромные технические трудности, сложность, новизну, особую секретность и отсюда полное отсутствие литературы, зарубежного опыта, консультаций и пр., - несмотря на все это, кое-что было сделано, правильное начало было положено.

Целью и мечтой моей жизни было создание впервые для СССР столь мощного оружия, как ракетные самолеты. Повторяю: значение этих работ исключительно и огромно. Однако все эти годы я лично и мои работы подвергались систематической и ожесточенной травле, всячески задерживались и т.п. ныне арестованным руководством НИИ-3 (Клейменовым, Лангемаком) и группой лиц: Костиков (сейчас зам. дирек. НИИ-3), Душкин и др. Они по году задерживали мои производственные заказы (212), увольняли моих сотрудников или их принуждали к уходу (Волков, Власов, Дрязгов и др.), распускали обо мне слухи и клевету на партсобраниях (Костиков), исключили меня без причин и вины из сочувствующих ВКП(б), публично вывели из Совета ОСО и многое другое. Обстановка была просто невыносимой, о чем я писал, например, 19 апреля 1938 г. в Октябрьский рай-м ВКП(б). Они же ввели в заблуждение органы НКВД и 27 июня 38 г. я был арестован. Клейменов, Лангемак и Глушко дали клеветнические показания о моей якобы принадлежности к антисоветской организации. Это гнусная ложь и это видно хотя бы из следующего: конкретных фактов нет, да и не может быть; Клейменов и Лангемак взаимно ссылаются на то, что якобы один слышал от другого, при этом в разное время и т.п. Выдаваемые ими за акты вредительства с моей стороны: сдача заказа на ракеты в Авиатехникум в 34 г., задержки в объекте 217 и высотной ракете - даже сами по себе, если разобраться, никак не м.б. истолкованы как вредительство. Кроме того, сдачу заказа в Авиатехникум, как легко проверить, я не производил и не мог производить, ее провели Щетинков и Стеняев.

Над высотной ракетой я вообще не работал, а объект 217 по своему объему ничтожно мал, да и был выполнен досрочно. Костиков, Душкин и др. никогда не видали в действии объектов моих работ и не знали даже как следует их устройства, но они представили в 38 г. в НКВД лживый «акт», порочащий мою работу и безграмотно искажающий действительность. В 1938 г. следователи Шестаков и Быков подвергли меня физическим репрессиям и издевательствам, добиваясь от меня «признаний». Военная Коллегия, не разбирая сколь-либо серьезно моего дела, осудила меня на 10 лет тюрьмы, и я был отправлен на Колыму. В частности, на суде меня обвиняли в разрушении ракетного самолета, чего никогда не было, и он эксплуатируется и сейчас, в 1940 г. Но все мои заявления о невиновности и по существу обвинений оказались безрезультатны. Сейчас я понимаю, что клеветавшие на меня лица старались с вредительской целью сорвать мои работы над ракетными самолетами. Уже более года, как отменен приговор, и 28/V с.г. окончено повторное следствие, причем моими показаниями и повторной экспертизой от 25/V-40 г. опровергнуты обвинения и клеветнические показания на меня. Но повторное следствие не встало на путь объективного разбора моего дела, а наоборот, всячески его замазывает и прикрывает юридическими крючками, а именно: в экспертизе оставляются неясные и неправильные места, опороченные эксперты: Душкин, Дедов, Калянова - используются снова как свидетели (что незаконно), мне не предоставлено дачи объяснений по их показаниям или очных ставок и пр. Свидетели с моей стороны не допрошены, я не допрошен подробно по показаниям арестованных и пр., и, наконец, мне снова предъявлено обвинение по ст. 58 п.п. 7, 11, что явно неправильно и нелепо. Третий год скитаюсь я по тюрьмам от Москвы до бухты Нагаєво и обратно, но все еще не вижу конца. Все еще меня топят буквально в ложке воды, зачем-то стараются представить вредителем и пр. Я все еще оторван от моих работ, которые, как я теперь увидел при повторном следствии, отстают от уровня 1938 года. Это недопустимо.

Выписка из протокола Особого совещания при наркоме внутренних дел СССР. Москва, 10 июля 1940 г.



см. **Выписка из протокола № 68** 303

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от 10 VII 1940 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
8. Дело № 19908/Следчасть ГЭУ НКВД по обвинению КОРОЛЕВА Сергея Павловича, 1906 г.р. ур. г. Житомира, русский, гр-н СССР, б/п.	КОРОЛЕВА Сергея Павловича, за участие в антисоветской троцкистской организации, заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 28 июня 1938 г.

Нач. Секретариата Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

Расписка СП. Королева об ознакомлении с постановлением Особого совещания. Москва, 19 июля 1940 г.

С постановлением Особого Совещания НКВД

ознакомился: Королев
(подпись)

„19" июля 1940 г.

Постановление Особого Совещания объявил:

оперуполномоч. НКВД
(должность, звание и подпись)

„19/VII" 194 г.

а мое личное положение так отвратительно и ужасно, что я вынужден просить у Вас заступничества и помощи. Я прошу назначить новое объективное следствие по моему делу. Я могу доказать мою невиновность и хочу продолжать работу над ракетными самолетами для обороны СССР.

13 июля 1940 г. С. Королев

(Это заявление по счету второе. Первое, более подробное (тетрадь), на Ваше имя, в ЦК ВКП(б), было мною подано н-ку Новочеркасской тюрьмы НКВД 13 февраля 1939 года в г. Новочеркасске)».

Заявление Сталину написано мелким, почти бисерным почерком, фиолетовыми чернилами, на двух сторонах одного тонкого листка розовой бумаги размером 20 х 15 см. Написано человеком, беззаветно преданным делу.

Униженный, растоптанный вопиющим беззаконием узник, собственная жизнь которого висит на волоске, с болью переживает, что начатая им работа отстает в 1940 г. от уровня 1938 г.!

А между тем к тому времени судьба его в стенах НКВД была уже решена. Когда отец писал заявление Сталину, он еще не знал, что за три дня до этого, 10 июля 1940 г., состоялось заседание Особого Совещания при наркоме внутренних дел СССР, которое постановило: «заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 28 июня 1938 года». На выписке из протокола ОСО № 68 от руки дописано: «Севжелдорлаг» - строительство Печорской железной дороги, которая в канун войны приобретала стратегическое значение, и большинство осужденных направлялись именно туда.

19 июля отец расписался в том, что «с постановлением Особого Совещания НКВД ознакомился», с постановлением, которое в очередной раз грубо ломало его и без того уже сломанную жизнь, лишало всякой надежды на освобождение.

Тысячи раз он задавал себе один и тот же вопрос: за что? Почему его, отдававшего все силы и время - в ущерб здоровью, отдыху, семье - работе, которая, как он был абсолютно уверен, имела чрезвычайно важное значение для обороны страны, почему его обвиняют в том, к чему он не имел никакого отношения. Ответа не было.

Ознакомившись с постановлением ОСО, отец стал думать, что делать. Смириться и подчиниться? Снова отправиться на оставшиеся 6 лет в лагерь, где и один год не все выдерживают? Где выход? Он глубоко подавлен, но не в его натуре прекращать борьбу. Не может быть, чтобы не нашлось кого-то, кто прислушался бы к голосу разума. Нельзя сидеть сложа руки. Надо стучаться даже в глухую дверь. И 23 июля он пишет жалобу Прокурору СССР. Как и заявление Сталину, она написана мелким почерком на двух тонких листках розовой бумаги и содержит просьбу задержать исполнение решения ОСО, отменить это решение и передать дело на новое - объективное - расследование. Отец уверен, что сможет доказать свою невиновность и несправедливость решения ОСО, перечеркивающего его жизнь и работу.

«г. Москва. Прокурору СССР гр. Панкратьеву

ЖАЛОБА

Королева Сергея Павловича, 1906 г. рожд.
осужд. Особым Совещ. на 8 лет лаг.

Решением Особого Совещания НКВД от 10 июля с.г. я приговорен к 8 годам заключения в лагере за «вредительскую троцкистскую деятельность».

Прошу Вас задержать исполнение решения Особого Совещания, само решение отменить, а дело мое снова передать на объективное расследование, т.к. я никогда и нигде не занимался вредительством, равно как и какой-либо антисоветской троцкистской деятельностью, в силу чего подобный приговор совершенно неправилен и глубоко несправедлив.

Более того, в настоящее время я вынужден очень и очень просить Вас уже лично и непосредственно вмешаться в мое дело, не ограничиваясь ни обычным запросом, ни докладом из вторых рук. т.к. я ясно вижу (и этому есть документальные и технические данные и живые свидетели), что имеет место следующее:

1. Исключительно важное и существенно необходимое для СССР оборонное дело - создание ракетных самолетов, резко превосходящих по своим летно-тактическим данным лучшие винтомоторные современные образцы, - это дело замалчивается, презрительно игнорируется и ведется недопустимо медленно и плохо. Несмотря на всю вопиющую недопустимость такого положения, вот уже третий год, как все мои заявления не только безрезультатны, но я не знаю даже их судьбы.

2. Работы над ракетными самолетами в СССР были впервые организованы и велись мною. Аналогичных работ более не велось нигде. Но арестованные враги народа подлой клеветой ввели в заблуждение НКВД, в результате чего я был в 1938 г. арестован и тогда же осужден Воен. Колл. на 10 лет тюрьмы. Гнусное поведение и ложь со стороны нескольких карьеристов, использовавших свое служебное и партийное положение, это все усугубляет. Работа была для меня целью всей моей жизни, и я еще и еще раз заявляю, что она была полезной и важной для СССР. Я мечтал создать впервые для СССР мощные ракетные самолеты, но вот уже 3-й год, как меня топят буквально в ложке воды, пытаются изобразить вредителем, троцкистом, всячески уменьшают значение моих работ и мое, как специалиста и пр. А между тем факты, документы, экспертиза и пр. дают совершенно обратную картину.

3. На следствии 38 г. меня подвергали репрессиям, добиваясь «признания» моей вины, хотя я ни в чем не виноват и хотя было ясно, что мой арест принесет лишь вред большому и нужному делу и есть результат лжи, клеветы и обмана. Но суд, не разбираясь в деле, осудил меня, и лишь 13 июня 1939 г. приговор отменяется и я возвращаюсь с Колымы на пересмотр.

4. При повторном следствии устанавливается несостоятельность и просто ложность моих обвинений, как моими показаниями, так и фактами испытания объектов и первого ракетного самолета, которые я разрабатывал еще до моего ареста. Это подтверждает экспертиза, которая также опровергает прочие нелепые и лживые обвинения против меня, но дело не меняется. Повторное следствие с самого начала не становится на путь объективного рассмотрения моего дела, а наоборот, всячески замазывает и прикрывает его юридическими крючками, не желая за всем этим видеть ни большого дела, ни невинного человека.

5. Несмотря на мою невиновность и опровержение обвинений моими показаниями и экспертизой, несмотря на мою многолетнюю честную и преданную работу на благо моей Советской родины, несмотря на более чем двухлетнее мое тяжелое пребывание в тюрьмах и Колымских лагерях, - я снова осужден на 8 лет!

Уже третий год скитаюсь я по тюрьмам от Москвы до бухты Нагаєво и обратно, но не вижу конца.

Положение мое ужасно. Я горячо хочу снова работать над ракетными самолетами - в этом вся моя жизнь, но я не могу этого добиться. Я горячо еще и еще раз прошу Вас лично вмешаться в мое дело, уделить его рассмотрению хоть несколько минут, а по всем вопросам, которые требуют выяснения, прошу предоставить мне возможность дать показания, допросить свидетелей с моей стороны - проф. Пышнова, проф. Юрьева, инж. Дрязгова, а также экспертов Щетинкова и Кисенко, дать мне очные ставки и пр. Я могу доказать мою полную невиновность и прошу дать мне эту возможность. Я глубоко подавлен неправильным и несправедливым решением Особого Совещания, зачеркивающим всю мою жизнь и работу. Я уже писал Вам заявления 10 июня с.г. из Внутр. тюрьмы и 5 июля из Бутырской тюрьмы, а также прокурору гр. Осипенко 2 июня с.г. из Внутр. тюрьмы и просил Вашего вмешательства, чтобы объективно выяснить истину. Ниже кратко повторяю существо дела.

Я авиаинженер и летчик. Ряд лет работал в авиапромышленности. Осуществил ряд своих оригинальных конструкций планеров и самолетов, на которых были установлены рекорды. С 1931 года заинтересовался ракетной проблемой и был организатором этого дела в Москве, где в 33-м году при моем участии пускается первая советская жидкостная ракета. Тогда же впервые в СССР я стал работать над крылатыми ракетами и самолетом для полета человека. Одна из первых книг о полете на ракетах написана мною в 34 году, а также ряд статей, сделан ряд докладов и пр. С 1935 г. я без посторонней помощи практически веду работы, испытываю ряд ракет, делаю сотни опытов и пусков. Летом 1938 г. я испытываю первый ракетный самолет, осуществленный по моему проекту мною же и закончивший испытания с успехом уже без меня в 40 г., как указывает экспертиза. За рубежом уже 15-20 лет работают над этими вопросами, но самолета не создано.

Все эти годы меня и мои работы жестоко преследуют ныне арестованные, б. дирекция НИИ № 3: Клейменов, Лангемак, Костиков (ныне зам. директора НИИ № 3 НКБ), Душкин и др. Они увольняют моих работников, задерживают мои заказы, распускают обо мне слухи и клевету, незаслуженно исключают меня из сочувствующих и Совета Осоавиахима, каждую мою ошибку, неизбежную в столь новом и трудном деле, они истолковывают как аварию, преступление и проч. Обстановка была просто невыносимой. Клейменов и Лангемак дают на меня клеветнические показания якобы о моей принадлежности к какой-то ан-

г. Москва. Прокурору СССР гр. Панкратьеву
Королева Сергея Павловича 1906 г.
рожд. осужд. Особым Совещ.

Жалоба.

Решением Особого Совещания НКВД от 10 июля с.г. я при= говорен к 8 годам заключения в лагери за „вреди= тельскую троцкистскую деятельность".

Прошу Вас задержать исполнение решения Особого Совещания, само решение отменить, а дело мое снова передать на объективное расследование, т.к. я никогда и нигде не занимался вредительством, равно как и какой либо антисоветской троцкистской деятельностью, в силу чего, подобный приговор совер= шенно неправилен и глубоко несправедлив.

…

Прошу Вас отменить решение Особ. Совещ. и мое дело заново пересмотреть.

23 июля 40 г. С. Королев

Жалоба С.П. Королева прокурору М.М. Панкратьеву. Бутырская тюрьма, 23 июля 1940 г.

тисоветской организации, вредительстве и проч. Это ложь, т.к. я никогда ни в какой антисоветской организации не состоял и вредительством не занимался. Факты, выдаваемые ими за акты вредительства (сдача заказа на ракеты в Авиатехникум, задержки объекта 217 и высотной ракеты), даже сами по себе не могут быть истолкованы как вредительство, а я к ним, кроме того, и непричастен, т.к. заказ сдавали в 34м г. Щетинков и Стеняев (тогда мой начальник), объект 217 инж. Дрязговым был выполнен досрочно, а над высотной ракетой я никогда не работал, ее вел инженер Зуев. Костиков, Душкин и др. представили ложный акт и показания, порочащие мою работу, но все это опровергается моими показаниями, экспертизой и фактом испытания разработанных до моего ареста объектов. Повторное следствие оставило отдельные неясные вопросы, как то: мне не дано было представить объяснения (или допрос меня) по показаниям свидетелей, не допрошены свидетели с моей стороны, не выяснен ряд вопросов у экспертов и т.д. Но даже при всем этом моя невиновность очевидна, и тем не менее я осужден «за вредительство» да еще и «троцкизм» сроком на 8 лет лагерей.

Я молодой беспартийный специалист, я честно работал над своим делом, не жалея своей жизни, был дважды ранен на работе, и я не заслужил столь тяжких обвинений.

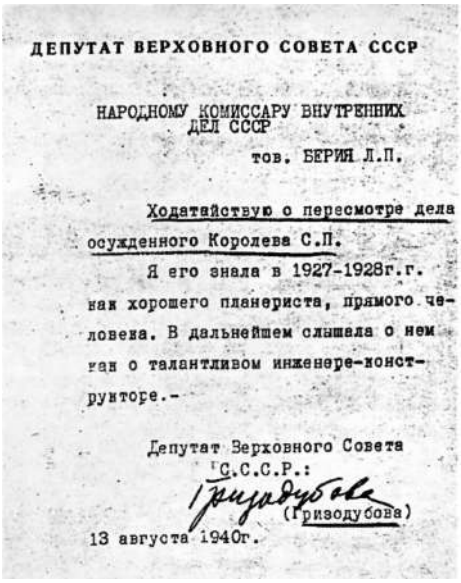
Прошу Вас отменить решение Особ.Совещ. и дело заново пересмотреть.

23 июля 40 г. С. Королев».

Несмотря на тяжелые переживания, отец не переставал думать и о своей семье, о ее материальном положении. Беспокоясь об этом, он написал 23 июля 1940 г. заявление начальнику Главного управления НКВД СССР с просьбой возвратить жене отобранные у него при аресте деньги и облигации. При этом он ссылался на то, что осужден повторно, но уже без конфискации имущества. Аналогичное заявление было написано им 3 августа 1940 г. начальнику Бутырской тюрьмы с приложением к обоим заявлениям доверенностей на имя моей мамы. И то, что измотанный двухлетним следственно-судебным процессом и тюремно-лагерным режимом человек способен позаботиться о своих близких, о необходимости хоть как-то облегчить их жизнь, говорит о многом. Как ни странно, маме действительно возратили деньги, о которых писал отец, а также стоимость конфискованных и сданных в госфонд вещей. Лишь пианино и облигации ни возвращены, ни компенсированы не были.

Мама и бабушка не находили себе места от волнения за судьбу отца. Состоялся ли новый разбор дела, вынесено ли решение и каково оно - сведений не было, и это неведение угнетало более всего. Потеряв терпение, Мария Николаевна отправилась в приемную НКВД на Кузнецком мосту и сказала там, что пришла узнать, в каком состоянии находится дело ее сына. Сотрудник ответил, что дело пересмотрено и, возможно, уже завтра он будет дома. Правда, обычно выпускают на рассвете, так что стоит ждать его утром, часов в шесть-семь.

Окрыленная надеждой, бабушка помчалась домой. Наутро отец не пришел, и она снова поехала на Кузнецкий мост. Тот же сотрудник сказал ей, что надо иметь терпение, дескать, не пришел сегодня, придет завтра - надо ждать. Шли день за днем, но отец не приходил, и бабушка позвонила Гризодубовой, которая все время была в курсе дела и как могла подбадривала ее и маму. А тут Валентина Степановна неожиданно сказала, что наступили плохие времена, но все равно необходимо узнать, чем все кончилось. Бабушка снова поехала на Кузнецкий мост, и вдруг тот самый сотрудник, который еще несколько дней назад ее обнадеживал, быстро вышел из-за стола и исчез в двери напротив, сказав, обернувшись, чтобы она обратилась к его секретарю. У нее упало сердце. С каменным лицом подошла она к секретарю, и тот сказал, что ее сын постановлением ОСО задержан, но ему



ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

тов. БЕРИЯ Л.П.

Ходатайствую о пересмотре дела осужденного Королева С.П.

Я его знала в 1927-1928г.г. как хорошего планериста, прямого человека. В дальнейшем слышала о нем как о талантливом инженере-конструкторе.-

Депутат Верховного Совета С.С.С.Р.:

Гризодубова (Гризодубова)

13 августа 1940г.

Ходатайство В.С. Гризодубовой по делу С.П. Королева. Москва, 13 августа 1940 г.

выдается денежная компенсация за конфискованное имущество и возвращаются права. Бабушка сокрушенно спросила: «Зачем же ему права, если он задержан?» - «Ну что вы, гражданка, - ответил секретарь, - ведь это права гражданина. Он не лишен прав, значит будет иметь возможность участвовать в выборах. И потом вместо прежних десяти лет ему дали только восемь, и из них два года он уже отсидел, значит, остается всего шесть...»

Больше бабушка слушать не могла. Не помня себя, она вышла из приемной и из ближайшей телефонной будки позвонила Гризодубовой. Валентина Степановна сказала, что случилось то, чего она больше всего опасалась и что сама не решалась ей прямо сказать. Повесив трубку, бабушка поехала домой. На лестнице ее окликнула соседка - В.В. Топор, но ей не хотелось никого видеть и слышать. Она вспоминала, что вбежала в квартиру, не отвечала на стук в дверь, а из груди ее вырвался какой-то звук, похожий не то на стон, не то на волчий вой. Этот звук напугал ее саму - она решила, что сошла с ума. В голове стучало одно: ее тридцатитрехлетний единственный любимый сын теперь погиб, и она, мать, не сумела его спасти. Немного успокоившись, бабушка позвонила маме, и она тотчас приехала. Они сидели рядом, свекровь и невестка, как всегда вместе переживая горе, которое теперь еще больше сблизило их после восемнадцати лет знакомства, сидели и думали, что еще можно предпринять. Потом бабушка снова позвонила Гризодубовой. Та пообещала написать письмо Берия и посоветовала обратиться с такой же просьбой к Громову. 13 августа 1940 г. на листке из блокнота депутата Верховного Совета СССР Гризодубова написала ходатайство на имя Берия о пересмотре дела моего отца.

«ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

тов. БЕРИЯ Л.П.

Ходатайствую о пересмотре дела осужденного Королева СП.
Я его знала в 1927-1928 гг. как хорошего планериста, прямого человека. В дальнейшем слышала о нем как о талантливом инженере-конструкторе.

Депутат Верховного Совета СССР
Гризодубова
13 августа 1940 г.».

В тот же день бабушка пошла на депутатский прием к М.М. Громову, заготовив на его имя письмо.

«Герою Советского Союза, депутату Верховного Совета СССР
тов. ГРОМОВУ Михаилу Михайловичу

Прилагая при сем мое заявление на имя наркома внутренних дел тов. Берия, а также копию личного заявления сына от 15.X.39 г., убедительно прошу Вас ознакомиться с ними и помочь мне в деле реабилитации сына моего КОРОЛЕВА Сергея Павловича.

Обращаюсь к Вам как к депутату Верховного Совета, который лично знал Королева как незаурядного специалиста в узкой и очень важной для целей обороны сфере авиации.

Обращаюсь к Вам как мать, глубоко убежденная в честности и преданности Родине моего сына, осужденного ошибочно, по недоразумению, по-видимому, на основании ложных показаний враждебно настроенных к нему лиц.

Обращаюсь к Вам потому, что и последняя работа сына получила, уже после его ареста, весьма положительную, даже блестящую оценку, как я узнала со слов летчика-испытателя тов. Федорова Владимира Павловича.

13.VIII.40 Мать Королева СП. Баланина М.Н.
Москва 18, Октябрьская ул. д. 38
кв.236 тел. К-3-94-81».

М.М. Громов, как и Гризодубова, написал на бланке депутата Верховного Совета СССР ходатайство на имя наркома внутренних дел.

«ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
тов. БЕРИЯ Л.П.

Мною по депутатской линии получено заявление от гр. Баланиной М.Н. (мать заключенного Королева СП.) по вопросу пересмотра его дела.

Направляя заявление гр. Баланиной М.Н. с заявлением заключенного Королева СП. Вам, прошу Вашего указания на пересмотр дела Королева СП.

Я знал Королева СП. как честного, способного энтузиаста, авиаинженера.

О Вашем решении по этому вопросу прошу мне сообщить.

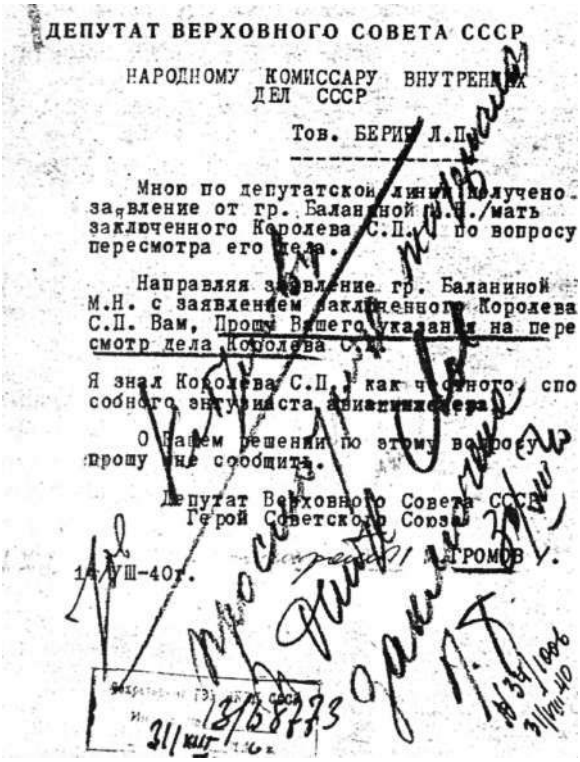
Депутат Верховного Совета СССР
Герой Советского Союза
ГРОМОВ

14/VIII-40 г.»,

На его ходатайстве синим карандашом наложена резолюция Берия: «Тов. Кобулову. Просмотрите материалы и дайте свое заключение. 30/VIII-40г.». Красным карандашом подчеркнуты фамилия Громова и его слова: «Прошу Вашего указания на пересмотр дела Королева СП.» В тот же день начальник Главного экономического управления НКВД СССР Кобулов отдал распоряжение: «Тов. Клочкову. Вместе с след. делом на Королева С.П. зайдите ко мне 2/IX 40 г. Наведите на Королева справки также в 5 отделе ГЭУ. 30/ VIII 40 Кобулов». И штамп: «Взято на контроль. Главн. эконом. упр. НКВД».

Отец, конечно, ничего не знал об этом и 13 сентября 1940 года снова написал заявление Прокурору СССР.

М.М. Громов. Фотография начала 1940-х годов



ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Тов. БЕРИЯ Л.П.

Мною по депутатской линии получено заявление от гр. Балаиной М.Н./мать заключенного Королева С.П./ по вопросу пересмотра его дела.

Направляя заявление гр. Балаиной М.Н. с заявлением заключенного Королева С.П. Вам, Прошу Вашего указания на пересмотр дела Королева С.П.

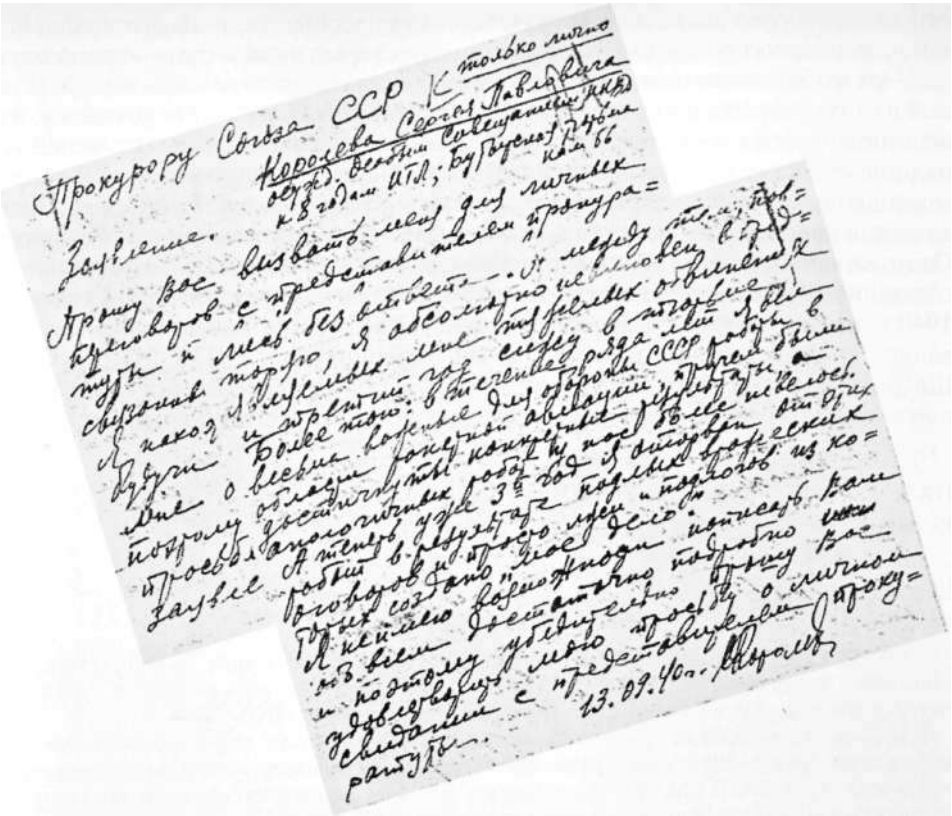
Я знал Королева С.П. как честного, способного энтузиаста авиаинженера.

О Вашем решении по этому вопросу прошу мне сообщить.

Депутат Верховного Совета СССР
Герой Советского Союза
/ ГРОМОВ М.

14 VIII-40г.

Ходатайство М.М. Громова по делу С.П. Королева от 14 августа 1940 г. с резолюцией Л.П. Берия от 30 августа 1940 г.



Заявление С.П. Королева Прокурору Союза ССР. Бутырская тюрьма, 13 сентября 1940 г.

«Прокурору Союза ССР <u>только лично</u>
Королева Сергея Павловича,
осужд. Особым Совещанием НКВД
к 8 годам ИТЛ, Бутырская тюрьма кам. 66

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Вас вызвать меня для личных переговоров с представителем прокуратуры по весьма важным вопросам, связанным с моим делом.

Я нахожусь под стражей третий год, будучи невиновным в предъявленных мне обвинениях и, м.б., хотя бы поэтому Вы не откажете в этой моей просьбе. До сих пор все мои заявления на Ваше имя оставались без ответа. А между тем, повторяю, я абсолютно невиновен в предъявляемых мне тяжелых обвинениях и третий год сижу в тюрьме.

Более того: в течение ряда лет я вел весьма важные для обороны СССР работы в области ракетной авиации, причем были достигнуты конкретные результаты, а аналогичных работ у нас более не велось.

А теперь 3-й год я оторван от этих работ в результате подлых вражеских оговоров и просто лжи и подлогов, из которых создано «мое дело».

Я не имею возможности написать Вам обо всем достаточно подробно и поэтому убедительно прошу Вас удовлетворить мою просьбу о личном свидании с представителем прокуратуры.

13.09.40. С. Королев».

А в это время помощник начальника следственной части ГЭУ НКВД Клочков, наводя в соответствии с поручением Кобулова справки по делу Королева, предложил ему подать заявление с просьбой об использовании по специально-

сти. В стране уже несколько лет существовали особые тюрьмы - специальные КБ, где репрессированные ученые, конструкторы, инженеры - «враги народа» - разрабатывали новые образцы техники, главным образом военной. В одной из таких спецтюрем находился арестованный А.Н. Туполев, которому, как вспоминают его соратники, предложили составить список нужных для работы над новыми самолетами специалистов. В этот список была внесена и фамилия моего отца. Со слов дочери А.Н. Туполева - Ю.А. Туполевой - Андрей Николаевич в дальнейшем упоминал, что Королев был им включен в этот список. Отец, конечно, ничего об этом списке не знал, но услышав от следователя неожиданное предложение, тотчас написал заявление. В результате 13 сентября 1940 г. на стол Кобулова легло написанное Клочковым Заключение, согласованное с заместителем начальника следственной части ГЭУ НКВД СССР Шварцманом. Его утвердил Кобулов, и этот документ фактически спас отца от почти неминуемой гибели в Севжелдорлаге, определив его дальнейшую судьбу.

« «УТВЕРЖДАЮ»

НАЧ. ГЛАВЫ. ЭКОНОМ. УПРАВЛ. НКВД СССР

КОМИССАР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОП. 3 РАНГА-

/КОБУЛОВ/

13 сентября 1940 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НКВД СССР 28-го июня 1938 года был арестован как участник троцкистско-вредительской организации КОРОЛЕВ Сергей Павлович, 1906 года рождения, уроженец гор. Житомира, русский, гр-н СССР, беспартийный, инженер НИИ-3.

На следствии КОРОЛЕВ виновным себя признал и показал, что в троцкистскую вредительскую организацию был привлечен в 1935 году бывшим техническим директором этого института ЛАНГЕМАКОМ (осужден к ВМН) и по заданию организации проводил вредительскую работу. Впоследствии от этих показаний отказался.

Как участник антисоветской организации КОРОЛЕВ изобличается косвенными показаниями ЛАНГЕМАКА (осужден к ВМН, показания подтвердил) и КЛЕЙМЕНОВА (осужден к ВМН, от показаний отказался).

В проведении вредительской работы изобличается показаниями ГЛУШКО (осужден к 8 годам ИТЛ, от показаний отказался), а также актом экспертно-технической комиссии.

7-го августа 1938 года следствие было закончено и дело передано по подсудности. Решением Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 27 сентября 1938 года КОРОЛЕВ был приговорен к десяти годам тюремного заключения с поражением в правах сроком на пять лет и конфискацией лично принадлежащего ему имущества.

13 июня 1939 года Пленум Верховного Суда Союза ССР пересмотрел дело КОРОЛЕВА, своим определением приговор Военной Коллегии Верхсуда Союза ССР от 27.IX 1938 года отменил, а следственное дело по обвинению КОРОЛЕВА было передано на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

Вредительская работа КОРОЛЕВА доследованием была частично подтверждена как свидетельскими показаниями (допрошены девять свидетелей), так и повторным актом экспертно-технической комиссии.

28 мая 1940 года следствие было закончено и передано на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР, решением которого от 10.VII-40 г. КОРОЛЕВ СП. был приговорен к восьми годам ИТЛ.

На основании вышеизложенного, полагал бы:

в пересмотре дела по обвинению КОРОЛЕВА отказать, а осужденного КОРОЛЕВА как специалиста - авиационного конструктора, подавшего заявление с предложением об использовании, перевести в Особое Техническое Бюро при НКВД СССР.

ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР

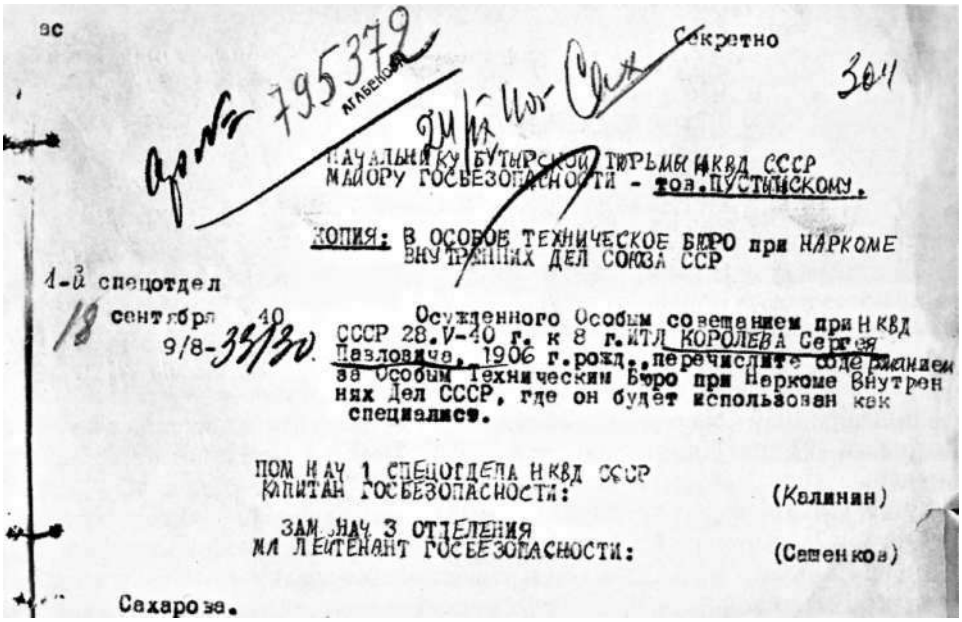
СТАРШ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ - /КЛОЧКОВ/

Согласен: ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ГЭУ НКВД СССР

МАЙОР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ- /ШВАРЦМАН/».

Итак, понадобились два с лишним года, в течение которых отец подвергался физическому и моральному воздействию, томился в тюрьмах, добывал золото на Колыме, едва не умер от цинги, случайно не утонул в Охотском море - и все для того, чтобы, пройдя эти безмерные испытания, вернуться к своей работе...

Желая сообщить о себе и своей новой перспективе жене и матери, отец обратился к начальнику Бутырской тюрьмы за разрешением о свидании с ними. Но не тут-то было: ведь Королев - «вредитель, троцкист», без согласования с руководством этот вопрос решить невозможно. Заявление отца направили в 1 спецотдел НКВД СССР и в Главное транспортное управление, а затем оно вернулось в Бутырскую тюрьму. И пока длилась бумажная волокита, 18 сентября 1940 г. начальнику Бутырской тюрьмы поступило распоряжение.


эс

Секретно

Арх № 795372

301

НАЧАЛЬНИКУ БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ НКВД СССР
МАЙОРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ - тов.ПУСТЫНСКОМУ.

КОПИЯ: В ОСОБОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО при НАРКОМЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

1-й спецотдел
18 сентября 40
9/8-33/30

Осужденного Особым совещанием при НКВД СССР 28.V-40 г. к 8 г. ИТЛ КОРОЛЕВА Сергея Павловича, 1906 г.рожд., перечислите содержанием за Особым Техническим Бюро при Наркоме Внутренних Дел СССР, где он будет использован как специалист.

ПОМ НАЧ 1 СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: (Калинин)

ЗАМ НАЧ 3 ОТДЕЛЕНИЯ
МЛ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: (Сашенков)

Сахарова.

Распоряжение о переводе заключенного СП. Королева в Особое техническое бюро при наркоме внутренних дел СССР. Москва, 18 сентября 1940 г.

«Секретно

НАЧАЛЬНИКУ БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ НКВД СССР
МАЙОРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ - тов. ПУСТЫНСКОМУ
КОПИЯ: В ОСОБОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО при НАРКОМЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

1-й спецотдел
18 сентября 40
9/8-33/30

Осужденного Особым совещанием при НКВД СССР 28.V-40 г.* к 8 г. ИТЛ КОРОЛЕВА Сергея Павловича. 1906 г. рожд., перечислите содержанием за Особым Техническим Бюро при наркоме Внутренних Дел СССР, где он будет использован как специалист.

ПОМ. НАЧ. 1 СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: /Калинин/

ЗАМ. НАЧ. 3 ОТДЕЛЕНИЯ
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: /Сашенков/».

* Ошибка. Правильно — 10.VII - 40 г. - *Прим. ред.*

Бутырская тюрьма. Фотография автора, 2000 г.

Так отец оказался в «Туполевской шараге».

В ноябре 1989 г. я побывала в Бутырской тюрьме, где отец пробыл в общей сложности 193 дня. По указанию начальника тюрьмы передо мной открылись массивные железные двери. В сопровождении сотрудника я поднялась на второй этаж и оказалась в коридоре с боксами для кратковременного содержания арестованных. Каждый бокс представлял собой узкий шкаф со скамьей, где вновь прибывшие содержались во время их «сортировки» и распределения по камерам. Вид этих боксов производил гнетущее впечатление.

Далее наш путь лежал в следственный коридор с толстыми стенами и сводчатыми потолками. По обеим сторонам его располагались небольшие помещения - кабинеты следователей. В каждом помещении два письменных стола - для следователя и писаря, и три стула - для следователя, писаря и заключенного. Вся мебель привинчена к полу.

Потом мы перешли в коридор с маломестными камерами. Сейчас они трехместные, в конце же тридцатых годов были одиночными.

В камере № 66, где находился отец, теперь три подвесных металлических койки, а тогда была одна, на которой лежали матрац в чехле, одеяло и подушка; постельного белья не было. Роль стола, как и прежде, выполняет закрепленная на стене откидная доска. Перед ней лавка, привинченная к полу. В углу у двери - унитаз и умывальник, а раньше стояла «параша» - ведро с крышкой. Над тяжелой металлической дверью с глазком постоянно горит лампочка. Напротив двери, высоко под потолком - узкое зарешеченное окно.

Наконец мы поднялись на крышу тюрьмы, где находятся так называемые прогулочные дворики - огороженные высокими стенами ячейки с проволочной решеткой вместо потолка. Во времена отца их не было. Но в основном все осталось таким, каким было десятки лет назад. И сама Бутырская тюрьма стоит безмолвно угрюмым свидетелем драматических судеб многих поколений людей.

Глава двенадцатая

С ТУПОЛЕВЫМ - ЗА РЕШЕТКОЙ

МОСКВА-ОМСК (1940-1942)

В конце сентября 1940 г. В.С. Гризодубова сообщила бабушке, что отца перевели в спецтюрьму ЦКБ-29 НКВД на углу улицы Радио и Салтыковской набережной (ныне набережная академика А.Н. Туполева) реки Яузы. Она располагалась на территории авиационного завода № 156 и включала в себя как конструкторские, так и производственные помещения: Конструкторский Отдел сектора опытного строительства (КОСОС), до 1936 г. входивший в состав ЦАГИ, и Завод опытных конструкций (ЗОК). Командовал спецтюрьмой полковник Г.Я. Кутепов, бывший техник по вооружению самолетов на заводе № 39. Общепризнанным лидером всех арестованных и авторитетом для руководства спецтюрьмы являлся Андрей Николаевич Туполев. Соратники называли его «патриархом».

А.Н. Туполева арестовали 21 октября 1937 г. на площади Ногина (ныне Славянской) в здании Главного управления авиационной промышленности (ГУАП), где он занимал должность заместителя начальника и главного инженера. В обвинительном заключении, датированном январем 1940 г., указано, что Туполев «возглавлял антисоветскую вредительскую организацию в авиационной промышленности, проводил вредительскую и диверсионную работу в области самолетостроения и занимался шпионажем в пользу Франции». В мае 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР заочно вынесла ему обвинительный приговор, определив меру наказания в соответствии с предварительным решением комиссии в составе Берия, Панкратьева и Ульриха, - 15 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет. Еще до вынесения приговора осенью 1938 г. А.Н. Туполева перевели из Бутырской тюрьмы в Болшево. Там, в помещении бывшей трудкомунны ОГПУ, трудились группы разнообразных специалистов: корабелы, артиллеристы, авиационники. Это был своеобразный «интеллектуальный фильтр». Каждая группа работала над своим проектом. Если законченный проект принимался соответствующим ведомством, то группу направляли в спецтюрьму, имевшую производственные возможности для воплощения проекта в жизнь. Эту процедуру прошли группы В.М. Петлякова и В.М. Мясищева, которые уже приступили к работе в спецтюрьме в здании ЦАГИ. В феврале 1939 г. туда же перевели группу А.Н. Туполева. В Болшево и был составлен упоминавшийся список арестованных специалистов, разбросанных по тюрьмам и лагерям всей страны. Тех, кого нашли, в том числе моего отца, привезли на улицу Радио. Таким образом, здесь собрались около ста пятидесяти талантливых представителей отечественной авиационной школы. Они и дали этому учреждению вошедшее потом в обиход название «Туполевская шарага». Примечательно, что рядом с ними трудились более

Здание КОСОС в Москве на улице Радио, где размещалось ЦКБ-29 НКВД

тысячи вольнонаемных - инженеров, техников и конструкторов, тоже занятых в производственном процессе. Иногда даже в отпуск вольнонаемные специалисты могли уйти только с согласия заключенных конструкторов.

Отец рассказывал, что, когда его из Бутырок привезли на улицу Радио, он был поражен увиденным. Ему сказали, что это тюрьма НКВД, но как же она отличалась от Бутырской, Лубянской Внутренней или Новочеркасской тюрем! Заключенные занимали здесь три верхних этажа здания, отсутствовали тюремные камеры и нары. В четырех спальнях стояли солдатские койки, покрытые байковыми одеялами, и лишь зарешеченные окна да «попки», или «вертухаи», как называли заключенные солдат охраны, постоянно наблюдавших за всем происходящим, напоминали об особенности этого учреждения. Иным было и обращение с узниками. Подчеркнуто вежливое, оно резко контрастировало со звучавшими в памяти грубыми окриками охраны на лагерном разводе или на подконвойном маршруте. И уж совсем поразительным оказалось впечатление от столовой, расположенной в полукруглой части верхнего этажа здания. Там стояли столы, покрытые белоснежными скатертями, и лежали столовые приборы. Войдя впервые в столовую, отец увидел много знакомых лиц, и сразу пронзила мысль: кто же работает на воле,

если почти все здесь, в тюрьме. Но так приятно было встретить добрые взгляды товарищей, услышать их приветствия, что защемило сердце.

Итак, отец неожиданно оказался в профессионально близкой ему и значительно более комфортной среде. Тем не менее, это была тюрьма, и попытка связаться с внешним миром через вольнонаемных могла закончиться отправкой в лагерь строгого режима. Однако отец все-таки рискнул передать домой записку, в которой радостно писал, что у него теперь есть настоящая постель с бельем, прикроватная тумбочка с отдельной электрической лампочкой, свои наушники, что он может слушать радио, читать книги, газеты и, самое главное, снова работать. Как же мало человеку надо! Возврат к пусть не совсем нормальным, но просто к более приличным условиям жизни казался ему и таким, как он, огромным достижением, знаком большой удачи.

В первый же день, после ужина, все собрались на шестом этаже в одной из спален - «дубовом зале», задуманном в свое время как зал для приема гостей, а теперь вмещавшем двадцать четыре койки «врагов народа» и называвшемся по фамилии старосты этой группы «спальней Алимова» (отца поместили в спальню И.М. Склянского). В одном из углов зала, на кровати, поджав под себя ноги, восседал А.Н. Туполев. Для отца он был не только начальник, но еще и недавний руководитель его дипломного проекта в МВТУ. Кто мог предположить тогда, при каких обстоятельствах состоится их новая встреча! Андрей Николаевич был явно рад тому, что его воспитанник жив. Бывший узник спецтюрьмы СМ. Егер, у которого сложились теплые, дружеские отношения с отцом, в беседе с журналистом А.П. Романовым в 1987 г. вспоминал: «Вид у него (отца. - *Н.К.)* был никудышный: истощенный, измученный. Туполев относился к Королеву с непонятной для нас теплотой. Видимо, он ценил те его качества, которых, может быть, мы в ту пору и не замечали - работоспособность, ответственность и интерес к творческим решениям».

Заключенным было ясно, что единственный способ вернуться к жизни, свободе - это работа. В ЦКБ-29 имелись четыре проектных бюро: В.М. Петлякова, создававшего высотный истребитель - проект 100, В.М. Мясищева, конструировавшего дальний высотный бомбардировщик - проект 102 А.Н. Туполева, разрабатывавшего пикирующий бомбардировщик - проект 103 и Д.Л. Томашевича, работавшего над самолетом «Пегас» - проект ПО. Когда отец появился на улице Радио, большую часть группы В.М. Петлякова уже освободили. Это произошло в середине лета 1940 г. после создания самолета, который был успешно продемонстрирован в том году во время первомайского военного парада. Освобожденные петляковцы и теперь продолжали работать, но уже в качестве вольнонаемных. Все работали на четвертом этаже в большом светлом зале, который благодаря огромным матовым окнам окрестили «аквариумом». А.Н. Туполев предложил отцу должность ведущего инженера в конструкторской бригаде крыла, руководимой Б.А. Саукке. Рабочий день длился десять часов. После работы заключенных поднимали в так называемый обезьянник - железную клетку, построенную на крыше здания для прогулок. Казалось, все предусмотрено. Неясным оставалось лишь одно: сколько так может продолжаться. Все находившиеся здесь не имели никаких прав, и никто не знал, что с ним будет завтра. Заместитель А.Н. Туполева, доктор технических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий Л.Л. Кербер, бывший узник «Туполевской шараги», описал ее в одноименной книге, впервые выпущенной парижским издательством «Посев» под ошибочно поставленной фамилией «Г. Озеров» (1973), а затем в книге «Туполев» (1999). Он вспоминал, что однажды, когда зашел разговор о богине правосудия Фемиде, отец,

грустно улыбаясь, заметил: «Глаза-то у нее завязаны, возьмет и ошибется. Сегодня решаешь дифференциальные уравнения, а завтра - Колыма». Действительно, иногда кто-то из заключенных внезапно исчезал, и никто не знал, куда и зачем. Не случайно, по воспоминаниям товарищей по несчастью, отец нередко повторял свою любимую тогда фразу: «Хлопнут без некролога».

Тем более поразительным являлось полное отсутствие у А.Н. Туполева, моего отца и других заключенных, казалось бы, столь естественных в такой ситуации чувств, как озлобление и обида. Несмотря ни на что, они оставались патриотами и увлеченно работали над конструкциями самолетов, необходимых стране.

Часов, ни наручных, ни настенных, обитатели спецтюрьмы не имели - не положено. Будили их в семь утра. С восьми до девяти - завтрак: каша с маслом, кефир, колбаса, чай, кофе с молоком, затем до часу дня - работа. После обеда, состоявшего из двух горячих блюд и компота из сухофруктов, - снова работа с двух до восьми. В восемь вечера - ужин: горячее блюдо, кефир, чай. Потом свободное время до одиннадцати часов, после чего в спальнях, в отличие от тюрем, где свет не выключался, гасили свет.

Кормили сытно и вкусно. Кроме того, в тюрьме был небольшой магазин, где разрешалось раз в неделю покупать на деньги, переданные родственниками в канцелярию Бутырской тюрьмы, папиросы, конфеты, мыло, одеколон, лезвия для бритья. Три раза в месяц заключенных водили в душ. Имелась прекрасная библиотека художественной литературы, составленная в основном из конфискованных книг. Встречались издания с экслибрисами «Из книг Бухарина» или «Из собрания Рыкова». По словам Л.Л. Кербера, отец предпочитал фантастику. Он любил и стихи - с детства сохранял интерес к поэзии - и даже переписывал некоторые из них. Вернувшись после освобождения домой, он привез в папке листочки, помеченные его рукой: «40—41 гг.». Когда отца не стало, Мария Николаевна передала эту папку в архив Российской академии наук. Есть там строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!» (лат. - молчание), немного переделанные отцом:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои.
Пускай в душевной глубине
И вспыхнут, и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи, -
Любуйся ими и молчи...

На отдельном листке переписано стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...». Еще листок с отрывком «Я мертв» из книги американского летчика Джимми Коллинза «Летчик-испытатель». Он начинается словами, которые можно полностью отнести и к моему отцу:

«У меня была мечта... Я не могу Вам сказать, в чем она заключалась. Могу только сказать, что желание летать было одним из ее проявлений. Так было в дни моей ранней молодости. Так было с тех пор, как я себя помню. Когда я стал старше, я почувствовал это еще сильнее. Такой большой мечте, такой сильной страсти нельзя противостоять.

И вот я стал летать. Я помню эту мечту в дни моих первых полетов. Я помню вспышку славы и как ее сияние озарило мир и мою сверкающую молодость. Мечта творила меня. Она сотворила мою жизнь. Человек живет не одним лишь хлебом. Не может так жить. Его мечты и видение поддерживают его».

Фотография Наташи Королевой, переданная П.В. Флеровым С.П. Королеву в спецтюрьму НКВД с его надписью на обороте. Москва, 1940 г.

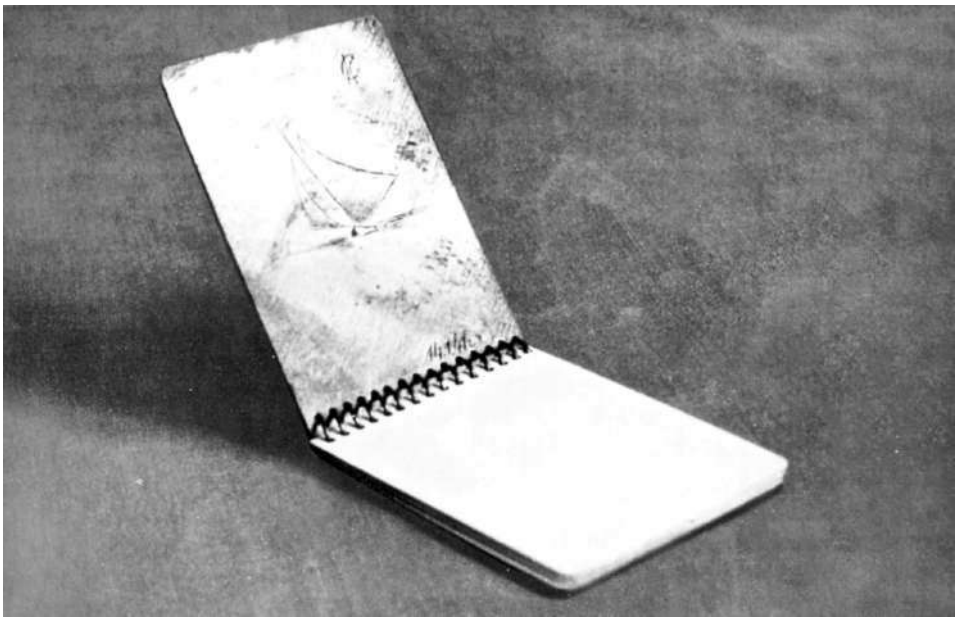
На этом же листке отец написал:

Жить просто - нельзя,
Жить надо с увлечением!

Эти крылатые слова были смыслом его жизни.

Хорошим подспорьем в работе служила отличная техническая библиотека. Л.Л. Кербер вспоминал, что библиотекарь Фатима Ростанаева поражалась высокой культуре своих читателей. Все заключенные имели высшее образование, многие знали иностранные языки, а некоторые даже по два, интересовались иностранными журналами.

Одной из главных для разговоров на досуге была тема дома и семьи. Рассказывали друг другу, кто где жил, куда ездил на дачу, как росли дети, вспоминали их первые слова и набитые шишки. Вечернее «свободное время» истосковавшиеся, по работе конструкторы превращали в технические совещания. Группировались вокруг А.Н. Туполева, обычно сидевшего на своей койке в дубовом зале, доставали из-под кровати лист фанеры, поскольку во избежание утечки информации бумага в спальнях была запрещена, и погружались в творчество. Охрана вечером сюда не заходила и можно было свободно общаться, обмениваться мнениями. В другое время суток охранники постоянно курсировали как внутри, так и вне КБ, патрулируя входы и выходы, прогуливаясь по улице Радио и набережной Яузы под окнами здания КОСОС И все-таки некоторые возможности для связи с внешним миром имелись. Помимо вольнонаемных, большинство которых видели в заключенных не «врагов народа», а пострадавших и старались чем-то помочь, в работе участвовали консультанты - работники различных предприятий. Эти люди нередко исполняли роль «почтовых курьеров». Через них иногда удавалось передать короткую записочку домой и получить ответ. Таким добрым посредником между нашей семьей и отцом был П.В. Флеров, верный друг отца еще с институтских времен. Мама с улыбкой вспоминала, как Петр Васильевич приходил к нам домой, снимал ботинок и извлекал немного помятую, но такую дорогую и



Блокнот с изображением яхты «Маяна» с монограммой С.П. Королева, переданный им жене из спецтюрьмы НКВД 14 января 1941 г.

Блокнот с изображением взлетающего журавля с монограммой С.П. Королева, переданный им матери из спецтюрьмы НКВД в январе 1941 г.
На листе блокнота рукой Марии Николаевны написано: «Прислан мне сыном из КБ ЦАГИ на память с его монограммой в правом углу.
Спасибо П.Ф. (Пете Флерову. - Н.К.), доставившему мне»

долгожданную записку отца. В обмен забирал записку для него и мои детские фотографии. В январе 1941 г. отец переслал с Флеровым в подарок маме и бабушке два маленьких целлулоидных блокнота с обложками, сделанными из пластмассы. На одной он нацарапал силуэт яхты «Маяна» - напоминание о юности, Одессе, о море и любви, на другой - журавля, вылетающего из гнезда на волю, как символ надежды на освобождение. Оба эти блокнота находятся теперь в домашнем музее отца.

С конца 1940 г., видимо для поднятия духа заключенных, НКВД стал периодически разрешать им свидания с родственниками, на которые можно было пригласить двух человек, указав степень родства. Эти свидания проходили в Бутырской тюрьме. Предварительно мама получала открытку, где были указаны день и час встречи. В назначенное время к воротам тюрьмы подъезжал автобус с закрытыми, но не зашторенными окнами. Родственники, не допущенные к свиданию, стояли у въезда, приветственно махали руками, посылали воздушные поцелуи, а мы с мамой уже ждали в помещении. Потом нас провожали в небольшую комнату, где находились стол, стулья и песочные часы. Открывалась другая дверь, и в комнату входил отец с сопровождающим. Тот садился у торца стола, а отец и я с мамой - по обе стороны от него. Переворачивались песочные часы - время пошло. Здороваться за руку, обниматься, целоваться запрещалось, но многое зависело от надзирателя. Зоркое око его наблюдало в основном за тем, чтобы ничего не передавалось из рук в руки. Однако отец всегда приносил с собой и с молчаливого согласия охранника давал мне конфету или печенье. Иногда наш «гувернер» даже разрешал мне сесть к отцу на колени и поцеловать его. Я, конечно, не знала, что наши свидания происходят в тюрьме и что отец арестован. Мне говорили, что папа - летчик, он в командировке и не имеет возможности приехать домой. Для подкрепления этой легенды мама покупала мне книжки и подписывала их печатными буквами, чтобы я не узнала ее почерк, - как бы от папы. Я всегда радовалась этим подаркам и с нетерпением ждала их.

Перед первым таким свиданием мама сказала, что папа прилетел и мы к нему поедем. Проход в тюрьму лежал через маленький дворик. Когда я увидела отца, то первым делом спросила, как он мог сесть здесь на своем самолете. Вместо отца ответил надзиратель: «Эх, девочка, сесть-то сюда легко, а вот улететь намного труднее».

Свидания продолжались около пятнадцати минут и всегда под наблюдением. Потом заключенные снова усаживались в автобус и, посылая прощальные воздушные поцелуи, уезжали «домой» - в спецтюрьму.

Узнав от мамы, что нам не вернули в квартире вторую комнату, отец подал начальству заявление «о неправильно отобранной жилплощади у его семьи».

«ОСОБОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО
при НАРКОМЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР.

3 февраля 1941 г. г. Москва
№ 44/454

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА Сов. СЕКРЕТНО

ЗАМ. НАЧ. 1-го СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР
КАПИТАНУ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ - тов. КУЗНЕЦОВУ

Направляю Вам заявление заключенного КОРОЛЕВА Сергея Павловича от 26/1-41 г. о неправильно отобранной жилплощади у его семьи, на выяснение.

Результаты прошу сообщить.

ПРИМЕЧАНИЕ: Заявление на 1 листе.

ЗАМ. НАЧ. ОСОБОГО ТЕХ. БЮРО
при Наркоме Внутренних Дел СССР
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ /БЕКЕТОВ/

отп. 2 экз.
1-й экз. -адресату
2-й - в дело».

14 февраля 1941 г. заявление отца вернулось в Особое техническое бюро с сообщением, что комната в 1938 г. передана в Мосжилотдел и заселена. Таким образом, решить положительно этот вопрос, к сожалению, не удалось.

29 января 1941 г. на Щелковском аэродроме состоялся первый полет пикирующего бомбардировщика. Он прошел успешно и показал определенные преимущества новой машины над зарубежными аналогами. Теперь туполевцы, и среди них отец, с нетерпением ждали скорого освобождения, однако этого не произошло. Как следствие наступила тяжелая депрессия. А.Н. Туполев вынужден был собрать своих соратников и обратиться к ним с призывом не падать духом и постоянно думать о том, что их труд нужен Родине.

5 мая 1941 г. Л.Л. Кербера освободили. Вскоре он приехал на Октябрьскую, чтобы передать от отца записку. Кербер рассказал о жизни в спецтюрьме, о том, как страдают заключенные от отсутствия рядом родных и близких людей, как грезят освобождением.

Между тем у порога стояла война. Ее приближение чувствовалось и в ЦКБ-29, где рабочий день зимой 1940-1941 гг. увеличили с десяти до двенадцати, а затем даже до четырнадцати часов. В одиннадцать вечера в столовой стали выставлять простоквашу и хлеб - желающие могли подняться наверх и подкрепиться.

И вот настало 22 июня. Радио в тюрьме не работало, охрана ничего толком не знала, но сквозь зарешеченные окна узники видели, как на улице под громкоговорителем быстро росла толпа. А потом пронесся слух - война! Можно представить, что переживали в тот момент несчастные люди, творцы новейшей авиационной техники, запертые в клетке, оторванные от своих семей. Когда фронт стал приближаться к Москве, заключенным, в том числе А.Н. Туполеву, приказали копать во дворе траншеи - «щели» и переоборудовать под бомбоубежище захламленный подвал. Работали там по четыре часа ежедневно - с шести до восьми утра и с шести до восьми вечера. 20 июля оборудование бомбоубежища было закончено, и уже ночью 22 июля им пришлось воспользоваться во время первого воздушного налета на Москву.

30 июня 1941 г. маме удалось передать через П.В. Флерова записку отцу. В ней, несмотря на переживания, связанные с началом войны, ощущалась вера в счастливое будущее. Вот сохранившийся фрагмент ее текста: «Тебя я, конечно, всегда, всегда, постоянно помню, много думаю о нашей прежней жизни и обязательно о будущей. Совершенно не сомневаюсь, что должна быть слажена она крепче и лучше даже, чем в былые времена, если ее суметь построить. И я должна ее наладить для тебя, Наташки и, наконец, себя. Крепко тебя обнимаю и целую, мой дорогой, маленький, рыженький, старый друг. Желаю от всей души возможно больше удачи, силы и здоровья для еще длительной плодотворной работы».

В последних числах июля заключенным объявили, что ЦКБ ночью эвакуируется. Узников на автобусах довезли до товарной станции Казанского направления железной дороги, погрузили в теплушки с зарешеченными окнами, и эшелон двинулся на восток. Куда - на новый завод или в лагерь - никто

ОСОБОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО при НАРКОМЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

3 февраля 1941 г. ер. г. Москва

№ 44/454

Служебная записка Сов. СЕКРЕТНО.

ЗАМ. НАЧ. 1-го СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР
КАПИТАНУ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ - тов. КУЗНЕЦОВУ.

Направляю Вам заявление заключенного КОРОЛЕВА Сергея Павловича от 26/1-41 г. о неправильно отобранной жилплощади у его семьи, на выяснение.

Результаты прошу сообщить.

ПРИМЕЧАНИЕ: Заявление на 1 листе.

53979

ЗАМ. НАЧ. ОСОБОГО ТЕХ. БЮРО
при Наркоме ~~Внутренних Дел~~ СССР
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ (БЕКЕТОВ)

Спецдокумент

10 ФЕВ 1940

2614

2-е отделение

отп. 2 экз.
1-й экз. - адресату
2-й -"- - в дело.

Служебная записка с направлением заявления заключенного С.П. Королева. Москва, 3 февраля 1941 г.

Дорогому котику от папки Сережи.

Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ
СЕЛЬМЫ ЛАГЕРЛЕФ
в свободной обработке
З. ЗАДУНАЙСКОЙ и А. ЛЮБАРСКОЙ

РИСУНКИ
А. МОГИЛЕВСКОГО

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1941 Ленинград

Титульный лист книги с надписью К.М. Винцентини дочери от имени ее отца. Москва, 10 апреля 1941 г.

не знал. У отца, да и у других, кому этот маршрут был знаком, поневоле возникали неприятные ассоциации. Настроение слегка улучшилось, когда на соседних путях увидели эшелон со знакомыми вольнонаемными и зачехленными фюзеляжами самолетов их ЦКБ. Значит, едем вместе. На остановках с грохотом открывалась дверь, двое заключенных под конвоем охранника с собакой вытаскивали парашу, солдаты подавали в вагон большие бидоны с супообразной баландой, чайник с кипятком, пайки черного хлеба, сахар. И снова стучали колеса.

А.Н. Туполева среди заключенных не было. 19 июля 1941 г. его освободили, до эвакуации ЦКБ на работе он не появлялся и приехал к новому месту работы в спальном вагоне вместе с семьей. Терявшиеся в догадках туполевцы, по воспоминаниям А.П. Алимова, погрузили в Москве в самый лучший, как им казалось, угол теплушки пожитки своего шефа: два матраца, бушлат и другие личные вещи. Поезд отправился без него. Конвой никакой информацией не располагал. И лишь потом удалось узнать, что Андрей Николаевич едет туда же, куда и они, но - свободным.

7 августа эшелон прибыл в Омск. Первую ночь заключенные провели в тюрьме на улице Тарской. На следующий день большую их часть, куда попал и мой отец, разместили в здании школы, а остальных, не связанных непосредственно с производством туполевского бомбардировщика, поместили в клубе при омских авиаремонтных мастерских ГВФ, а также в Куломзино, на левом берегу Иртыша. После размещения в школе, заключенных под конвоем повели в баню. Это мероприятие имело комичный оттенок. Один конвоир вел десять или двенадцать человек и, по существу, не он за ними следил, а они за ним, чтобы не потеряться. Ведь города они не знали и не имели никаких документов.

8 Омске авиационных заводов не было. Требовалось на базе недостроенного автосборочного завода и эвакуированных из Москвы опытного завода № 156 и серийного № 81 создать омский авиационный завод № 166. Директором нового завода стал Герой Советского Союза (Золотая Звезда № 1), участник «челюскинской» эпопеи А.В. Ляпидевский, руководителем конструкторского бюро - А.Н. Туполев. Перед прибывшими поставили конкретную задачу: к концу 1941 г. освоить серийный выпуск пикирующего бомбардировщика конструкции А.Н. Туполева. В ее решении предстояло участвовать и моему отцу.

Война застала меня с бабушкой и няней на даче. В то время у нас гостил родственник из Киева А.Н. Лазаренко, и вдруг мы по радио услышали сообщение о начале войны. Я, конечно, не понимала, что это означает. А Александр Николаевич, быстро попрощавшись, схватил свой портфель и помчался на станцию, чтобы тотчас уехать в Киев, где осталась его семья.

С первых дней войны мама находилась на полуказарменном положении и с раннего утра до позднего вечера работала в Боткинской больнице. А мы с бабушкой и няней в июле 1941 г. все еще жили на даче. Когда немецкие самолеты стали прорываться к Москве, взрослые соорудили «щель», и в ней все укрывались во время воздушной тревоги.

В двадцатых числах июля немцы начали бомбить Москву. Самолеты шли с запада прямо над нашей дачей. Оставаться там стало небезопасно и мы переехали в город. Бомбили почти каждую ночь, а маме приходилось зачастую оставаться дежурить в больнице. Поэтому она переселила меня, Лизу и своих родителей на квартиру брата у Сретенских ворот. Там во дворе дома было бомбоубежище, куда приходилось спускаться иногда несколько

Дом №24 на 2-й Транспортной улице г. Омска, где в 1941-1942 гг. содержался заключенный СП. Королев. В настоящее время - детская поликлиника. Фотография 1980-х годов

раз за ночь, а затем подниматься на шестой этаж, преодолевая около двухсот ступеней, - лифт не работал. Положение в Москве становилось угрожающим. Детей вывозили из города, и требовалось срочно решить вопрос об отправке меня куда-то в безопасное место. Как раз в то время эвакуировали семьи сотрудников Цекомбанка, где тогда работал дедушка Максимилиан Николаевич. Отправляли их водным путем в город Йошкар-Олу - столицу Марийской автономной республики (сейчас - Марий Эл). Бабушка Софья Федоровна, не раздумывая ни секунды, согласилась ехать туда со мной. Сборы были недолгими, и 6 августа 1941 г., ровно в день десятой годовщины свадьбы моих родителей, бабушка, Лиза и я погрузились на баржу в Южном порту. Расположились прямо на палубе, кто на чем мог: на матрацах, раскладушках, просто на полу. Мама нас провожала. Скопилось очень много людей, в основном женщин и детей. Малыши плакали, их трудно было оторвать от остающихся матерей, а несчастные матери в отчаянии метались по берегу, рыдали и громко кричали, глядя вслед удалявшимся баржам. Мама и через много лет не могла без слез вспоминать эти проводы: «Ужасный был момент, ужасный! Забыть этого нельзя!»

Небольшой буксир тащил две наши баржи до Казани в течение двух недель. Вскоре после отплытия из Москвы в небе над нами появился и начал кружить немецкий самолет. Он, видимо, уже возвращался после бомбежки и вреда нам не причинил. Тем не менее вскоре мы пристали к берегу и всем - взрослым и детям - поручили собирать ветки, чтобы укрыть ими баржи, как будто это могло нас спасти. От Зеленого Гая (вблизи Казани) ночью нас на грузовиках повезли в Йошкар-Олу, где на окраине города строился завод, имевший отношение

Андрей Николаевич Туполев. 1940-е годы

к Цекомбанку. Рядом со стройкой располагались бараки, в одном из которых нас и поселили. Мы прожили там более двух лет.

Отец в это время находился в Омске. В августе 1941 г. небольшую часть туполевцев освободили. Остальных, в том числе отца, переселили из школы в двухэтажный, гостиничного типа, кирпичный дом № 24 на 2-й Транспортной улице в поселке имени 10-летия Октября на окраине Омска. Первый этаж отдали охране, на окна второго, где жили заключенные, установили решетки. Дом огородили деревянным забором с колючей проволокой, построили проходную. В комнатах размещалось по четыре-пять человек. А.Н. Туполев с семьей жил в доме № 33 на проспекте Маркса. Его конструкторское бюро находилось в центре города, на четвертом этаже здания управления Иртышского речного пароходства, которое все называли сокращенно "Водник" или «Река». Завод строился. Имелись площадки, куда с железнодорожных платформ сгружали станки и оборудование. Тысячам людей негде было жить. Работа шла днем и ночью. Ударными темпами возводили корпуса цехов, вели коммуникации, строили бараки для жилья. Заключенные завтракали и ужинали «дома». На завод ходили пешком (расстояние - около километра) в сопровождении охранников. Работавших в КБ возили в центр города на открытых грузовых машинах, при этом заключенные сидели в кузове на полу, а охранники с винтовками - по краям. При виде таких машин местные жители думали, что везут уголовников - бандитов или воров. Для всех установили 11-часовой рабочий день, но туполевцы добровольно работали по 13-14 часов. Шла война, и они понимали важность своей работы для фронта, а кроме того, надеялись, что их освободят, оценив самоотверженный труд. Охранники такого режима не выдерживали и на протяжении длинного рабочего дня неоднократно менялись. Библиотеки и радио не было, но газеты привозили. Раз в десять дней полагалась баня, меняли белье. Каждому заключенному в Омске, как и в Москве, выдавали в месяц по два килограмма сахара. В условиях войны это было большой роскошью, некоторые, договариваясь с вольнонаемными, меняли сахар на водку: килограмм на литр. В качестве курева вначале выдавали папиросы, затем их заменили табаком. Потом табака тоже не стало, и курильщикам пришлось менять у «вольняшек» хлеб на махорку. Одели заключенных в синие саржевые комбинезоны, предназначенные для летных частей, и тяжелые солдатские ботинки, а когда стало холодно, выдали ватные телогрейки или бушлаты, ватные стеганые брюки, валенки и шапки-ушанки. Выходной полагался один раз в месяц. Но в город и в этот день не выпускали. Все оставались дома: играли в шахматы, шашки. По словам А.П. Алимова, у них имелись и бильярд, и патефон, и даже пианино, которое они обнаружили бес-

Здание Иртышского речного пароходства, на двух верхних этажах которого в 1941-1943 гг. размещалось КБ А.Н. Туполева. Омск, 1942 г.

хозным в чужом вагоне во время разгрузки оборудования своего завода и привезли к себе. Отец ни в какие игры не играл и в праздных разговорах не участвовал Он разрабатывал проект управляемой ракеты дальнего действия - крылатой аэроторпеды - и все свободное время проводил в спальне за расчетами И еще он думал о нас с мамой, о прежней жизни и будущей встрече

После приезда в Омск отец первое время работал технологом в Kb А Н Туполева и был прикреплен в качестве консультанта к теме вольнонаемного инженера Э.М. Рачевской. Она вспоминала, что их рабочие столы стояли напротив в большой комнате главного технолога. Здесь часто толпились люди, было шумно, трудно сосредоточиться. Несмотря на это, отец работал не отвлекаясь. У нее создалось впечатление, что если бы рядом разорвалась бомба, он и тогда продолжал бы работать. Однажды он сказал, что очень благодарен ей за то, что она редко обращается к нему за консультациями и тем самым дает возможность работать над своим проектом. Что он проектирует никто толком не знал. Кое-кто считал, что Королев занимается ерундой вбил себе в голову какие-то фантастические идеи и носится с ними, в то время как ему нужно бы плотнее заняться текущей работой и тогда фантазии исчезнут сами собой. А между тем именно к тому времени относятся документы,.свидетельствующие о возвращении отца, впервые после ареста, к ракетной тематике. Они датированы 6 августа 1941 г. и содержат проработки реактивной авиабомбы для вооружения бомбардировщиков.

Однажды Э.М. Рачевская увидела отца расстроенным и раздраженным. На ее вопрос он ответил, что ему негде испытать и проверить задуманное, что для этого должно совершиться чудо, а чудес не бывает. Она стала успокаивать его, думая что речь идет о каком-то устройстве или приспособлении для нужд завода, которое можно испытать в экспериментальной заводской лаборатории. Эс-

Л.С. Термен со своим терменвоксом у нас дома в день 79-летия СП. Королева. Москва, 12 января 1986 г.

фирь Михайловна вспоминала, как при ее словах отец снисходительно улыбнулся: «Вашими бы устами да мед пить». Конечно, о проблемах ракетной техники, которыми была полна его голова, она не имела тогда ни малейшего понятия.

В Омске отцу пришлось некоторое время работать с Л.С. Терменом, инженером-изобретателем, создавшим в 1921 г. первый в мире электромузыкальный инструмент - терменвокс, который в 1922 г. он демонстрировал В.И. Ленину. Л.С. Термен происходил из французской семьи, оказавшейся в России два века назад. В 1920-е годы он разъезжал с терменвоксом по стране, участвовал в концертах. Весной 1938 г. он был арестован и осужден к заключению в ИТЛ сроком на 8 лет. Осенью 1939 г. его направили в ЦКБ-29 и в 1941 г. вместе с «Туполевской шарагой» эвакуировали в Омск. Он попал в Куломзино. Кроме него здесь находились такие известные авиаконструкторы, как Р.Л. Бартини, В.М. Мясищев, Ю.Б. Румер, К.С. Сциллард и др. Спецтюрьма располагалась в длинном одноэтажном бараке, окруженном плотным деревянным забором. Недалеко от нее имелся небольшой аэродром. Л.С. Термен занимался разработкой радиоуправления для беспилотного бомбардировщика дальностью до 200 километров. В помощь ему для этой работы в августе 1941 г. А.Н. Туполев направил СП. Королева. По словам Л.С Термена, его приятно удивило, что молодой инженер хорошо разбирается в самолетостроении. Помощь отца оказалась существенной, и дело сразу продвинулось. В конце 1941 г. Л.С Термена перевели из Омска в Москву, а отца - обратно на 2-ю Транспортную. Таким образом их совместная работа закончилась. Но и через много лет Лев Сергеевич вспоминал, что Королев произвел на него благоприятное впечатление своей организованностью и ответственным подходом к делу.

Я встречалась с Л.С. Терменом дважды. Первый раз он приезжал к нам домой 12 января 1986 г., в день 79-летия моего отца вместе со своим удивительным инструментом. Всех нас поразили тогда необычный вид и звучание терменвокса. В марте 1988 г. я была у него дома. Он рассказывал об отце и их совместной работе в Омске. Л.С. Термен остался в моей памяти как скромный и обаятельный человек поразительной судьбы, сделавший много полезного для своей Родины.

Но это было потом. А тогда, осенью 1941 г., наши войска продолжали отступать. Настроение у туполевцев было подавленным - ведь в Москве остались родители, жены, дети, а почта не работала, и вестей ждать не приходилось. Э.М. Рачевская вспоминала, как однажды уличное радио донесло через окно звуки красивой музыки, и, чтобы лучше услышать ее, она вышла во двор. Транслировали скрипичный концерт Арама Хачатуряна в исполнении Давида Ойстраха. От проникновенной мелодии стало так тяжко на душе, так захотелось домой, что у нее невольно потекли слезы. Она оглянулась и увидела стоявшего неподалеку моего отца, у которого на щеках тоже блестели слезы. Глядя на него, она разрыдалась, а отец быстро ушел. Когда она вернулась на рабочее место, он сидел за столом и сосредоточенно работал.

Наступило 16 октября 1941 г., страшный для Москвы день, когда фронт оказался рядом. Многих охватила паника. Мама и дедушка Максимилиан Николаевич жили вдвоем на квартире Юрия Максимилиановича, который ранее эвакуировался со своим учреждением, предварительно отправив семью в Чкаловскую область. Сосед по квартире, инженер Метростроя З.Г. Стерлин, предложил дедушке ехать в Йошкар-Олу эшелоном Метростроя, следующим до Казани. Так и решили. Мама пошла провожать дедушку на Казанский вокзал. У него с собой был только маленький рюкзачок с буханкой хлеба и документами. Мама вспоминала, что в тот день на Комсомольской площади творилось нечто невообразимое. Ее переполняли толпы бегущих в разные стороны людей. В этой круговерти мама потеряла своего отца и отчаянные поиски ни к чему не привели. Предположив, что ему стало плохо с сердцем, она, в изнеможении вернувшись домой, попросила Григория Михайловича обзвонить все отделения милиции и морги, а сама обзванивала больницы. Но все оказалось безрезультатно. Только потом выяснилось, что Максимилиану Николаевичу все-таки удалось в тот день уехать в Казань и он благополучно туда добрался. Маме тоже теперь надо было решать, что делать. Ю.А. Победоносцев, семья которого была уже эвакуирована, предложил ей уехать вместе с ним на мотоцикле с коляской за 400 километров (пока хватит бензина) на Восток. Мама поблагодарила за заботу, но от предложения отказалась, сказав, что хочет быть ближе к матери и дочери, находящимся в Йошкар-Оле. Поэтому она согласилась с предложением своего руководителя М.О. Фридланда ехать в близкую к Йошкар-Оле Казань, где уже находились его жена и дочь.

Мария Николаевна и Григорий Михайлович в октябре 1941 г. должны были эвакуироваться с его институтом в Тобольск. Однако случилось так что студенты уехали, а с эвакуацией преподавателей произошла задержка. В то время острота момента уже прошла и они остались в Москве. Семья младшего брата бабушки, Василия Николаевича, эвакуировалась в Саратов, и бабушка считала, что должна стать теперь связующим звеном между членами разбросанной по всей стране семьи. А маме и двум профессорам с огромным трудом удалось попасть в эшелон, следующий до Казани. Перед отъездом мама оставила свекрови записку:

«Дорогая, родная Мария Николаевна! Пробую уйти, не поминайте лихом. Заберите все наиболее ценные мои вещи, которые смогли бы Вам пригодиться, и все продукты у меня и здесь у Юры (Юрия Максимилиановича. - *Н.К.)* на его квартире. Получите мою зарплату себе - может быть, она Вам поможет на первых порах. Оставляем броню - если будет нужно и можно, занесите ее в домоуправление Юриного дома.

Будьте живы и здоровы.

Если мы не доедем - помните о Наташке, маме, Лизухе и Сергее.

Обнимаю Вас и Григорича и крепко Вас целую.

Ваша КВ».

Мария Николаевна сохранила эту записку, написав на обороте ее: «Я не воспользовалась, понимая, что это пригодится Ляле».

В Казани мама села на ночной поезд, следовавший в Йошкар-Олу. Через 8 часов она прибыла туда, но как найти нас, не знала, так как адреса не было, переписка велась через «Почтамт, до востребования». В надежде что-то узнать она отправилась на почту. Но когда стала спрашивать, где ведется строительство завода, рядом с которым, как она знала, мы жили, почувствовала на себе подозрительные взгляды. Наконец одна старушка пожалела ее и указала, куда идти. Стояла осень, грязь была непролазная. Ноги увязали в липкой глине, каждый шаг грозил опасностью потерять туфли - не случайно марийцы ходили тогда в лаптях. Вдруг, как в сказке, какая-то встретившаяся женщина, запомнившая маму в день нашего отплытия из Москвы, увидев ее, воскликнула: «Ой, Наташина мама приехала!» - и показала, как нас найти. Я помню эту неожиданную и оттого вдвойне радостную встречу. Мама пробыла тогда с нами всего два дня, так как получила из Казани телеграмму о назначении ведущим хирургом Казанского госпиталя и о необходимости приступить к работе. Она уехала, а через несколько дней к нам приехал дедушка Максимилиан Николаевич, которого мама где-то обогнала в дороге.

Итак, осенью 1941 г. я с маминими родителями и няней Лизой жила в Йошкар-Оле, мама работала в Казани, отец находился в Омске, родители отца оставались в Москве. Сохранились письма Марии Николаевны к семье брата Василия Николаевича в Саратов, написанные в конце 1941 - начале 1942 года. В них образно описана обстановка в самые трудные для столицы дни и потому, мне кажется, они представляют интерес для современного читателя. Бабушка пишет о жизни в осажденной Москве, о том, что «ночью научились спать спокойно, ибо постепенно выработали в себе презрение к смерти и решили, что смелого бомба боится, смелого смерть не берет. Проклятый немец бомбит, а мы сидим с Ивановной (Варвара Ивановна - помощница по дому еще с нежинских времен. - *Н.К.),* шьем, Григорич читает нам газету да изредка заглядывает под штору - какой путь намечают по небу трассирующие пули. Когда струны нервов уж очень натягиваются, спускаемся на нижнюю площадку, выйдем наружу, понаблюдаем, да не ждем «дядю отбоя», как говорят ребята-москвичи («мы очень любим дядю отбоя»), а ложимся спать, ибо иначе не будет сил на завтра для работы. Правда, случалось спать и не раздеваясь, и даже в валенках...»

«Какие острые моменты были пережиты - не рассказать. Присутствие т. Сталина в Москве, его речь в ноябрьские праздники были первым проблеском света и надежды. Проклятые немцы сделали в этот вечер жуткий налет, но ни один не прорвался в Москву, только небо сверкало кругом звездочками и сполохами. Добрый месяц потом мы еще тренировались в презрении к смерти, наконец радио принесло вслед за шуршанием слухов радост-

ные вести с фронта, а ведь канонада была слышна, враг стягивал кольцо. Город ощетинился надолбами, земляными валами, бойницами, дежурными не только в учреждениях, но и в каждом парадном, но враг бежит, бежит, и город оживает, наполняется, хотя и очень осторожно, с отбором, всех выехавших не пускают, нужно разрешение коменданта города на въезд...»

«Мы не бываем голодные, но хлеб свой съедаем с усердием. Зато мы можем блеснуть изяществом своих фигур, ставших легкими и гибкими, как в 20 лет. Мы находим, что суп очень вкусен без картошки, а кашу делаем всегда размазню, чтобы не тратить масла, которое получаем по карточкам. Жиров-то приходится 30 г в день на всех троих. Дорогих магазинов у нас еще нет, и масла нигде не купишь. Мясо есть на рынке, но нет возможности платить по сто тридцать за кило, а лук - тридцать рублей и картофель - пятнадцать...»

«Интересы наши сосредоточены сейчас вокруг всех близких, растерявшихся по нашей необъятной Родине, и одно пожелание - всем собраться. Сережка все там же. Нет, вероятно, плохого, в котором не было бы доли хорошего. Работает Сергей много и пишет, вернее телеграфирует, что устроен хорошо, просит не беспокоиться о нем. Раза два в месяц шлет телеграммы нам, и мы отвечаем. По счастью, на свете живут не одни только Костики (имеется в виду А.Г. Костиков, член экспертной комиссии 1938 г. по делу отца. - *Н.К.),* а есть и маленькие, незаметные, сердечные, вернее, человечные, люди...»

«У нас на лестнице уже нет свободных квартир, экономия топлива заставила уплотнить нас жильцами других корпусов, а в иных местах теми, у кого не оказалось крыши над головой. Многое, конечно, зависит и от соседей, и от самого домкома. У Ляли вся лестница уплотнена, кроме нее, но не знаю, как дальше, а поэтому я сама беру жировки, плачу, заколачиваю окна в кухне, закрываю форточки, если им вздумается открыться, слежу, чтобы не замерзло отопление, т.е. делаю все. Это нелегко, т.к. вырываться со службы мне чрезвычайно трудно. Но дети должны иметь кров над головой, хотя бы это мне стоило много сил...»

«Так мучительны тревоги обо всех. Пусть новый год (1942. - *Н.К.)* принесет конец всем бедам и победу, удачу нашей армии, нашей Родине!»

О победе мечтали все, но до нее еще было далеко. Фронту требовались туполевские бомбардировщики и следовало быстро наладить их производство. Война требовала таких темпов работы, которые по мирным меркам казались невероятными. Когда контуры строящегося в Омске завода стали вырисовываться, А.Н. Туполев выделил из числа заключенных девятнадцать человек и назначил их помощниками начальников цехов по подготовке производства (начальниками работали вольные инженеры). Отец получил должность помощника начальника фюзеляжного цеха и даже отдельный кабинет, расположенный на так называемых антресолях, куда надо было подниматься по деревянной лестнице. Его непосредственным начальником был Л.А. Италийский - тогда студент-заочник третьего курса МАИ. Лев Александрович вспоминал, как однажды Сергей Павлович показал ему расчеты и графические выкладки полета на Луну. Италийский расценил это как фантазию, которая помогала заключенному инженеру переживать свое тяжелое положение. Конечно, он не мог предполагать, что эти «фантазии» станут явью и через два десятка лет наш соотечественник полетит в космос на корабле, построенном под руководством бывшего зэка.

Помощники обедали вместе с начальниками цехов в отдельном зале заводской столовой. Кормили плоховато, но лучше, чем других, - из НКВД для

Бомбардировщик «Ту-2» конструкции А.Н. Туполева, разработанный заключенными специалистами. Омск, 1941 г.

заключенных специалистов присылали дополнительные продукты. Хлеба давали по 800 г в день и еще 200 г добавляло заводоуправление. Работали с предельным напряжением - ведь до конца года нужно было наладить выпуск туполевского бомбардировщика, а времени оставалось мало. И вот 15 декабря 1941 г. пришел знаменательный день - первый омский «Ту-2»* готов к летным испытаниям. В назначенный час работа в цехах и отделах остановилась. Сотни людей высыпали на заводской двор, а кое-кто забрался на крышу. Наконец все увидели своего первенца в воздухе. Пролетая над цехами, летчик-испытатель М.П. Васякин приветствовал заводчан покачиванием крыльев. Лишь несколько минут продолжался полет, но волнение и радость переполняли собравшихся, в глазах у многих стояли слезы. Это был настоящий праздник - ведь за пять месяцев удалось сделать столько, на что в других условиях потребовались бы годы. Отец радовался вместе со всеми - грозная боевая машина несла в себе частицу и его труда. Серийный выпуск самолета начался 15 февраля 1942 г. «Ту-2» был признан лучшим фронтовым бомбардировщиком Второй мировой войны. За разработку его А.Н. Туполеву в 1943 г.была присуждена Сталинская премия первой степени.

Наступал новый, 1942 год. Четвертый раз отец отмечал этот праздник вне дома: 1939 год - в Новочеркасской тюрьме, 1940-й - во Владивостоке, на этапе возвращения из Магадана в Москву, 1941-й - в спецтюрьме на улице Радио и вот теперь 1942-й - в Омске. Что сулил ему год наступающий? Освобождение после успешного начала летных испытаний «Ту-2» или все ту же, кажущуюся уже беспросветной, участь заключенного? Ответить на этот вопрос не мог никто, тем более что шла тяжелейшая война.

Официально название «Ту-2» было присвоено самолету в марте 1942 г.

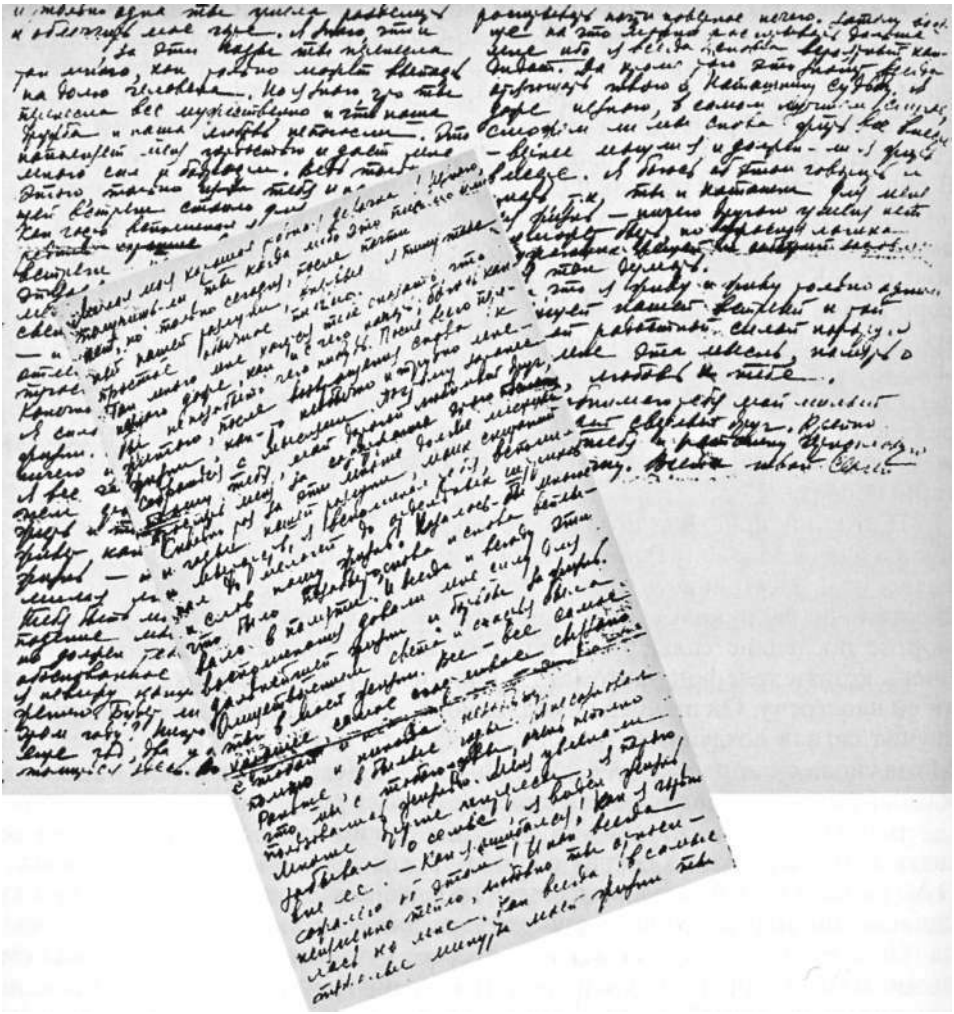
В конце 1941 г. мама продолжала работать в Казани. Перед Новым годом ей разрешили съездить к нам в Йошкар-Олу. Вскоре она получила телеграмму из Казани о том, что ей надо немедленно возвращаться, так как сотрудники Центрального института усовершенствования врачей отзываются в Москву. Бабушка Софья Федоровна что-то продала, что-то обменяла, чтобы подготовить Марии Николаевне посылку: мыло, кусок сала, какие-то продукты. В общем, наполнили рюкзак и сумку. Желающих сесть в поезд до Казани было так много, что проникнуть в вагон оказалось невозможным. Мама со своими громоздкими вещами уехала в сильный мороз на вагонной подножке. На вокзале в Казани ее встречала начальник медсанчасти госпиталя, в доме которой мама жила. Та подтвердила, что действительно получен приказ наркома здравоохранения о возвращении в Москву и, как ни жалко расставаться с москвичами, душевными людьми и квалифицированными специалистами, ничего не поделаешь. Предстоит вернуться многим сотрудникам во главе с директором института В.П. Лебедевой. Казанцы устроили отъезжающим торжественный ужин, дали с собой много различных продуктов и усадили в санитарный поезд.

В столицу приехали поздним вечером. С Казанского вокзала маме пришлось идти в Марьину Рощу пешком - трамваи не ходили. Это оказалось нелегко, ведь расстояние довольно большое, да еще тяжелая ноша в руках. По счастью, не было налета и не пришлось отсиживаться в убежище. Теряя на морозе последние силы, мама позвонила на Октябрьскую из попавшегося очень кстати телефона-автомата и попросила Григория Михайловича выйти ей навстречу. Он пришел немедленно. Как только вошли в квартиру, прозвучал сигнал воздушной тревоги, но на него никто не обратил внимания. Мама снова оказалась в доме, где ее любили. Свекровь относилась к ней как к своей дочери, и сейчас мамин приезд оказался радостной неожиданностью.

В 1942 г., когда ситуация на фронте улучшилась, в столицу стали разрешать командировки из других городов. Тогда была направлена в Москву и Э.М. Рачевская. Узнав о предстоящей поездке, отец подготовил посылку - куски высохшего белого хлеба, шоколад - и пропуск на вынос продуктов с завода. Он сказал отъезжающей, что в Москве остались близкие и дорогие ему люди: мать, которую он очень любит и которой многим обязан, отчим, исключительно добрый, заботливый человек, и жена, его самый большой и любимый друг. О жене было сказано особо: она похожа на маркизу - у нее совершенно седая голова и красивое молодое лицо с ясными голубыми глазами, она - кандидат медицинских наук, хирург-травматолог, работает в Боткинской больнице. И еще у него есть семилетняя дочка Наташа, похожая на него. Телефон Марии Николаевны был написан на упаковке посылки. Кроме посылки отец просил передать уже давно написанное им письмо, которое он не мог переслать, так как почта еще не работала.

Приехав в Москву, Эсфирь Михайловна сразу же позвонила на Октябрьскую и на следующий день приехала туда. Ее с нетерпением ждали мама, Мария Николаевна и Григорий Михайлович. По словам гостьи, они оказались такими, как описал отец.

Все с жадностью слушали рассказ о жизни в Омске, расспрашивали, как выглядит мой отец, здоров ли, во что одет. Э.М. Рачевскую глубоко тронула взаимная любовь и забота уже несколько лет оторванных друг от друга людей. Взяв письмо для отца и переданную мамой в подарок курительную трубку, она ушла и через несколько дней вернулась в Омск.



Письмо СП. Королева жене в Москву. Омск, январь 1942 г.

Вот что написал отец в привезенном письме, его мама хранила всю жизнь.

«Ляле.

Только лично

Милая моя, хорошая, родная девочка! Не знаю, получишь ли ты когда-либо это письмо или нет, но только сегодня, после почти (четырехлет)ней нашей разлуки, впервые я пишу тебе простое обычное письмо.

Так много мне хочется тебе сказать, что не знаю даже, как и с чего начать, боюсь, как бы не позабыть чего-нибудь. После всего пережитого, после возвращения снова к жизни как-то необычно и трудно мне собраться с мыслями. Потому заранее прошу тебя, мой дорогой любимый друг, простить меня за содержание этого послания.

Сколько раз за эти многие долгие месяцы и годы нашей разлуки, моих скитаний и мытарств я вспоминал тебя, вспоминал до мелочей, до отдельных штрихов и слов нашу жизнь! Казалось бы, многое, что было позабыто, снова и снова всплывало в памяти. И всегда и всюду эти воспоминания давали мне силу для дальнейшей жизни и борьбы за жизнь.

Олицетворением света и счастья была ты в моей жизни. Все-все самое хорошее, самое счастливое связано с тобой, и неудивительно, что я все это помню и никогда не забуду.

Раньше, в былые годы, я не сознавал, что мы с тобою, увы, очень неполно пользовались жизнью. Меня увлекали многие другие интересы, я порою забывал о семье, я видел жизнь вне ее. Как я ошибался! Как я горько сожалею об этом! И как всегда неизменно тепло, любовно ты относилась ко мне. Как всегда, в самые тяжелые минуты моей жизни ты и только одна ты умела разделить и облегчить мое горе. Я знаю, что и (говорить), за эти годы ты перенесла так много, как только может выпасть на долю человека. Но я знаю, что ты перенесла все мужественно и что наша дружба и наша любовь не погасли. Это наполняет меня гордостью и дает мне много сил и бодрости. Ведь только из-за этого, только из-за тебя и нашей будущей встречи стоило для меня жить.

Как часто вспоминал я и вспоминаю наши редкие хорошие вечера, проведенные вместе, встречи, немногие путешествия, отдельные эпизоды и случаи. Вспоминаю до мелочей Наташку, ее появление на свет, первые шаги и успехи в жизни - и все мрачное, тяжелое, гнетущее отлетает от меня и рассеивается, как тягостный бред и сон.

Конечно, я уже не тот, что был раньше. Я сильно, очень сильно устал от жизни. Я не вижу в ней для себя почти ничего из того, что влекло меня раньше. Я все чаще и чаще задумываюсь над тем, стоит ли вообще дальше жить, и только одно во мне неизменно живет как светлая сила, как сама жизнь - это ты и только ты, моя милая любимая девочка.

Тебя, быть может, огорчит столь резкое падение моего интереса к жизни вообще, но должен тебе сказать, что это вполне обоснованное положение. Во-первых, я не вижу конца своему ужасному положению. Будет ли ему конец скоро, в этом году? Никто не знает, и, быть может, еще год, два и более суждено мне томиться здесь. Во всяком случае, скорее, рассчитывать почти, наверное, нечего. Затем, вообще на что можно рассчитывать дальше мне, ибо я всегда и снова вероятный кандидат. Да кроме того, это значит всегда отягощать твою и Наташкину судьбу. Я даже не знаю, в самом лучшем случае, сможем ли мы снова жить все вместе, - вернее, могу ли я и должен ли я жить вместе. Я боюсь об этом говорить и думать, т.к. ты и Наташка для меня вся жизнь - ничего другого у меня нет и не может быть, но ужасная логика окружающих вещей и событий заставляет меня так думать.

Пока что я живу и живу только одним - грядущей нашей встречей и той светлой радостной силой, которую дает мне эта мысль, память о тебе, любовь к тебе. Крепко обнимаю тебя, мой милый, любимый, светлый друг. Крепко целую тебя и Наташку, черноглазую нашу дочку. Всегда твой Сергей».

Пришла пора, и Э.М. Рачевская стала готовиться к возвращению из Омска в Москву. Узнав об этом, отец пригласил ее в свой кабинет и вручил сверток со словами: «Это вам на память от меня сувениры, сделанные собственноручно». В свертке находились пластмассовая расческа, на ручке которой были наклеены художественно исполненные буквы «Э.Р.» - инициалы Э. Рачевской, и небольшая пластмассовая коробочка с крышкой. На следующий день Эсфирь Михайловна передала отцу ответный подарок - черный вышитый кисет, наполненный махоркой. Курево в то время было дефицитом, отец много курил, ловко закручивая махорку в газетную бумагу, так что подарок оказался кстати. Годы спустя отец привез этот кисет домой, и он находится теперь в его домашнем музее.

А тогда Э.М. Рачевская посетовала, что у нее нет чемодана и некуда сложить вещи. Отец пообещал подобрать на заводской свалке подходящий ящик, сказав, что завтра на ходу сбросит его с телеги, на которой поедет в город на совещание. «На ходу», так как остановить даже на минуту старую заводскую лошадь по кличке Маргарита не представлялось возможным - ее потом нельзя было сдвинуть с места. Так и сделали. Отец восседал на козлах и руководил своенравной Маргаритой, охранник ехал сзади. В условленном месте отец сбросил ящик, который и послужил Э.М. Рачевской чемоданом.

Шел трудный 1942 год. После возвращения в Москву мама работала вначале хирургом, потом заведующей отделением и считалась одним из ведущих

Титульный лист книги С. Могилевской с надписью К.М. Винцентини дочери от имени ее отца. Йошкар-Ола, 10 апреля 1942 г.

хирургов-травматологов Боткинской больницы. Как правило, она оперировала самых тяжелых раненых. Приходилось проводить операции и в прифронтовой полосе - помню ее рассказ о трудной поездке в медсанбат под Волоколамском. Боткинская больница тоже имела статус прифронтового госпиталя и поток раненых не прерывался ни на один день. Иногда хирургам, а ими были в основном женщины, приходилось по двое суток стоять в операционной, переходя от одного стола к другому. Силы поддерживали американским шоколадом «Коло». Сознание того, что ты оказываешь реальную помощь раненым, приносило удовлетворение, но работа изматывала физически и угнетала морально - ведь зачастую приходилось ампутировать руки или ноги совсем молодым ребятам. Потом их отправляли в тыловые госпитали и прощание с несчастными мальчиками всегда бывало очень грустным. Они плакали и не хотели уезжать: ведь здесь их нередко буквально возвращали к жизни - без

антибиотиков и каких-либо специальных приспособлений для восстановления функций конечностей. Многие потом писали маме и другим врачам письма, полные благодарности и любви, с некоторыми из них у нее установились дружеские отношения на долгие годы, например с Зиновием Гердтом, будущим народным артистом СССР, который благодаря ей избежал ампутации ноги.

Отец продолжал работать в Омске. Ко дню моего рождения мама как бы от него прислала мне в Йошкар-Олу книгу С Могилевской «Марка страны Гонделупы» с надписью печатными буквами: «Наташеньке-шалунишке от папы. $19^{10}/_{IV}42$ г.». Зимой 1942 г. отцу поручили руководить практикой выпускника авиационного техникума В.М. Румянцева, тема дипломной работы которого была связана с конструкцией крыла самолета. Практика продолжалась около месяца. Зима была суровой, а цеха не отапливались. Обогрев небольшой части производственных помещений осуществлялся от двух паровозных котлов, которые еле-еле поддерживали тепло там, где это было абсолютно необходимо. Тем не менее В.М.Румянцев старался не пропускать консультаций, так как каждый раз узнавал от своего руководителя много нового. Удивляло студента только постоянное присутствие молчаливого человека, который как тень ходил за ними повсюду.

Вся жизнь отца проходила в работе, но случались дни, вызывавшие воспоминания о событиях прошлого, казавшегося теперь невообразимо далеким. В такие минуты особенно хотелось оказаться в кругу семьи рядом с родными, близкими людьми, и как никогда угнетала постоянная слежка и безысходность ситуации. В августе памятными днями были 6 и 29 - годовщина свадьбы моих родителей и день рождения мамы. Свои чувства отец выразил 6 августа 1942 г. в письме к маме.

«6/VIII. Наверное, сегодня, мой милый друг, и ты не раз вспомнила меня, а я как-то весь под впечатлением нашей очередной и, увы, такой опять невеселой годовщины. Всегда август месяц приносил нам с тобою памятные счастливые дни - 6 и 29. Когда же, наконец, мы действительно проведем их спокойно, счастливо и вместе? Не знаю, получила ли ты мои два письма, которые я передал тебе, но т.к. от тебя и от мамы нет ни строчки, то пишу опять заново, как ответ на твое письмо от 2/VI с.г.

Я бесконечно рад твоему бодрому и хорошему настроению, что ты хорошо работаешь и неплохо переживаешь это тяжелое время, что ты помнишь по-прежнему своего друга, оторванного от тебя. Но ты права, мой друг, что сейчас не о себе надо думать и что многие тысячи людей оторваны друг от друга, как и мы с тобою.

Я тоже много помню и хорошо вспоминаю нашу жизнь, и хочу надеяться, что наступит время, и нам, быть может, удастся ее снова наладить. Жить - значит надо верить, и я верю.

Меня только беспокоит опять твое и мамино упорное молчание. От Наташки тоже нет ничего, и я сегодня написал им письмо по адресу, который ты мне прислала (адрес в Йошкар-Оле. - *Н.К.).* Очень прошу писать мне регулярно, и я постараюсь по возможности быстрее отвечать тебе, хотя это не всегда от меня зависит.

Живу и работаю по-прежнему. Если Дмитрий* был у тебя, то ты, наверное, от него уже слышала обо всем. Работаю очень много - вся жизнь в работе, и больше ничего нет. Иногда скучаю: я теперь вполне постиг и понял, что это значит, и лечусь опять же только работой, за которой забываю все. Здоровье мое в общем ничего, хотя прежнего, конечно, далеко нет. Особенно плохо с нервной системой. Порою теряю сон, а порою ощущаю такую слабость, что валюсь с ног. От нечего делать, а отчасти и от необходимости начал лечить зубы, и вот теперь поставил себе целых 13 штук стальных. Даже странно, что так много потерял.

Мне ничего не нужно. У нас только полное отсутствие табака, папирос и сладкого, так что порою курю солому из твоей трубки. Трубку берегу как память, как вообще все, что было твое или от тебя. На скорую встречу не рассчитываю и, откровенно говоря, не знаю, не уверен, что она вообще будет, ибо по-разному сейчас может обернуться жизнь. Пока я здесь, здоров, бодр и не теряю хороших надежд, а что будет дальше, не знаю и трудно сказать.

О ком идет речь, установить не удалось. - *Н.К.*

Курительная трубка СП. Королева, присланная ему женой в спецтюрьму НКВД в Омске, 1942 г.

Во всяком случае, всегда помню тебя, Наташку, маму и всех близких мне и дорогих людей.

Наташку мне трудно представить, такая она стала, видно, большая и взрослая. Бесконечное спасибо старичкам за заботу о ней и Лизухе тоже. Поцелуй моих старичков и Варюхана. Привет Рите и всем, кто с Вами.

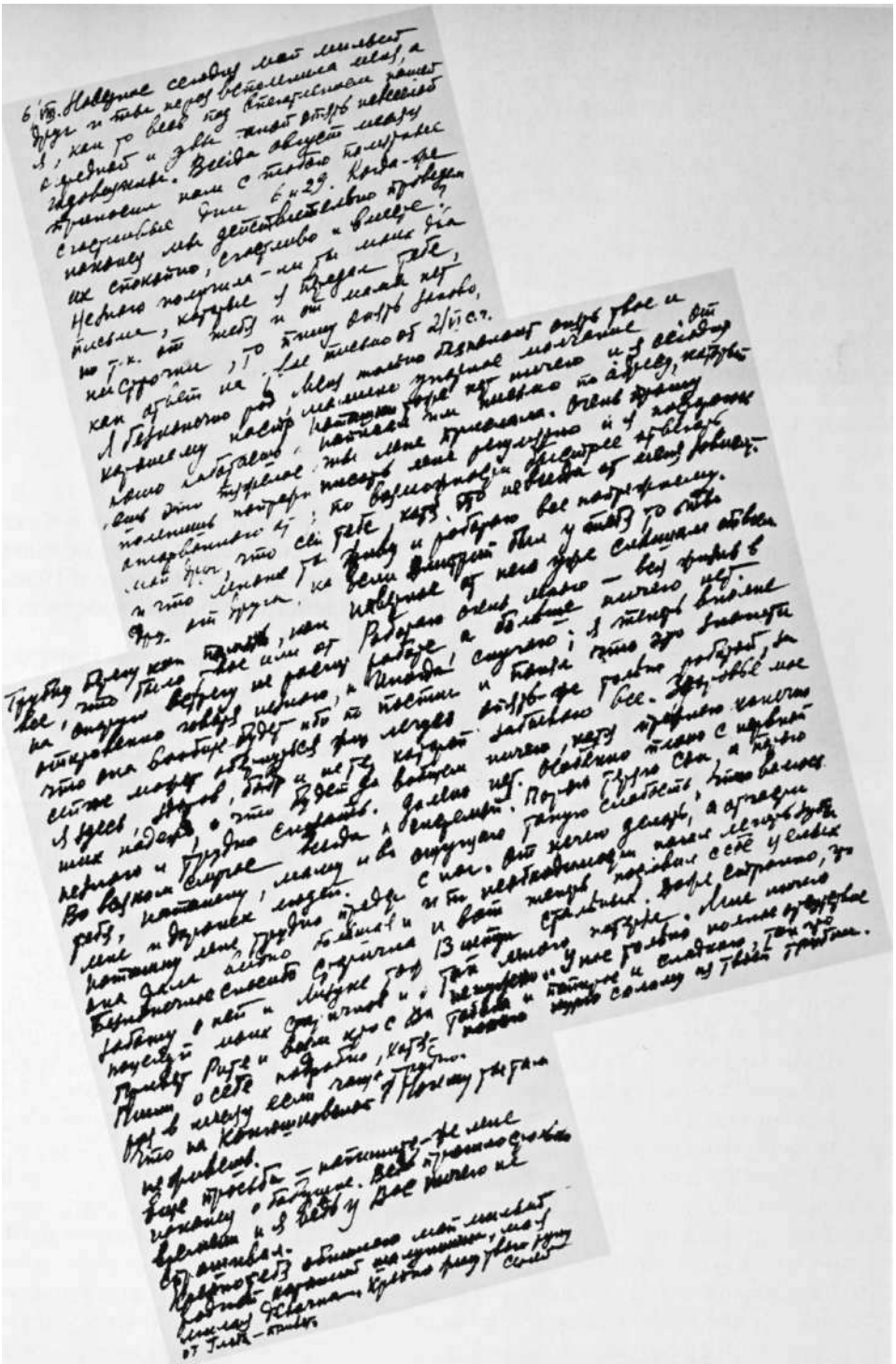
Пиши о себе подробно, хотя бы один раз в месяц, если чаще трудно. Что на Конюшковской? Почему ты там не живешь?

Еще просьба - напишите же мне, наконец, о бабушке. Ведь прошло столько времени, и я у Вас ничего не спрашивал*.

Крепко тебя обнимаю, мой милый, родной, хороший шалунишка, моя милая девочка. Крепко жму твою руку. От Глеба** привет. Сергей».

Омский завод выполнил задание и взятые обязательства - наладил серийный выпуск одного из лучших пикирующих бомбардировщиков второй мировой войны - самолета «Ту-2». К осени 1942 г. было выпущено уже 78 машин. То был подвиг всего коллектива, в том числе и моего отца. Но его мысли и душа стремились к другому - к ракетам и ракетопланам, к тому, чем он занимался до ареста и что давно стало смыслом его жизни. Однако в Омске эти проблемы никого не интересовали. Поэтому, когда отец услышал от одного из сотрудников, что заключенный В.П. Глушко находится в Казани и занимается созданием ракетных двигателей для самолета В.М. Петлякова «Пе-2», он обратился к руководству с просьбой о переводе в Казань. Одновременно и В.П. Глушко, узнав о том, что отец работает в спецтюрьме в Омске, ходатайствовал перед управлением НКВД о направлении его в Казанское КБ. Осенью 1942 г. разрешение было дано. Когда отец сообщил об этом своим товарищам, они не одобрили его инициативу, так как считали,

* Отец не знал, что Мария Матвеевна в марте 1940 г. умерла. - *Н.К.*
Кто это, установить не удалось. - *Н.К.*



Письмо С.П. Королева жене в Москву. Омск, 6 августа 1942 г.

Наташа Королева. Йошкар-Ола, 10 мая 1942 г.

Надпись на обороте

что с выходом в серию «Ту-2» их, возможно, освободят, а что будет в Казани, неизвестно. Но для отца любимая работа значила несравненно больше, чем предполагаемое освобождение. Он был уверен в своей правоте и 19 ноября 1942 г. прибыл в Казань. А туполевцев действительно освободили в сентябре 1943 г., на десять месяцев раньше, чем его.

Так закончилось пребывание моего отца в «Туполевской шараге». В 1989 г. я побывала в здании на московской улице Радио, где он жил и работал с сентября 1940 по июль 1941 г. Мне показали «аквариум», в котором некогда трудились заключенные, макетный зал, где стоял макет самолета «Ту-2» в натуральную величину, дубовый зал, служивший спальней А.Н. Туполеву и его ближайшим соратникам. Поднялись мы и в «обезьянник», где заключенные после трудового дня могли глотнуть свежего воздуха.

О своем пребывании в Бутырской тюрьме и в «Туполевской шараге» мне много рассказывал Л.Л. Кербер. Он, в частности, вспоминал, что оказался в тюремной камере Бутырки сто сорок четвертым, а она была рассчитана при постройке на двадцать три человека. Заключенные спали на «двух этажах»: на нарах и под ними на полу, или, как они говорили, в «метро».

Конечно, за прошедшие десятилетия многое изменилось. И в здании на улице Радио много перемен. Но все равно, проходя по помещениям бывшей спецтюрьмы, я испытывала глубокое волнение, связанное с ощущением непосредственного соприкосновения с драматическими страницами судеб умных, талантливых людей, самоотверженно работавших на благо своей страны, несмотря на страдания и душевные муки.

Л.Л. Кербер вспоминал и последнюю встречу с отцом в 1965 г. в его останкинском доме, у ворот которого стояла охрана, и полные грустной иронии слова хозяина дома, обращенные к нему и к СМ. Егеру: «Знаете, ребята, самое удивительное состоит в том, что как все-таки много общего между этой нынешней обстановкой и тогдашней. Иной раз проснешься ночью, лежишь и думаешь: вот, может, уже нашелся кто-нибудь, дал команду, и эти же вежливые охранники нагло войдут сюда и бросят: «А ну, падло, собирайся с вещами!»».

В июне 1995 г. мне удалось побывать в Омске. Прежде всего я отправилась на бывший авиационный завод № 166, нынешний «Полет», где во вре-

Мемориальная доска в честь А.Н. Туполева на здании Омского авиационного завода

Памятная доска на корпусе Омского авиационного завода, где были собраны первые 20 самолетов «Ту-2»

Мемориальная доска на здании Омского авиационного завода, где в 1941-1942 гг. работал С.П. Королев

ЛЛ. Кербер в домашнем музее С.П. Королева с Н.С Королевой (слева) и К.М. Винцентини (справа). Москва, 1988 г.

мя войны работали туполевцы. 10 ноября 1988 г., в день 100-летия со дня рождения Андрея Николаевича, на здании заводоуправления, в котором в 1941-1943 гг. находился его кабинет, была открыта мемориальная доска. Другая мемориальная доска установлена на корпусе, в котором проводилась сборка первых 20 самолетов «Ту-2». Еще одна мемориальная доска с профилем отца и надписью: «Здесь в 1941-1942 годах работал основоположник Советской космонавтики дважды Герой Социалистического Труда академик Сергей Павлович Королев», открыта 12 апреля 1991 г. на одном из корпусов завода.

В бывшем фюзеляжном цехе, заместителем начальника которого работал отец, теперь собирают стиральные машины. Цех расширен и модернизирован. Зато в штамповочном цехе впечатляющим «экспонатом» является древний пресс, безотказно работающий с военных лет.

После осмотра цехов состоялась продолжительная беседа с администрацией и ветеранами предприятия. Потом мы поехали к дому, где жили заключенные, - сейчас здесь детская поликлиника № 1, осмотрели здание Иртышского речного пароходства, где располагалось Туполевское КБ. Посетила я и музей космической славы имени К.Э. Циолковского в школе № 55, где собрано много экспонатов, рассказывающих об истории развития авиации и космонавтики, встретилась со школьниками и учителями. Есть в музее, отметившем 12 апреля 1998 г. свое двадцатилетие, и стенд, посвященный С П. Королеву.

Я рада, что мне удалось побывать в Омске - городе, в котором отец жил и работал почти полтора трудных военных года. Здесь после вынужденного перерыва он смог вернуться к ракетной тематике. Отсюда ради любимой работы уехал в Казань, пренебрегая перспективой вероятного освобождения. Но, по словам омичей, в частности В.М. Румянцева и Л.А. Степаненко, уже будучи Главным конструктором и создавая филиал своего КБ в Красноярске, отец не пропускал возможности посетить по пути в Москву оставшийся в памяти на всю жизнь Омский завод.

Во время одного такого приезда произошла его встреча с начальником заготовительного цеха Н.С. Ефимовым, который в 1941-1942 гг. работал механиком этого цеха. Отец обнял его, и они с увлечением беседовали. Заводчане долго еще вспоминали потом эту теплую дружескую встречу.

Омский период несомненно сыграл важную роль в жизни моего отца, так как именно здесь, на должности заместителя начальника цеха, он впервые увидел и почувствовал задачи серийного производства.

Глава тринадцатая

КАЗАНСКИЕ «УНИВЕРСИТЕТЫ» (1942-1945)

Итак, 19 ноября 1942 г. отец оказался в Казани. Туда в начале войны эвакуировались два авиационных завода: 16-й авиамоторный из Воронежа и 22-й самолетостроительный из Москвы. Огромное четырехэтажное здание заводоуправления имело в плане П-образную форму и было разделено на две части. Третий и четвертый этажи той части заводоуправления, которая относилась к моторному заводу, занимали спецтюрьма и опытно-конструкторское бюро (ОКБ) 4-го Спецотдела НКВД. Расстояние от ОКБ до входа на завод по улице, вне территорий обоих заводов, составляло около двухсот метров. Примерно столько же было от проходной 16-го завода до цехов. Если заключенному требовалось пройти в цех, он давал знак солдату, или, как здесь говорили, «свечке», коротавшему время в комнате охраны на выходе из ОКБ. Тот быстро вскакивал, и только после этого разрешалось двигаться в путь. Иногда охранники отсутствовали - все были заняты, - тогда приходилось ждать. Конвоир обычно шел позади заключенного и сопровождал его через проходную завода до входа в цех, где стоял вахтер. Узник шел в цех, а «свечка» оставался его ждать. Когда работа в цеху заканчивалась, заключенный выходил, охранник вставал, и они отправлялись в обратный путь. Все это происходило молча, без единого слова, так как разговаривать с заключенными охранникам запрещалось. «Свечками» служили, главным образом, пожилые солдаты, негодные к строевой службе. Они ходили в старых, длинных, до пят шинелях, подпоясанных ремнями. Персональных «свечек» заключенные не имели, их сопровождал любой свободный конвоир.

На третьем этаже заводоуправления располагались жилые помещения заключенных, напоминавшие комнаты заводского общежития: железные кровати с металлическими сетками, прикроватные тумбочки. Отца поместили в большую комнату, где жили двадцать три человека, в том числе В.П. Глушко и Д.Д. Севрук, в дальнейшем известный деятель ракетно-космической техники, профессор, заведующий кафедрой МАИ. Кровати отца и Севрука оказались рядом, а так как отдельной тумбочки для вновь прибывшего не нашлось, то Севрук разделил свою на двоих. Возвращаясь после освобождения в Москву, он попросил разрешения взять тумбочку на память, а потом, побывав в домашнем музее отца, подарил ее мне.

Вольнонаемным вход в жилые комнаты заключенных запрещался. Кроме того, они давали подписку, что ни в какие неслужебные разговоры вступать с заключенными не будут. Совместно разрешалось обсуждать только производственные вопросы.

Здание заводоуправления, в левом крыле которого в 1940-е годы размещались спецтюрьма и ОКБ НКВД. Казань. Фотография В.А. Богомоловой. 2000 г.

Здесь же, на третьем этаже, находилась столовая, подобная тем, которые бывают на небольших предприятиях: обеденный зал отгорожен от кухни стеной с окном, через которое выдавалась еда. Посуда тоже была обычной: тарелки, ложки, вилки и даже ножи. Собственную посуду, кроме кружки и стакана, иметь запрещалось, да она здесь была и ни к чему.

Собственно ОКБ занимало четвертый этаж. Административным начальником его был подполковник госбезопасности В.А. Бекетов. Здесь работали несколько самостоятельных коллективов, каждый со своей тематикой и своим главным конструктором. Отца назначили ведущим инженером в бюро В.П. Глушко. Коллектив его был небольшим и размещался в трех комнатах. Конструкторы, расчетчики и чертежники работали вместе. Почти у всех имелись чертежные доски, оборудованные новыми по тому времени чертежными приборами - кульманами. А.И. Эдельман, вольнонаемный инженер в ОКБ В.П. Глушко, вспоминал, что при подписывании чертежей фамилии заключенных не указывались - их заменяли номера. Например, у Глушко был номер 800. На чертеже в трафарете стояло: проектировал - Эдельман, главный конструктор - 800. В своих «Записках инженера-ракетчика» Эдельман отмечал: «Хотя характеры Валентина Петровича и Сергея Павловича были весьма различными, общее у них - громадная целеустремленность, сильная непреклонная воля.

Отличительными чертами Сергея Павловича в то время были его «веселая» энергия, его умение организовать людей для решения поставленных задач, стремление к самостоятельности, его отзывчивость и внимание к людям, работавшим тогда под его руководством или рядом с ним. Властные черты характера, проявившиеся впоследствии, в Казани не наблюдались. Свои задачи он претворял в жизнь как-то по-особенному живо, с задором, с огоньком.

Этих людей - Валентина Петровича и Сергея Павловича, связывала между собой давняя совместная работа на одном и том же поприще, которому каждый посвятил свою жизнь, всего себя с юношеских лет. И, конечно, схожесть пережитого, общность положения.

Отношения между ними в это время были дружеские (но только внешне!), они были на «ты», звали друг друга по именам «Сергей», «Валентин», без отчества. К сожалению, о дружбе никак нельзя сказать в дальнейшем периоде, после триумфальных полетов космонавтов».

КБ В.П. Глушко работало над созданием РД-1 - четырехкамерного реактивного двигателя на жидком топливе тягой 1200 кг. Однако на первом этапе наиболее реальной оказалась установка однокамерного варианта РД-1 тягой 300 кг в качестве вспомогательного двигателя на самолет В.М. Петлякова «Пе-2». Такой самолет с вспомогательным ЖРД представлял интерес для боевого применения, а опыт разработки однокамерного двигателя должен был послужить базой при создании в будущем автономного двигателя для реактивного самолета. На втором этапе и предполагалось построить реактивный самолет-перехватчик РП с четырехкамерным РД-1. Проект этого самолета выполнили в КБ в очень короткий срок. Пояснительная записка к нему, написанная отцом, датирована 16 декабря 1942 г. В ней, в частности, сказано: «Предлагаемый самолет-перехватчик с реактивным двигателем РД-1 является представителем нового класса сверхскоростных высотных истребителей. РП обладает исключительно высокими летными и тактическими качествами и мощным вооружением, что при сравнительно большой для реактивных машин продолжительности полета позволит ему решать многие недоступные для винтомоторных самолетов тактические задачи. РП может догнать и уничтожить любой современный скоростной самолет, летящий на сколь угодно большой высоте и попавший в зону его действия. Малая трудоемкость и доступность в изготовлении самолета РП и двигателя РД-1 позволяют в короткие сроки наладить выпуск машин для использования в идущей войне».

26 декабря 1942 г. отец направил в НКАП докладную записку и план работ по авиационной реактивной установке РУ-1 для самолета «Пе-2». Эти предложения поддержали директора обоих казанских заводов - № 16 и № 22. 8 января 1943 г. для реализации плана была создана группа реактивных установок № 5 во главе с отцом как главным конструктором АРУ, состоявшая из четырех бригад и включавшая 16 человек: 5 специалистов 4-го Спецотдела НКВД и одиннадцать вольнонаемных. Им отвели небольшую комнату на третьем этаже. Группа работала очень интенсивно - первый чертеж отец подписал в качестве руководителя группы уже 10 января 1943 г., а с 1 февраля по 15 марта 1943 г. было выпущено около 900 рабочих чертежей, и все они практически сразу шли в производство. Высокий ритм работы свидетельствовал об уверенности в правильности выбранного направления, о стремлении как можно скорее дать фронту новую эффективную технику.

О работе отца в тот период В.П. Глушко в книге «Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР» писал: «По моему ходатайству С.П. Королев был направлен на работу в наше ОКБ. Он горячо взялся за руководство разработкой установки двигателей на боевых самолетах и проявил в этой работе блеск своего таланта. Еще в РНИИ нас связала преданность любимому делу и взаимная заинтересованность в сотрудничестве, так как под его руководством разрабатывались летательные аппараты, а под моим - двигатели для них».

23 января 1943 г. С.П. Королев и В.П. Глушко представили на имя Л.П. Берия докладную записку о ходе работ. В тот же день аналогичные док-

ладные записки подписали директора заводов № 22 и № 16. Работа пошла еще быстрее - испытания самолета «Пе-2» с реактивной установкой начались уже 7 августа 1943 г. Полет с включением РД-1 на высоте 2760 м впервые состоялся 1 октября. Предварительные итоги работы группы № 5 по этому направлению отец изложил в докладной записке начальнику 4-го Спецотдела НКВД В.А. Кравченко 15 октября 1943 г. В записке отмечено, что к тому времени проведено десять запусков РД на самолете «Пе-2» на земле и восемь успешных полетов с включением РД в воздухе, ЧТО дает основание для выводов о реальности «в самые короткие сроки поставить реактивную технику на службу Красной армии» и о том, «что вспомогательные реактивные установки могут успешно применяться не только на самолетах «Пе-2», а их следует осуществлять также и на самолетах других типов с соответствующим учетом тактико-технических особенностей последних».

Новизна и значение применения реактивной установки на самолете подчеркнуты в ТОМ же году в заключении технического отчета «Опытная реактивная установка РУ-1 на серийном самолете «Пе-2»: «Необходимо отметить, ЧТО РУ-1 является совершенно новым техническим агрегатом, впервые осуществленным на самолете с целью испытания и отработки реактивного двигателя в летных условиях».

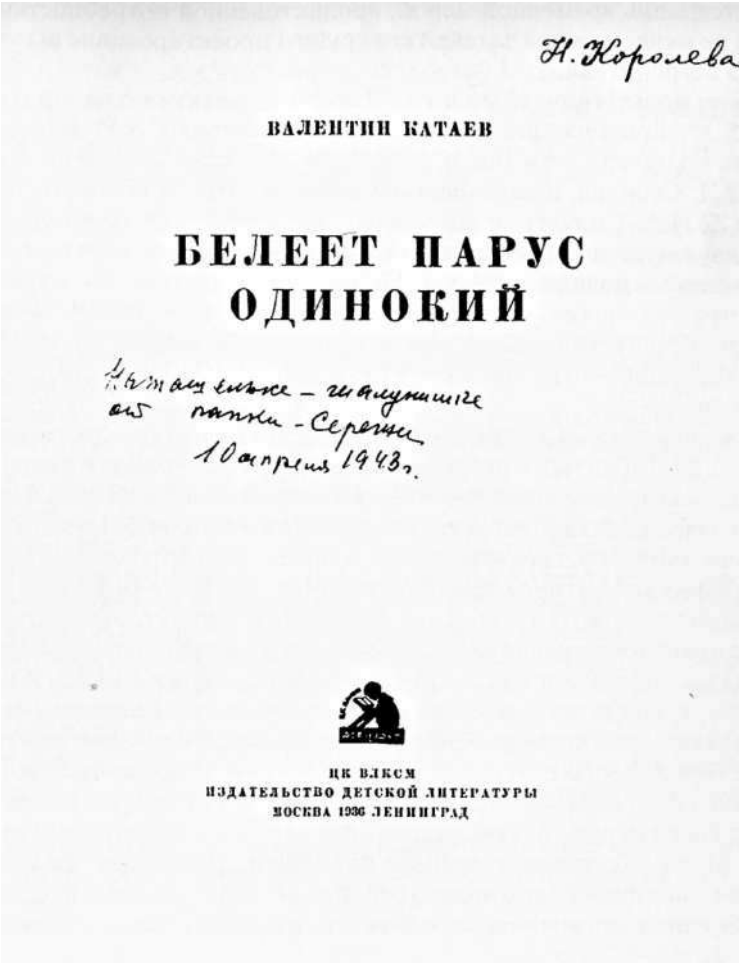
Отец трудился, главным образом, в КБ, а когда началось изготовление агрегатов и узлов реактивной установки, стал посещать цеха и участок сборки. В конце 1943 г. В.П. Глушко, Д.Д. Севрука и отца прикрепили к так называемой командирской столовой, где обедали начальники цехов и отделов. Хотя питание и здесь оставалось скудным, зато выдавали ежедневно по 800 граммов хлеба. Севрук вспоминал, что для него это было слишком много и хлеб накапливался. Он отдавал его вольнонаемным, те продавали хлеб на базаре и на вырученные деньги покупали зеленый кофе. Этот кофе в зернах Севрук носил на кухню, где его жарили. А вечерами узким кругом - чаще всего он, В.П. Глушко, Б.С. Стечкин, Н.Л. Уманский и мой отец - собирались в небольшой комнате, которую в 1943 г. выделили Севруку. Днем в ней работало шесть человек, а по вечерам она превращалась в маленький кофейный ресторанчик, который отец назвал «Рио-де-Жанейро», или просто «Рио». Так и говорили друг другу: «Пойдем в «Рио»». Вначале тюремное начальство протестовало, но потом удалось договориться, и в этой комнате можно было спокойно пить кофе до отбоя, ТО есть до 23 часов. Работали по 12 часов, так что свободного времени оставалось мало. По воспоминаниям Севрука, для СНЯТИЯ усталости отец, он и Глушко иногда занимались борьбой. Задача состояла в том, чтобы затолкать «противника» под кровать. Отец физически превосходил своих товарищей, но и ему приходилось бывать под кроватью, когда Севрук и Глушко объединялись. После таких поединков каждый занимался своим делом - обычно читал. Книги брали в библиотеке или доставали через вольнонаемных. Тем хоть и не разрешалось приносить книги, брать хлеб и покупать кофе, но они это делали, видя самоотверженный Труд заключенных специалистов и не веря выдумкам о «врагах народа». Это подтверждает записка отца эвакуированной из Москвы студентке МАИ, а тогда чертежнице ОКБ Н.А. Розенфельд от 13 марта 1944 г., в которой он пишет: «Сегодня утром я еще раз перелистал Алые паруса - какая же это чудесная вещь».

1 сентября 1943 г. я пошла в школу - сразу во второй класс. Годом раньше бабушка Соня ходила со мной к директору школы, но та отсоветовала отдавать меня в первый класс, так как я уже умела читать, писать и считать,

Записка С.П. Королева чертежнице Наталии Розенфельд. Казань, 13 марта 1944 г.

а в первом классе тогда учились писать палочки. Обучение велось раздельно, женская школа находилась в центре Йошкар-Олы, довольно далеко от наших бараков, да и идти приходилось через болото. Поэтому вначале я занималась с бабушкой дома. Теперь же, осенью 1943 г., Софья Федоровна собирала по утрам целый выводок девочек, мы тщательно привязывали веревками нашу обувь, гуськом вслед за бабушкой пересекали по тропке болото и шли на занятия.

Так продолжалось два месяца. После ноябрьских праздников дедушка, бабушка, Лиза и я вернулись в Москву. Сразу возник вопрос: где жить? В нашей квартире на Конюшковской осталась одна маленькая комната и обитали уже трое подселенных соседей. Квартиру маминых родителей во Всехсвятском с начала войны заняли под госпиталь, вещи сдали на склад, где они пропали. Вначале мы поселились в гостинице «Балчуг», но через несколько дней вопрос решился по-другому. Бабушка Мария Николаевна предложила нам переехать на Октябрьскую, и мы с радостью согласились. Для Лизы поставили раскладушку на кухне, а мы втроем заняли ту самую комнату, где когда-то находилось домашнее КБ отца, потом жили мои родители, а первый год своей жизни и я. Предстояло определиться с моей учебой. В Москве тогда работало немного школ, и все они оказались переполнены. с помощью давней приятельницы семьи Е.И. Гарбузовой удалось поступить в школу, где она преподавала, но находившуюся в часе ходьбы от дома. С начала следующего учебного года меня перевели в другую школу - рядом с домом. В ТО время я по-прежнему не знала, что отец арестован, осужден и находится в спецтюрьме. Шла война, и у многих девочек из моего класса отцы были на фронте, так что лишних вопросов не возникало. Отец писал мне в Йошкар-Олу, а потом в Москву. Я с нетерпением ждала его писем и немед-



Н. Королева

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ

Наташенькe – шалунишке от папки – Сережи
10 апреля 1943 г.

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

Титульный лист книги Валентина Катаева «Белеет парус одинокий» с надписью М.Н. Винцентини внучке Наташе от имени отца. Йошкар-Ола, 10 апреля 1943 г.

ленно отвечала на них. Все годы его отсутствия мама, бабушки и дедушки постоянно рассказывали мне о нем, показывали его фотографии, дарили как бы ОТ него подарки, в основном книги. Так, в день моего рождения 10 апреля 1943 г. в Йошкар-Оле дедушка Максимилиан Николаевич надписал мне книгу В. Катаева «Белеет парус одинокий»: «Наташеньке - шалунишке от папки Сережи».

Мне говорили, ЧТО скоро ОКОНЧИТСЯ война и папа прилетит на своем самолете. Я верила и ждала его. Но как же долго пришлось еще ждать...

Тем временем отец продолжал работать в Казани. Он не ограничился разработкой реактивной установки для самолета «Пе-2», а увидел возможность усовершенствования всех типов отечественных самолетов путем применения на них реактивных установок на базе двигателя РД-1. Его соображения изложены в «проекте тематического плана работ по реактивным установкам с двигателем РД-1 на 1944 г.», подписанном им 27 февраля 1944 г. Вместе с тем, понимая, ЧТО разработка вспомогательных реактивных установок для самоле-

тов является лишь временной мерой, продиктованной потребностями войны, он считал не менее важной задачей его группы проектирование высотного реактивного истребителя.

Летные испытания самолета «Пе-2» с реактивным двигателем в 1944-1945 гг. продолжались. Их проводили летчики А.Г. Васильченко и А.С. Пальчиков при участии в полетах в качестве инженера-испытателя вначале Д.Д. Севрука, а впоследствии и моего отца. Начальник экспедиции завода № 22 Н.А. Солдаткин вспоминал, что увидел как-то на заводском аэродроме двух мужчин, чем-то занятых у самолета, и молодого парня в форме, курившего неподалеку от них. На вопрос - кто такие? - парень нехотя ответил, что это «зеки», которых он охраняет. В этот момент мужчины сели в самолет, запустили двигатели и поднялись в воздух. «Улетят ведь», - сказал Солдаткин. - «Не улетят, - флегматично ответил парень, - у них горючего мало».

Однажды, во время очередных полетов, на аэродроме оказался летчик-испытатель М.Л. Галлай, и встреча с моим отцом произвела на него большое впечатление. Он описал ее в повести «Испытано в небе» (1963). На вопрос о том, кто создал реактивную установку для самолета, А.Г. Васильченко указал ему «на плотного, среднего роста человека, одетого в несколько странный, особенно для летнего времени, костюм: куртку и брюки из какого-то черного подкладочного материала». Галлай вспоминает, что сразу же его узнал: «Нас познакомили еще за несколько лет до начала войны, но после этого встречаться нам - отнюдь не по нашей воле! - не довелось... Я подошел к конструктору, мы поздоровались, отошли немного в сторону и сели на какие-то валявшиеся у аэродромной ограды бревна. В течение всего последующего неторопливого разговора вокруг нас, как привязанный, встревоженно кружился неизвестный мне молодой человек. Он то присаживался рядом с нами, то снова нервно вскакивал, то опять садился, изо всех сил стараясь не упустить ни одного слова из нашего разговора... Наверное, со стороны вся эта картина выглядела довольно комично, но в тот момент я, в отличие от своего обычного состояния, способность к восприятию смешного потерял полностью.

Я видел перед собой другое - еще одну (сколько их?) форму проявления несгибаемого человеческого мужества. Сквозь сугубо прозаические слова - о тягах, расходах, количествах повторных включений - передо мной в полный рост вставал внутренний облик человека, творчески нацеленного на всю жизнь в одном определенном направлении. В этом направлении он и шел. Шел вопреки любым препятствиям и с демонстративным пренебрежением (по крайней мере внешним) ко всем невзгодам, которые преподнесла ему недобрая судьба.

Передо мной сидел настоящий Главный Конструктор, точно такой, каким он стал известен через полтора с лишним десятка лет, - энергичный и дальновидный, умный и нетерпеливый, резкий и восприимчивый, вспыльчивый и отходчивый. Большой человек с большим, сложным, противоречивым, нестандартным характером, которого не смогли деформировать никакие внешние обстоятельства, ломавшие многих других людей, как тростинки».

В дальнейшем наземные и летные испытания реактивных установок проводились на самолетах С.А. Лавочкина, А.С Яковлева, П.О. Сухого. Успехи, достигнутые в разработке ЖРД для самолетов, побудили НКВД по согласованию с Наркомавиапромом 25 апреля 1944 г. подготовить, а 16 июля 1944 г. подписать важное для судьбы заключенных специалистов письмо.

«СОВ. СЕКРЕТНО

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

товарищу СТАЛИНУ И.В.

В 1942-43 гг. по проектам заключенных специалистов 4 Спецотдела НКВД СССР на заводе № 16 НКАП выполнены следующие работы, имеющие важное оборонное значение:

1. По проекту ГЛУШКО В.П. построены опытные реактивно-жидкостные двигатели РД-1, предназначенные для установки на самолеты в качестве ускорителей. Опытные образцы двигателей РД-1 прошли заводские летные и совместные стендовые испытания с удовлетворительными результатами.

В настоящее время на заводе № 16 изготовляется опытная серия реактивных двигателей РД-1 для отработки всех вопросов, связанных с применением и дальнейшим развитием этих двигателей.

2. По проекту ДОБРОТВОРСКОГО А.М. на базе спаривания двух серийных моторов М-105 построены мощные авиационные моторы МБ-100 со взлетной мощностью 2200 л/с и МБ-102 со взлетной мощностью 2450 л/с.

В настоящее время моторы МБ-100 проходят летные испытания на самолете «Ер-2» и моторы МБ-102 подготовляются к установке на самолете «102».

Помимо этих работ, специалистами 4 Спецотдела НКВД СССР была оказана большая техническая помощь заводу № 16 в период строительства и монтажа этого завода, в частности, по проекту и под руководством специалистов 4 Спецотдела НКВД СССР на заводе № 16 была построена опытная механическая база авиамотостроения.

Группа квалифицированных специалистов 4 Спецотдела НКВД СССР, работающая на этом заводе на руководящих технических должностях, во многом способствовала заводу в успешном выпуске продукции.

По отзывам Наркомавиапрома тов. ШАХУРИНА, работы, выполненные заключенными специалистами 4 Спецотдела НКВД СССР, по технической новизне и умелому решению ряда сложных технических и конструктивных проблем, являются весьма ценными.

Учитывая важность проведенных работ, НКВД СССР считает целесообразным освободить, со снятием судимости, особо отличившихся заключенных специалистов, с последующим направлением их на работу в Авиапромышленность.

Прилагая при этом список на 35 заключенных специалистов, прошу Ваших указаний.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
Л. БЕРИЯ»

В приложенном списке значилась и фамилия отца: «Королев Сергей Павлович, 1906 г. рождения, бывш. ст. инженер НИИ-3. Осужден Особым Совещанием при НКВД СССР 10.VII-40 г. по ст. ст. 17-58-11 на 8 лет. - Технический руководитель по установке РД на самолете. Установка прошла заводские испытания. Обладает техническими знаниями и организаторскими способностями».

За месяц до этого, по воспоминаниям Д.Д. Севрука, заключенные инженеры получили возможность ходить по заводской территории без сопровождения. Самостоятельно ездить в город им по-прежнему не разрешалось (правда, С П. Королеву, имевшему производственные связи на многих предприятиях Казани, такое право, по воспоминаниям В.А. Бекетова, иногда предоставлялось), но даже в таком небольшом ослаблении режима угадывался знак того, что их скоро могут освободить.

Результатом обращения Л.П. Берия к И.В. Сталину явилось решение Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1944 г. о досрочном освобождении

ВЫПИСКА

Протокол № 18 „27" июля 1944 г.

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

18. Представление НКВД СССР о досрочном освобождении со снятием судимости КОРОЛЕВА Сергея Павловича, 1906 г. рож., осужден Особ. сов. 10/VIII-40 г. — 8 лет

Дело № К - 6874с

Согласиться с представлением НКВД СССР и досрочно освободить со снятием судимости КОРОЛЕВА С.П.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(А.Горкин)

Орк 795372

В ОСК отмечено 18/IX 1944 г.

Лично объявлено 9/VIII 44 г.

Выписка из протокола заседания Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении СП. Королева. Москва, 27 июля 1944 г.

СССР — ССРК
ТАТАРСТАН А. С. С. Р.
ЭЧКЕ ЭШЛЭР
ХАЛЫК КОМИССАРИАТЫ

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Т. ССР
ТЮРЕМНЫЙ ОТДЕЛ
ТЮРЬМА
СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

„10" августа 1944 г.
№ 190
г. Казань

Форма № 21

ВИДОМ НА ЖИТЕЛЬСТВО СЛУЖИТЬ НЕ МОЖЕТ

СПРАВКА

Выдана гр. Королеву Сергею Павловичу „1906 год рождения, происходящему из г. Житомир обл. ____ р-на, дер. ____ осужденному судом „особым совещанием при НКВД СССР по делу № ____ от „10" VII 1940 г. по ст. ст. 17-58-7, 11 УК к 8 г. л/свободы, ранее судимому ____

в том, что он содержался под стражей с „28" VI 1938 г. „августа 1944 г. из Спецтюрьмы НКВД (тюрьма) из под стражи освобожден на основании решения заседания Президиума Верховного Совета СССР от 27/VII 44 г. Протокол 18. что и удостоверяется.

Начальник тюрьмы
Начальник канцелярии

Справка об освобождении из заключения, выданная СП. Королеву. Казань, 10 августа 1944 г.

Дом № 5 по улице Лядова, на пятом этаже которого с августа 1944 по август 1945 г. жил СП. Королев. Казань. Фотография В.А. Богомоловой. 2000 г.

перечисленных в письме специалистов со снятием с них судимости. Под номером «18» значилась фамилия отца.

Д.Д. Севрук вспоминал, что всех освобождаемых, кроме В.П. Глушко, который находился в командировке в Москве и узнал эту новость там, 9 августа 1944 г. привезли на автобусе в НКВД Татарской АССР. Республиканский нарком произнес речь, в которой не было извинений. Смысл ее состоял в том, что обида забудется, а опыт останется. После этого их вернули в спецтюрьму, пообещав вскоре предоставить жилье. Вначале речь шла об общежитии, но бывшие заключенные, насидевшиеся в многолюдье по тюрьмам и лагерям, потребовали для каждого отдельную комнату, а для тех, к кому приедет семья, - отдельную квартиру. В конце концов им выделили подъезд шестиэтажного дома № 5 по улице Лядова, в километре от места работы. Отец получил комнату в квартире № 100 на пятом этаже. Его соседом по квартире оказался инженер Н.С Шнякин.

В это же время произошли организационно-структурные изменения в КБ завода № 16. На базе двигательного КБ-2 и группы реактивных установок № 5 в системе НКАП было создано ОКБ специальных двигателей - ОКБ СД (в секретных документах его называли ОКБ ракетных двигателей - ОКБ РД). Главным конструктором назначили В.П. Глушко. Отец с августа 1944 по август 1945 г., до своего отъезда в Германию, являлся его заместителем. 10 августа 1944 г. он получил справку о том, что содержался под стражей с 28/VI 1938 г. по 10/VIII 1944 г. и теперь освобожден, но что видом на жительство эта справка служить не может. Зато в ней отмечен факт выдачи ему нового пас-

С.П. Королев. Первая фотография после освобождения. Казань, август 1944 г.

порта взамен конфискованного при аресте. Шесть долгих лет он был изгоем общества, ради которого жил и трудился, - без документов, без прав, без своего жилья, без семьи. И вдруг - освобождение, возвращение к нормальной человеческой жизни. Первое желание - поделиться, рассказать о своей новой жизни самым близким людям - жене и матери.

«21/VIII 44г. Казань

Милые, дорогие мои мама и Лялька. Собирался я на этих днях написать Вам письма о своем новом житии-бытии, но вижу, что общность темы настолько велика, что все равно не избежать повторений, и поэтому пишу Вам и всем друзьям это общее письмо.

Итак, после всех мытарств длительных и путешествий мы водворились наконец в городе Казани. Мне до сих пор кажется порою, что я где-то еще на половине пути, и в такие минуты невольно напрягаешь все силы, чтобы убедиться, что окружающее не сон.

Все пережитое, как глубокая борозда от плуга, прорезало душу и сознание, и хотя сейчас я относительно спокоен, память былого неотступно и настойчиво следует всюду за мной. Сейчас вспоминаю против своей воли даже многое, многое, что казалось прочно позабытым.

В такие минуты грущу понемногу в одиночестве, что бывает чаще всего. А должен сказать, что я буквально наслаждаюсь сейчас одиночеством своим. Прихожу, что-нибудь немудреное приготовлю себе на ужин, а затем ложусь на койку и незаметно от дум и мыслей перехожу ко сну. Хорошо! Ну да хватит рассуждений и лирики. Вас, наверное, дорогие мои, интересует так многое, что я наверняка не отвечу Вам в этом одном письме, даже если бы написал целых сто листов.

Представляю себе, как Вы все это переживали и пережили. Сколько невыносимых страданий перенесено. Сколько горьких дум и слез ушло за это время. Страшно оглянуться назад, да и не хочется вспоминать обо всем этом. И писать я о своих скитаниях не буду - пусть они все на этом окончатся и сгинут навсегда. Будем жить и стараться жить хорошо и еще лучше, и так несомненно и будет. Жду с нетерпением и волнением встречи с Вами, мои дорогие, и как только буду иметь эту возможность, то хоть на несколько дней прилечу к Вам. Реально это возможно будет, очевидно, в конце этого месяца или в самом начале будущего.

По-видимому, какое-то время - я думаю, надо считать от 3-х мес. (т.е. до января) и до 8 мес. (т.е. до мая максимум) - мне придется работать здесь, хотя по роду моих заданий на ближайшие месяцы мне очень часто, и видно подолгу, придется бывать у Вас. Это, конечно, будет очень неплохо.

Вообще же оставаться здесь я не собираюсь и думаю, что мне здесь просто и делать нечего. А сейчас я должен закончить начатую работу и все.

В ближайший свой приезд к Вам хочу всюду походить, все посмотреть, оглядеться хорошенько и договориться с кем надо о дальнейшем.

Таковы мои планы по работе.

Живу я сейчас в Соцгороде, который находится от города Казани примерно в 8-10 км и связан с ним трамваем. Сообщение очень неважное, т.к. трамвай буквально ежечасно портится, и тогда двухчасовое путешествие пешком обеспечено. Но на работу мне ходьбы 15 минут, а в городе я был всего 2-3 раза, так что это все не беда. А главное, ведь это пу-

стяки по сравнению с тем, что было пережито, пройдено и испытано. Вот эти соображения меня всегда очень сильно подбадривают, когда думаешь о таких или им подобных пустяках, как казанский трамвай.

Живу я с еще одним товарищем своим в очень хорошенькой двухкомнатной квартирке на V этаже (выбор мой, т.к. Вы же знаете, что я люблю жить высоко). У каждого из нас по комнате. У меня хорошая комната 22 $м^2$ с дверью на будущий балкон и 2 окнами, так что вся торцевая наружная стена остеклена. Много света и солнца, т.к. мое окно смотрит на юг и восток немного. Утром, с самого восхода и до полудня, даже больше, все залито ослепительным жарким солнцем. Я не ощущал раньше всей прелести того, что нас окружает, а сейчас я знаю цену и лучу солнца, и глотку свежего воздуха, и корке сухого хлеба.

Комната моя «шикарно» обставлена, а именно: кровать со всем необходимым, стол кухонный, покрытый простыней, 2 табурета, тумбочка и письменный стол, привезенный мною с работы. На окне моя посуда: 3 банки стеклянных и 2 бутылки, кружка и 1 чайная ложка. Вот и все мое имущество и хозяйство. Чувствую Ваши насмешливые улыбки, да и мне самому смешно. Но я не горюю. Не это ведь главное в жизни, и вообще все это пустяки. А кроме того, нас здесь просто замечательно встретили, и очень много людей сейчас хлопочет о нашем дальнейшем благополучии. Так, на нашем производстве для нас уже сделаны многие хозяйственные предметы, как например: ал. посуда, которую я терпеть не могу, т.к. все это время пользовался только ею; затем всякие плитки, тазы, бидоны и пр. Шьют нам занавески на окна и белье (у меня нет ни одной пары, и я пока обхожусь просто «так»!). Чувствую, что Вы в ужасе, но ейбогу, это же все пустяки, и я даже не замечаю всего этого. Так не волнуйтесь и давайте посмеемся вместе.

Кроме того, наши новые многочисленные друзья снабжают нас (или обещают снабдить) многим нужным барахлишком. Мне сегодня вечером обещали принести сковородку, чтобы я мог жарить картошку. На рынке я был в воскресенье, но ничего не купил, т.к. жаль зря тратить деньги на пустяки. Все в конце концов устроится само собой. А для полного устройства мало и сто тысяч иметь. Да и зачем оно мне здесь сейчас? Кстати, о моем устройстве: во-первых, я сейчас имею собственные финансы и прошу мне больше ничего не переводить: все переведенное я получил, очень благодарю, но в дальнейшем я буду вполне обеспечен и в самое ближайшее время смогу помочь Вам и делать это систематически.

Я очень бы хотел, чтобы Вы имели возможность приобрести нужные запасы на зиму. Напишите свои соображения об этом. Хорошо бы запастись маслом и медом. Масло у нас рублей 170-190 фунт и мед 250 р. к-грамм. Второй вопрос - это одежда и обувь. На днях переезжает в Москву семья моих больших и давних друзей, и с ними я передаю Ляльке отрез материи для платья, может быть (это нам подарок от начальства), и ботинки хорошие, американские. Если надо будет, то могу еще одни ботинки Вам прислать - армейские, но аккуратные вполне и хорошие. Костюмы нам и пальто будут шить в ближайшее время. Так что мне ничего не потребуется.

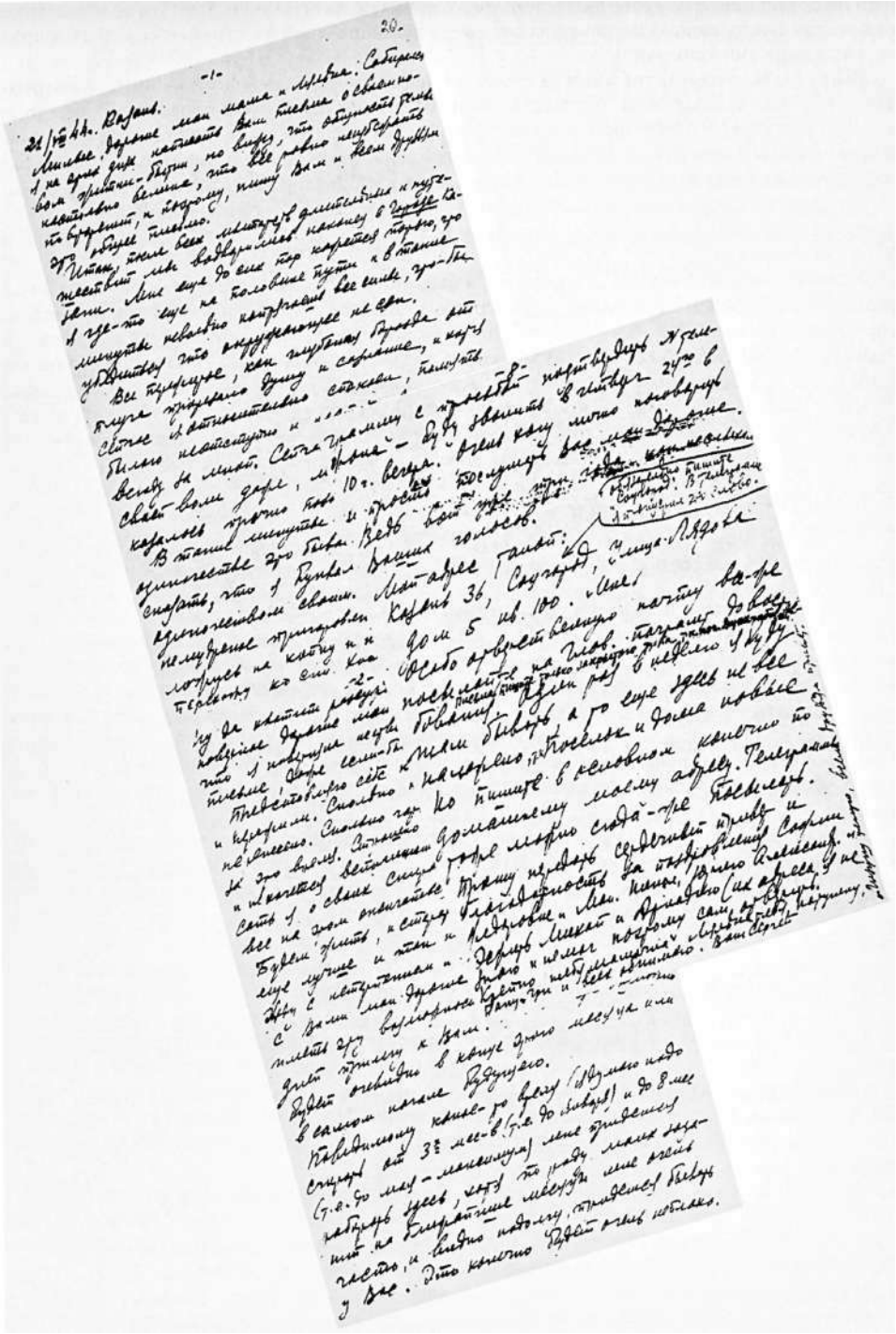
Как я уже говорил, на днях к Вам зайдет Евгения Ивановна*. Имейте в виду, что она лично и вся ее исключительно милая семья принимали меня как родного сына и в самые тяжелые минуты, и сейчас. Она Вам расскажет обо мне и моей жизни и передаст материю и ботинки, и возможно (если удастся) кое-что Наташке. Примите ее как самого близкого друга. Я очень бы хотел, чтобы в будущем не порывалось это хорошее знакомство.

Ну вот и все как будто о делах на сей раз. В воскресенье звонил Вам по телефону, но никто не ответил. Послал Вам телеграмму с просьбой подтвердить номер телефона - буду звонить в четверг 24-го, в 10 ч. вечера. Очень хочу лично поговорить и просто послушать Вас, мои дорогие. Ведь вот уже три года, как не слыхал Ваших голосов.

Мой адрес такой: Казань 36, Соцгород, улица Лядова, дом 5, кв. 100, мне. Обязательно пишите «Соцгород». В телеграмме я пропустил это слово. Особо ответственную почту все же посылайте на Глав. почтамт до востребования. Письма пишите только закрытого типа, т.к. поч. ящик общий. Один раз в неделю я буду там бывать, а то еще здесь не все

---

* Розенфельд. - *Н.К.*



Первое после освобождения письмо С.П. Королева матери и жене в Москву. Казань, 21 августа 1944 г.

налажено, т.к поселок и дома новые. Но пишите в основном, конечно, по домашнему моему адресу. Телеграммы тоже можно сюда же посылать. Прошу передать сердечный привет и благодарность за поздравления Софии Федоровне и Мак. Никол., Юрию Александр., Эсфири Михаил, и Аркадию* (их адреса я не знаю и не мог поэтому сам ответить). Крепко тебя, мамочка, Лялька, тебя, Наташку, папу Гри и всех обнимаю. Лизуху целую, всем друзьям привет. Ваш Сергей».

Это письмо - не только первая после обретения свободы весточка от отца, строки которой дышат оптимизмом и не лишены юмора, но и яркая иллюстрация отношения его к бытовой стороне жизни. Деньги, вещи, одежда, посуда - все это мелочи, пустяки, на которые не следует обращать внимание. Самым главным и дорогим являются время и возможность работать. В этом смысл жизни, а не в богатстве, удобствах, комфорте.

В одном письме, даже таком длинном, невозможно сказать все, что накопилось годами. Поэтому уже через два дня, 23 августа, отец пишет письмо маме.

«23. VIII. Конечно, не удалось мне дописать сразу мое послание, милая моя, родная Лялька, и я решил задержать его еще на день и черкнуть тебе отдельно несколько хотя бы строчек.

Очень жду и хочу встречи с тобой. Надо о так многом поговорить. Неужели же остались до этого только дни? Ласточка моя родная, - радуйся и жди своего Сережу! На сей раз это уже наше и только наше.

Я очень жалею, что Борис Моторин** не передал тебе мое письмо, мой личный ответ на твои письма. Пусть Юр. Ал. скажет, как ему позвонить (он работает рядом с больницей), и письмо ты у него возьми.

Вообще же, хотя оно и опоздало, но второй раз я не раскачаюсь на такое послание. Впрочем, скоро увидимся, моя хорошая, а больше ведь ничего и не нужно. Крепко тебя обнимаю, всегда твой Сергей».

В тот же день он написал письмо мне. Оно полно надежд на скорую встречу в Москве, встречу, о которой мы мечтали столько лет.

«23.VIII.44. Казань

Здравствуй, моя милая, родная, черноглазая Наташка! Крепко тебя обнимаю и целую и надеюсь, что уже скоро, в ближайшие дни тебя смогу увидеть в Москве.

Вот тогда мы с тобой походим по Москве, и ты мне должна будешь показать все новое и интересное.

Пока что можешь мне писать по адресу: Казань, 36 *и/о,* Соцгород, ул. Лядова, дом 5, кв. 100 - мне.

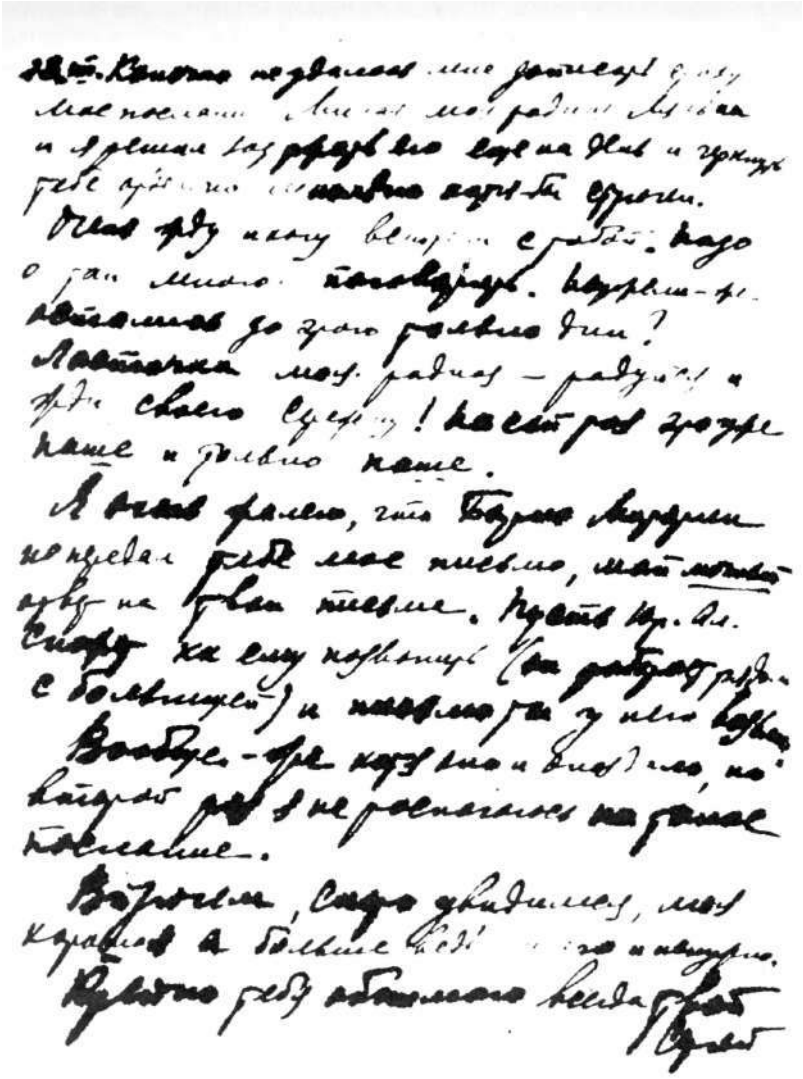
Очень хочу тебя повидать, моя родная хорошая девочка. До скорой встречи - Сергей».

Но бросить работу и уехать отец не мог. Кроме того, что это являлось невозможным по условиям военного времени, не в его характере было оставить незавершенным начатое дело. Библиотекарь заводоуправления Л.П. Палеева, к которой он часто заходил за книгами и необходимыми материалами, вспоминала, как поздравила его с освобождением и возможностью уехать в Москву, а он ответил, что война еще не кончена и, следовательно, права на это у него нет. Однажды, придя в библиотеку, отец застал ее расстроенной. На его

---

* Софья Федоровна и Максимилиан Николаевич - родители мамы, Юрий Александрович - Ю.А. Победоносцев, Эсфирь Михайловна - Э.М. Рачевская, Аркадий - ее брат. - ***Н.К.***

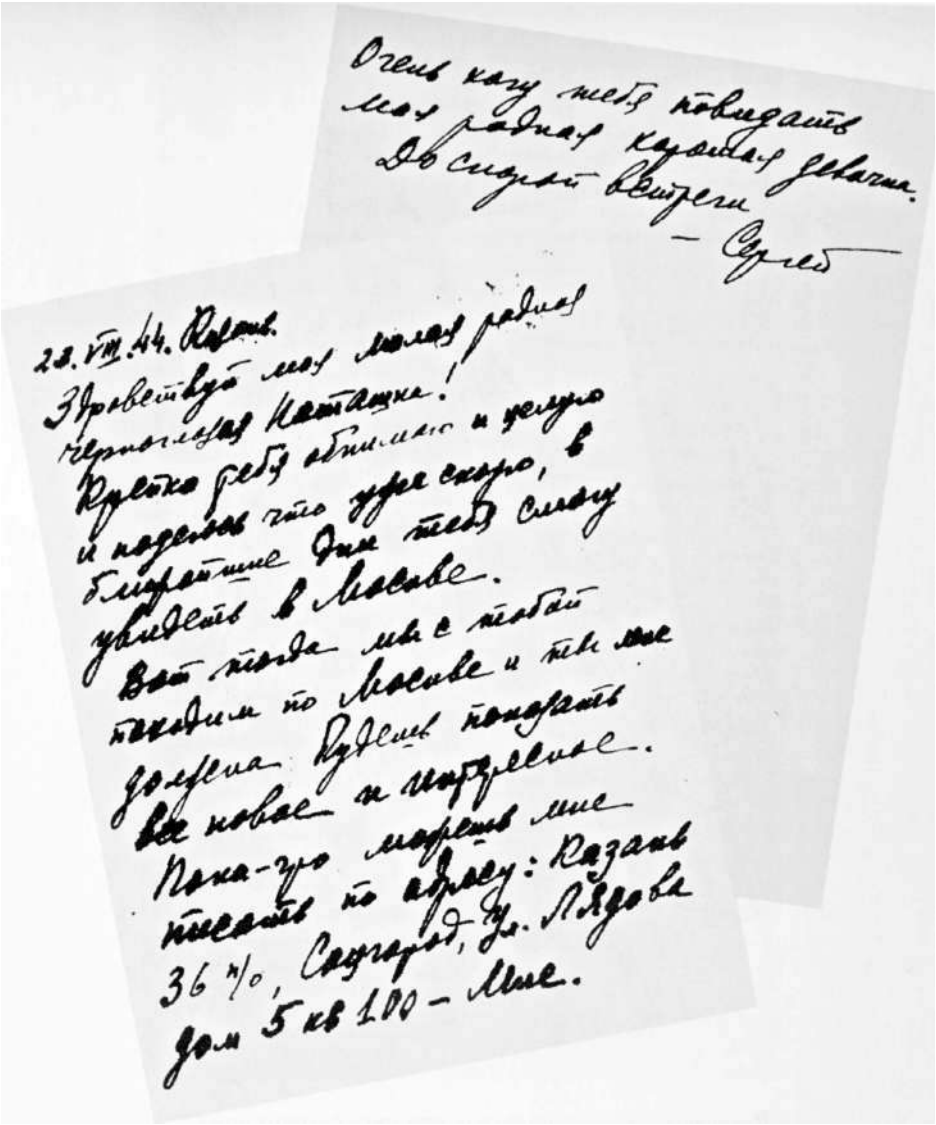
** О ком идет речь, не установлено. - *Н.К.*



Письмо С.П. Королева жене в Москву. Казань, 23 августа 1944 г.

вопрос она ответила, что плохо выглядит ее маленькая дочка, - ей не хватает сахара. На следующий день отец принес пакет сахара - свой месячный паек, уговорив взять его для ребенка, который в нем нуждался больше, чем взрослые. Л.П. Палеева написала об этом в письме бабушке, поблагодарив ее за такого отзывчивого сына.

Итак, самое важное для отца - дело. Оно даже более важно, чем свобода. И он продолжает работать с еще большей интенсивностью, но теперь уже и с планами на будущее. 30 сентября 1944 г. им написана докладная записка «К вопросу о работах бюро самолетных реактивных установок при ОКБ РД на заводе № 16». В ней подведены основные итоги работы возглавляемой им группы. Упомянуты и работы над реактивными торпедами с пороховыми и



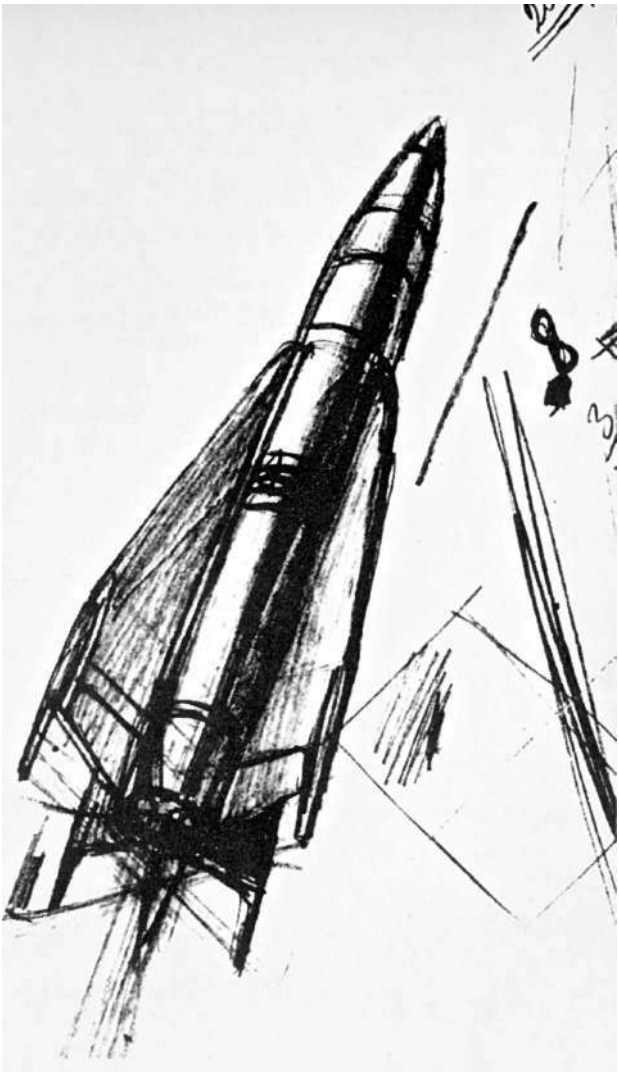
Очень хочу тебя повидать
моя родная красивая девочка.
До скорой встречи
— Сергей —

23.VIII.44. Казань.
Здравствуй моя милая родная
черноглазая Наташка!
Крепко тебя обнимаю и целую
и надеюсь что уже скоро, в
ближайшие дни тебя снову
увидеть в Москве.
Вот тогда мы с тобой
походим по Москве и тебе мне
расскажешь. Будешь показать
все новое и интересное.
Пока-что можешь мне
писать по адресу: Казань
36 п/о, Сидгород, ул. Лядова
дом 5 кв 100 — Мне.

Письмо С.П. Королева дочери в Москву. Казань, 23 августа 1944 г.

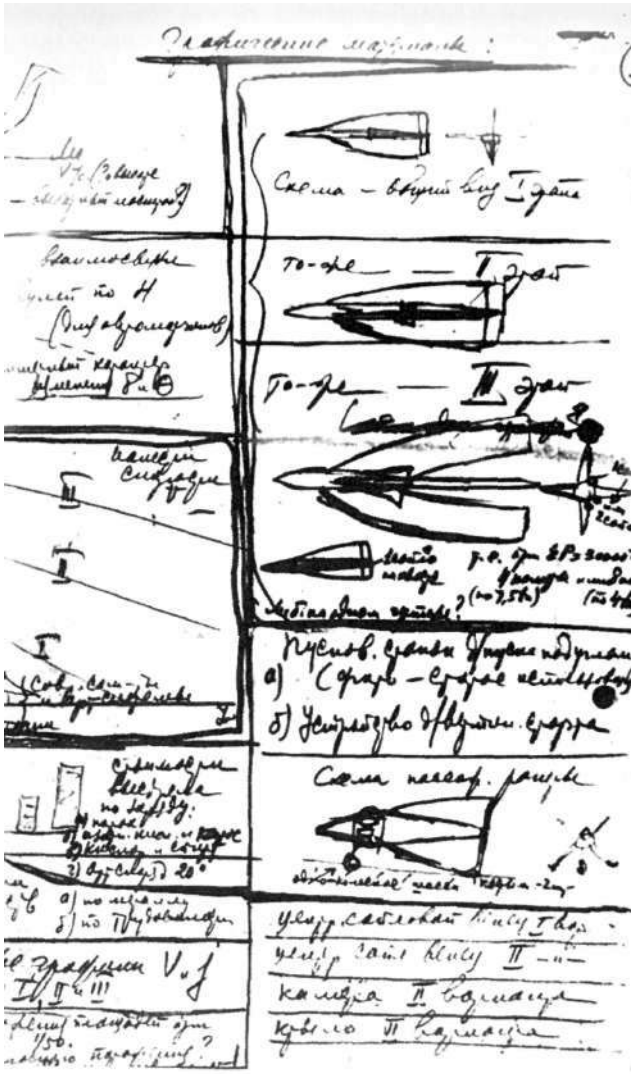
жидкостными двигателями, которые проводились под руководством отца еще в РНИИ-НИИ-3 в 1933-1938 гг. Сделано это не случайно. Перечисляя выполненные работы, отец явно стремился подчеркнуть их значимость. В записке отмечен и значительный практический опыт, приобретенный специалистами его группы. Все это дало основание поставить перед руководством вопрос о создании конструкторского бюро по ракетостроению на базе возглавляемого им коллектива.

Реорганизовать группу в самостоятельное КБ - эта мысль отца только на первый взгляд кажется дерзкой. Он хочет и может работать, знает, что и как нужно делать, важно, чтобы ему предоставили такую возможность и - главное - не мешали. Еще более полно предложения отца выражены в его письме



Черновые наброски облика ракетных конструкций, выполненные С.П. Королевым. Казань, 1944 г.

заместителю наркома авиационной промышленности П.В. Дементьеву, датированном 14 октября 1944 г. В нем предлагается развернуть работу по ракетам дальнего действия непосредственно в Казани, для чего следует реорганизовать группу инженера С П. Королева с 1 ноября 1944 г. в Спецбюро. Подготовлен и кадровый состав предлагаемого Спецбюро, включающий не только специалистов авиазаводов № 16 и № 22, но и сотрудников, работавших ранее по ракетной технике в РНИИ-НИИ-3, которых необходимо перевести из других организаций. В их числе Б.В. Раушенбах, А.И. Полярный, М.П. Дрязгов. Голова отца полна планов на будущее. Он свободен - значит, эти планы реальны и рано или поздно воплотятся в жизнь. Но пока все очень неопределенно, и он делится своими чувствами с мамой:



«22/X. Милая, родная моя девочка, мой любимый и нежный друг! Тяжело у меня на сердце сегодня и вдруг так ясно вспомнились мне прежние счастливые дни нашей жизни. Обычно так и бывает, когда после большой и напряженной работы, когда ум занят трудом, а сердце молчит, - вдруг наступает затишье, и сразу масса мыслей и воспоминаний нахлынут сплошной волной. Не сказать и не передать на бумаге всего, что чувствуешь, и только горячая личная встреча может дать разрядку.

Помнишь ли ты все так же своего друга или начала ржаветь наша старая дружба и приходит конец всему?

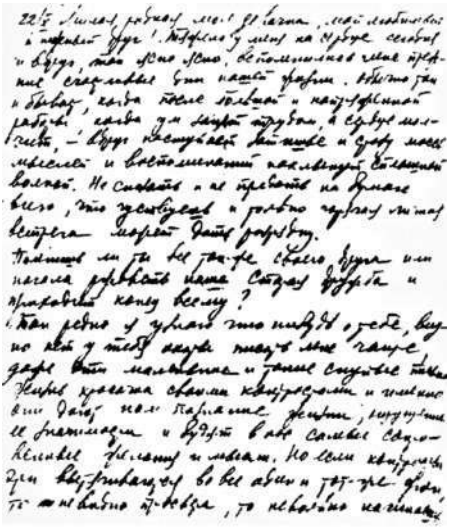
Так редко я узнаю что-нибудь о тебе, видно, нет у тебя охоты писать мне чаще, даже эти маленькие и такие скупые письма. Жизнь красочна своими контрастами, и именно они дают нам познание жизни, ощущение ее значимости и будят в нас самые сокровенные желания и мысли. Но если контрасты эти вытягиваются во все один и тот же фон, что не видно просвета, то невольно начинаешь думать о том, стоит ли вообще жить так. А поделиться, поговорить не с кем, нет такого близкого друга, который бы выслушал, а главное, понял бы тебя, и с которым бы ты отдохнул, как это бывало раньше у нас с тобою.

Сейчас тяжелое время и не время жаловаться, тысячи людей разлучаются и, быть может, навсегда - все это я понимаю и этим я живу вместе со всеми, но ведь не все уложишь в рамки, в установленный порядок и не прикажешь сердцу замолчать.

Так лелеял я надежду на скорую встречу с тобой и с мамой, но так же нам не везет и который уже раз. Вот и сейчас все у нас тут неожиданно закончилось, и я сижу и не знаю, что и как дальше будет. Я надеялся, что когда закончу эту работу, то смогу Вас повидать, но сейчас все опять изменилось. Куда направят, я не знаю, не исключена возможность, что останемся и здесь, только на другой работе, и значит - все с начала. Но сейчас меня с работы не отпустят, я в этом уверен. Может быть, Вы сможете что-либо сделать через Мих. Мих. или Валю*; это было бы очень важно, если бы удалось до наступления праздников. Но откровенно говоря, надежды у меня не осталось никакой и не стоит об этом говорить.

Я очень бы хотел знать о тебе и твоей жизни хоть немного больше, но только при одном условии, что и ты этого хочешь и не будешь себя принуждать.

Будьте же здоровы и благополучны, все мои родные и хорошие. Тебе желаю всяческой удачи в жизни и в работе. Крепко жму твою руку. Сергей. От Глеба** привет».



Письмо С.П. Королева жене в Москву. Казань, 22 октября 1944 г.

---

* М.М. Громов и В.С. Гризодубова. - *Н.К.*

**Кто это, не установлено. - *Н.К.*

Предложения отца об организации работ по ракетам дальнего действия не были поддержаны ни тогда, ни после его повторного обращения к руководству 30 июня 1945 г. До весны 1946 г., когда это произошло, было еще далеко.

В конце ноября 1944 г. отцу все-таки удалось ненадолго прилететь в Москву. Самолет приземлился на подмосковном аэродроме, и около часа дня отец приехал на Октябрьскую. Я была дома одна и, конечно, сразу узнала его. Прошло много лет, но я хорошо помню, как он крепко прижимал меня к себе, словно желая еще и еще раз убедиться, что это не сон. Я позвонила на работу маме и бабушке. Мария Николаевна вспоминала, что она расплакалась от радости и побежала к парторгу с просьбой отпустить ее домой. Та думала, что сын пришел с фронта, - на работе никто не знал, что он был арестован, - и вместе с ней пошла к директору. К большому удивлению обеих женщин, директор не проявил немедленной готовности пойти навстречу и дал разрешение уйти раньше положенного времени лишь после длительных уговоров. Невозможно описать радость матери при встрече с сыном после стольких лет разлуки.

Мама вернулась домой около четырех часов дня. Когда я звонила в больницу, она находилась в операционной и ей передали, что приехал муж. По ее словам, у нее, наверное, впервые в жизни задрожали руки, но бросить больного, не закончив операцию, она не могла. А ночью, когда мамины родители, Лиза и я спали, Мария Николаевна, Григорий Михайлович и мама слушали рассказ отца о пережитом. Он рассказывал о допросах и судах, о тюрьмах и лагере на Колыме, о «Туполевской шараге», Омске и Казани. Рассказывал до шести утра и закончил тем, что не хотел бы больше никогда говорить об этом и будет стараться забыть эти годы как страшный сон. Мама и бабушка через много лет вспоминали, что были потрясены услышанным и пообещали ему не напоминать о том тяжелом времени. Потом мои родители поехали на Конюшковскую, а отец через несколько дней снова уехал в Казань. Эта встреча пролетела как одно мгновенье и оставила глубокий след в душе мамы и отца. Она стала словно глотком свежего воздуха, так необходимым им обоим. Под ее впечатлением отец прислал маме письмо.

«2.12.44 г. Казань, 5 ч. утра

Милая моя Лялька, тобою обещанного письма № 2 все еще нет, и я решил воспользоваться предоставившейся возможностью написать тебе сейчас, хотя ты, вероятно, очень бы посмеялась, если бы посмотрела, как и в каких условиях у меня все это происходит. Действительно, наша московская встреча пролетела как-то особенно быстро и много недоговоренного и, может быть, недопонятого осталось у каждого из нас. Я чувствовал, что ты как-то по-новому присматриваешься ко мне и даже, пожалуй, держишься на некотором расстоянии. Особенно это было заметно в первые дни и в наш «первый день», когда ты вдруг стала такой боязливой, и этот штрих глубоко запал у меня в памяти.

Я же за эти годы стал незаметно для себя одиночкой и большим любителем одиночества. Все, что вижу, чувствую, - все со мной остается на некоторое время, иногда очень надолго, передумывается внутри много раз и перечувствуется, а внешне - как будто прошло бесследно.

Но московские наши встречи с тобою я вспоминаю с большой теплотой и нежностью. Как будто бы мотив только что слышанной чудесной музыки все еще звучит в ушах; как будто неясные облики картины, написанной тонкими красками, как пастелью, стоят перед моими глазами. Я отчетливо чувствую и знаю, что нет у меня и не найти мне друга и подругу ближе, дороже и нежнее, чем ты. Но когда мы были вместе, слова как-то не шли с губ, а в душе было величайшее смятение чувств.

Ты проявила в эти минуты хорошее, нужное для меня дружеское невнимание ко мне, и у меня была возможность успокоиться, подумать и оглядеться. Большое тебе за это спасибо. Я хочу и дальше, чтобы никто из нас не «давил морально» на другого, - так лучше, когда сам все поймешь, почувствуешь и знаешь, что рядом друг и верный друг, хотя он и

молчит, и держится в стороне. Но как я это оценил - если бы ты только знала! Ты права, мы оба стали лучше и мы оба стали более вдумчиво и бережно относиться к людям и к себе. Я прилагаю все усилия к тому, чтобы попасть наконец на более долгий период в Москву, чтобы подольше и поближе быть с тобой - так у меня сейчас и в голове и в сердце сложилось, и без разлада на сей раз. Но совместная жизнь, как например, было у нас в этот мой приезд, - она очень пугает меня. Я привык много быть один. И вот теперь, поздно ночью приходя с работы, я запираю дверь и начинаю «жить один». Это, несомненно, сейчас самые лучшие часы в моей жизни. Они наполнены большим для меня содержанием, пролетают незаметно, и здесь многое, если не все, - и мое, и твое, и работа моя - приобретают форму и осознаются. Может быть, это изменится, как говорят в таких случаях в обиходе, - пройдет, а может быть, и не нужно ему проходить, и нам с тобой это не помешает. Не знаю, поняла ли ты из этих неясных на бумаге и скомканных рассуждений все, что мне так хотелось бы тебе передать. Но только это не значит (и не пойми так), что я не хочу быть с тобой или хочу быть с кем-то другим, - одним словом, это глупости. Другие люди около меня есть - они друзья и кое для кого, м.б., я представляю «интерес» в жизни в хорошем смысле этого весьма разнообразно толкуемого слова - понятно? Но ты и я - вот наша и моя жизнь в этом, либо пусть я останусь один совсем.

Повторяю - так хорошо, именно тепло думать о тебе, а все другое - это не то, оно хуже, бледнее и проще, и обязательно грубее.

Я чувствую - ты иногда нервничаешь, и потом - ведь Господь Бог создал тебя хотя очень умной, сильной - но ведь женщиной! Не улыбайся, мне так это понятно, что тебе иногда не хватает внимания и ласки от меня, а я молчу, а кто-то тебя спрашивает в это время, как говорится, не вовремя, обо мне, моих письмах - и тебе обидно и непонятно.

Но тут, пожалуй, сейчас ничего и не сделаешь, т. к., видно, у меня не получится это общеизвестное в жизни людей «внимание» к тебе, как к жене и другу, не умею я так как все. Так будь спокойна, хорошая моя, - все лучшее, что только я имею, все направлено к тебе и для тебя, хотя иногда не сразу дойдет и тяжело бывает из-за этого.

Написал тебе необычно много, а вот чувствую, что хотя и хотел сказать что-то очень хорошее, так оно и осталось недоговоренным и на сей раз. Дорого бы дал я сейчас, чтобы ты была здесь. Вообще - нехорошо и для меня очень трудно, что эти первые месяцы ты не со мной. Может быть, это даже наша некоторая ошибка. Правда, мы все ждем, что я приеду, - это верно, но это затягивается, и это плохо, очень плохо для нас обоих. Вчера ночью мы с Валентином* говорили о тебе - он хорошо очень о тебе сказал, это правда все, но жалко, что так много километров нас разделяют. По моим теперешним понятиям, было бы достаточно расстояния в 2-3 улицы всего лишь. Как хорошо было бы! Чувствую твое недоумение - но это у меня, как я говорил уже тебе, соответствует моим теперешним взглядам. А как будет лучше - ведь жизнь сама найдет свои настоящие пути.

Котика нашего вспоминаю так часто, как только, вероятно, это можно такому странному и занятому субъекту вроде меня. Ее большая карточка стоит на столе моем. Ее песенка (написанная ею для меня) лежит у меня под руками - я выучил ее наизусть постепенно. К сожалению, уже 7 часов и самолет сейчас уходит. Мне очень хочется многое еще тебе сказать и хотелось бы написать Наташке и немного о себе рассказать, но времени уже нет. Напишу о себе и своей жизни отдельно и обещаю на этих же днях.

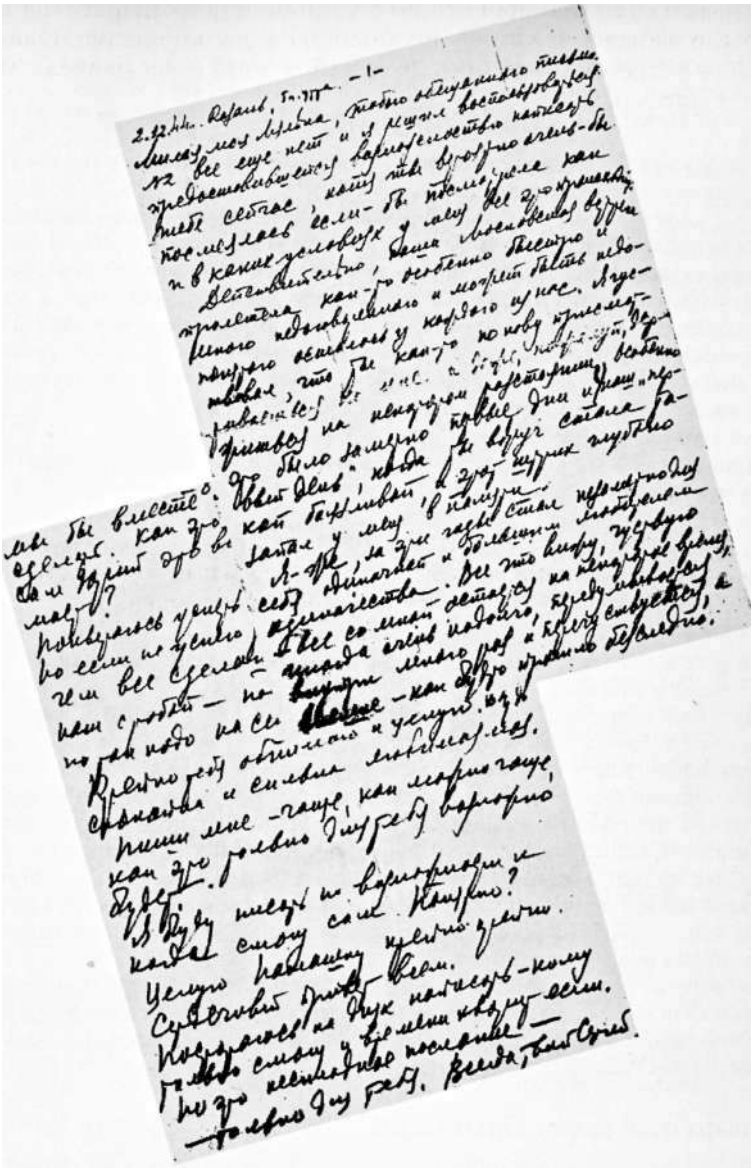
Работа моя идет успешно, хотя очень трудно мне: мало времени и приходится идти в совершенно новой для меня области, хотя я и давно работаю в этом деле. Но задачи громадные и высоты, на которые надо взобраться, так велики, что наши Большие предшественники и учителя - они могли только мечтать о том, над чем практически уже мы начали сейчас работу. Плохо, если не дадут мне возможность все это осуществить. Тогда все, абсолютно все придется ломать. Не знаю, хватит ли сил для этого.

Мечтаю попасть к Юрию** в его будущее хозяйство, а дальше, несомненно, мы бы вместе много смогли сделать. Как это все получится и как сам Юрий это все оценивает и понимает?

---

* Валентин Петрович Глушко. - *Н.К.*

**Юрий Александрович Победоносцев. В декабре 1944 г. он возглавил филиал № 2 НИИ-3, куда была переведена вся тематика института по твердотопливным реактивным снарядам. Там С.П. Королев надеялся осуществить свои проекты ракет дальнего действия, предварительно проработанных им в Казани. - *Прим. ред.*



Письмо С.П. Королева жене в Москву. Казань, 2 декабря 1944 г.

Попытаюсь успеть с набросками к 15/XII. Но если не успею, то не приеду раньше, чем все сделаю. Так что Новый год наш с тобой - под вопросом: не грусти, но так надо на сей раз.

Крепко тебя обнимаю и целую. Будь спокойна и сильна, любимая моя. Пиши мне чаще, как можно чаще, как это только для тебя возможно будет. Я буду писать по возможности и когда смогу сам. Понятно? Целую Наташку крепко, крепко. Сердечный привет всем. Постараюсь на днях написать - кому только смогу и времени хватит если. Но это нескладное послание - только для тебя. Всегда твой Сергей».

Приближался Новый 1945 год. И опять отцу пришлось встречать его вдалеке от семьи. Но тот новогодний праздник отличался от шести преды-

дущих тем, что отец отмечал его не в тюрьме или в «шараге», а на свободе. Это было забытое и потому необыкновенное ощущение. Однако мысли его были устремлены домой. 26 декабря 1944 г. он написал мне предновогоднее письмо.

«Наташке.

26.12.44. Мой дорогой черноглазый плутишка! Поздравляю тебя с Новым Годом и желаю тебе здоровья и успехов в школе.

Я очень был рад узнать, что ты уже поправилась и теперь собираешься побывать на елке в Колонном зале Дома Союзов и вместе со всеми встречать Новый Год. После праздников ты мне обязательно напиши подробно - весело и хорошо ли тебе было на елке. Мне придется встречать Новый Год здесь, в Казани, и приеду я к Вам только в январе м-це. А мне очень хотелось бы вместе с тобой выпить рюмочку винца (так, чтобы мама и бабушка Соня не видели!). Придется, видно, это сделать нам в другой раз. Я теперь тоже занимаюсь английским языком, и мне мой учитель обещал поставить пятерку. А почему ты получила четыре? Вот я приеду, и мы с тобой будем разговаривать по-английски.

Крепко тебя целую. Твой Сергей.

P.S. Пришли мне какую нибудь хорошую песенку. Я уже выучил наизусть ту песенку, что ты для меня переписывала. СП.».

Получив письмо отца, я 13 января 1945 г. написала ему ответ и приложила свои рисунки.

«13/1 1945 г.

Мой дорогой и любимый папочка. Поздравляю тебя с днем твоего рождения, желаю здоровья, счастья и скорейшего возвращения домой.

Новый Год я встречала со всеми вместе и легла спать только в пять часов утра. Я была на елке в Доме Союзов, но, к сожалению, утренник был для малышей и мне не очень понравилось. Мы устраивали елку для детей. Я позвала девочек из моего класса. Всем очень понравилось. У нас елка большая, пушистая, красивая. Во второй четверти я была круглой отличницей и получила билет в ЦДКА на елку, и мне очень понравилось. Папочка! Приезжай скорее, мы тебя очень ждем. Я уже неплохо катаюсь на лыжах, но все же иногда падаю. Во время каникул я была с мамой в Большом театре на «Спящей красавице». Этот балет мне очень понравился. Была я и в цирке на елке, видела черную пантеру и леопардов. Смотрела картину «Жила-была девочка» и два раза плакала во время нее.

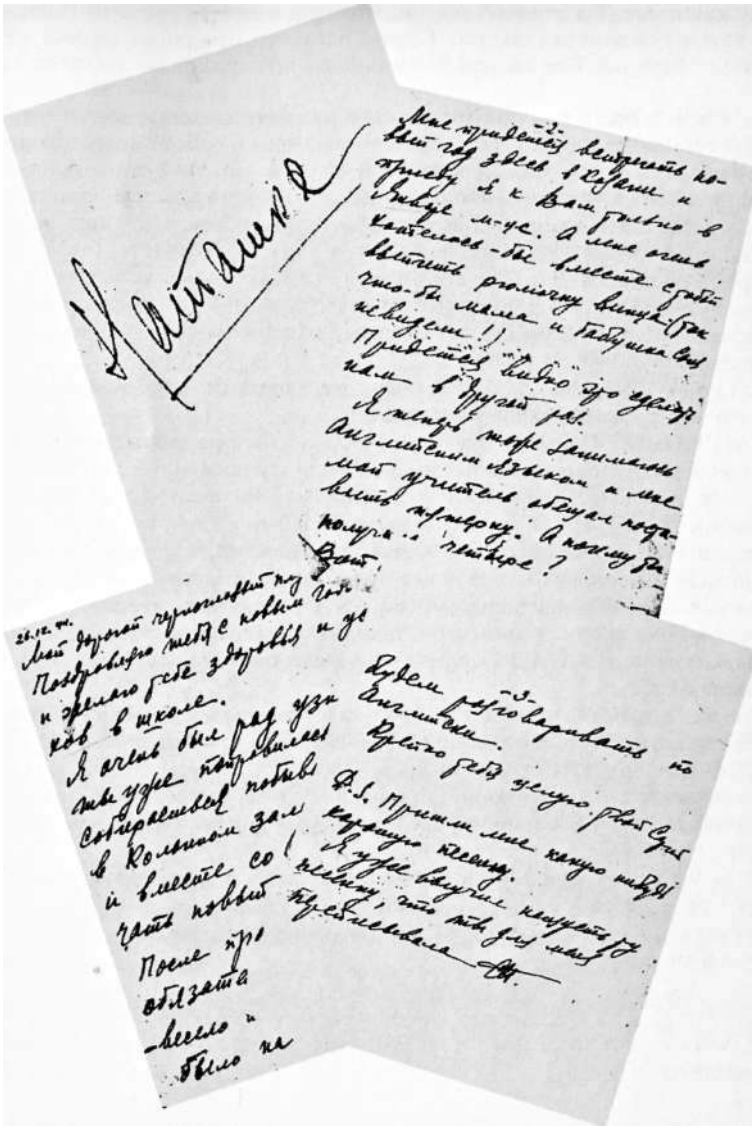
У тебя, дорогой папочка, родился внук на четырех лапках - белый, пушистый, с маленьким хвостиком. Он уже начинает ходить и у него открылись глазки. А кто это - угадай! До свидания, дорогой папочка. Целую тебя крепко, крепко, мой дорогой, любимый. Твоя дочь Наталья (Кис Морданыч Рыженький)».

19 января отец пишет письмо маме.

«19.1.45.

Моя дорогая и хорошая девочка, получил твое последнее письмо и должен сказать, что оно крайне поразило и огорчило меня своим грустным и даже безнадежным тоном. После довольно невеселого в связи со всем этим раздумья я, поскольку ты сама говоришь «пока еще твой самый близкий друг», решил на правах твоего друга также откровенно поделиться с тобой своими мыслями.

Я так же, как и ты, моя родная Лялька, остро ощущаю одиночество и пустоту своей одинокой жизни. Внешне моя жизнь идет так: 15-18 часов на работе (причем ни одной минуты свободной), а остальное - хождение в мой Соцгород и затем - после несложных хозяйственных забот - сон до следующего такого же дня. Дома у меня очень неплохая обстановка, но я один, совершенно ведь один! Ты имеешь Наташку и Старичков, а я никого здесь не имею. Больше того, из моих знакомых и друзей, и особенно женщин (подчеркиваю это!) нет ни одной, к которой я был бы в какой-то мере (самой ничтожной) привязан или с которой я был бы как-то связан, кроме работы или чисто внешних дружеских отно-



Письмо СП. Королева дочери в Москву. Казань, 26 декабря 1944 г.

шений. Смешно, конечно, об этом говорить тебе сейчас, так как ты очень верно передала в своих письмах, что, несомненно, мы оба стали лучше, спокойнее, и нас обоих тянет к Большой семье - нашей семье. За все эти годы я не видел человека, с которым я мог бы только сравнить тебя на твоем месте в моей жизни. Чего же ты еще хочешь большего, мой дорогой, усталый и потому несправедливый друг?

А что касается этих невыносимых для нас обоих месяцев, то отчасти в этом мы оба сами виноваты, затем - они не зря идут, эти месяцы, и, несомненно, скоро им наступит конец, и будут хорошие результаты. Я не жалею сил и времени для того, чтобы сократить мое пребывание здесь, но мое задание оказалось труднее, чем я думал, а кроме того, я не могу и не имею права бросить коллектив, в котором я столько работал и в котором еще осталось так много неудовлетворенных надежд и стремлений людей к жизни. Я хотел бы, чтобы это сознание - сознание долга и чести (именно чести) - было тебе таким

же близким, как и мне. Ты отлично знаешь, что труд является для меня основной частицей жизни. Раньше он заменял мне все. Теперь, оставаясь основным, он сочетается с личным - это ты и Наташка. Как видишь, я изменился, но неужели же ты этого сама не понимаешь.

Работа моя нелегка, и мне приходится выдерживать зачастую много ударов. Я считаю, что ты стоишь к моей работе и к интересам моим в работе недостаточно близко. Но это поправимо, если мы будем вместе, при условии, что ты будешь понимать разницу между работой моей и просто чиновника-инженера или инженера-практика, эксплуатационника и т.д. Я это говорю не из гордости и зазнайства, а для пользы дела. А название этому делу - жизнь! Жизнь моя, и я хотел бы, чтобы отчасти и твоя. Твою работу и твой труд я очень уважаю. Я не хочу и никогда (в последнее время особенно) не думал, что ради меня ты должна бросить свою работу и жить моей работой. Нет. Но ты должна понимать порою незримые пути и связи, по которым течет моя настоящая внутренняя жизнь.

Я тебя глубоко, серьезно люблю и очень хочу быть с тобой, мой друг. Но я хочу, чтобы мелочи не заслоняли главного и основного.

Я не хочу больше, чтобы у тебя были сомнения, боязнь и даже устремление «привыкнуть к одиночеству и крушению своих мечтаний и иллюзий!» Если бы ты знала, как сильно твое это письмо выбило меня из колеи моей жизни, и так весьма обильно усыпанной всякими препятствиями. Я не хочу больше слышать упреки в том, что я игнорирую твои вопросы и не разделяю твоих огорчений и трудностей. Я хочу, чтобы ты была спокойной и сильной. Вместе мы - сила, но не будем подводить друг друга. Будь же спокойна, хорошая моя. Остались дни до нашей встречи. Гони прочь сомнения, грусть и не уступай трудностям. Гони прочь людишек, болтающих о нас с тобою глупости, вроде той, что ты мне однажды написала (НИИ-1). Крепко и горячо тебя обнимаю, мой друг. Пиши мне чаще и больше о себе.

Напиши, как с твоим отпуском. Как твои материальные дела. Надеюсь на днях снова кое-что тебе выслать. Получила ли ты деньги к Новому Году, мои письма, пальто для Маканчика?* Всем мой привет. Сергей.

Мне можешь звонить по телефону: Промрайон, 14-63, но предварительно уведоми меня телеграммой по моему домашнему адресу о числе и часе вызова. Лучше всего 7 ч. утра или 6^{30} ч. утра в любой день.

Сейчас заканчиваю. Пишу это послание на рассвете, но надо идти - меня вызывают. Целую тебя. Твой Сергей.

P.S. Карточки (обе) довольно страшные, но «пока» нет иных. Пришли мне свою - хорошую и большую».

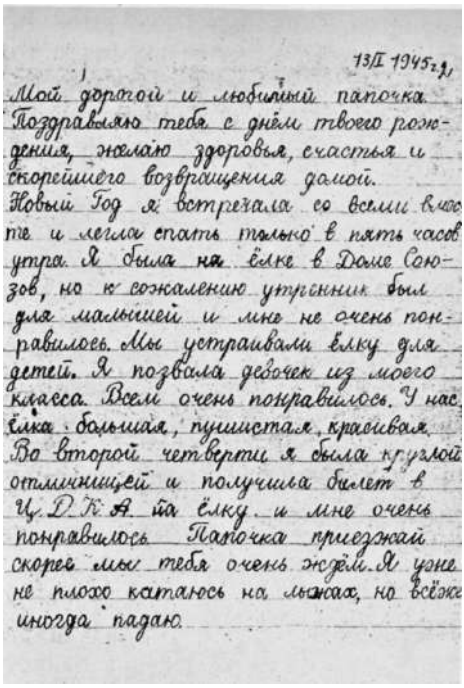
На одной из фотографий отец написал: «Без сожаления об ушедшем 1944 годе. СП.». Позднее мы получили еще две фотографии, на которых он снят у самолета «Пе-2РД». На одной из них - надпись: «Сергей - Ксане. 7-III/1945 г.».

В начале 1945 г. отец вчерне закончил статью «Опыт применения жидкостного ракетного двигателя для полета человека (РП-1)». В ней представлены краткое техническое описание опытного ракетоплана «РП-318-1», включая конструкцию летательного аппарата и двигательной установки, а также результаты испытаний ракетного двигателя. Несмотря на большую загруженность текущей работой, его по-прежнему не оставляла мысль о полете человека в заатмосферные дали.

26 апреля 1945 г. заместитель наркома авиационной промышленности П.В. Дементьев подписал приказ о назначении В.П. Глушко заведующим кафедрой «Реактивные двигатели» Казанского авиационного института, а преподавателями по совместительству - инженеров СП. Королева и Д.Д. Севрука.

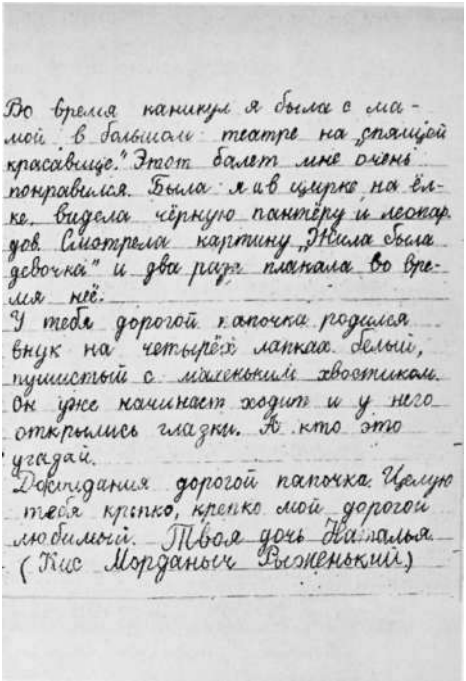
---

* Максимилиан Николаевич Винцентини. - *Н.К.*

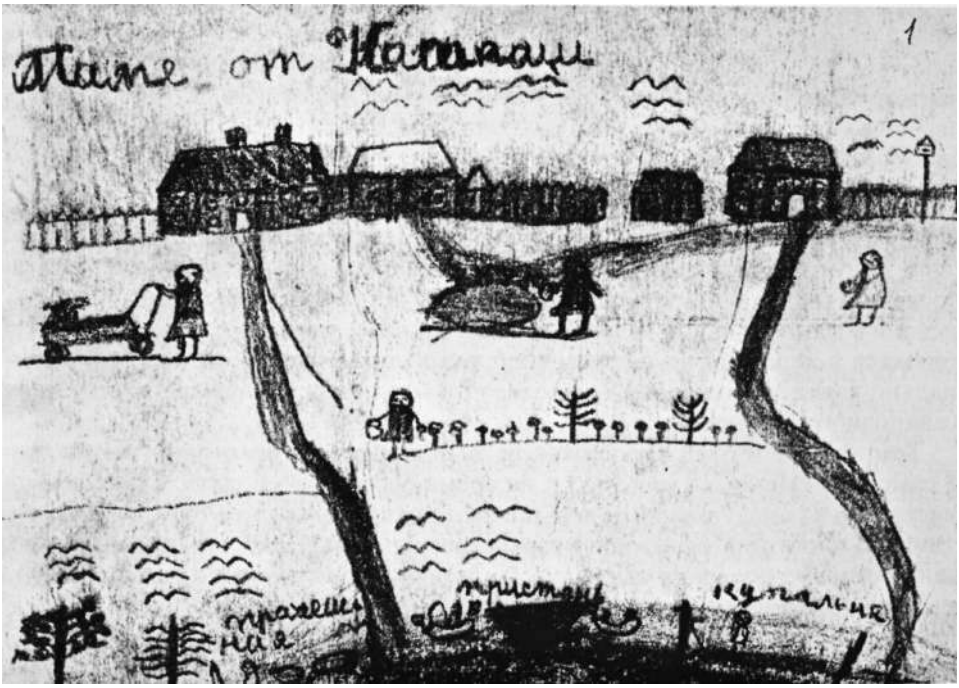


13/I 1945 г.

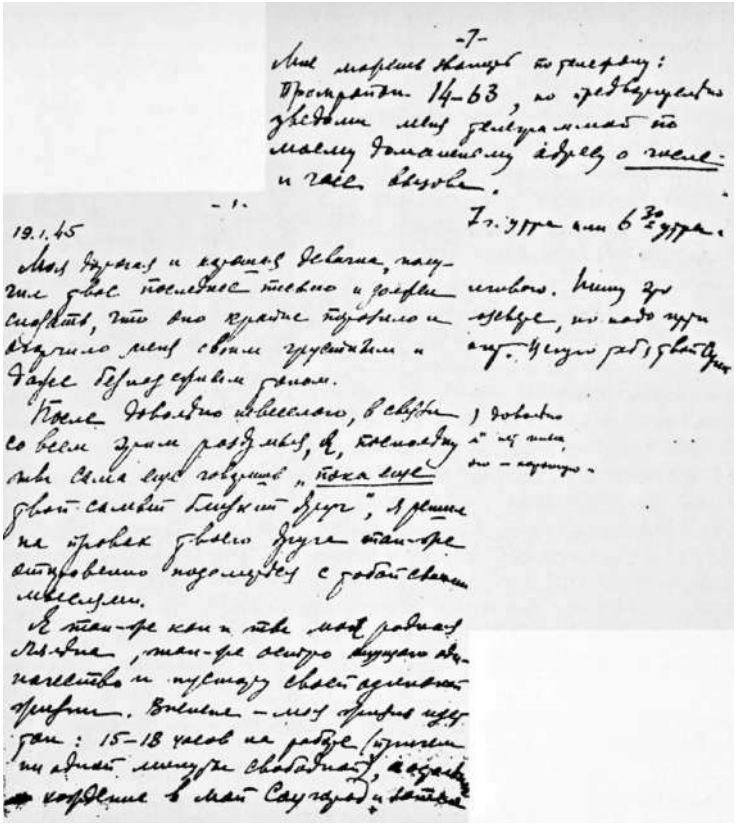
Мой дорогой и любимый папочка.
Поздравляю тебя с днём твоего рождения, желаю здоровья, счастья и скорейшего возвращения домой.
Новый Год я встречала со всеми вместе и легла спать только в пять часов утра. Я была на ёлке в Доме Союзов, но к сожалению утренник был для малышей и мне не очень понравилось. Мы устраивали ёлку для детей. Я позвала девочек из моего класса. Всем очень понравилось. У нас ёлка большая, пушистая, красивая.
Во второй четверти я была круглой отличницей и получила билет в Ц.Д.К.А. на ёлку и мне очень понравилось. Папочка приезжай скорее мы тебя очень ждём. Я уже не плохо катаюсь на лыжах, но всё же иногда падаю.



Во время каникул я была с мамой в Большом театре на „Спящей красавице." Этот балет мне очень понравился. Была я и в цирке на ёлке, видела чёрную пантёру и леопардов. Смотрела картину „Жила была девочка" и два раза плакала во время неё.
У тебя дорогой папочка родился внук на четырёх лапках. Белый, пушистый с маленьким хвостиком. Он уже начинает ходить и у него открылись глазки. А кто это угадай.
До свидания дорогой папочка. Целую тебя крепко, крепко мой дорогой любимый. Твоя дочь Наталья.
(Кис Морданьич Рыженький)



Письмо Наташи Королевой отцу в Казань. Москва, 13 января 1945 г.



Письмо С/П. Королева жене в Москву. Казань, 19 января 1945 г.

Вернуться в Москву пока не удавалось, и известие о победе над Германией застало отца там же, в Казани. Я же очень хорошо помню День Победы - 9 мая 1945 г., когда, наверное, все, кто мог передвигаться, вышли на улицы Москвы и направились к Красной площади. В огромной массе людей оказались и я с мамой и двумя дедушками. Незнакомые люди со слезами на глазах обнимали и целовали друг друга, подбрасывали в воздух военных. Мама специально взяла меня с собой - хотела, чтобы я навсегда запомнила этот день всенародного ликования.

Тем временем отец продолжал летные испытания реактивной установки на самолете «Пе-2». 12 мая 1945 г. во время очередного полета, в котором он участвовал как ведущий инженер, при включении на высоте 7000 метров реактивного двигателя произошел взрыв, разрушивший двигатель и повредивший хвостовое оперение самолета. Летчик А.Г. Васильченко приказал отцу прыгать с парашютом, но тот отказался - хотел установить причину аварии. Пилоту удалось благополучно посадить самолет, однако у отца было обожжено лицо, опалены веки и брови и, самое главное, пострадали глаза, была даже опасность потери зрения. Его сосед по казанской квартире Н.С Шнякин вспоминал, как, выбравшись из самолета, отец сказал ему, что почти ничего не видит. Они вместе поехали в глазную клинику, где врачи установили ожог слизистой оболочки глаз, сделали соответствующую обработку и на пять дней наложили повязку. При повторном осмотре оказалось, что, к счастью, зрение

не потеряно. Через некоторое время отец возобновил участие в полетах. Приказом заместителя наркома авиационной промышленности А.С. Яковлева от 29 июня 1945 г. «за проявленную дисциплину и находчивость в сложных условиях при летных испытаниях экспериментальных установок на самолетах Ла-7, Як-3, Пе-2 и Су-6» объявлялась благодарность группе летчиков и инженеру-испытателю С.П. Королеву с премированием каждого двухмесячным окладом.

СП. Королев. Казань, декабрь 1944 г.

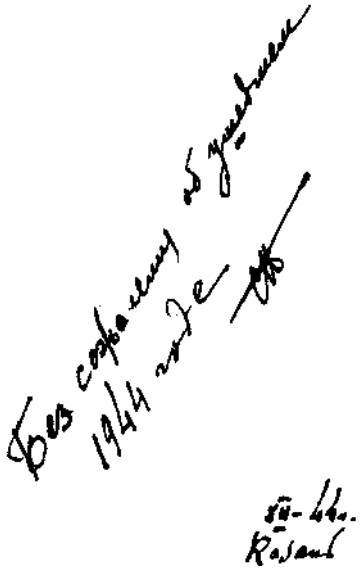
Об этом периоде вспоминал в январе 1957 г. В.П. Глушко в докладе на торжественном заседании Ученого совета НИИ-88, посвященном 50-летию моего отца: «В 1942-1943 годах Сергеем Павловичем была успешно разработана реактивная установка для самолета «Пе-2»... Сергей Павлович не только являлся конструктором самолетной части реактивной установки и всего комплекса наземного заправочного и стартового оборудования, но принимал прямое участие в качестве инженера-экспериментатора в летной отработке установки.

Особо я хотел бы отметить личное мужество Сергея Павловича, в котором я имел возможность неоднократно убеждаться во время летной отработки двигателей РД-1 и РД-1ХЗ. Не всегда гладко шли доводочные испытания этих двигателей на самолетах, особенно при запусках двигателей на больших скоростях и высотах полета. Несколько раз двигатель при запуске взрывался, и хвостовое оперение самолета было настолько повреждено, что приходилось только удивляться искусству летчика, сумевшего посадить самолет на аэродром. Поведение Сергея Павловича, принимавшего участие в полетах, после каждой такой аварии вызывало чувство глубокого уважения к нему, так как мы видели со стороны Сергея Павловича лишь желание подбодрить нас, двигателистов».

Работа казанских специалистов-реактивщиков получила высокую оценку. 16 сентября 1945 г. центральные газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы работников НИИ-1 НКАП «За образцовое выполнение заданий правительства в области конструирования и создания образцов новой техники». В ее состав были включены В.П. Глушко и Д.Д. Севрук - награждены орденами Трудового Красного Знамени, а также С.П. Королев, награжденный орденом Знак Почета.

20 июня 1945 г. испытания самолета «Пе-2» с реактивной установкой, начавшиеся 7 августа 1943 г., завершились. Всего совершено 110 полетов. После окончания испытаний в адрес наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина был направлен подробный отчет, в котором подводились итоги работ. Там же предлагался план внедрения ракетной техники в авиацию и содержалась просьба разрешить участие самолета «Пе-2» с реактивным ускорителем в авиационном празднике на Тушинском аэродроме в Москве 18 августа 1945 г. Предлагалось покрасить самолет в серебристый цвет с красной

С.П. Королев. Казань, декабрь 1944 г.



Надпись на обороте

стрелой вдоль фюзеляжа, подготовку, взлет и посадку самолета провести на аэродроме в Раменском, реактивный двигатель включить за 5 км до трибун. Полет должен был проходить на высоте 100 м на расстоянии 200 м от зрителей. После прохождения на полной скорости по прямой самолету с работающим двигателем предстояло резко набрать высоту. Намечен был и состав экипажа: подполковник А.С Пальчиков - летчик-испытатель, Л.Д. Баклунов - ведущий конструктор завода № 22 и СП. Королев - инженер-испытатель ОКБ РД завода № 16. По-видимому, это предложение признали интересным, и 15 августа отец приехал в Москву. Ему выдали командировочное удостоверение сроком на 26 дней - по 10 сентября 1945 г. Демонстрационный полет почему-то не состоялся, но мы очень радовались приезду отца. Я жила тогда на даче в Барвихе, а мои родители в Москве, на Конюшковской улице. В свободное время отец приезжал на дачу и увозил меня в Москву. Мы гуляли с ним по городу, ходили в зоопарк, в кино. Я очень гордилась тем, что рядом со мной мой папа, такой большой, умный и сильный. Он интересовался тем, что я читаю. Увидев книгу «Из пушки на Луну» Жюля Верна, вдруг сказал: «А ты знаешь, ведь лет через 20-25 человек будет на Луне». Я, конечно, не поверила, ответив, что все это фантастика и что при нашей жизни такого не будет. Отец очень серьезно посмотрел на меня и еще тверже повторил: «Запомни этот день, этот час и то, что я сказал. Это обязательно будет при нашей жизни». И не ошибся: человек ступил на поверхность Луны в июле 1969 г., через 24 года после нашего с ним разговора. Вот только сам он, к сожалению, этого не увидел. В те дни я получила от него в подарок книги В. Каверина «Два капитана» с надписью: «Наташке от папы. 19 августа 1945 г.» и «Цусиму» А. Новикова-Прибоя с его автографом.

Конечно, годы заключения отразились на здоровье отца. Маму беспокоили его плохой сон, временами боли в животе. Поэтому 25 августа в рентгеновском кабинете Боткинской больницы ему сделали просвечивание желудочно-кишечного тракта. Оно установило хроническое воспаление

СП. Королев. Казань, 7 марта 1945 г.
Надпись на обороте

слизистой желудка и двенадцатиперстной кишки. 28 августа отец получил направление в поликлинику НКАП для дообследования и назначения лечения. К счастью, ничего серьезного обнаружено не было и постепенно самочувствие его улучшилось.

А между тем судьба готовила ему новый сюрприз. Весной 1945 г. в Германию выехала группа советских ракетчиков для изучения трофейной немецкой техники. Вскоре в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 8 июля 1945 г. эту группу решили усилить новыми специалистами, в число которых вошел и отец. 7 сентября 1945 г. он в форме подполковника (это звание ему присвоили перед отъездом) вылетел в Берлин.

Так закончился казанский период жизни моего отца. В Казани он вернулся к любимой работе, у него родились новые идеи и проекты, он снова испытал радость творчества. Там в июле 1944 г. он узнал о своем досрочном освобождении. Освобождении, но не реабилитации. Несправедливое пятно продолжало чернить его биографию и омрачать душу еще долгие годы. Даже медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» он получил только 22 декабря 1959 г., через два года после реабилитации.

Уже будучи Главным конструктором и членом-корреспондентом Академии наук СССР, отец обратился 30 мая 1955 г. в Главную военную прокуратуру с просьбой о пересмотре его дела.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

11 - VIII 1945 г.

№ 3767/ОТД

Выдано тов. КОРОЛЕВУ Сергею Павловичу
(фамилия, имя и отчество, должность)
зам. главного конструктора
заводом 16 КАИ командированному
(наим. органа, выдавшего удостоверение)
в г. Москва 16-е Гл. Упр. и заводы КАИ
(пункты назначения)

Срок командировки 26 дней по 10 сентября 1945 г. №

ОСНОВАНИЕ: Приказ д-ра от 11 августа 1945 г. № 456

Действительно по предъявлении паспорта серии № 665707

Директор завода

3767

Командировочное удостоверение С.П. Королева в Москву. Казань, 11 августа 1945 г.

Титульный лист книги В. Каверина «Два капитана» с надписью С.П. Королева дочери. Москва, 19 августа 1945 г.

«В Главную военную прокуратуру СССР
г. Москва, ул. Кирова, № 41

Королева Сергея Павловича,
проживающего: г. Калининград Моск. области,
ул. К. Либкнехта, дом № 4, кв. 12. Рожд. 1906 г.

Заявление

27-го июня 1938 года я был арестован органами НКВД по обвинению в участии в антисоветской организации. Я обвинялся во вредительстве в области новой техники, в которой я в то время работал. Основанием для этого послужили, как мне было сказано на следствии, показания б. работников НИИ: И.Т. Клейменова, Г.Э. Лангемака и В.П. Глушко. Осенью того же года я был осужден Военной Коллегией Верховного Суда к тюремному заключению сроком на 10 лет.

В 1939^40 гг. этот приговор был отменен, и заочным решением Особое Совещание при НКВД СССР 10 июля 1940 г. по ст. ст. 17-58-7, 11 УК осудило меня к 8 годам лишения свободы.

После этого я работал, будучи заключенным, конструктором в КБ авиазавода, на производстве и главным конструктором объекта по новой технике в системе 4-го Спецотдела НКВД.

10-го августа 1944 года по решению Президиума Верховного Совета СССР я был досрочно освобожден со снятием судимости (Протокол № 18 от 27 июля 1944 г. пункт № 18).

В то время я был назначен заместителем Главного конструктора ОКБ завода № 16 МАП.

В сентябре 1945 года я был командирован в Советскую зону Германии для изучения новой техники. В августе 1946 года я был назначен Главным конструктором НИИ-88 Министерства вооружения (ныне МОП). Здесь я работаю и по настоящее время.

Прошу Главную военную прокуратуру пересмотреть мое дело и полностью меня реабилитировать, так как я ни в какой антисоветской организации никогда не состоял и ничего о существовании такой организации не знал и не подозревал. Никаких действий антисоветского характера за И.Т. Клейменовым, Г.Э. Лангемаком и В.И. Глушко я не замечал и не знал. Если существуют какие-то показания этих или иных лиц, то все это есть результат вымысла с их стороны или какого-то огромного недоразумения. Во время следствия по моему делу я ничего не мог доказать и объяснить, так как следствие в то время велось в совершенно недопустимой форме и обстановке. Вернее было бы сказать, что никакого следствия по существу дела и предъявленных обвинений в то время не производилось.

Меня обвиняли во вредительстве в области новой техники, где я работал в то время. Более неправдоподобное и нелепое обвинение трудно себе представить, так как работа в области новой техники всегда была для меня целью всей моей жизни и любимым делом.

Еще в 1929 году я познакомился с К.Э. Циолковским, и с тех пор я посвятил свою жизнь этой новой области науки и техники, имеющей огромное значение для нашей родины.

Мне пришлось участвовать в самых первых в СССР работах в этой области, а затем в 1938 году, после моего ареста, все было сорвано на несколько лет, и лишь с 1943 года я снова мог немного работать по специальности.

Нельзя не отметить с удовлетворением, что за последние 10-12 лет ходом всего развития отечественной, а также мировой техники и промышленности были полностью подтверждены все положительные основы, которые были заложены более 20 лет назад в СССР в этой области.

В июле 1953 года партийная организация нашего предприятия приняла меня членом Коммунистической партии Советского Союза. С октября 1953 года я состою членом-корреспондентом Академии Наук СССР в области механики, по отделению технических наук.

Еще раз прошу Главную военную прокуратуру пересмотреть мое дело и снять с меня пятно осуждения.

30 мая 1955 г. С. Королев».

Заявление С.П. Королева в Главную военную прокуратуру с просьбой о пересмотре его дела. Калининград Московской области, 30 мая 1955 г.

30 июля 1956 г. Генеральная прокуратура Союза ССР внесла в Военную коллегию Верховного суда СССР протест с просьбой отменить постановление Особого совещания при НКВД СССР от 10 июля 1940 года в отношении СП. Королева и прекратить его дело.

«СЕКРЕТНО

В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

ПРОТЕСТ

(в порядке надзора)

по делу КОРОЛЕВА СП.

10 июля 1940 г. Особым Совещанием при НКВД СССР был осужден за участие в антисоветской троцкистской организации к 8 годам ИТЛ, -

КОРОЛЕВ Сергей Павлович, 1906 года рождения, уроженец г. Житомира, русский, беспартийный, до ареста работал инженером НИИ № 3 НКОП.

Согласно обвинительному заключению, Королев признан виновным в том, что с 1935 г. являлся участником троцкистской вредительской организации, действовавшей в НИИ № 3 НКОП, и по ее заданию проводил вредительство, направленное на срыв отработки и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения.

Основанием к осуждению Королева послужили его показания на предварительном следствии о проводимой им антисоветской деятельности и приобщенные к делу показания Клейменова, Лангемака и Глушко, в которых говорится о вражеской работе Королева.

На допросе 4 августа 1938 г. (протокол отпечатан на машинке, дата допроса дописана чернилами) Королев показал о том, что он являлся участником антисоветской организации, в которую в 1935 г. был вовлечен Лангемаком, и что вражескую работу в НИИ № 3 проводили также Глушко и Клейменов (л. д. 17-35).

27 сентября 1938 г. Королев от всех этих показаний отказался как от вымышленных, данных в результате незаконных методов ведения следствия, и виновным себя не признал.

Допрошенные в 1939 г. работники НИИ № 3 в качестве свидетелей: Рохмачев Н.В., Косятов А.С, Шитов Д.А., Ефетов А.П.*, Букин В.А., Душкин Л.С., Калянова М.П., Дедов А.Н. никаких показаний о контрреволюционной деятельности Королева не дали.

Экспертная комиссия по делу Королева отметила только недостатки, имевшие место в работе Королева. Каких-либо данных, свидетельствующих о вражеской работе Королева, в заключении не содержится (л. д. 250-261).

Проверкой архивно-следственных дел по обвинению Клейменова И.Т. и Лангемака Г.Э. установлено, что они были осуждены необоснованно по материалам сфальсифицированных дел, которые определением Военной Коллегии Верховного суда СССР прекращены по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР.

Глушко В.П. от всех показаний об антисоветской деятельности отказался как от ложных и виновным себя не признал. В настоящее время Глушко - член-корреспондент Академии Наук СССР и дело в отношении его направлено в Военную Коллегию Верховного суда СССР на прекращение по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР.

Таким образом, в деле нет никаких данных, свидетельствующих о том, что Королев был осужден обоснованно.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 16 Закона о судоустройстве СССР -

ПРОШУ:

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 10 июля 1940 г. в отношении Королева С.П. отменить, а дело о нем прекратить по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР.

ПРИЛОЖЕНИЕ: дело в 1 томе от н/вх. 0109867.

---

* Ошибка. Правильно: Ефремов А.П. - *Прим. ред.*

ЗАМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ

Е. БАРСКОЙ*

11 августа 1956 г.

Справка: Жалобщик проживает в г. Калининграде Моск. обл., ул. К. Либкнехта, д. 4, кв. 12».

13 августа 1956 г. отцу послали сообщение, что его заявление рассмотрено Главной военной прокуратурой и ее протест по делу направлен в Военную коллегию Верховного суда СССР.

Той бессонной ноябрьской ночью 1944 г., когда отец во время своего первого приезда в Москву рассказывал домашним о злоключениях последних лет, бабушка спросила, каково его отношение к людям, подписавшим 20 июля 1938 г. акт экспертизы или дававшим во время следствия обвинительные показания. Отец ответил, что сводить с ними счеты не собирается — пусть судьей им будет собственная совесть. Сотрудник отца М.С Флорианский вспоминал, как, зайдя однажды в его кабинет, увидел на столе свежий «Огонек», раскрытый на статье В.И. Ардаматского о Костикове. Сергей Павлович ткнул рукой в журнал и сказал: «На том свете с ним сочтемся!» И все же, увидев во втором издании Большой советской энциклопедии статью о А.Г. Костикове, отец и В.П. Глушко сочли необходимым написать письмо.

«ЗАВЕДУЮЩЕМУ РЕДАКЦИЕЙ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
И ТЕХНИКИ БСЭ т. Немченко

В 23 томе Большой Советской Энциклопедии (второе издание) на стр. 126 помещена статья о Костикове Андрее Григорьевиче, отмеченном высокими наградами «за большую заслугу в создании нового типа вооружения».

Так как мы работали ряд лет совместно с А.Г. Костиковым и нам доподлинно известна его роль в создании нового типа вооружения, то мы считаем своим долгом сообщить об этом.

В 1937-1938 гг., когда наша Родина переживала трудные дни массовых арестов советских кадров, Костиков, работавший в институте рядовым инженером, приложил большие усилия, чтобы добиться ареста и осуждения как врагов народа основного руководящего состава этого института, в том числе основного автора нового типа вооружения, талантливого ученого-конструктора, заместителя директора по научной части Г.Э. Лангемака. Таким образом Костиков оказался руководителем института и «автором» этого нового типа вооружения, за которое и был сразу щедро награжден в начале войны.

Получив задание на другую разработку, Костиков оказался неспособным ее выполнить, в связи с чем еще во время войны был снят с работы и уволен из института.

Репрессированные ранее работники института ныне реабилитированы, часть из них, в том числе Г.Э. Лангемак, посмертно.

Просим учесть изложенное при подготовке «Биографического словаря деятелей естествознания и техники» и следующего издания Б.С.Э.

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА (КОРОЛЕВ СП.)

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА (ГЛУШКО В.П.)

15.1.57».

---

* За Е. Барского документ подписал полковник юстиции Д. Терехов. - *Н.К.*

Конечно, подписывая это письмо, отец не знал многих обстоятельств. Он не мог знать, например, что уже с июня 1937 г., за год до драматической ночи 1938-го, «компетентные» органы негласно вели его к аресту, который с тех пор стал независим ни от него самого, ни от кого бы то ни было из сотрудников института. Не знал он, конечно, и ставших известными позднее обстоятельств разработки в институте в 1938-1941 гг. первой системы наземного реактивного вооружения. Но так или иначе письмо отца и В.П. Глушко, хотя и не было в то время опубликовано, сыграло свою роль. Фамилия Костикова надолго (до 1986 г.) исчезла из печати. А в нашей семье к ней до сих пор сохраняется настороженно-негативное отношение.

Пересмотр дела отца продолжался довольно долго. Только 18 апреля 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла решение о его прекращении.

«Секретно

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н - 018811/56
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

в составе: Председательствующего полковника юстиции Цырлинского
и членов: подполковников юстиции Боброва и Зверева

Рассмотрела в заседании от 18 апреля 1957 г. протест (в порядке надзора) Генерального Прокурора СССР на постановление Особого совещания при НКВД СССР от 10 июля 1940 года, коим «за участие в антисоветской троцкистской организации» заключен в ИТЛ на 8 лет Королев Сергей Павлович, 1906 года рождения, уроженец г. Житомира, до ареста работал ст. инженером группы № 2 в Научно-исследовательском институте № 3 НКОП (Министерство оборонной промышленности). Заслушав доклад тов. Зверева и заключение пом. Главного военного прокурора подполковника юстиции Измайлова об удовлетворении протеста, Военная коллегия Верховного суда СССР

установила:

По обвинительному заключению Королев обвинялся в том, что с 1935 года являлся участником троцкистской вредительской организации, действовавшей в НИИ № 3 НКОП, по заданию которой проводил вредительство. В протесте ставится вопрос о прекращении дела в отношении Королева за отсутствием состава преступления ввиду того, что проверкой установлена необоснованность репрессии Королева.

На предварительном следствии Королев вначале признал себя виновным в предъявленном обвинении, а впоследствии от своих показаний отказался, как от вымышленных, данных в результате незаконных методов ведения следствия. Не могут являться доказательством по делу показания арестованных по другим делам Лангемака, Клейменова и Глушко о якобы совместной с Королевым преступной деятельности, так как проверкой установлено, что они были осуждены неосновательно, в связи с чем Клейменов и Лангемак реабилитированы, а Глушко, как видно из материалов его архивно-следственного дела, в суде отказался от ранее данных показаний, как от ложных, и дело в отношении его представлено на прекращение по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР.

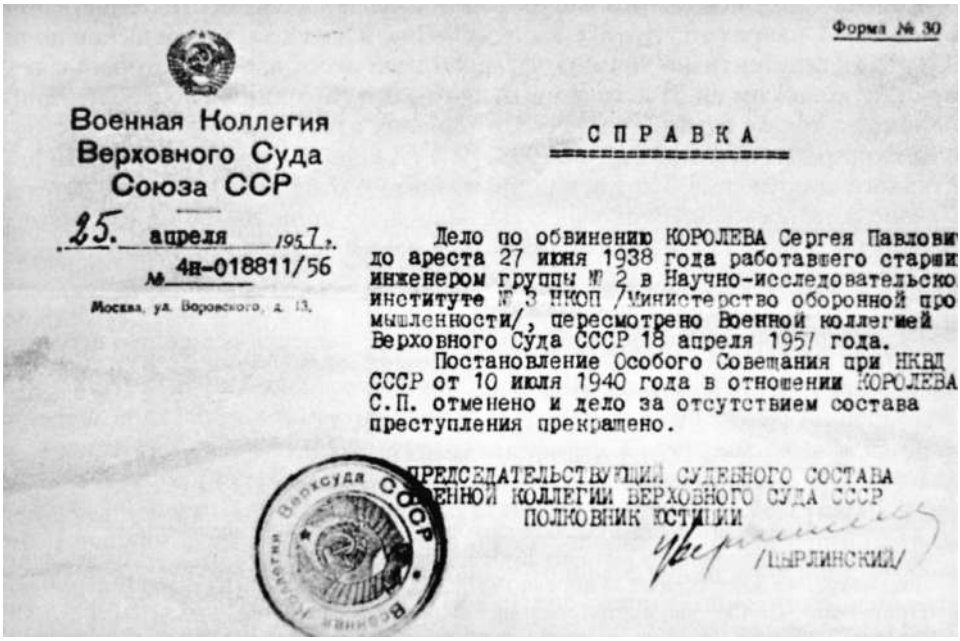
Что касается имеющегося в деле заключения экспертной комиссии, то в нем лишь отмечены недостатки, имевшие место в работе Королева. Каких-либо данных, свидетельствующих о преступной деятельности Королева, в заключении не имеется.

Проверив материалы дела и соглашаясь с доводами заключения, Военная коллегия Верховного суда СССР

определила:

Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 10 июля 1940 года в отношении Королева Сергея Павловича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления.

Председательствующий Цырлинский
Члены Бобров
Зверев».



Форма № 30

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

25. апреля 1957 г.
№ 4н-018811/56

Москва, ул. Воровского, д. 13.

СПРАВКА

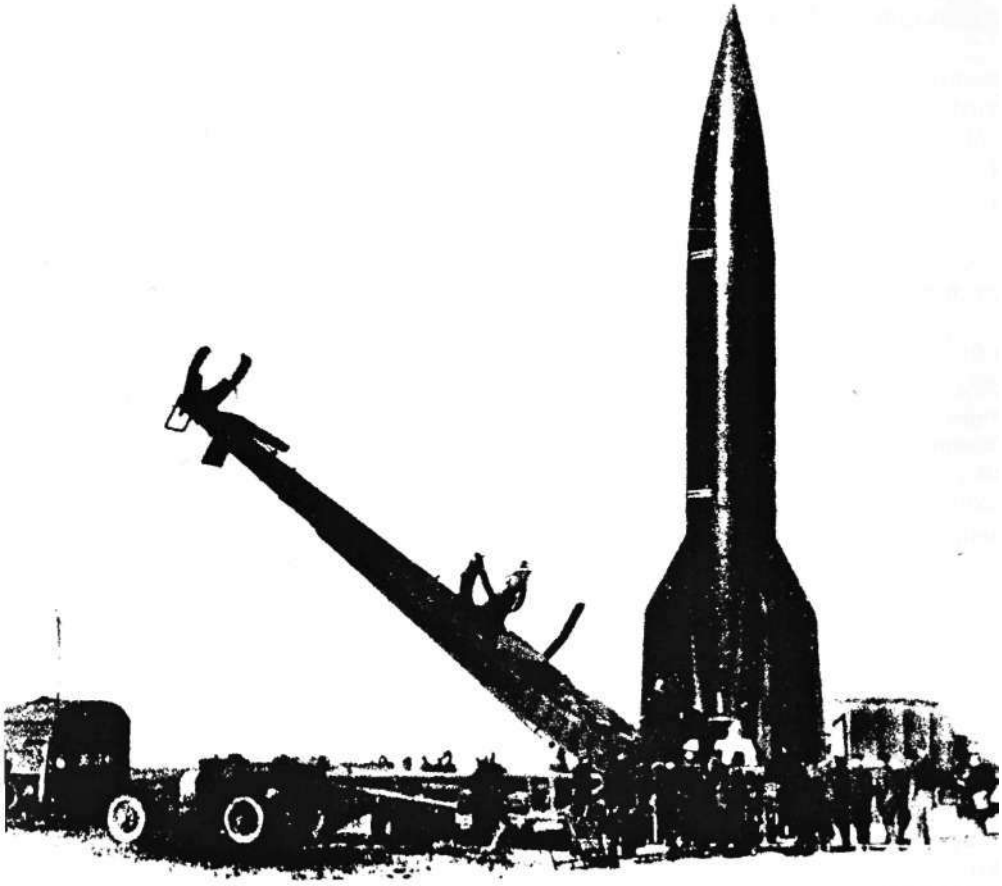
Дело по обвинению КОРОЛЕВА Сергея Павлови до ареста 27 июня 1938 года работавшего старши инженером группы № 2 в Научно-исследовательско институте № 3 НКОП /Министерство оборонной про мышленности/, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 18 апреля 1957 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 10 июля 1940 года в отношении КОРОЛЕВА С.П. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/ЫРЛИНСКИЙ/

Справка, выданная С.П. Королеву Военной коллегией Верховного суда СССР, о прекращении его дела за отсутствием состава преступления. Москва, 25 апреля 1957 г.

На основании определения Военной коллегии отцу выдали справку о прекращении дела. Так через 19 лет после ареста он был полностью реабилитирован. Справедливость восторжествовала. Но сколько времени упущено, сколько людей, находившихся в самом расцвете сил, потратили лучшие свои годы не на творчество, не на профессиональную производительную деятельность, а на поиски способов выживания в тюрьмах, лагерях и «шарашках». Сколько полезного могло быть сделано за эти годы отцом и множеством таких же, как он, безжалостно вырванных из жизни. Можно понять отца, старавшегося поскорее забыть то время. Забыть, ибо для него наступал новый, благоприятный и необычайно творчески насыщенный период, когда он смог в полной мере раскрыть свои способности, реализовать мечты и вместе с соратниками, опираясь на могучий научный и производственно-технический базис страны, открыть человечеству дорогу в космос.



Начало пути

Глава четырнадцатая

ПО ПРАВУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ГЕРМАНИЯ (1945-1947)

К тому времени, когда отец приехал в Германию, там уже находились наши специалисты, прибывшие туда 23 апреля 1945 г. Летом того же года в Тюрингии, в городе Бляйхероде, был создан институт «Рабе» (в переводе с немецкого - «ворон»), где работали бок о бок советские и немецкие ракетчики. Начальником его назначили майора Б.Е. Чертока. Этот период академик РАН Б.Е. Черток подробно описал в книге «Ракеты и люди» (М., 1994, 2006). В конце сентября в институте впервые появился СП. Королев. Кто он и зачем приехал из Берлина, Б.Е. Черток не знал, но первую встречу запомнил, по его словам, на всю жизнь.

Отец интересовался структурой и направлениями работ института, но в большей степени - техникой пуска ракет. Как оказалось, ему было поручено организовать в Бляйхероде группу «Выстрел», перед которой поставили задачу изучить технологию и организацию ракетного старта. Группу разместили в здании института «Рабе». Отец имел там небольшой кабинет, на двери которого висела табличка: «Начальник группы «Выстрел» подполковник Королев СП.». А.И. Эдельман отмечал: «В Германии ярко проявились организаторские способности подполковника СП. Королева. Он стал явным неформальным лидером среди множества наших специалистов, прибывших в поверженную Германию. Королев брал на себя решение свойственных и несвойственных ему по чину вопросов - как технического характера, так и административных».

Уже в середине октября 1945 г. отец присутствовал в составе советской делегации при пусках немецких ракет дальнего действия «ФАУ-2»(«А-4») в Куксхафене, недалеко от Гамбурга. Подобными ракетами, начиная с сентября 1944 г., немцы обстреливали Лондон, и теперь английские военные власти пригласили союзников на показательные пуски трофейных ракет. Не обошлось без курьеза. Отца, по распоряжению из Москвы, переодели перед этой поездкой в форму более низкого чина - капитана артиллерии. Как пишет Б.Е. Черток, «один из англичан, отлично говоривший по-русски, напрямую спросил Королева, чем он занимается. Сергей Павлович в соответствии с инструкцией ответил: «Вы же видите, я капитан артиллерии». На это англичанин заметил: «У вас слишком высокий лоб для капитана артиллерии. Кроме того, судя по отсутствию наград, вы не были на фронте»». Таким образом, маскировка не помогла.

В начале 1946 г. в Москве обсуждался вопрос о дальнейшем порядке работ с трофейной ракетной техникой. Раздавались голоса о целесообразности их свертывания и отзыве наших специалистов. Из Германии в Москву были вызваны СП. Королев, В.П. Глушко, Ю.А. Победоносцев... Интересно, что, по воспоминаниям Б.Е. Чертока, отец проделал путь до Москвы и обратно за

Институт «Рабе». Бляйхероде, 1945 г.

рулем своего «БМВ». Неожиданный приезд отца в Москву зимой 1946 г. стал радостным событием для всей семьи.

В результате обсуждения ракетных проблем победила точка зрения наркома вооружения Д.Ф. Устинова, маршала артиллерии Н.Д. Яковлева и члена военного совета Гвардейских минометных частей генерала Л.М. Гайдукова. Работы не только не были свернуты, но, наоборот, расширены. На базе института «Рабе» и отдельно действовавших групп советских ракетчиков создавался научно-технический комплекс, в который вошли предприятия и подразделения по различным направлениям: двигателям, общей схеме и конструкции ракеты, приборам и управлению, наземному оборудованию, испытаниям. Комплекс получил название «Институт Нордхаузен». Начальником института был назначен Л.М. Гайдуков, его заместителем и главным инженером - С П. Королев, который вернулся из Москвы в Германию уже в чине полковника. Группу «Выстрел» вместо него теперь возглавил будущий заместитель главного конструктора ОКБ-1 С П. Королева по летным испытаниям Л.А. Воскресенский.

В марте 1946 г. военное командование разрешило приезд в Германию семей кадровых и «профсоюзных» офицеров. Отец воспринял это известие с радостью и сразу же написал письма маме и мне.

СП. Королев.
Берлин, октябрь 1945 г.

Надпись на обороте

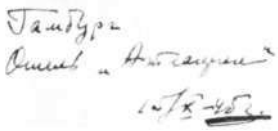
Берлин X-45 г.

С.П. Королев в окрестностях озера Мюгельзее. Берлин, октябрь 1945 г.

С.П. Королев (крайний справа) у озера Мюгельзее. Берлин, октябрь 1945 г.

С.П. Королев. Иногда можно и развлечься...
На берегу озера Мюгельзее, октябрь 1945 г.

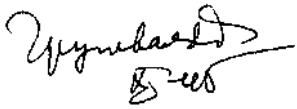
С.П. Королев. Гамбург, 15 октября 1945 г.



Надпись на обороте

На аэродроме. Слева направо: (?), капитан английской армии, Г.А. Тюлин, В.П. Глушко, Ю.А. Победоносцев, А.И. Соколов. На переднем плане (спиной) - переводник. Крайний справа С.П. Королев. Гамбург, 16 октября 1945 г.

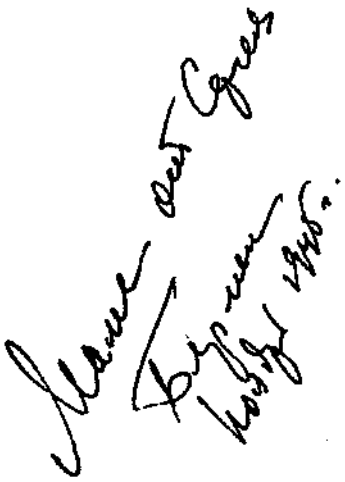
С.П. Королев.
Грюневальд, октябрь 1945 г.



Надпись на обороте

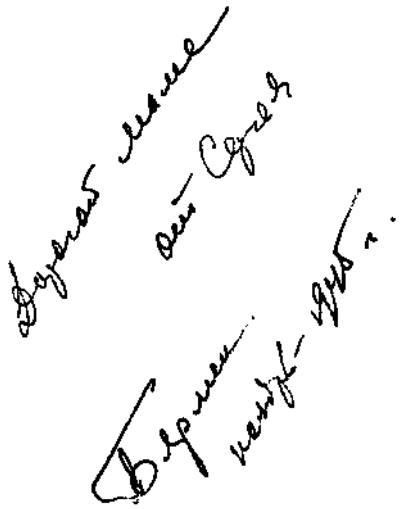
С.П. Королев (в центре).
Грюневальд, октябрь 1945 г.

С.П. Королев (слева).
Грюневальд, октябрь 1945 г.

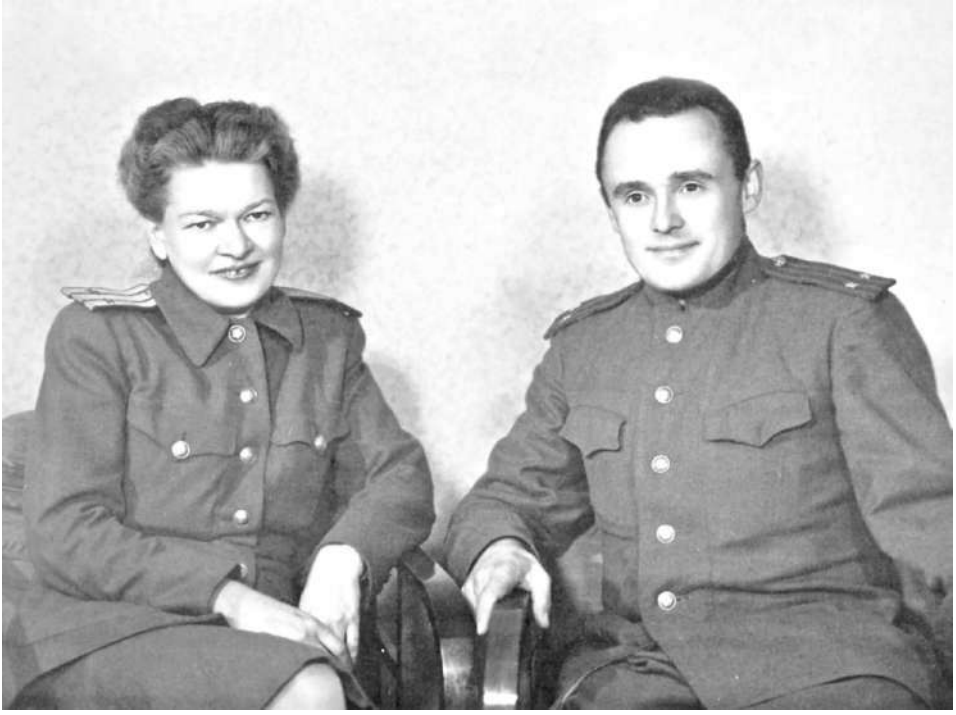


С.П. Королев.
Берлин, ноябрь 1945 г.
Надпись на обороте

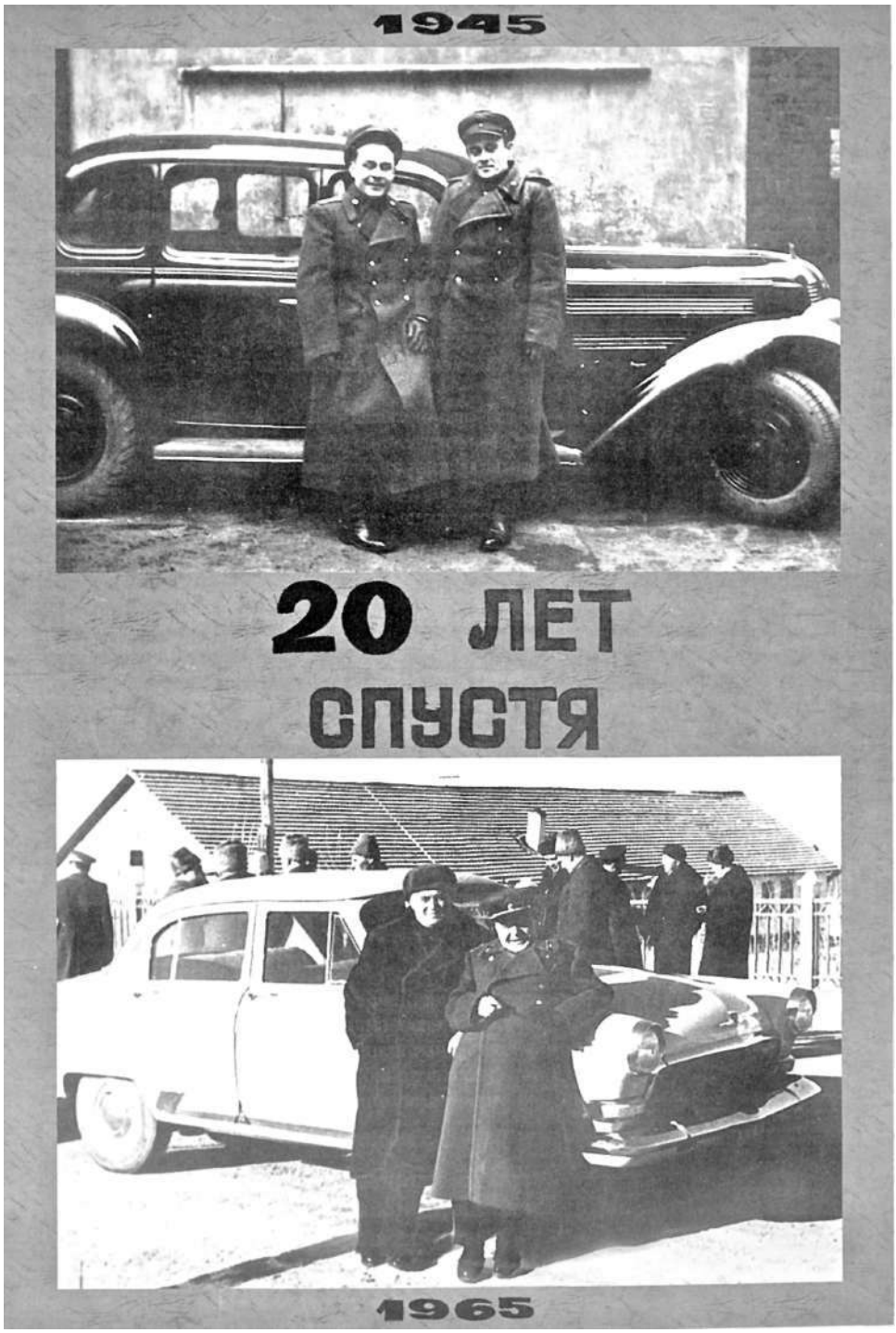
С.П. Королев
в позе фоторепортера.
Берлин, ноябрь 1945 г.



С.П. Королев. Берлин, 25 ноября 1945 г. *Надпись на обороте*



С.П. Королев со своей тетей М.И. Рудомино. Берлин, 25 ноября 1945 г.

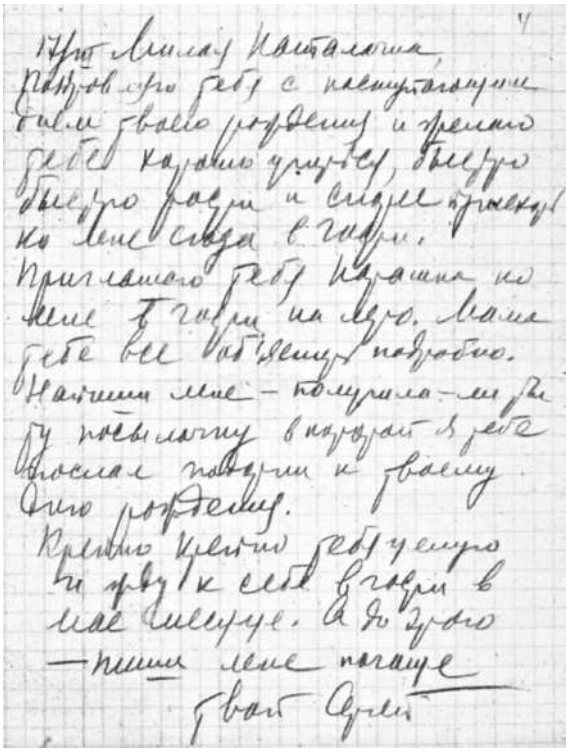


С.П. Королев и Г.Л. Тюлин. Берлин, 1945 г. Внизу - они же через двадцать лет. Байконур, 1965 г.

В институте «Рабе». Слева направо: сидят - Н.А. Пилюгин, И.Б. Бровко, А.Г. Мрыкин, В.А. Бакулин, Ю.А. Победоносцев, С.П. Королев, В.С. Будник; стоят - (?), В.И. Харчев,Л.А. Воскресенский, С.Г. Чижиков, В.П. Мишин. Бляйхероде, вилла Франка, февраль 1946 г.

С.П. Королев и А.Б. Каплун. Германия, 1946 г.

С.П. Королев (крайний слева), И.И. Гвай (крайний справа). Бляйхероде, 1946 г.



17/III Милая Наталочка,
поздравляю тебя с наступающим
днем твоего рождения и желаю
тебе хорошо учиться, быстро
быстро расти и скорее приехать
ко мне сюда в гости.
Приглашаю тебя Наташка ко
мне в гости на лето. Мама
тебе все объяснит подробно.
Напиши мне — получила ли ты
посылочку в подарок от тебя
выслала недавно к твоему
дню рождения.
Крепко крепко тебя целую
и жду к себе в гости в
мае месяце. А до того
— пиши мне почаще
Твой Папа

Письмо С.П. Королева дочери в Москву. Германия, 17 марта 1946 г.

«17/III. Милая Лялька, рад тебе сообщить, что вопрос о Вашем с Наташкой приезде сюда ко мне принципиально решен. Думаю, что в апреле месяце все оформится, а после майских праздников мы здесь свидимся. Понятно, что это не единичное решение для нас, а многие члены семей моих товарищей также попадут сюда. Разрешили приезд только женам и ребятам.

Одно единственное мое условие тебе: слушаться меня во всем и всегда здесь, невзирая на, быть может, даже беспечность других. Когда (если вдруг) надо будет уезжать, то Вы беспрекословно уедете. Правда, я очень надеюсь, что до этого не дойдет и что осенью мы вернемся на родину уже все вместе и прямо махнем на теплое море на пару месяцев.

Могу тебе сказать, что я очень жду твоего и Наташкиного приезда, очень и очень Вас жду. Мне кажется, что это будет для тебя хороший отдых. Если Наташка не закончит класс - все равно езжайте. После догонит или здесь в специальной русской школе в Берлине будет доканчивать свою учебу.

И на сей раз, как обычно, у меня очень мало времени, да и обстановка и настроение не располагают к задушевному разговору в этом письме. Но так много хотелось бы тебе сказать теплого и хорошего, мой друг!

Перейдем, как говорится, к деловой части. Мой совет - брать для Наталочки все, что ей нужно здесь для нормальной жизни и учебы. Объемом вещей для нее не стесняйся. Обязательно все учебники и наиболее нужные книги. Для себя возьми минимум (чтобы прожить, пока достанешь, что захочешь): и выходное, и верхнее платье - 1 комплект. Не рассчитывай здесь сразу получить все новое. Захвати побольше денег, жиров, табаку. Мне привези 2-3 пары погон артиллер. и петлиц.

Лично тебе советую:

1) узнай в Наркомздраве места (адреса) и фамилии работников Вашей медкомиссии, работающих здесь. Но я категорически против того, чтобы ты брала на себя какие-то поручения по работе. Ты д.б. здесь совершенно свободной, а дела тебе здесь хватит у нас;

2) советую взять также свои книги и материалы, которые нужны для твоей научной работы. Я надеюсь, что возможность экспериментировать ты здесь сможешь получить с нашей помощью;

3) уезжая, оформи бронь на комнату;

4) если нужна будет помощь, то звони т. Гайдукову или т. Дегтяреву (он там же) от моего имени.

Думаю, что было бы хорошо, если бы ты кооперировалась с Ниной и Наталочкой Юриной*.

От меня самый сердечный привет старичкам, и тем, и другим, Лизухе и всем нашим добрым друзьям и знакомым. Тебя крепко обнимаю и очень, очень жду вместе с Наташкой. Твой Сергей».

«17 /*III.* Милая Наталочка!

Поздравляю тебя с наступающим днем твоего рождения и желаю тебе хорошо учиться, быстро-быстро расти и скорее приехать ко мне сюда в Германию. Приглашаю тебя, Наташа, ко мне в гости на лето. Мама тебе все объяснит подробно. Напиши мне, получила ли ты ту посылочку, в которой я тебе послал подарки к твоему дню рождения. Крепко-крепко тебя целую и жду к себе в гости в мае месяце. А до этого - пиши мне почаще.

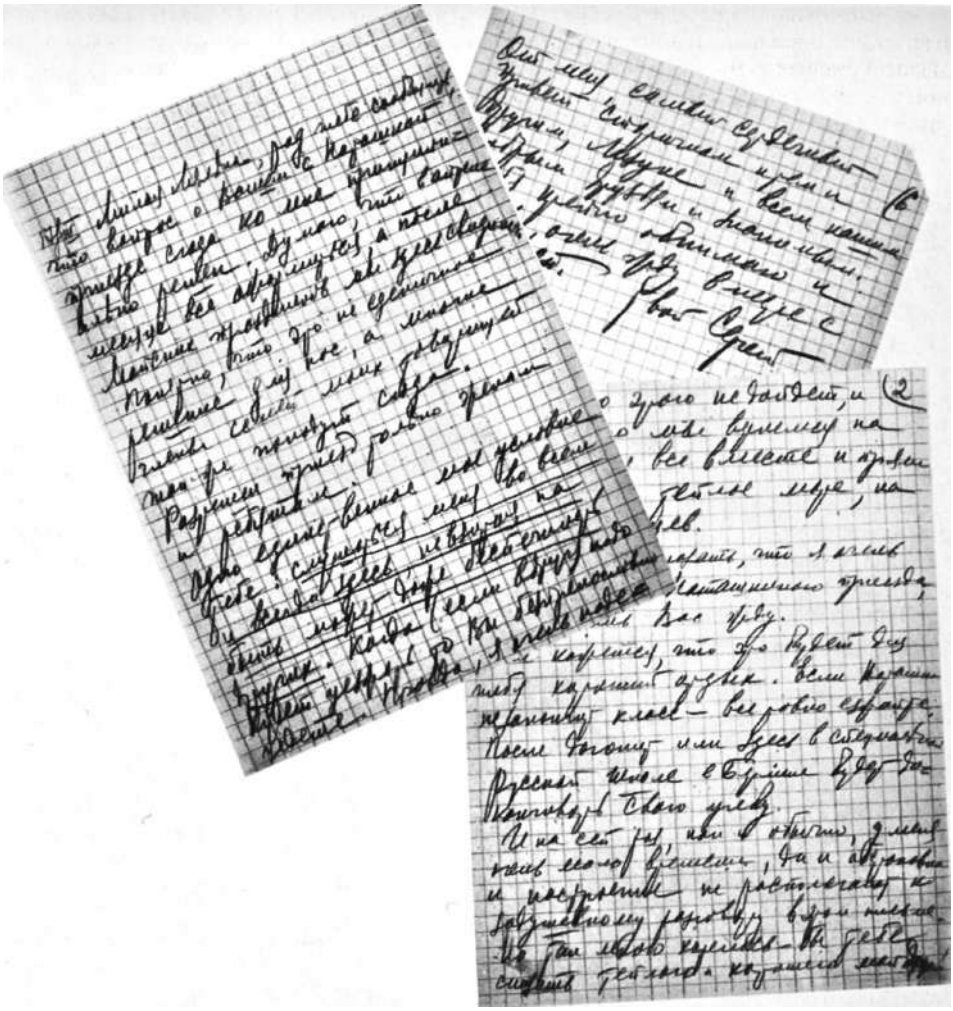
Твой Сергей».

А пока нас еще не было, отец много работал и тосковал, как это видно из его письма от 19 апреля 1946 г. К.И. Петропавловской, вдове бывшего начальника ГДЛ, одного из создателей «Катюши» Б.С Петропавловского, с которой был знаком:

«Живу я все по-старому, т.е. много работаю и очень редко нахожу лишние минуты отдыха и покоя. Наши дела здесь идут быстро, события сменяются событиями и приходится все время быть на чеку. Это утомляет, а затем утомляет и бесконечная кочевая жизнь на колесах - нынче здесь, а завтра там...

---

* Семья Ю.А. Победоносцева. - *Н.К.*



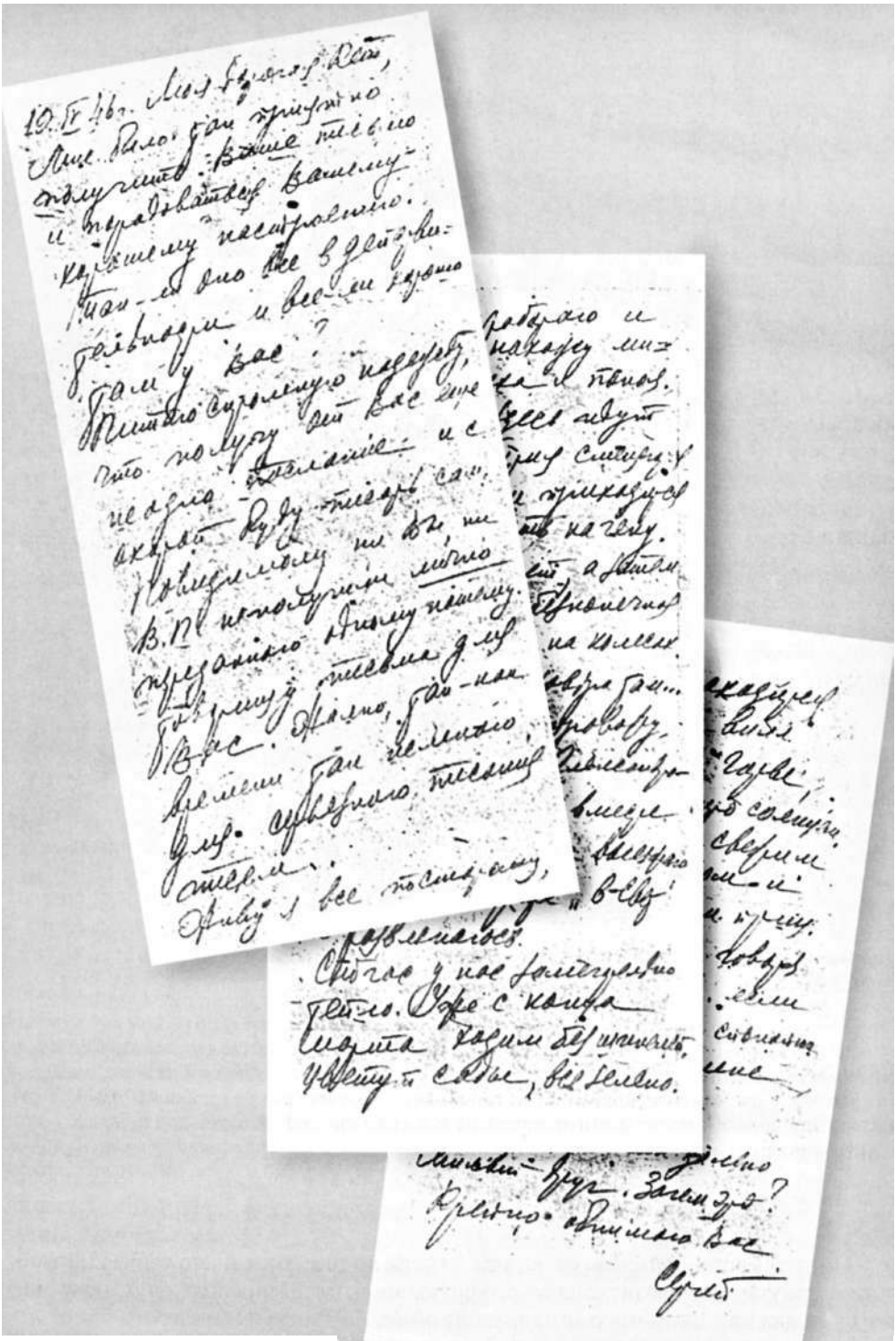
Письмо С.П.Королева жене в Москву. Германия, 17 марта 1946 г.

Много времени провожу вместе с Юрием Александровичем (Победоносцев. - *Н.К.),* с ним вместе работаем. Изредка выезжаю, как Вы говорите, «в-Свет» и развлекаюсь.

Сейчас у нас замечательно тепло. Уже с конца марта ходим без шинелей. Цветут сады, все зелено. На юге, где находится одна из «моих вилл», сейчас чудесно. Горы, лес - все залито солнцем. Воздух напоен свежим весенним ветром и наполнен пением птиц.

Как, в сущности говоря, хороша жизнь... если на душе легко и спокойно. А этого часто мне и не хватает».

Получив приглашение отца, мы начали готовиться к отъезду. Оформление документов происходило в Академии артиллерийских наук. Там маме предложили заполнить очень подробную анкету. На вопрос: были ли родственники арестованы и когда? - она написала, что муж был арестован 27 июня 1938 г. Проверявший анкету генерал попросил переписать ее и ни в коем случае не упоминать об аресте. Интересно, что когда отец, вернув-



Письмо С.П. Королева
К.И. Петропавловской в Москву.
Германия, 19 апреля 1946 г.

шись из Казани в Москву, снова прописался на Конюшковской улице и становился на военный учет, ему также посоветовали не писать, что он был арестован. В то же время, на первом листе личного дела мамы имелась надпись: «Муж арестован в 1938 г.». Маму несколько раз представляли к правительственным наградам, но из-за этой пометки награды ей в ту пору так и не достались. И вот два документа: личное дело К.М. Винцентини, жены арестованного С.П. Королева, и анкета К.М. Винцентини, без упоминания об аресте мужа. Еще один пример причудливого чиновничьего творчества!

С.П. Королев. Германия, февраль 1946 г.

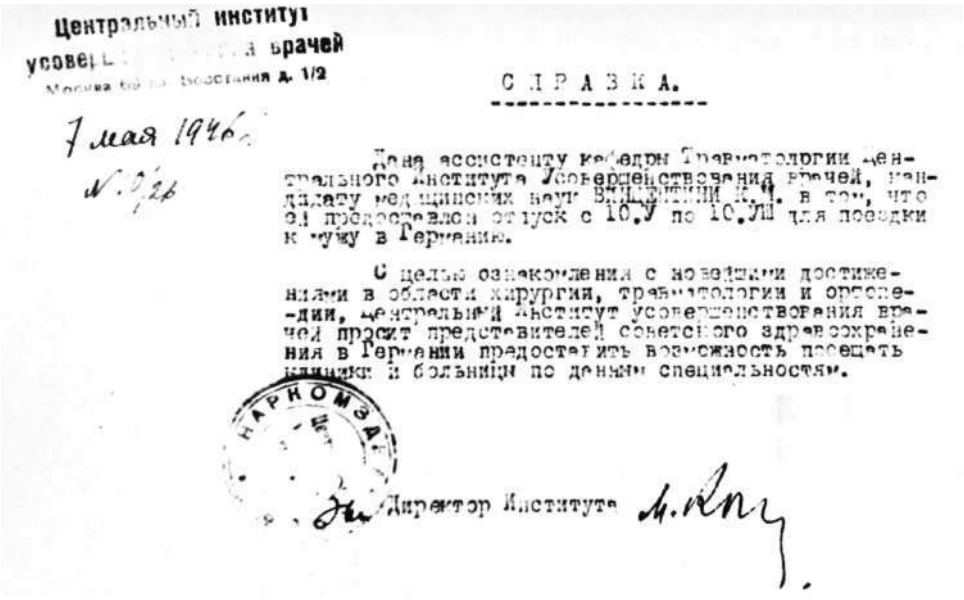
Наконец все документы для поездки в Германию готовы и железнодорожные билеты до Берлина куплены. Центральный институт усовершенствования врачей предоставил маме отпуск с 10 мая по 10 августа «для поездки к мужу в Германию» и одновременно «с целью ознакомления с новейшими достижениями в области хирургии, травматологии и ортопедии». У меня со школой проблем не возникло. Я заканчивала четвертый класс с похвальной грамотой и потому без экзаменов (а их тогда в последнем классе начальной школы приходилось сдавать шесть) была досрочно переведена в пятый класс. 10 мая мы выехали в Берлин.

Отъезд в Германию в то время являлся необычным событием, поэтому на вокзале нас провожали довольно много людей. Мы с мамой в купе вдвоем, в соседнем купе - жена генерала А.Ф. Тверецкого с дочерью Ниной, моей ровесницей. Уже в поезде мы с ними познакомились и в дальнейшем стали друзьями.

В 1946 г. мне исполнилось одиннадцать лет. Я вела дневник и многое помню, однако большая часть воспоминаний о поездке в Германию и жизни там приведена здесь со слов мамы, которая постоянно делала записи.

До Бреста поезд шел почти двое суток. В Белоруссии обращали на себя внимание незасеянные поля и огромное число разрушенных зданий, на восстановлении которых работали пленные немцы. 12 мая прибыли в Брест. После прохождения таможенного и пограничного контроля, что заняло в общей сложности три с половиной часа, путь был продолжен. В Польше мы уже увидели аккуратно обработанные участки земли единоличных хозяйств. Нигде ни одного необработанного клочка. На остановках у вагонов - горластый рынок: продают колбасу, масло, конфеты, яйца, хлеб, лимонад, ветки сирени и пр. Нищих на станциях, как ни странно, нет.

Тяжелое впечатление произвела разрушенная Варшава. От города остались одни стены да трубы. Через Вислу наведен временный мост - старый виден на дне реки. Здесь две недели назад ночью на однопутной ко-



Центральный институт
усовер[illegible] врачей
Москва [illegible] восстания д. 1/2

7 мая 1946 г.
№ [illegible]

С П Р А В К А.

Дана ассистенту кафедры Травматологии Центрального Института Усовершенствования врачей, кандидату медицинских наук Винцентини К.М. в том, что ей предоставлен отпуск с 10.V по 10.VII для поездки к мужу в Германию.

С целью ознакомления с новейшими достижениями в области хирургии, травматологии и ортопедии, Центральный Институт усовершенствования врачей просит представителей советского здравоохранения в Германии предоставить возможность посещать клиники и больницы по данным специальностям.

НАРКОМЗДРАВ

Директор Института

Справка о предоставлении отпуска К.М. Винцентини для поездки к мужу в Германию. Москва, 7 мая 1946 г.

лее пассажирский поезд едва не столкнулся с товарным. Вообще движение ночью опасно. Весь обслуживающий состав поезда, а это, в основном, бывшие работницы санитарных поездов, не спит. В вагонах много сотрудников НКВД и военных. Мы проезжали Варшаву тоже ночью, не останавливаясь. Всем приказали лечь на нижние полки. В тамбурах и у каждого окна в коридоре стояли военные с винтовками. К счастью, все прошло спокойно.

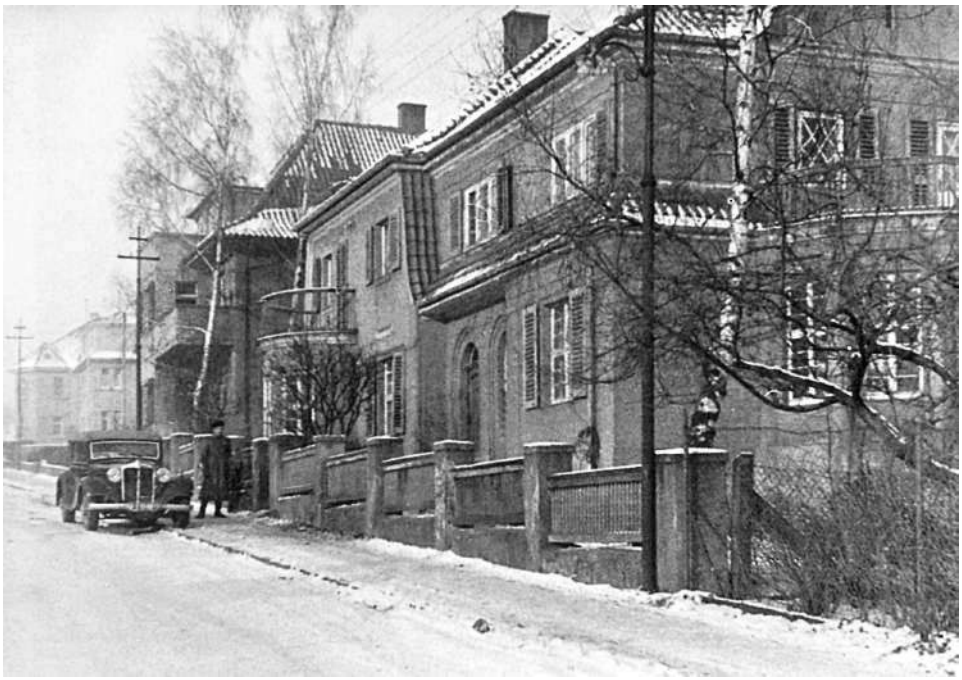
Вскоре въехали на территорию Германии. В отличие от Польши земля не вспахана, поля не обработаны. Архитектурный стиль зданий в городах и местечках готический, - не такой, как у нас. Все здания крыты черепицей. Уцелевших станционных сооружений мало. На станциях - голодные дети и нищие, много немецкой железнодорожной полиции.

Тринадцатого мая, без опоздания, прибыли в Берлин. На вокзале нас встречал отец с большим букетом цветов. Он очень радовался нашему приезду. Генерал А.Ф. Тверецкий встречал свою семью. Поезд пришел на Силезский вокзал, так как тот вокзал, куда до войны приходили поезда с востока, в прошлом большое и красивое сооружение, сейчас, как сказал отец, представлял собой просто каркас из железных балок, который использовался только для внутригородских нужд. Силезский вокзал тоже имел жалкий вид, но техника работала исправно: все вещи вместе с нами были спущены на лифте с платформы на улицу и доставлены к машине.

Помню дорогу от вокзала в город и окаймляющие ее огромные деревья, образующие своими кронами многокилометровую аллею. Центральная часть Берлина разрушена до основания. Ведется непрерывная разборка развалин и, как заметил отец, еще находят погибших в завалах людей. Разрушена почти вся Королевская площадь: построенный в XV в. королевский дворец, служивший резиденцией германских императоров, берлинский Домский собор, в купол ко-

С.П. Королев - заместитель начальника института «Нордхаузен». Бляйхероде, февраль 1946 г.

Е.М. Курило показывает С.П. Королеву очередную находку. Бляйхероде, 1946 г.



Дом, правую половину которого занимала семья СП. Королева. Бляйхероде, 1946 г.

СП. Королев. Германия, май 1946 г.

торого угодили бомбы, пробившие здание до фундамента, Старый музей, памятник Фридриху Вильгельму III. А находящийся рядом с дворцом памятник Вильгельму I с колоннадой и монументальными бронзовыми скульптурами, носящий звучное название «Памятник нации», каким-то чудом уцелел.

На почти полностью разрушенной Унтер-ден Линден, главной улице Берлина, мы увидели небольшой мемориал памяти немцев, погибших в Первой мировой войне и при фашистском режиме. Он огорожен чугунной решеткой, сквозь которую люди бросают венки, букеты и просто зеленые ветки с записками - от кого и датой. Там горы свежих и засохших цветов.

СП. Королев. Бляйхероде, 1946 г.

Мы проехали через возведенные в конце XVIII в. знаменитые Бранденбургские ворота, над центральной аркой которых парит крылатая богиня, управляющая четверкой лошадей. Отец показал нам сильно разрушенный при штурме Берлина Рейхстаг. Удивительно, что в хаосе разрушений устояла Триумфальная колонна. Отец рассказал, что она воздвигнута в честь побед Германской империи над Францией в войнах XIX в. Установленная на пятиметровом постаменте из красного гранита, она состоит из нескольких этажей пилястров с укрепленными в них дулами трофейных французских пушек. На самом верху колонны позолоченная статуя богини победы с лавровым венком в правой руке и жезлом в левой. По словам отца, поднявшись по двумстам девяносто одной ступеньке винтовой лестницы, можно выйти на верхнюю площадку памятника и увидеть оттуда весь Берлин. В парке Тиргартен остались только бронзовые звери, деревьев нет совсем - их вырубили суровой зимой 1945- 1946 гг. для отопления жилья, а весной 1946 г. выкорчевали пни и всю территорию парка отдали берлинцам под огороды. Там же мы увидели братскую могилу и скромный памятник советским солдатам, офицерам и генералам, павшим при штурме Берлина.

По улицам города ходят бесшумные трамваи и двухэтажные автобусы. Немцы широко пользуются велосипедами, на которых перевозят как детей, так и дрова, мешки с картошкой и прочее. Много небольших груженых различной поклажей тележек-тачек, перемещаемых вручную. У продуктовых магазинов для немцев большие очереди, хотя в общем людей на улицах мало. Зато много беспризорных собак. Нас поразило, что немецкие мужчины всех возрастов, от юношей до стариков, носят шорты, а женщины брюки. В то время нашим людям это казалось необычным.

Наконец мы приехали к дому № 29 на Бисмаркштрассе в районе Оберше-невайде, в одной из квартир которого отец останавливался, бывая по делам в Берлине. Во время бомбежек и сражений квартира не пострадала. Она была хорошо обставлена и благоустроена, имела газовую и электрическую плиты,

А.Ф. Тверецкий и СП. Королев. Германия, 1946 г. Фотография В.С. Будника

бытовые удобства. Хозяйка квартиры, генеральша фрау Шпиллер, встретила нас приветливо, накормила вкусным обедом и организовала ночлег.

14 мая мы тремя машинами выехали в Бляйхероде. Пригороды Берлина пестрели небольшими участками земли, огороженными заборами, с маленькими будочками и грядками, засаженными овощами и цветами. Повсюду трудились люди. Поля выглядели обработанными, видны были всходы картофеля и хлебов. От Берлина до Бляйхероде немногим более трехсот километров. Дорога тянулась через сосновые леса, сменившиеся при въезде в Тюрингию садами с фруктовыми деревьями, в основном черешнями. Леса же волнистым зеленым ковром покрывали горы, создавая очень красочную картину. Проехали через город Бранденбург, вернее то, что от него осталось, - немного небольших домиков на окраинах. На фоне

разрухи ходит трамвай - один вагон. Много детей в хорошеньких плетеных и деревянных колясках.

Наша поездка заняла более пяти часов и почти в начале пути со мной случилась неприятность. Дорога в горах нередко шла серпантином. Я никогда до этого не ездила в машине по таким дорогам и буквально с первых километров почувствовала себя плохо. Почти на каждом повороте приходилось останавливаться, чтобы подышать свежим воздухом. Тогда отец предложил выход: пока машина с водителем и мамой совершала виражи, мы с ним вдвоем спускались вниз по крутым тропинкам. И вскоре неприятные ощущения прошли.

Наконец добрались до Бляйхероде. Этот небольшой городок расположен в одном из живописных уголков Тюрингии у подножия двух гор, сплошь покрытых сосновым лесом. Двухэтажные особняки утопают в зелени и цветах, разрушений нет совсем. Мы подъехали к симпатичному дому, ранее принадлежавшему местному бухгалтеру, а теперь предназначенному для нас. На первом этаже располагались гостиная с пианино, столовая и кухня, на втором - спальня родителей с полукруглым балконом, моя комната, кабинет отца и уютный холл. Деревянная лестница, ведущая на второй этаж, украшена горшками с цветущей геранью и картинками с изображениями детей. Гостиную оживлял застекленный эркер, выходивший в небольшой сад.

Готовила нам обед и убирала комнаты бывшая хозяйка, фрау Мария. Ее вместе с мужем выселила из дома советская военная администрация, и они жили по соседству. С этой приятной женщиной средних лет, внимательной и услужливой, у нас сложились хорошие отношения. Она всячески старалась помогать нам и искренне огорчалась, когда мы через несколько месяцев покидали Бляйхероде, чтобы уехать в Москву.

У многих советских специалистов в Германии были свои автомобили: приходилось часто ездить в соседние городки - Нордхаузен, например, находился километрах в 30 от Бляйхероде. Отец ездил на автомобиле вишневого цвета марки «Хорьх» с открывающимся брезентовым верхом. Этот «Хорьх» имел множество разных фар и подфарников. Кроме того, он был украшен клаксоном с несколькими рожками, гудевшими на разные голоса. Отец очень гордился своей машиной и часто интересовался, нравится ли она окружающим.

С первых дней нашего пребывания в Германии мама решила как можно больше увидеть и узнать о совершенно новой для нас стране. Ее, конечно, взволновало мое состояние на пути в Тюрингию, но, к счастью, все оказалось не так плохо. Во время первой, такой трудной для меня поездки организм, наверное, приспособился к езде в машине, и потом я могла ездить сколько угодно, не испытывая никаких неприятных ощущений. Отец отдал в наше распоряжение машину «БМВ» и водителя по фамилии Фишер. Это был симпатичный молодой немец, отец двух детей, воевавший в Африке и благодаря этому не попавший на восточный фронт. Он очень привязался к нам с мамой, и мы платили ему тем же. Когда он болел и лежал в больнице, мама навещала его и носила ему угощения. Кстати, именно Фишеру принадлежала идея научить меня водить автомобиль. Сиденье в машине оказалось, правда, слишком низким, поэтому приходилось укладывать на него свернутое пальто. Фишер сидел рядом и бдительно следил за моими действиями, готовый в любой момент вмешаться. Конечно, я управляла машиной только на автостраде и ехала, наверное, не очень быстро, но удовольствие получала огромное и страшно гордилась собой. Мама, сидя на заднем сиденье, дрожала от волнения, а мы с Фи-

шером радостно и снисходительно посмеивались над ней. К счастью, никаких происшествий во время моего обучения не произошло.

Как правило, по Германии мы ездили двумя машинами - вместе с женой и дочерью генерала А.Ф. Тверецкого. Маршруты разрабатывались нашими мужчинами, которые часто не могли нас сопровождать из-за занятости на работе. Первым путешествием стала поездка 18 мая в Веймар, находившийся в ста десяти километрах от Бляйхероде. Дорога туда, как и практически все дороги в Тюрингии, была с двух сторон обсажена фруктовыми деревьями, в основном белыми черешнями. Фрукты уже начали поспевать, и вдоль дороги тут и там стояли люди, продававшие их ящиками. Мы тоже покупали эти ящики, чтобы самим насладиться и привезти домой отцу, который очень любил черешню. Иногда приходилось видеть, как наши солдаты прямо с машин, на ходу ломали хрупкие ветки с ягодами и потом уже обирали их в кузове. Хорошо, что встречалось это не часто.

Привлекали внимание тщательно возделанные поля и работавшие на них немцы. Они обычно приезжали на велосипедах с прикрепленными сзади низкими четырехколесными грузовыми тележками, а спереди в плетеном стульчике сидел ребенок. Поражало большое количество стриженых овец, множество гусей и уток с выводками, хорошо откормленных лошадей и волов.

По пути в Веймар мы проезжали несколько небольших городов. В Зоннерхаузене, раньше, видимо, уютном и зеленом, большие разрушения наблюдались повсеместно. Разрушена была и центральная часть Эрфурта. Сильное впечатление в этом городе произвел на нас своей архитектурой огромный готический собор с широкой лестницей у входа. Эрфурт буквально утопал в зелени: красивые парки, на улицах под окнами домов - розы, ирисы, пионы.

Веймар - большой симпатичный город, расположенный в живописной горной местности и почти не тронутый войной. Гулять там было очень интересно. Мы побывали в домике Гёте, на кладбище, где похоронены Гёте и Шиллер и где им поставлены красивые памятники. В городе работала русская средняя школа с пансионатом для детей советских военнослужащих и специалистов. Учеников, особенно в старших классах, немного: в восьмом классе всего 17 человек, в девятом - только 8, десятого и вовсе нет. Ребята одеты в темно-синюю школьную форму. У девочек поверх платьев черные фартуки и изящные белые воротнички. Школа занимала большое благоустроенное здание, но испытывала трудности с преподавателями, из-за чего занятия в 1945-1946 учебном году начались лишь в декабре и потому заканчивались только 1 июля.

Одной из самых впечатляющих оказалась поездка 19 мая в Нордхаузен. Было воскресенье, и отец смог поехать вместе с нами. В тот день в Тюрингии впервые проводили массовую посадку картофеля на коллективных полях, и мы видели дружно работающих немцев. Запомнилась окруженная деревьями плотина с водохранилищем, откуда снабжался водой Нордхаузен и все прилегающие к нему местечки.

По улицам города прогуливались хорошо одетые мужчины в мягких шляпах с пером или волосяной кисточкой и женщины, шляпы которых имели вид очень замысловатых сооружений. Город находится всего в восемнадцати километрах от Бляйхероде, но, в отличие от него, разрушен на восемьдесят процентов. И это не случайно, так как рядом с ним, в горе Конштайн, скрыт подземный завод «Миттельверк» - «завод посредине». Он и в самом деле нахо-

дится в средней части Германии и в недрах горного массива, вершина и склоны которого покрыты густым лесом.

С.П. Королев. Германия, 1946 г.

Въезды на завод расположены по обеим сторонам горы и закрыты маскировочными сетями. Через заводские ворота во время войны шли многочисленные железнодорожные составы с оборудованием, материалами и людьми. Эти же составы вывозили замаскированную готовую продукцию. Не только с воздуха, но и в близкой окрестности догадаться о наличии грандиозного подземного комплекса было невозможно. Гора сложена кварцево-калиевой породой. Когда-то здесь добывались калийные соли для удобрения полей и огородов. Завод же был построен в 1942 г., и основная тяжесть строительства легла на советских военнопленных. За время его сооружения и работы здесь погибло более 70 тысяч человек. Длина каждой из четырех пробитых в горе параллельных штолен превышает три километра. Штольни соединены сорока четырьмя поперечными штреками. В штольнях - железнодорожные пути для поездов и асфальтовые дороги для машин. Мы проехали на машине по всей территории завода - обойти ее пешком было немыслимо.

Основная деятельность завода сосредоточивалась на производстве самолетов-снарядов «ФАУ-1» и баллистических ракет «А-4», иначе именовавшихся «ФАУ-2» (V_2) - от немецкого слова Vergeltungswaffe, означающего «оружие возмездия». Завод выпускал около тысячи «ФАУ-2» в месяц. Ко времени нашего посещения завод был уже почти полностью демонтирован, но, несмотря на это, поразил нас масштабами своих сооружений, скрытых от людских глаз.

После осмотра подземного завода мы отправились в находившийся поблизости бывший лагерь смерти «Дора». Здесь фашисты содержали строивших завод и работавших там военнопленных. Лагерь располагался у склона живописной горы и состоял из нескольких десятков низких деревянных бараков, тюрьмы, больницы и крематория. Территорию лагеря окружали три ряда колючей проволоки, один из которых находился под электрическим током. Войдя в лагерь через ворота с двумя караульными будками с обеих сторон, мы оказались на выложенной ровными крупными плитами центральной площади. Заключенные называли ее «лобным местом», так как здесь проводились показательные экзекуции и казни за малейшие нарушения дисциплины и по подозрению в саботаже. Площадь окружала шедшая серпантином широкая асфальтированная дорога, что облегчало контроль охраны за передвижением военнопленных. На нескольких участках серпантина находились будки с надписями «хлеб» на разных языках. Там военнопленные получали свой дневной паек.

В бараках, которые всегда были переполнены, сохранился тяжелый запах. Нары располагались сплошными рядами. В одноэтажном здании с ма-

ленькими окнами, окруженном кирпичным забором, разместилась тюрьма. Рядом - виселица. В подвале тюрьмы сохранились приспособления для пыток заключенных. Центральная дорожка тюремного двора имела в конце резкий наклон и заканчивалась тупиком, так называемым мешком. Человек, доходивший до края дорожки, получал пулю в затылок и падал на цементный пол тупика, уступая место следующему.

Маленький, почти без окон, низкий и до крайности грязный барак на склоне горы у окраины лагеря представлял собой больницу. Рядом зловеще высился крематорий с тремя печами. Тут же располагалась «операционная», где сохранились анатомические столы и некоторые инструменты, с помощью которых фашистские врачи проводили свои преступные эксперименты на военнопленных. По соседству разместился небольшой музей, где экспонировались вызывающие содрогание изделия из человеческой кожи: дамские сумочки, кошельки, закладки для книг, а также коллекция волос всех цветов, срезанных с живых и с мертвых. В здании крематория нам показали комнату, расписанную в экзотическом стиле, которая предназначалась для отдыха персонала этого «учреждения». На стенах ее, покрытых масляной краской с преобладанием черного цвета, были изображены полуодетые женщины с ярко-красными губами, нюхающие цветы, черный кот, гоняющийся за мышонком, какие-то крысы и другие внушающие отвращение твари. Видимо, преследовалась цель создать подходящую психологическую обстановку для фашистских палачей, творивших свои зверства над несчастными людьми.

Мы возвращались домой молча, под жутким впечатлением от увиденного. И хотя мне было тогда лишь одиннадцать лет, я запомнила эту поездку на всю жизнь.

Несмотря на огромную занятость, отец старался выкраивать время, чтобы ездить вместе с нами и показывать самое интересное, чем славилась Германия. Такое путешествие мы совершили несколькими машинами 7 июня 1946 г. к мемориалу Фридриха Барбароссы. Установленная на вершине горы Кифхойзер композиция монументальна и величественна. Огромная фигура Барбароссы, сидящего на массивной скамье, сильного и мужественного старика с бородой, спускающейся почти до колен, словно высечена из скалы. Каждый из нас старался взобраться на его руку или даже на голову, чтобы сфотографироваться. У подножия скамьи - груда хаотично расположенных крупных темно-красных камней, вокруг - арки и лестницы, с двух сторон поднимающиеся к гигантской каменной башне, увенчанной короной. Перед башней - бронзовая конная статуя Вильгельма I. Внутри мемориального комплекса находятся гробницы германских королей и музей национальных реликвий. Туда нас, однако, не впустили, объяснив, что смысла посещать музей нет, поскольку все ценные экспонаты и дорогие украшения уже вывезены оттуда американцами.

Интересен расположенный неподалеку от мемориала колодец глубиной 176 метров, без воды, ранее до дна освещавшийся электрическими лампами. На живописной площадке - метров на двадцать ниже скульптурно-архитектурного ансамбля - расположены гостиница и большой ресторан, но мы их застали закрытыми. С видовой площадки, огороженной каменным парапетом, хорошо видна внизу «золотая долина», самая плодо- и хлебоносная земля Тюрингии, и прекрасно просматривается панорама укрытых зеленым ковром гор, окаймляющих памятник с трех сторон. У подножия соседней вершины находится пещера Барбароссы, мрачная, сырая, с озерами глубиной до трех-четырех метров и оригинально высвеченными потолком и стенами. Благода-

У памятника Фридриху Барбароссе. Справа - СП. Королев, слева третья снизу - Наташа Королева, над головой Барбароссы - К.М. Винцентини. Германия, 7 июня 1946 г.

Во время экскурсии к памятнику Фридриху Барбароссе. На переднем плане - С.П. Королев (слева) и Л.М. Гайдуков. Сзади них слева направо: ЕМ. Курило, Наташа Королева, (?), К.М. Винцентини. Крайний справа - Володя Рязанский. Рядом с ним - А.К. Пилюгина, четвертая справа - Надя Пилюгина. 7 июня 1946 г.

У памятника Фридриху Барбароссе. Слева направо: В.И. Харнев, Т.И. Харчева. С.П. Королев. 7 июня 1946 г.

ря особому освещению находящаяся под водой скала создает впечатление утеса, далеко выступающего за пределы своего основания.

Это увлекательное путешествие чуть было не закончилось трагически. На обратном пути, когда мы двигались по крутому спуску, пошел дождь, а у нашего «БМВ» внезапно отказали тормоза. На одном из опасных поворотов машину занесло и на большой скорости потащило в глубокий кювет. Машину вел отец, я сидела рядом с ним, мама со знакомым инженером - сзади. Привязных ремней тогда еще не существовало. Поняв в какую-то долю секунды, что я неминуемо ударюсь головой о лобовое стекло и у меня будет изуродовано лицо, отец мгновенно среагировал и уперся правой рукой в верхнюю часть стекольной рамы. Стекло растрескалось на множество частей, но не выпало,

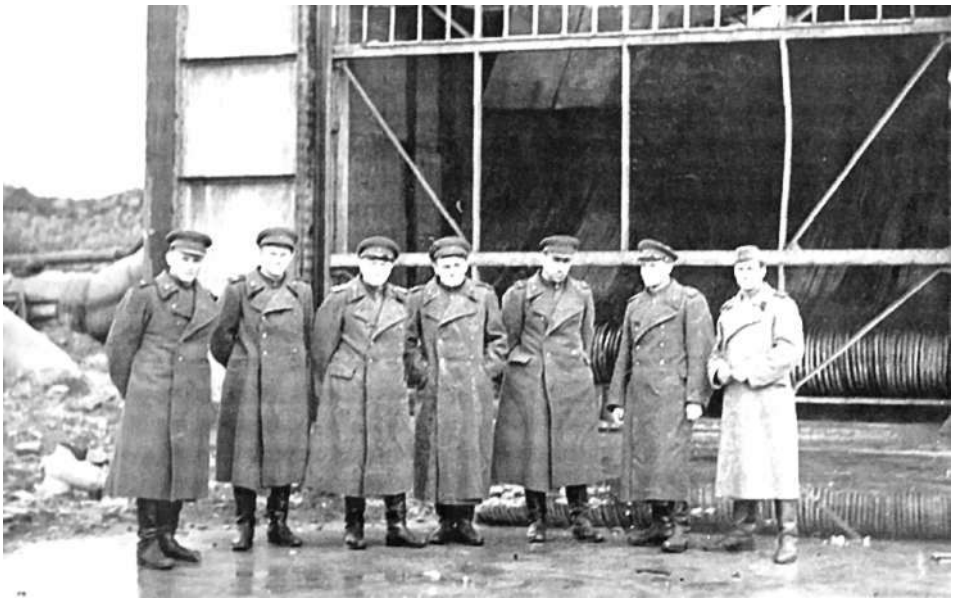
а мою голову спасла подставленная рука отца. Сам он ударился грудью о руль автомобиля, мама - коленом о переднее сиденье, инженер ушиб голову о крышу. К счастью, все отделались лишь ушибами и синяками, хотя, как выяснилось потом, и мама, и отец в тот момент подумали, что остаться в живых нам вряд ли удастся. После удара родители сразу бросились ко мне, и только убедившись, что я невредима, стали осматривать машину. У нее был полностью разбит передок, из радиатора вытекла вода. С огромным трудом мужчины вытащили машину из кювета на дорогу и на буксире доставили до ближайшего населенного пункта, где ее пришлось оставить. Нас же пересадили в другие машины, и мы без новых приключений вернулись домой.

Впечатляющей была и поездка вместе с отцом на Балтийское море, где на острове Уседом располагалась резиденция знаменитого немецкого ракетчика Вернера фон Брауна, защитившего в 1934 г. диссертацию на тему: «Ракетная техника и исследование космоса» («Raketentechnik und Raumfahrtforschung»). Рыбацкая деревушка Пенемюнде в северо-западной части острова дала имя построенному здесь гигантскому ракетному центру. Строительство его началось в 1936 г. и шло бурными темпами при активной поддержке руководства страны и ведущих германских фирм, оснащавших его новейшей аппаратурой и оборудованием. Именно здесь создавались и испытывались «ФАУ-1» и «ФАУ-2», но после массированной бомбардировки Пенемюнде 17 августа 1943 г. англичанами производство самолетов-снарядов и баллистических ракет было в основном переведено на завод «Миттельверк», а испытательный полигон перенесен на территорию оккупированной гитлеровцами Польши.

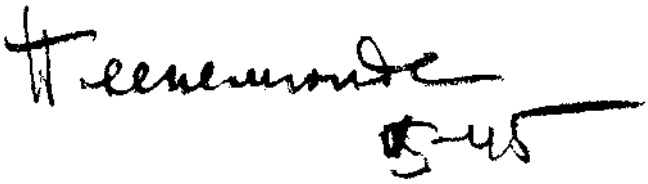
На острове отец показал мне и маме много интересного. Он уже побывал здесь не однажды, впервые - в сентябре 1945 г. Мы увидели шикарные отели и роскошные пляжи известного курорта «Цинновиц», а неподалеку - остатки ракет и технических сооружений, где совсем недавно производилось и испытывалось «оружие возмездия». 3 октября 1942 г. здесь состоялся первый успешный старт ракеты «ФАУ-2». В честь этого события у стартовой площадки установили тогда огромный валун, а на нем бронзовую доску с надписью: «3 октября 1942 г. этот камень упал с моего сердца. Вернер фон Браун».

На острове еще оставались окруженные колючей проволокой лагерные постройки, где во время войны обитали военнопленные разных национальностей. Одним из узников здешнего концлагеря оказался советский летчик М.П. Девятаев. 8 февраля 1945 г. он и еще девять пленников совершили легендарный побег из Пенемюнде, захватив и подняв в воздух немецкий самолет «Хейнкель». Михаил Петрович вспоминал, что осенью 1945 г. его по распоряжению нашего командования вновь привезли на остров Уседом. Там в то время находилось много военных, интересовавшихся всем, что он знал о ракетном центре до своего побега. Наиболее дотошным оказался подполковник, назвавшийся Сергеевым. В 1957 г. М.П. Девятаеву присвоили звание Героя Советского Союза, и, как ему сказали, важную роль в этом решении сыграл профессор К. Сергеев. Только после смерти моего отца Девятаев узнал, кого скрывали под псевдонимом.

Возвращались мы с острова ночью. Вдруг раздался какой-то глухой удар. Находившийся за рулем отец остановил машину. Мы вышли. Оказалось, что под колеса попала лиса. Она была уже мертва, но глаза в темноте светились, как два фонаря. Отец перенес ее с дороги в кювет. Нам было жалко лисичку, но больше всех расстроился отец, не заметивший перебегавшую шоссе рыжую плутовку.



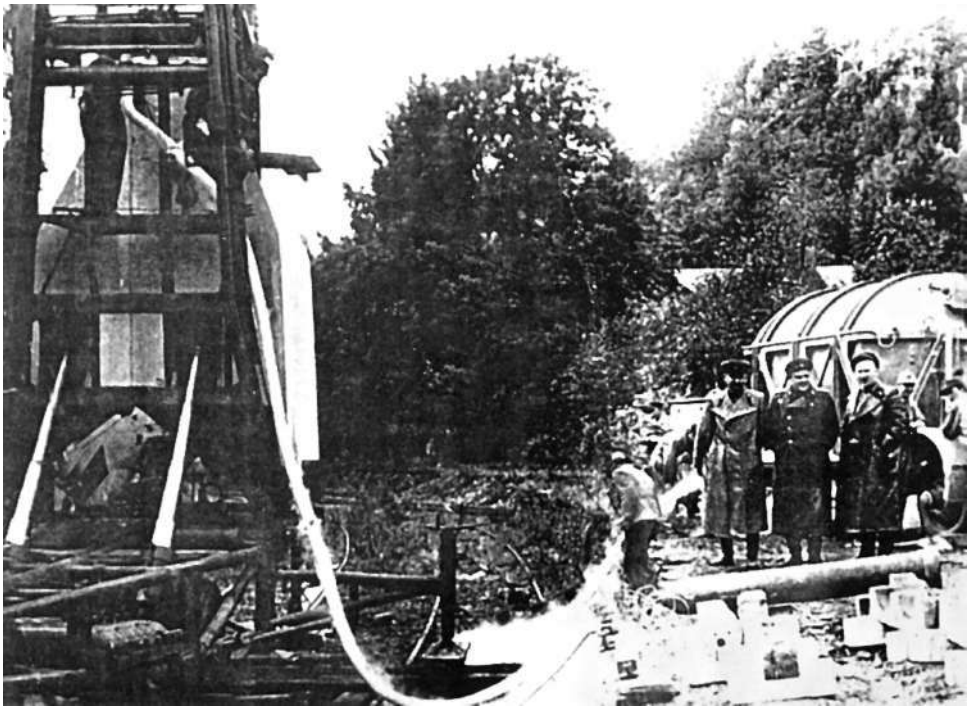
Слева направо: НА. Судаков, Е.В. Синильщиков, С.Ф. Фонарев, СП. Королев, С.С. Захаров, В.М. Харламов, водитель. Пенемюнде, сентябрь 1945 г.



Надпись на обороте

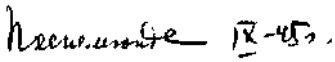
В 1946 г. нашими ракетчиками при участии немецких специалистов была собрана ракета «ФАУ-2», на которой проходили обучение офицеры Бригады особого назначения генерала А.Ф. Тверецкого и создана тренировочная испытательная площадка близ Нордхаузена. Планировалось даже провести учебно-боевой пуск ракеты на территории Германии. Однажды отец пригласил туда заместителя командира Бригады, командира полка гвардии подполковника П.Г. Черненко и замкомполка по технической части инженер-майора А.Б. Крайзмана. Абрам Борисович вспоминал, что были разговоры по делу, но иногда и на отвлеченные темы, во время которых выяснилось, что они с моим отцом земляки - оба родились на житомирщине. Выбрав удобный момент, он спросил отца, как по его мнению, удастся ли человечеству оторваться от грешной, но прекрасной матушки Земли. - «Бесспорно, и мы первыми это сделаем!» - последовал незамедлительный ответ.

Осмотр ракетной базы Пенемюнде. Слева направо: С.П. Королев, С.С. Захаров, С.Ф. Фонарев, Е.В. Синильщиков, Н.А. Судаков, В.М. Харламов. Остров Узедом, сентябрь 1945 г.



Тренировочная площадка для запуска ракет ФАУ-2. Слева направо: А.Б. Крайзман, С.П. Королев, П.Г. Черненко. Германия, 1946 г.

С.П. Королев у двигателя ракеты «ФАУ-2». Пенемюнде, сентябрь 1945 г.



Надпись на обороте

Третий слева - С.П. Королев, четвертый -А.И. Нестеренко. Пенемюнде, сентябрь 1945 г.

Л.А. Воскресенский (слева), С.П. Королев и В.К. Шитов (справа) в Пенемюнде. 1946 г.

Наташа Королева. Пенемюнде, 1946 г.

Группа ракетчиков с семьями в гостях у Бригады особого назначения. Слева направо: сидят - (?), С.П. Королев, М.С. Рязанский, Б.Е. Черток, Н.А. Пилюгин, Ю.А. Победоносцев, Н.М. Вевер, Нина Тверецкая, А.Ф. Тверецкий; крайний справа - Р.Б. Ванников, рядом с ним Наташа Королева, третий справа - А.Б. Крайзман.
Германия, 1946 г.

В середине июня мы с мамой и Тверецкими, уже без отца, ездили в Алексис-Бад, курортный городок, расположенный в семидесяти километрах от Бляйхероде. Дорога шла через старинный город Штольберг со средневековыми узкими улочками, ратушей и кирхой, построенной, как нам сказали, в VI в. Одна из достопримечательностей города - графский замок. Наш водитель рассказал, что его владелец, будучи членом английской королевской семьи, получил предложение покинуть советскую оккупационную зону Германии и переехать в Англию. По словам местных жителей, граф отнесся к этому совету без энтузиазма, но все же принял его.

Алексис-Бад расположен в очень живописном месте в горах. Здесь было трудно поверить, что недавно закончилась тяжелейшая война. Ничего не изменилось: просторный курортный зал, ресторан с музыкой, много уютных уголков в горном парке, купальни, или скорее ванны с какими-то целебными водами. Грандиозное и жуткое зрелище являли собой горы, над которыми за два-три дня до нашего приезда пронесся сильный ураган. Огромные деревья выворочены с корнями, многие сломаны, в чудесной шапке зелени образовались уродливые плеши.

Очень интересной оказалась поездка в Бланкенбург. Мы осмотрели охотничий замок герцога Брауншвейгского и поблизости от него кирху, театр для любительских спектаклей и большой колодец. В замке сто две комнаты и для внутренней связи имелась своя телефонная станция. При входе в центральную, парадную часть замка мы с удивлением увидели огромный

портрет Петра I. Здесь же висели портреты сына Петра Алексея и его жены, как выяснилось, дочери одного из герцогов Брауншвейгских. Внутренняя обстановка замка выглядела довольно невзрачно. Стены, ранее обитые шелком - остатки его виднелись кое-где под потолком, - теперь были побелены. Всюду висели хорошо обработанные, укрепленные бронзовыми штифтами оленьи рога. В рабочем кабинете герцога стоял макет замка Брауншвейг, там же мы увидели головы двух оленей со сплетенными рогами. Нам рассказали, что однажды во время охоты герцог увидел дерущихся оленей и решил спасти их - отпилить накрепко сцепившиеся рога. Но выполнить это не успели - кто-то из свиты герцога пристрелил животных. И вот теперь их головы украшали кабинет.

С.П. Королев. Германия, 1946 г.

В одной из комнат помещалась библиотека. На стене висела фотография с изображением картины разгрома советского аэродрома: горящие самолеты, бегущие летчики... На полках несколько книг с портретами Гитлера, на полу обрывок газеты с его фотоснимком, который я, как вспоминала мама, с ненавистью растоптала. Несомненно, хозяева замка были приверженцами нацистского режима и потому перед концом войны спешно покинули свои владения.

Однажды отец повез нас в Гарц - горный массив с густым смешанным лесом в центральной части Тюрингии. Оказывается, три четверти всех лесов Германии - искусственные насаждения. Деревья посажены параллельными рядами, в шахматном порядке. При заготовке леса, как правило, оголяется широкая полоса или даже весь склон горы, и тотчас же рядом с еще не выкорчеванными пнями производится посадка молодых деревьев, чаще елей. Вот почему склоны гор так живописны и похожи на пушистый ковер из одинаковых по высоте и цвету молодых или взрослых деревьев.

Проезжая по горной дороге, мы оказались в Рюбеланде, стране сталактитовых и сталагмитовых пещер. Все залы в пещерах освещались замаскированными электрическими лампами и производили сказочное впечатление. На обратном пути недалеко от города Хассельфельда отец показал нам красивое горное озеро с купальнями и рестораном. Множество людей проводили там выходной день.

Вместе с отцом мы ездили и на завод «Рейн-Металл-Борзик» в Зоммерде, небольшом старинном городе Тюрингии, расположившемся на берегу живописной речки. Центр его был когда-то обнесен частично сохранившейся и в наши дни каменной стеной с башнями. В этой части города много старых двух-, трехэтажных симпатичных домов и узких средневековых улиц. А в новых районах - большие широкие магистрали с современными постройками. На заводском дворе привлекали внимание многочисленные сооружения под

СП. Королев. Германия, 1946 г.

железными навесами, предназначенные для стоянки велосипедов. Этот вид транспорта используется в Германии людьми всех возрастов, от малых детей до стариков. Иногда в помощь велосипедисту, особенно при наличии прицепной коляски, впрягаются одна или две собаки. Детей в Германии на руках никто не носит. Дети покорно и тихо сидят в колясках, путешествуя вместе с родителями, причем те без опасений оставляют коляску с ребенком у магазина.

К сожалению, у отца было слишком много работы, и зачастую нам приходилось путешествовать без него. Однажды мы побывали в Саксонской Швейцарии. Ездили туда на «мерседесе» Ю.А. Победоносцева вместе с ним, его женой Н.М. Вевер и их дочерью Наташей, пятью годами старше меня. В этом сказочном уголке природы мы провели всего два дня, ибо Юрий Александрович должен был возвращаться на работу, но получили там истинное наслаждение.

С женой и дочерью генерала А.Ф. Тверецкого мы посетили замок Кёнингсбайн, в котором во время войны фашисты содержали французских военнопленных из числа высшего комсостава. Замок находится высоко в горах над Эльбой. Въездные ворота в момент нашего приезда оказались закрытыми. По счастью, мы увидели у стены вблизи дороги лифт, на котором нас поднял один из охранников замка, видимо, пожалевший двух русских женщин и двух девочек. Лифт представлял собой довольно большую площадку, не имевшую никакого ограждения. Сзади нас поднималась высокая, совершенно отвесная стена, а с трех других сторон - ничего. Вид перед нами открывался очень красивый, но о самом подъеме даже сейчас страшно вспоминать. Особенно неприятным был момент, когда лифт вдруг внезапно остановился, - возможно, таким способом охранник решил проверить наши нервы. К тому же дул сильный ветер и казалось, что он вот-вот сбросит нас вниз. Помню, что мама крепко держала меня, боясь, как бы я не сделала шаг в сторону. Поднявшись наконец наверх и переведя дух, мы осмотрели интересный замок, в котором еще недавно жили плененные военачальники. Охранник рассказал, что один их них, генерал Анри Жиро, сумел бежать, спустившись со стены по связанным простыням.

Полюбовавшись живописным видом на Эльбу и окрестности, мы спустились вниз, но уже не на лифте, а пешком, по той самой дороге, которая была закрыта для машин.

Позже мы осмотрели еще несколько замков. Мама немного знала немецкий язык - учила когда-то в школе, частично восстановила в процессе общения с хозяйкой нашего дома - и во время поездок по стране иногда выступала даже в роли переводчика.

Однажды мы ездили с отцом по его делам в город Галле. Там, узнав, что у Сергея Павловича жена хирург, да еще из Москвы, представители советской военной администрации попросили ее помочь в проведении операции. Нужно было извлечь пулю из грудной клетки у нашего офицера. Маму отвезли в госпиталь, и там она помогала немецкому хирургу. Благодаря этому отпала необходимость в вызове советского хирурга, что стало бы неизбежным, если бы рядом не оказалось мамы, - операции нашим военнослужащим разрешалось выполнять тогда только при участии отечественных врачей.

СП. Королев. Германия, 1946 г.

В середине июня отец поехал в Берлин и взял нас с собой. Пока он занимался делами, мы с мамой решили осмотреть достопримечательности города. К сожалению, шел сильный дождь, но мы все равно, конечно, не могли упустить такой редкой возможности. Помню, нас поразила дорога для электропоездов, проходящая на опорах высоко над землей. Это был распространенный на Западе сабвей, а мы увидели его тогда впервые. Так же, как и в других немецких городах, по улицам Берлина двигалось множество велосипедистов. В сравнительно менее разрушенной части города - Курфюрстендамме и вблизи него располагались многочисленные частные магазины с красивыми, но очень дорогими вещами. Входы в магазины устланы пушистыми ковровыми дорожками, продавщицы элегантно одеты. Непривычно было сознавать, что каждый из магазинов имеет своего хозяина или хозяйку, видимо, уцелевших во время войны.

В полуразрушенном здании университета кипела жизнь - много студентов и преподавателей, хотя в аудиториях и лабораториях разбитые окна были еще не застеклены, а закрыты фанерой с небольшой стеклянной форточкой посередине. Грандиозным зрелищем предстала разрушенная радиостанция Германии, откуда произносил свои речи Геббельс. Теперь радиостанция и Дом радио размещались напротив, тоже в очень большом здании. Рядом находились дорожки для мотоаттракционов с трамплином, позволяющим спортсменам пролетать над землей 8-9 метров, и трибуны для зрителей.

Река Шпрее и канал, одетые в гранит, ничего интересного собой не представляли. Зато чрезвычайно красивы многочисленные большие озера, по которым двигались теплоходы, баржи, моторные и весельные лодки, яхты.

По распоряжению коменданта Берлина разрушенные дома, находившиеся в аварийном состоянии, взрывали, а развалины разбирали. Процесс этот шел небыстро. Спустя год после окончания войны последствия ее встречались на каждом шагу. Довольно жалкое впечатление производило

С.П. Королев с женой К.М. Винцентини (слева), дочерью Наташей и тетей М.И. Рудомино. Бляйхероде, 1946 г. Фотография А.В. Рудомино

М.И. Рудомино и Наташа Королева. Бляйхероде, 1946 г. Фотография А.В. Рудомино

берлинское метро, темное, грязное, неуютное. Никакого сравнения с московским.

Во второй половине дня дождь прекратился и мы неожиданно оказались свидетелями любопытного представления. Над Королевской площадью на высоте 42 метров натянули канат, по которому с длинными шестами в руках медленно пошли две симпатичные девушки - воздушные акробатки. Площадь почти полностью заполнилась зрителями, молча, затаив дыхание, наблюдавшими за отважными канатоходками. Артистки, несмотря на отсутствие какой-либо страховки, двигались довольно уверенно. Мама и я тоже переживали за них и были рады, когда они наконец закончили свое выступление.

Однажды отец предложил нам поехать с ним посмотреть шахту, где добывают калийную соль. Шахта глубиной около 700 метров находилась недалеко от Бляйхероде. Мама в свою бытность врачом в Донбассе многократно спускалась под землю, а для меня все было в диковину - и интересно, и страшновато. Шахта и горизонтальные выработки были хорошо освещены. Повсюду на стенах просторных, не имевших никаких креплений штолен сверкали белые кристаллы калийной соли. Это напоминало очаровательную зимнюю сказку. Нас сопровождал шахтер-немец, он рассказывал о шахте, а мама со знанием дела переводила. По-видимому, наш проводник проникся к ней симпатией. Расставаясь, он подарил ей красиво оформленную колбу с разноцветными кусочками калийной соли.

Удалось нам с мамой и Тверецкими - без отца - осмотреть еще три крупных немецких города: Иену, Лейпциг и Дрезден. Иена расположена в живописной гористой местности. Это красивый, утопающий в зелени город, почти не тронутый войной, с запоминающейся архитектурой.

Дрезден поразил нас видом разрушенных зданий - следствием беспощадной бомбардировки города союзниками в феврале 1945 г. На прямых, будто начерченных на планшете улицах, стояли пустые безжизненные коробки: стены без крыш и окон. Лейпциг же почти не был разрушен.

Мы много путешествовали по Германии, но всегда с удовольствием возвращались в Бляйхероде. Благодаря маме, наш дом отличался гостеприимством. У нас постоянно бывали работавшие с отцом сотрудники и члены их семей. Некоторые приезжали вместе с ним обедать, среди них В.П. Глушко, В.К. Шитов и другие. Я хорошо помню, например, голубую «опель-олимпию» Валентина Петровича, в которой он тогда ездил. Бывали у нас В.П. Мишин, будущий академик, первый заместитель, а затем преемник отца на посту главного конструктора, В.П. Бармин, в дальнейшем академик, главный конструктор наземных средств обеспечения старта ракет, Г.А. Тюлин, впоследствии директор Центрального института машиностроения, а позднее первый заместитель министра общего машиностроения.

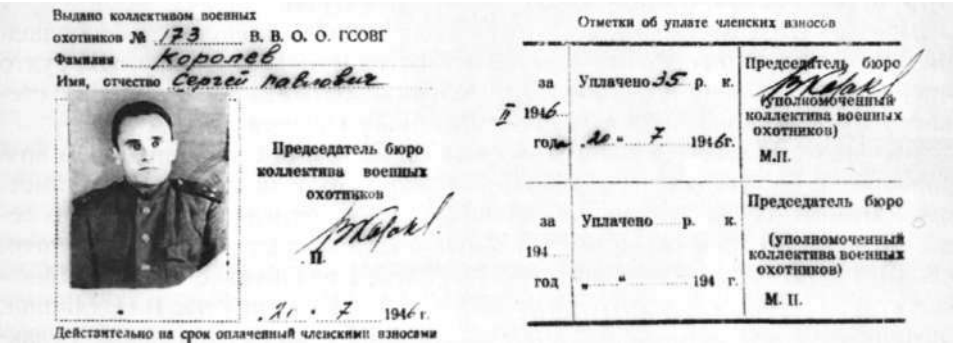
По вечерам, когда собиралась компания, мама играла на пианино - что-то из классики. Но больше всего запомнилось, как мы пели под ее аккомпанемент русские народные песни. Наверное, вдали от Родины как-то по-особенному ощущаешь все русское, такое далекое и, вместе с тем, родное и близкое.

Частыми и желанными нашими гостями были М.И. Рудомино, тетя моего отца, и ее сын А.В. Рудомино, его двоюродный брат. Маргарита Ивановна в звании подполковника занималась организацией отправки из Германии в СССР экспроприированной у немцев литературы. Адриан Васильевич, которому исполнился тогда двадцать один год, окончил войну лейтенантом в городе Ростоке и был прикомандирован к аппарату Уполномоченного Особого

ОХОТНИЧИЙ БИЛЕТ ВИ № 20313
1. Фамилия Королев
2. Имя и отчество Сергей павлович
3. Год рождения
льство п. п 11477
Билет выдан КВО№173 ВОО ГСОВГ
(какой организацией)
(Печать и подпись)
„20" июля 1946 г.
Билет действителен в течение одного года со дня выдачи
Билет заполняется только чернилами

МВС СССР
Всеармейское Военно-Охотничье
Общество Группы Советских
Оккупационных Войск в Германии
УДОСТОВЕРЕНИЕ № 20313
взамен членского билета В. В. О. О

Охотничий билет и удостоверение СП. Королева. Германия, 20 июля 1946 г.


Выдано коллективом военных
охотников № 173 В. В. О. О. ГСОВГ
Фамилия Королев
Имя, отчество Сергей павлович
Председатель бюро коллектива военных охотников
М.П.
21 7 1946 г.
Действительно на срок оплаченный членскими взносами

Отметки об уплате членских взносов

за 1946 год	Уплачено 35 р. к. „20" 7 1946 г.	Председатель бюро (уполномоченный коллектива военных охотников) М.П.
за 194 год	Уплачено р. к. „ " 194 г.	Председатель бюро (уполномоченный коллектива военных охотников) М. П.

комитета* при Государственном комитете обороны СССР в Германии. Они приезжали к нам чаще всего на выходные дни. Мы вместе гуляли, куда-нибудь ездили или ходили в кино. Во время одной из таких поездок неожиданно обнаружили, что всего в 10-12 км от Бляйхероде проходит граница советской и английской оккупационных зон. Она представляла собой межу, обозначенную довольно витиевато натянутой на протяжении сотен километров колючей проволокой. Ни часовых, ни какой-либо охраны мы не увидели. Немцы, да и все желающие без всяких пропусков и разрешений могли свободно проходить из одной зоны оккупации в другую.

---

* Особый комитет при ГКО СССР был создан в 1945 г. для организации вывоза из Германии в СССР обусловленных Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями трофейных ценностей. - *Прим. ред.*

В Бляйхероде находились два кинотеатра с просторными, хорошо проветриваемыми залами. Мы обычно ходили в кинотеатр «Капитол». Два ряда мест в центре предназначались для советских офицеров и их семей, и только после начала сеанса эти места разрешалось занимать немцам. Первый раз я пришла с родителями на фильм «Девушка моей мечты» с актрисой Марикой Рокк. Поскольку сеанс был вечерним, а мне исполнилось только 11 лет, немец, стоявший у входа, пускать меня не хотел, на что я с возмущением сказала: «Как это! Мы победители и нас не пускают?!» Он, видимо, понял и всегда с улыбкой пропускал меня. Кинофильмы сменялись каждые три дня. Запомнились немецкие ленты «Карнавал любви» и, особенно, «Сердце должно молчать» - фильм из жизни энтузиастов-медиков, врача-рентгенолога и его помощницы. Иногда перед началом сеанса выступала пожилая немка, быстро и ловко отгадывавшая желания публики и исполнявшая ее различные задания. Это напоминало выступления знаменитого Вольфа Мессинга в Москве.

В свободное от поездок время мы с Ниной Тверецкой ходили в бассейн. Там я научилась плавать. Учитель, пожилой симпатичный немец, надевал на нас пробковые пояса и очень смешно показывал, какие движения мы должны выполнять.

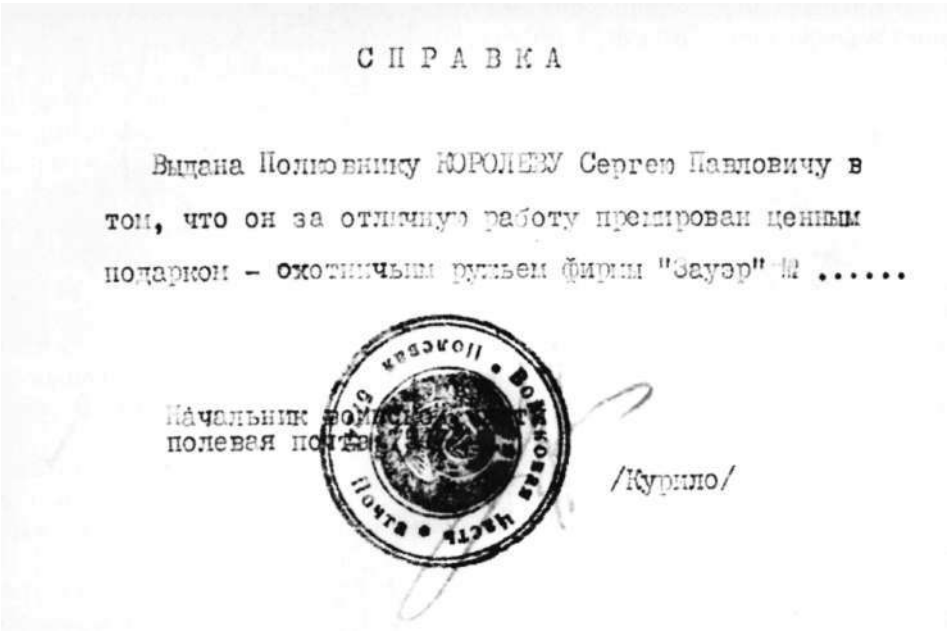
Отец старался уделять мне по возможности больше времени, словно стремясь наверстать упущенное за прошедшие годы. Мы много разговаривали с ним - о прочитанных книгах, о кинофильмах, иногда он приносил с собой какие-то угощения. Конечно, я не знала, в чем состоит его работа, понимала лишь, что он занят чем-то важным. Я всегда ждала его прихода домой. С ним было интересно, а главное - я чувствовала в нем силу и надежность.

Живя в Германии, мы иногда посещали увеселительные заведения типа баров. Там обычно бывало много немцев. Они сидели весь вечер, танцевали и пили, в основном пиво и шнапс. Однако русскую водку любили больше всего. Но вот что важно: пьяных не было. Ни одного нетрезвого немца мы ни разу не видели. Видимо, люди хорошо закусывали и умели вовремя остановиться.

Не помню, чтобы отец в Германии охотился. Скорее всего - нет, на это просто не было времени. Тем не менее 20 июля 1946 г. Военно-охотничье общество Группы советских оккупационных войск в Германии выдало ему охотничий билет и соответствующее удостоверение. Тогда же за отличную работу его премировали ценным подарком - охотничьим ружьем фирмы «Зауэр».

6 августа родители отмечали 15-ю годовщину свадьбы. Собралось много гостей, в основном сослуживцы отца с женами. Приехали и Маргарита Ивановна с Адрианом. Праздновали торжественно, весело, на столе стояло множество вкусных блюд и напитков. Вдруг среди гостей мама увидела того самого сотрудника НКВД, который в 1939 г. в Тимирязевском музее уговаривал ее стать «информатором», но получил категорический отказ. Мама узнала его сразу. Он подошел к ней, поцеловал руку, сказал приятные, теплые слова и, конечно, не вспоминал об их первой встрече. На вопрос мамы: кто этот человек? - отец ответил, что он работает в советской военной администрации Бляйхероде. Мама не решилась рассказать мужу об обстоятельствах своего знакомства с ним, опасаясь, что это может навредить семье. Она тогда подумала, что, возможно, он приставлен к отцу, чтобы следить за ним.

Эта неожиданная встреча испортила маме настроение, хотя незнакомец был очень любезен. Я тогда, конечно, ничего этого не знала и не замечала. Помню шумное оживление. Тосты следовали один за другим. Только заполночь все разошлись.



СПРАВКА

Выдана Полковнику КОРОЛЕВУ Сергею Павловичу в том, что он за отличную работу премирован ценным подарком - охотничьим ружьем фирмы "Зауэр" № .....

Начальник воинской части
полевая почта

/Курило/

Справка о награждении СП. Королева охотничьим ружьем. Германия, 1946 г.

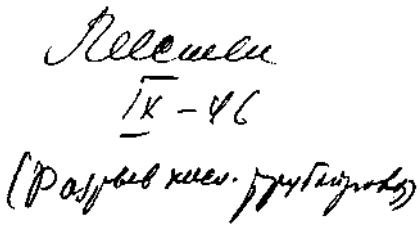
Во время нашего пребывания в Бляйхероде туда приехала правительственная комиссия во главе министром вооружений СССР Д.Ф. Устиновым, который объявил сотрудникам института «Нордхаузен» о принятом решении свернуть работы в Германии и продолжить их в Советском Союзе. Проведение экспериментальных пусков ракет «ФАУ-2» также переносилось на территорию нашей страны. 9 августа 1946 г. Д.Ф. Устинов подписал приказ, согласно которому отец переводился на работу начальником отдела № 3 НИИ-88 и назначался главным конструктором изделия № 1. Государственный союзный НИИ реактивного вооружения (НИИ-88) был создан в подмосковном Калининграде приказом Д.Ф. Устинова 16 мая 1946 г. на основании постановления Совета министров СССР от 13 мая 1946 г., предусматривавшего небывало широкое развитие работ по ракетной технике в СССР. Директором института назначили генерал-майора артиллерии Л.Р. Гонора, главным инженером - Ю.А. Победоносцева. Институт создавался как головное предприятие страны по ракетному вооружению. А под изделием № 1 подразумевалась баллистическая ракета дальнего действия (БРДД) типа «ФАУ-2».

Началась подготовка к отъезду. Составлялись отчеты о проделанной в Германии работе, собирались в дорогу советские специалисты. Стали готовиться и мы с мамой. 1 сентября начинались занятия в школе, мне не хотелось опаздывать, тем более что и приезд отца в Москву планировался на осень 1946 г. Вместе с тем, из живших в Бляйхероде семей мы уезжали в числе первых. Другие жены решили дожидаться своих мужей. И мы, наверное, могли бы еще остаться, но этого не хотела мама. Не хотела потому, что в Германии во взаимоотношениях моих родителей наметился раскол. Об этом я узнала много позже, когда повзрослела и стала способна понимать произошедшее. Случилось то, что, казалось, не должно было произойти: муж и жена, любящие друг друга, разлученные волей рока на восемь долгих лет, вновь стали

С.П. Королев и Л.Р. Гонор в салоне самолета. Конец 1940-х годов

С.П. Королев и Ю.А. Победоносцев. Германия, 1946 г.

На базе огневых испытаний двигателей - разрыв кислородного трубопровода. С.П. Королев - второй справа. Леестен, сентябрь 1946 г.



Надпись на обороте

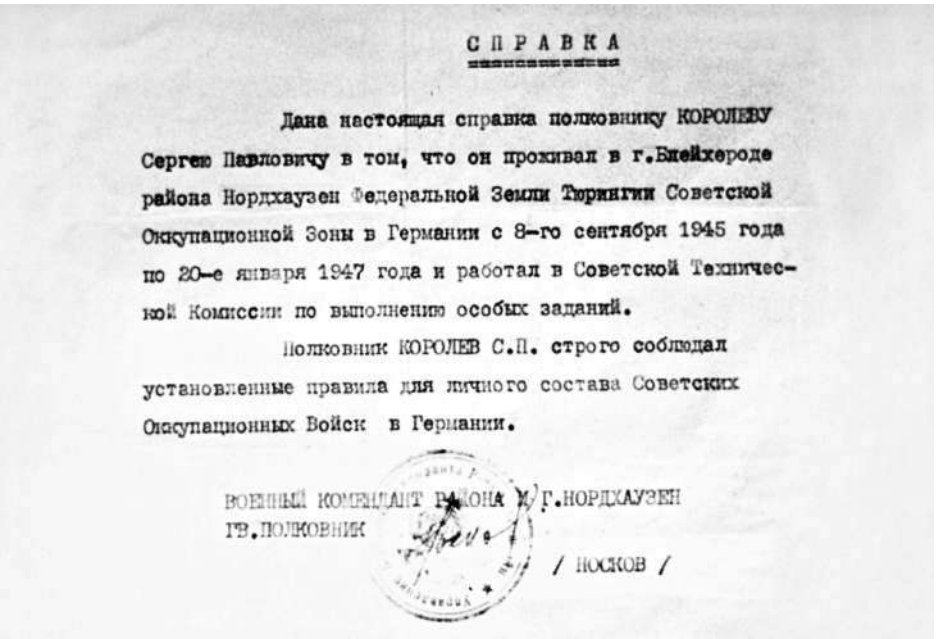
жить вместе под одной крышей, однако, к огромному сожалению, радости и удовлетворения эта долгожданная совместная жизнь не принесла. Отец был всегда безумно занят, он «дорвался» до любимого дела, отдавался ему безоглядно и, конечно, очень уставал. Мама же, привыкшая работать с утра до ночи, здесь изнывала от бездействия и, главное, от одиночества. Она видела мужа урывками, ей не хватало его внимания и заботы. Поговорить, поделиться было не с кем, и она доверяла свои мысли и чувства дневнику: «Да, поистине не умею я быть домашней хозяйкой, ничего не представляющим собой как «Я» человеком и просто женой. Многие скучающие здесь жены называют себя «спальными принадлежностями» своих мужей. Видимо, это главное, что отличает меня от них. А как хочется немного тепла, заботы и ласки...» Мама вспоминала, что люди, бывавшие в нашем доме, сочувствовали ей, жалели, и от этого становилось еще тяжелее. И потому, сославшись на то, что начинаются занятия в школе, а у нее уже закончился отпуск, она объявила, что мы должны уехать. Знакомые, друзья убеждали ее остаться, но она чувствовала, что так будет лучше для всех. В последних числах августа отец привез нас на машине - с Фишером за рулем - из Бляйхероде в Берлин и посадил в военно-

С.П. Королев.
Один из последних снимков в Бляйхероде.
Январь 1947 г.

транспортный самолет «Ли-2». Расставание было грустным. Отец выглядел удрученным, я горевала, что он остается в чужой стране один, без нас, мама плакала. На прощание отец сказал, что постарается по возможности быстрее приехать в Москву. Фишер бежал по взлетной полосе за самолетом и махал нам рукой - он очень жалел, что мы покидали Германию.

Летели шесть часов без посадки. В самолете не было кресел. Вдоль бортов его располагались металлические скамьи и небольшой диван, на котором я спала. Кроме нас с мамой пассажирами летели еще несколько военных и гражданских, видимо, направлявшихся в Москву по служебным делам. Во время полета нас изрядно трясло, мы проваливались в воздушные ямы и облегченно вздохнули, лишь когда наконец приземлились на московском аэродроме. Хорошо помню ощущение необыкновенной радости, которое я, одиннадцатилетняя, испытала от возвращения на родную землю. Мы прожили в Германии всего три с половиной месяца, увидели много нового, необычного, а меня все равно тянуло домой. Уже тогда я поняла и в последующие годы убеждалась в том неоднократно, что не хочу и не могу жить вдали от своей страны. И мне так близки и понятны чувства ностальгии у людей, в силу разных обстоятельств надолго или навсегда оторванных от Родины.

Бабушки и дедушки очень обрадовались нашему возвращению. Я вновь поселилась на Октябрьской и первого сентября пошла в пятый класс. Лиза с нами уже не жила. В марте 1946 г. она вышла замуж за бывшего маминого пациента, с которым познакомилась, работая во время войны санитаркой в Боткинской больнице. Свадьбу сыграли в квартире на Октябрьской. Лиза родила двух дочерей, у старшей из которых я была крестной матерью. До последних дней моей бывшей няни мы сохраняли с ней самые добрые отношения. Мама



СПРАВКА

Дана настоящая справка полковнику КОРОЛЕВУ Сергею Павловичу в том, что он проживал в г.Блейхероде района Нордхаузен Федеральной Земли Тюрингии Советской Оккупационной Зоны в Германии с 8-го сентября 1945 года по 20-е января 1947 года и работал в Советской Технической Комиссии по выполнению особых заданий.

Полковник КОРОЛЕВ С.П. строго соблюдал установленные правила для личного состава Советских Оккупационных Войск в Германии.

ВОЕННЫЙ КОМЕНДАНТ РАЙОНА И г.НОРДХАУЗЕН
ГВ.ПОЛКОВНИК

/ НОСКОВ /

Справка о работе С.П. Королева в Германии. 20 января 1947 г.

продолжала жить с соседями в квартире на Конюшковской и ждала мужа в тайной надежде, что трещинка в душе, с которой она вернулась из Германии, со временем зарубцуется. Отец продолжал работать в Германии и приехал только в конце января 1947 г., о чем свидетельствует выданная ему справка.

«СПРАВКА

Дана настоящая справка полковнику КОРОЛЕВУ Сергею Павловичу в том, что он проживал в г. Бляйхероде района Нордхаузен Федеральной Земли Тюрингии Советской Оккупационной Зоны в Германии с 8-го сентября 1945 года по 20-е января 1947 года и работал в Советской Технической Комиссии по выполнению особых заданий.

Полковник КОРОЛЕВ СП. строго соблюдал установленные правила для личного состава Советских Оккупационных Войск в Германии.

ВОЕННЫЙ КОМЕНДАНТ РАЙОНА И г. НОРДХАУЗЕН
ГВ. ПОЛКОВНИК НОСКОВ»

Так закончился германский период жизни отца. В эти 16 месяцев, проведенных на немецкой земле, отец окончательно почувствовал себя свободным. Мало того, он получил возможность полностью отдать себя любимой ракетной технике. Его, безусловно, не оставляла мысль, что, создав «ФАУ-1» и «ФАУ-2», немцы значительно опередили нас и нужно сделать все, чтобы ликвидировать опасное отставание как можно скорее. Изучая трофейную ракетную технику, он думал о создании более совершенных ракет, превосходящих немецкие. У него, как говорится, «чесались руки». Назначение главным конструктором БРДД открывало возможность претворить в жизнь, пусть не сразу, те дерзкие идеи, что давно вынашивались в его голове. Он ехал в Москву окрыленным, полным творческих планов и надежд на успешное осуществление своих замыслов. Жизнь коротка, но ему еще только сорок, так много можно успеть!

Глава пятнадцатая

В СТРЕМИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ (1947-1956)

Вернувшись в Москву, отец с головой окунулся в работу. А ее было невпроворот. Б.Е. Черток вспоминал, что когда приехавшие из Германии ракетчики увидели завод, где им предстояло работать, они пришли в смятение - столь не соответствовал он их представлениям о производстве техники будущего. История этого предприятия восходит к середине XIX в., когда в Петербурге был основан первый в России пушечный завод. В 1918 г. его перевели в Подмосковье, в район станции Подлипки, и он стал называться Московским орудийным заводом. В 1922 г. заводу присвоили имя М.И. Калинина, который в 1911 г. работал там токарем-шлифовщиком. В 1941 г. завод эвакуировался частично в Свердловск, частично в Пермь, но и оставшееся на прежнем месте производство (в г. Калининграде), получившее номер 88, продолжало работать для Победы. С конца 1945 г. завод, сокращая выпуск орудий, стал производить буровые установки и нефтяные насосы. Однако вскоре ему пришлось вернуться к оборонным задачам - стать базой созданного в мае 1946 г. центра разработки новейшей ракетной техники - НИИ-88.

Ракетчикам предстояло начинать почти с нуля: доставать оборудование, подбирать и обучать кадры, налаживать производство. Первым директором сменившего профиль завода № 88 стал П.И. Малолетов. Сохранился снимок, где он и отец сфотографированы 1 мая 1947 г. в Калининграде после демонстрации.

В НИИ-88 (институт создавался на базе завода и потому получил тот же номер) отцу назначили оклад 6000 рублей. Задачей его отдела являлось проектирование баллистических ракет дальнего действия. 6 февраля 1947 г. отец подготовил для доклада правительству «Заметки по ракетной технике», где четко обозначил свое критическое отношение к немецкой ракете «ФАУ-2» («А-4»), указал на недостатки ее конструкции и в то же время обосновал необходимость скорейшей проверки ее технических характеристик в ходе летных испытаний. В свойственной ему манере «Заметки» заканчивались конкретными предложениями по плану работ с указанием сроков и исполнителей. 14 апреля 1947 г. состоялось заседание Правительства, в котором наряду с видными военачальниками и руководителями промышленности впервые участвовал и мой отец. Там было решено приступить к разработке отечественных ракет дальнего действия, но в качестве первого шага создать ракету «Р-1», аналог немецкой ракеты «А-4», чтобы в процессе ее изготовления набраться опыта и подготовить материальную базу для развития работ.

После окончания заседания отца пригласили на беседу к И.В. Сталину. Для всех нас Сталин был тогда почти богом, и, наверное, поэтому рассказ от-

СССР

...рство Вооружений

...арственный Союзный

ЗАВОД № 88

...Найма и Увольнения

29 сентября 1947 г.

№ 32/51

...Почтовый ящик

СПРАВКА

Выдана настоящая тов. Короневу Сергею Павловичу

в том, что он действительно работает на заводе № 88 МВ СССР в должности гл. конструктора с окладом 6000 (шесть тысяч) рублей

Выдана для представления по требованию

Пом. директора НИИ-88 по кадрам (ИВАШНИКОВ)

Зав. столом личного состава (БОЛДЫРЕВ)

29/IX 47

2248

Справка о работе СП. Королева на заводе № 88 (НИИ-88). Калининград Московской области, 29 сентября 1947 г.

П.И. Малолетов и СП. Королев на демонстрации. Калининград, 1 мая 1947 г.

ца о той встрече так врезался мне в память. Но и он на всю жизнь запомнил это событие и через шестнадцать лет в деталях описывал его в беседе с корреспондентом ТАСС А.П. Романовым.

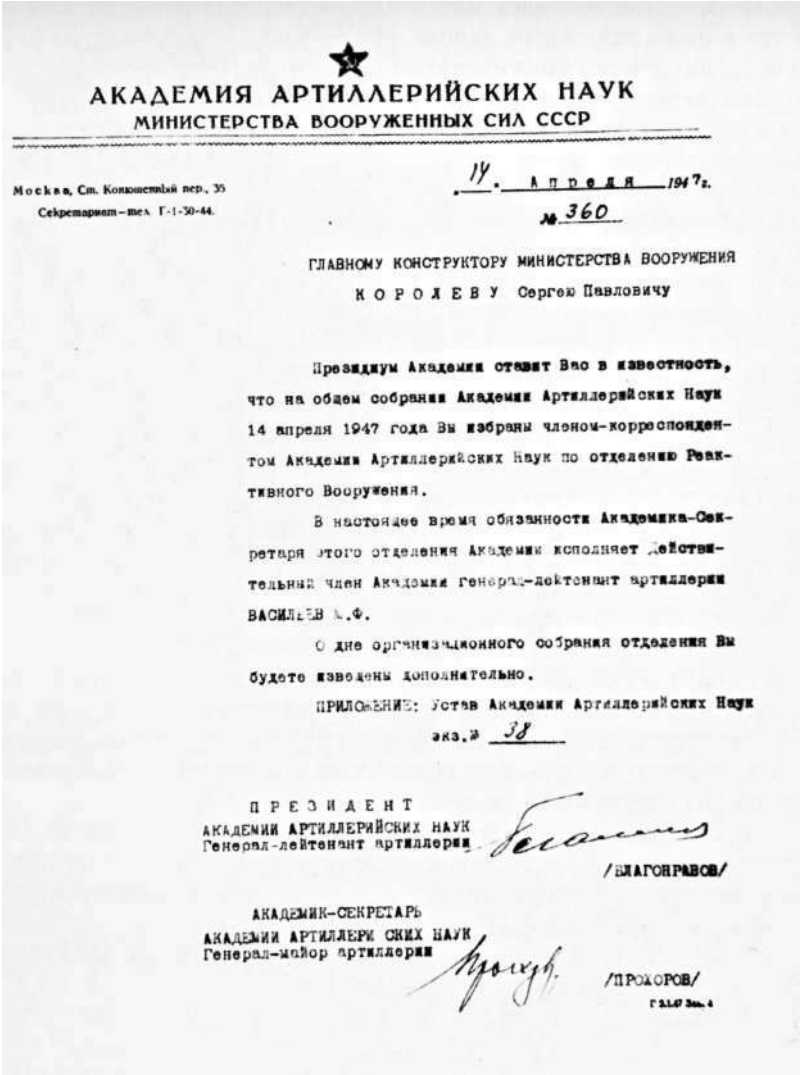
С.П. Королев. Москва, 1947 г.

Перед входом в кабинет председателя Правительства, секретаря ЦК ВКП(б) отца предупредили, чтобы он не задавал никаких вопросов и был предельно краток. Небольшую папку с тремя листками конспекта доклада не разрешили взять с собой, что его удивило, но не обескуражило, так как все необходимые данные он помнил наизусть. Сталин ответил на приветствие, но руки не подал. Он был сдержан, медленно ходил по кабинету, покуривая свою знаменитую трубку. Слушал молча, почти не вынимая трубки изо рта. Иногда прерывал и не спеша, тихим голосом задавал вопросы. Отца поразила его компетентность. Создавалось впечатление (конечно, так и было), что он специально готовился к этому разговору - все вопросы были по существу. Отец не знал, одобряет ли Сталин то, что он говорил. Всем известно, как много значило в те годы слово Сталина. Главный конструктор надеялся на его поддержку и не ошибся.

Встреча со Сталиным произвела на отца большое впечатление. Он разговаривал с человеком, к которому несколько лет назад обращался из Бутырской и Новочеркасской тюрем, доказывая необходимость развития ракетной техники и свою невиновность. И вот теперь - личная встреча и деловой, нацеленный на огромную перспективу разговор. Какие сюрпризы преподносит жизнь!

В тот же день, 14 апреля 1947 г., на общем собрании Академии артиллерийских наук отца избрали членом-корреспондентом Академии по отделению реактивного вооружения. Это явилось признанием его вклада в разработку нового оружия.

Отец полагал, что при проведении испытаний ракеты «А-4» существенную помощь могут оказать вывезенные в СССР после войны немецкие специалисты. В этой связи 11 апреля 1947 г. им была составлена записка на имя главного инженера НИИ-88 Ю.А. Победоносцева и директора завода № 88 П.И. Малолетова, в которой он предлагал шире использовать немецких ракетчиков в проектных работах и в обучении советских специалистов. Максимальная экономия времени и средств была одним из краеугольных принципов отца. И еще одним его принципом была разумная осторожность. Это проявилось, например, в докладе, сделанном им 25 апреля 1947 г. на заседании НТС НИИ-88, проходившем под председательством директора института Л.Р. Гонора. Речь шла о создании новой советской ракеты «Р-2» с дальностью действия 600 км. Наиболее трудной задачей отец считал обеспечение прочности ракеты и призывал подойти к решению этого вопроса с особой осторожностью. В конце доклада он сказал: «Вы знаете, какое громадное значение имеет на-



АКАДЕМИЯ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ НАУК
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

Москва, Ст. Конюшенный пер., 35
Секретариат – тел. Г-1-50-44.

14. Апреля 1947 г.
№ 360

ГЛАВНОМУ КОНСТРУКТОРУ МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕНИЯ
КОРОЛЕВУ Сергею Павловичу

Президиум Академии ставит Вас в известность, что на общем собрании Академии Артиллерийских Наук 14 апреля 1947 года Вы избраны членом-корреспондентом Академии Артиллерийских Наук по отделению Реактивного Вооружения.

В настоящее время обязанности Академика-Секретаря этого отделения Академии исполняет Действительный член Академии генерал-лейтенант артиллерии ВАСИЛЬЕВ А.Ф.

О дне организационного собрания отделения Вы будете извещены дополнительно.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Устав Академии Артиллерийских Наук экз.№ 38

ПРЕЗИДЕНТ
АКАДЕМИИ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ НАУК
Генерал-лейтенант артиллерии
/БЛАГОНРАВОВ/

АКАДЕМИК-СЕКРЕТАРЬ
АКАДЕМИИ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ НАУК
Генерал-майор артиллерии
/ПРОХОРОВ/

Извещение об избрании СП. Королева членом-корреспондентом Академии артиллерийских наук. Москва, 14 апреля 1947 г.

грузка на крыло. Я делал дальнюю машину с очень большой нагрузкой*. Математически все получалось, но есть у конструктора еще один показатель, который иногда действует наперекор математике и предостерегает: это опасно, мы должны быть осторожны. Когда моя машина первый раз прошла до отрыва от земли 52 секунды по аэродрому, я потерял 52 часа жизни, а сейчас мы не имеем права рисковать и поэтому должны из нашей работы исключить этот ненужный риск».

На том же заседании выступил министр вооружения Д.Ф. Устинов, который, в частности, сообщил, что по агентурным данным «американцы работа-

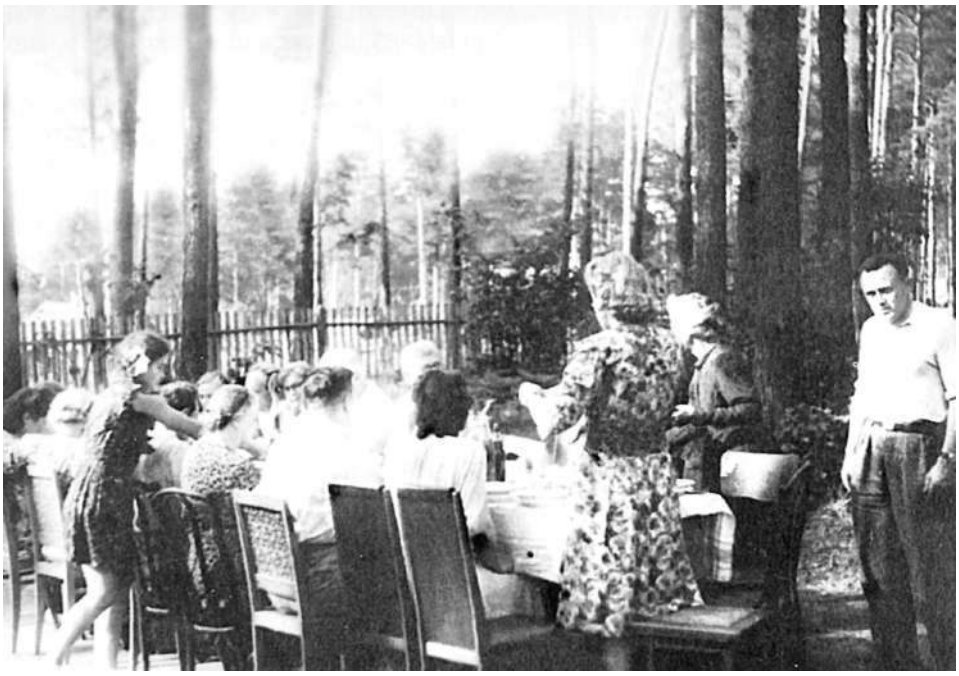
*Имелся в виду самолет «СК-4» (дипломный проект СП. Королева) с расчетной дальностью более 3000 км. - *Прим. ред.*

ют над ракетами с дальностью 8-10 тысяч км, хотят сажать туда людей и возвращать их на Землю». Эта новость произвела впечатление и, конечно, способствовала увеличению темпов работ.

После возвращения из Германии отец поселился с мамой на Конюшковской, а я - у бабушки на Октябрьской. Работа поглощала его все больше, а дорога до Калининграда и обратно даже на машине отнимала много времени. Зачастую он возвращался домой к ночи и рано утром уезжал снова. Это очень утомляло его и привело к мысли, что надо жить ближе к месту работы. Весной 1947 г. отцу предоставили однокомнатную квартиру в Калининграде на улице Карла Либкнехта. Она была обставлена казенной мебелью и ранее использовалась для ночлега московскими сотрудниками, задержавшимися на работе, и приезжими специалистами. Отец предложил маме переехать туда вместе со мной. Он уверял, что мама наверняка сможет найти работу в поликлинике в Калининграде или в Мытищах, а я смогу учиться там в школе, а потом поступить в московский вуз. Мама колебалась. Конечно, она хотела сохранить семью, но после Германии уже не была уверена, что это возможно. Переезд в Калининград означал для нее неминуемый уход с любимой работы, ведь ежедневно ездить в Москву поездом, даже при меньшей, чем у отца, нагрузке, было тогда нереально. Работа во многом являлась содержанием ее жизни. В Боткинской больнице она работала к тому времени уже пятнадцать лет, ее считали прекрасным специалистом, блестящим хирургом, способным педагогом. В одночасье все бросить, сменить операционный стол на кабинет в поликлинике она не могла. Я сама хирург и знаю, что хирургия - словно наркотик, оторваться от нее очень трудно. Когда мама в возрасте восьмидесяти трех лет уходила на пенсию, я спросила, трудно ли сделать этот шаг. Она ответила, что труднее было уйти из операционной, где прошли сорок три года ее жизни.

Ну а главное - мама не была уверена в прочности семьи. Той весной 1947 г. отец познакомился в своем институте с переводчицей Ниной Ивановной Ермолаевой, урожденной Котенковой, бывшей женой известного авиаконструктора В.Г. Ермолаева. Она переводила отцу технические статьи из английских и американских журналов и, как выяснилось, жила в Калининграде в том же доме на улице К. Либкнехта. К тому времени трещина в отношениях моих родителей не исчезла, и, может быть, поэтому почва для сближения отца с Ниной Ивановной оказалась в определенной степени благоприятной. Судя по всему, вначале их связь не была прочной - отец продолжал жить дома, но, как известно, слухи ползут, опережая факты, и, возможно, эти слухи сделали свое дело. В конечном счете мама, посоветовавшись со свекровью, которая была ее главным консультантом в вопросах личной жизни, решила остаться в Москве. Сейчас трудно судить кого-либо, но, возможно, это была ошибка. Что тут скажешь: две сильных личности, два крупных - каждый в своей области - специалиста предпочли семье работу.

До осени 1947 г. отец жил на Конюшковской, иногда ночуя в Калининграде. В свободные минуты он старался навещать меня на Октябрьской, где я жила с бабушками и дедушками и всегда с нетерпением ждала его. Мы разговаривали на различные темы, и мне нравилось, что отец говорит со мной как со взрослой. Он интересовался моей учебой, общественной работой, которой я тогда активно занималась, спрашивал с кем я дружу, какие спектакли и кинофильмы я смотрела и что мне понравилось больше всего, давал много ценных советов. Особое внимание он уделял вопросу - какие книги я читаю и реко-



Празднование 16-летия бракосочетания супругов Королевых. СП. Королев - крайний справа, КМ. Винцентини - стоит спиной к объективу, далее М.Н. Баланина. Наташа Королева - стоит слева. Барвиха, 6 августа 1947 г.

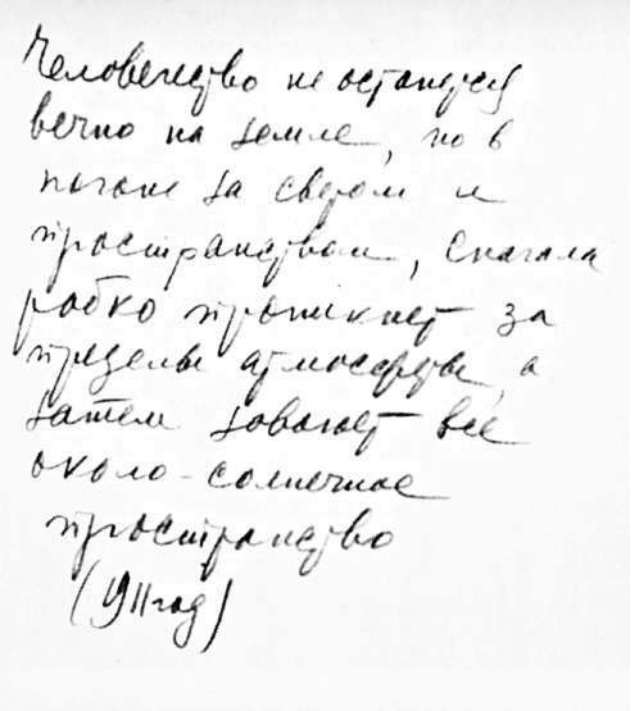
мендовал, что прочесть в первую очередь, подарил мне несколько книг со своим автографом, в частности «Песнь над водами» В. Василевской и «Флотоводец Ушаков» Г. Шторма. Но обычно эти встречи бывали недолгими, так как он всегда спешил в институт, даже в нерабочие дни. Для него в обычном смысле выходных, то есть свободных от работы дней, практически не существовало. Впрочем, Б.Е. Черток вспоминал, что они все тогда работали, как говорится, не за страх, а за совесть, не за деньги, а во имя идеи. Отец работал неистово. Наверное, если бы можно было не спать совсем, он бы и не спал, чтобы не тратить драгоценное время зря.

6 августа 1947 г. родители отмечали на даче 16-летие свадьбы. Погода стояла хорошая. Столы были накрыты во дворе на волейбольной площадке. Собралось много гостей - родственники, знакомые, сотрудники мамы и отца. Шуму, разговорам и непринужденному веселью, казалось, не будет конца. Перед чаем все гурьбой пошли на берег Москвы-реки купаться. Я с восторгом наблюдала, как взрослые большие люди резвились в воде, словно дети, и радовалась, что у моих родителей такие хорошие друзья. Ничто не предвещало печального конца, а он был уже так близок.

17 сентября 1947 г. исполнялось 90 лет со дня рождения К.Э. Циолковского. Отцу поручили сделать доклад о его жизни и деятельности. Он отнесся к этому поручению с большой серьезностью и еще в августе начал готовиться к выступлению. Юбилейное заседание состоялось в Центральном Доме Советской Армии. Отец пригласил туда маму, Марию Николаевну и Григория Михайловича. Начиная доклад, он отметил, что Циолковский - это «изобретатель, утвердивший приоритет нашей Родины рядом выдающихся изо-

С.П. Королев (слева),
Н.Г. Чернышев (в центре).
Барвиха, 6 августа 1947 г.

С.П. Королев.
Барвиха, 6 августа 1947 г.


Человечество не останется
вечно на земле, но в
погоне за светом и
пространством, сначала
робко проникнет за
пределы атмосферы, а
затем завоюет все
около-солнечное
пространство
(1911 год)

Знаменитые слова К.Э. Циолковского, переписанные С. Королевым

бретений и технических предложений в области воздухоплавания, авиации и особенно в области ракетной техники, имеющей сейчас столь актуальное значение». Подчеркнул, что «самое замечательное, смелое и оригинальное создание творческого ума Циолковского - это его идеи и работы в области ракетной техники. Здесь он не имеет предшественников и намного опережает ученых всех стран и современную ему эпоху. Работы в области ракетной техники были основой всей жизни, были самой жизнью для Циолковского». И далее привел слова ученого из его письма журналисту Б.Н. Воробьеву от 12 августа 1911 г.: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет все околосолнечное пространство». Эти пророческие слова уже давно были переписаны отцом на отдельном листке бумаги и служили ему путеводной звездой. Заканчивая доклад, отец сказал: «К.Э. Циолковский был человеком, жившем намного впереди своего века, как и должно жить истинному и большому ученому». В перерыве заседания он сфотографировался с М.К. Тихонравовым, А.А. Космодемьянским и Б.Н. Воробьевым.

И в дальнейшем отец не раз подчеркивал великое значение научного наследия К.Э. Циолковского. Так, 7 декабря 1949 г. на заседании НТС НИИ-88, где рассматривался эскизный проект ракеты «Р-3», он сказал: «Нельзя не отметить с законной гордостью и удовлетворением тот знаменательный факт, что в области реактивной техники русские ученые внесли немалый вклад своими трудами и открытиями, опыт которых служит солидным основанием для

дальнейшего ее развития. Более того, знаменитый деятель науки Константин Эдуардович Циолковский по праву является основоположником реактивной техники. Еще в 1886 году он приходит к выводу, что единственным техническим средством, которое не имеет пределов дальности и с помощью которого можно вылететь в надатмосферное пространство, является ракета. Он дал ряд теоретических решений в области реактивной техники, широко известных и разрабатываемых в настоящее время. Работа Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», опубликованная в 1903 году, если ее внимательно проанализировать, является первой попыткой теоретической разработки ракет дальнего действия».

24 июля 1956 г. отец выступил на Совете главных конструкторов с предложением о проведении ежегодных научных сессий, посвященных памяти К.Э. Циолковского. Теперь каждый год во второй декаде сентябре в Калуге проводятся Чтения, посвященные разработке научного наследия и развитию идей великого русского ученого.

В конце сентября 1947 г. отец вместе с другими сотрудниками НИИ-88 выехал на испытательный ракетный полигон, быстрыми темпами создававшийся в междуречье Волги и ее левого рукава Ахтубы в районе поселка Капустин Яр Астраханской области. Полигон строили буквально на пустом месте, в голой безводной степи, покрытой полынью и верблюжьей колючкой. К осени 1947 г. строительство еще не закончилось, но уже завершилась подготовка ракеты «А-4» к летным испытаниям и их необходимо было провести как можно скорее. В этих условиях основная нагрузка по обслуживанию испытаний ложилась на спецпоезд, прибывший в январе 1947 г. из Германии. Таких спецпоездов было два. Их формировали на вагоностроительном заводе в городе Гота. Один установили на территории НИИ-88, другой отправили в Капустин Яр. Поезд состоял из 72 вагонов и был полностью оборудован для обеспечения испытаний в пустынной местности. Кроме технических, в нем находились и 18 бытовых вагонов, приспособленных для жилья, питания, оказания медицинской помощи, проведения совещаний и показа кинофильмов.

О жизни и работе отца в то время на полигоне говорят отрывки из его писем Нине Ивановне, опубликованные в книге «...Был веку нужен Королев» (По страницам архива Мемориального дома-музея академика СП. Королева, 2002 г.). Так, 8 октября 1947 г. он пишет: «Внешне условия очень тяжелые. Пыль ужасная, жара днем, холодно ночью, нехватка воды и эта унылая солончаковая степь кругом. Наше подвижное жилище просто как оазис. Но бывать в нем приходится мало... Свой долг я выполню до конца и убежден, что мы вернемся с хорошими большими достижениями».

12 октября 1947 г.: «Мой день складывается примерно так: встаю в 5.30 по местному времени, накоротке завтракаю и выезжаю в поле. Возвращаемся иногда днем, а иногда вечером, но затем, как правило, идет бесконечная вереница всевозможных вопросов до 1-2 часу ночи, раньше редко приходится ложиться. Однако я использую каждую возможность, чтобы отоспаться. Так третьего дня я задремал и проснулся одетый у себя на диване в 6 утра. Мои товарищи решили на сей раз меня не будить.

Если погода хорошая, то в поле очень жарко, днем сильный ветер, несущий столбы пыли, иногда целые пылевые смерчи из песка и туманных мохнатых облаков. Если дождь - то совсем уныло, а главное безумно грязно вокруг и пусто. Наша работа изобилует трудностями, с которыми мы пока справляемся.

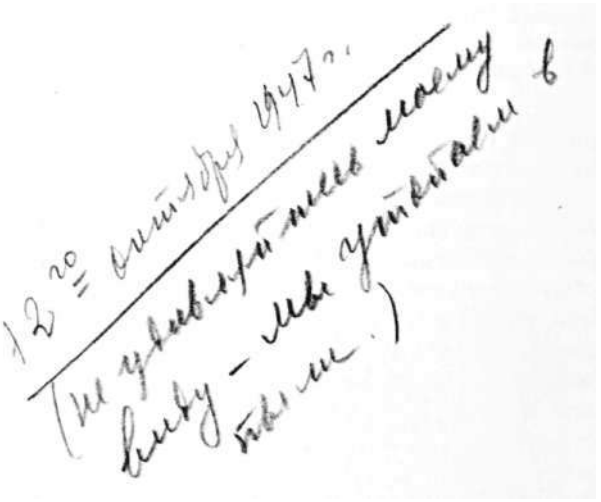
А.А. Космодемьянский, Б.Н. Воробьев, М.К. Тихонравов и С.П. Королев на праздновании 90-летия со дня рождения К.Э. Циолковского. Москва, 17 сентября 1947 г.

Отрадно, что наш молодой коллектив оказался на редкость дружным и сплоченным. Да здесь в этих условиях, пожалуй, и нельзя было бы иначе работать.

Настроение у народа бодрое, близятся решающие денечки. Мне зачастую трудно, о многом думаю и раздумываю, спросить не у кого. Но настроение тоже неплохое, верю в наш труд, знания и нашу счастливую звезду».

Нам он тоже прислал письмо и снимок с надписью: «12 октября 1947 г. Не удивляйтесь моему виду - мы утопаем в пыли». Не случайно самой популярной в той обстановке была песня А. Новикова «Дороги» на слова Л. Ошанина: «Эх, дороги, пыль да туман...».

Председателем Государственной комиссии по испытаниям был назначен маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, техническим руководителем -



С.П. Королев на полигоне. Капустин Яр, 12 октября 1947 г. Надпись на обороте

С.П. Королев. 16 октября были проведены стендовые огневые испытания ракеты «А-4», а 18 октября состоялся ее первый пуск. Ракета пролетела 206,7 км и разрушилась при входе в плотные слои атмосферы. Всего стартовали одиннадцать ракет, пять из которых достигли цели. Этими испытаниями был подведен итог изучения нашими специалистами немецкой ракетной техники. Теперь, вооружившись приобретенными знаниями и опытом, предстояло сосредоточить силы на создании более совершенных отечественных ракет.

В конце 1947 г. по инициативе Д.Ф. Устинова НИИ-88 посетили Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин и другие известные военачальники. Гостям продемонстрировали на стенде имитированный полет

Члены Совета главных конструкторов. Слева направо: В.П. Бармин (стоит), М.С. Рязанский, С.П. Королев, В.И. Кузнецов, НА. Пилюгин, В.П. Глушко; крайний слева - Б.Е. Черток. Москва, 1947 г.

ракеты «А-4», после чего отец рассказал им о перспективах ракетной техники и ее значении для обороны страны.

Интеллектуальным и организационным центром всей космической кооперации являлся Совет главных конструкторов, работавших над основными составными частями ракеты: двигателями, системами управления, наземным оборудованием. В его состав входили: В.П. Бармин, В.П. Глушко, В.И. Кузнецов, Н.А. Пилюгин, М.С Рязанский. Возглавлял Совет С П. Королев, объединявший действия ученых и конструкторов, направлявший их работу к достижению единой цели - созданию баллистических, а затем и космических ракет. В те годы отец не имел модного впоследствии звания Генерального конструктора. Он был Главным среди остальных главных. Его авторитет держался не на звании и не на должности. Осенью 1947 г. Совет главных был специально заснят студией документальных фильмов с пометкой «секретно».

В письме жене Нине Ивановне от 13 мая 1953 г. отец писал: «Мои друзья - большие молодцы. Все же наша "могучая кучка" - это сила. Я счастлив и бесконечно рад чести работать с моими товарищами».

Отец придавал большое значение подбору и подготовке кадров, постоянно помня, что грамотные специалисты определяют успех дела. Он способствовал созданию в ведущих технических вузах страны - МВТУ, МАИ, МЭИ и других - кафедр для подготовки специалистов-ракетчиков. По его инициативе при МВТУ им. Баумана в 1948 г. были организованы Высшие инженерные курсы переподготовки специалистов различного профиля для работы в ракетостроительной промышленности. С.П. Королев, А.А. Космодемьянский, Ю.А. Победоносцев, М.С Рязанский, Б.Е. Черток читали там лекции. Приказом директора МВТУ М.А. Попова отца зачислили 31 декабря 1947 г. по сов-

На полигоне. Слева направо: (?), В.И. Кузнецов, (?), Д.Ф. Устинов, Н.Д. Яковлев, С.И. Ветошкин, С.П. Королев. Капустин Яр, октябрь 1947 г.

На полигоне. Н.Г. Митряков (слева), С.П. Королев (в центре), Л.М. Поляков (справа). Капустин Яр, октябрь 1947 г.

На полигоне в день первого пуска с территории СССР ракеты «А-4». Слева направо: первый ряд – М.И. Лихницкий, Н.А. Пилюгин, Г.А. Тюлин, Н.Н. Хлыбов, С.С. Лавров; второй ряд – М.С. Рязанский, В.П. Бармин, С.П. Королев, С.И. Ветошкин, Л.М. Гайдуков, В.И. Кузнецов; третий ряд – В.П. Глушко, Д.Д. Севрук, Б.Е. Черток, М.И. Борисенко, Л.А. Воскресенский, В.А. Рудницкий, В. Болматков. Капустин Яр, 18 октября 1947 г.

местительству на 0,5 ставки старшего преподавателя кафедры реактивного вооружения Е-342-К (ею заведовал Ю.А. Победоносцев) артиллерийского факультета. Ему назначили оклад 600 рублей в месяц при педагогической нагрузке 201 академический час. Основанием для этого приказа послужило заявление отца от 22 декабря 1947 г. с резолюциями декана артиллерийского факультета и заместителя директора училища по учебной работе. К заявлению прилагались анкета, фотографии, справки с мест работы и проживания, а также разрешение министра вооружения СССР Д.Ф. Устинова. В июле 1948 г. кафедра Ю.А. Победоносцева вместе с факультетом была переименована и называлась теперь кафедрой аэродинамики факультета ракетной техники (РТ-342-К). Отец работал в МВТУ четыре с половиной года. Его курс «Проектирование ракет дальнего действия» лег в основу преподавания этой дисциплины в институтах и был издан в МВТУ в качестве учебного пособия. По свидетельствам специалистов, он являлся первым в мире систематизированным, подробным и завершенным курсом основ проектирования БРДД с жидкостными ракетными двигателями.

Отец уделял большое внимание молодежи: постоянно встречался со студентами и аспирантами МВТУ, поддерживал новые разработки и предложения, стремился наладить тесные связи между вузами и своим КБ. Его первым дипломником был М.С Флорианский, который, будучи студентом МВТУ, работал старшим техником в НИИ-88 и успешно защитил диплом 25 декабря 1950 г. К сожалению, из-за безумной занятости на основной работе и постоянного дефицита времени отцу пришлось перейти с 1 мая 1949 г. на почасовой график, а с i июня 1952 г. отказаться от преподавательской деятельности совсем. Однако связи с *alma mater* он не терял и позже. Отец любил повторять, что является прежде всего инженером. Позднее присоединились и интуиция, и жизненный опыт, и новые знания, но фундамент инженерного искусства был заложен в стенах Училища.

Уже не находясь в штате МВТУ, отец руководил там научной работой аспирантов, готовя их к защите диссертаций и, конечно, ориентируя на работу в ракетно-космической отрасли. 28 марта 1962 г. приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР он был утвержден членом Ученого совета МВТУ, в котором состоял до своей кончины.

Педагогическая деятельность ведущих ракетчиков быстро дала результаты. С 1948 г. ракетная промышленность стала регулярно пополняться молодыми инженерами, многие из которых в дальнейшем стали высококвалифицированными техническими специалистами, организаторами, руководителями предприятий.

Характерной чертой отца было то, что он никогда не забывал людей, помогавших ему в трудную минуту. Тому - множество примеров. Один из них - его письмо от 20 февраля 1948 г. Наталии Розенфельд, которая приносила ему в Казанскую спецтюрьму книги, а теперь ждала распределения после окончания МАИ. Стремясь ей помочь, отец пишет, что «на всякий случай я дал на Вас нечто вроде заявки в наше министерство».

Итак, работа отца, несмотря на многочисленные трудности, шла успешно. А в жизнь нашей семьи пришла беда. В конце ноября 1947 г. отец объявил маме, что переезжает в Калининград и больше к ней не вернется. Это было страшным ударом для нее и близких родственников, которые любили и маму, и моего отца, и меня. Я была, наверное, единственной, кто ничего не знал о семейной катастрофе. Мне в том году исполнилось 12 лет, до развода дело пока не дошло, и от меня эту драму скрывали, возможно, надеясь, что все еще образуется. Отец по-прежнему периодически приезжал на Октябрь-

Московское ордена Трудового Красного Знамени Высшее Техническое Училище им. Баумана

Экземпляр № 99

С. П. КОРОЛЕВ

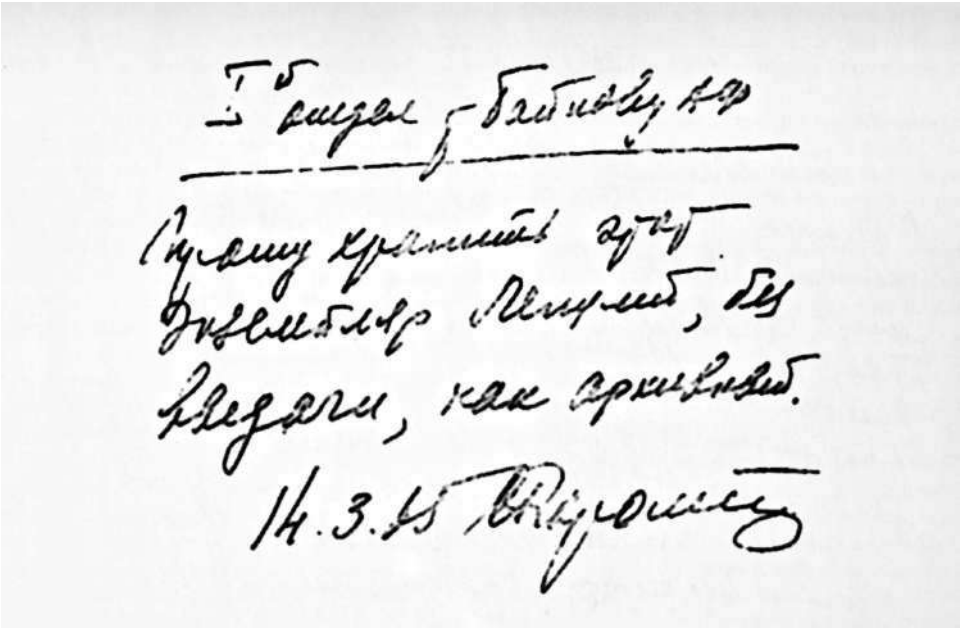
ПРОЕКТИРОВАНИЕ РАКЕТ ДАЛЬНЕГО ДЕЙСТВИЯ

Лекция 1-я

Титульный лист курса лекций СП. Королева в МВТУ. 1948 г.

скую, и никаких перемен в нем я не замечала. Вот только мама теперь выглядела грустной, не такой, как всегда, но объясняла мне это усталостью от обилия работы и тяжелых операций. Она продолжала любить отца, и в глубине ее души теплилась надежда, что, может быть, он образумится. Поддерживало в ней эту надежду и то, что вся семья была на ее стороне.

В конце 1947 г. отец заболел гриппом и не смог приехать, чтобы поздравить нас с наступающим Новым годом. 31 декабря он прислал нам с шофером шампанское, апельсины и конфеты, а также записку, в которой просил Марию Николаевну приехать к нему в Подлипки. Бабушка долго думала, как ей поступить. С одной стороны, она не хотела огорчать мою маму знакомством с женщиной, разлучившей, как она считала, семью, с другой, не могла не

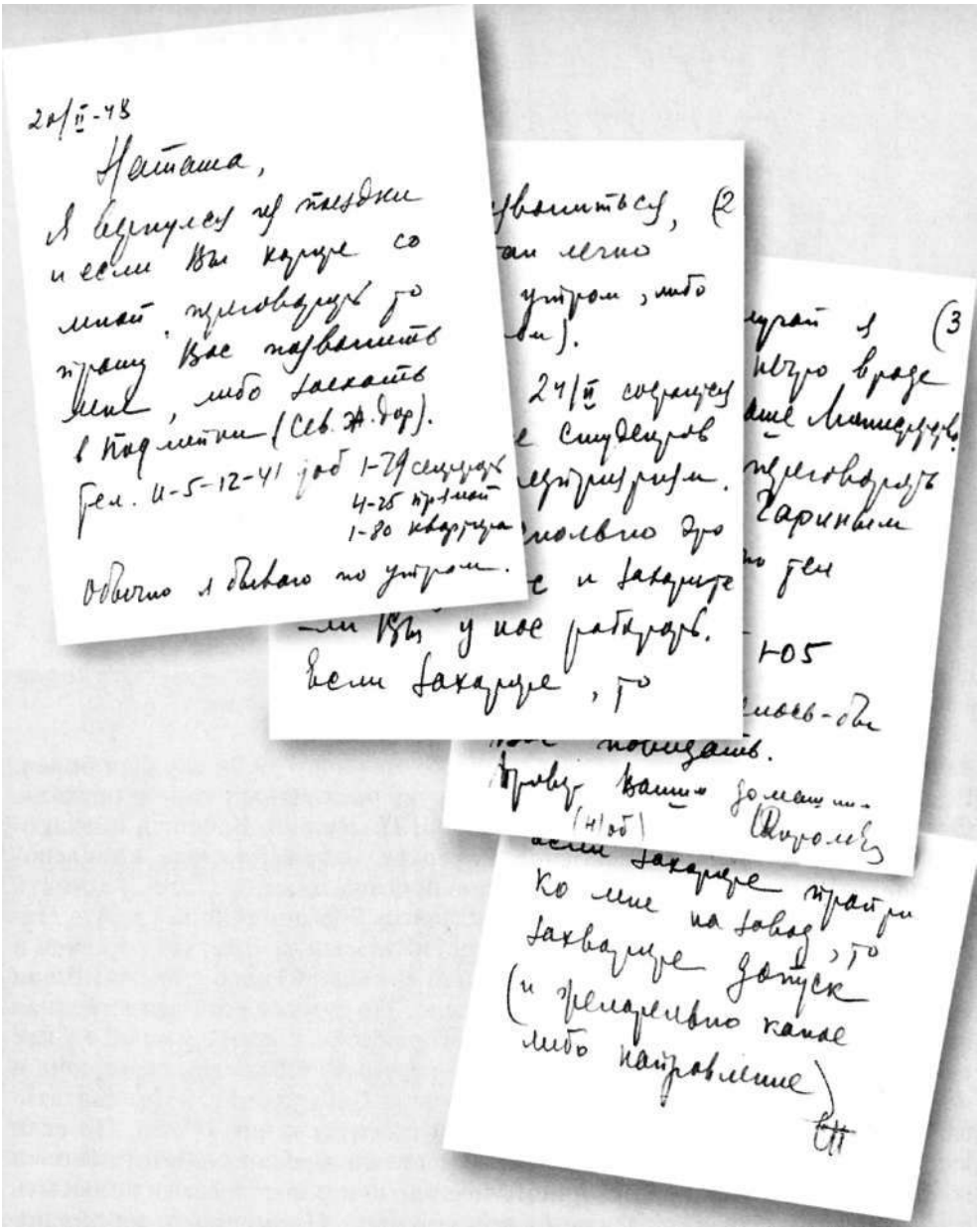


Служебная записка СП. Королева с просьбой о хранении в архиве ОКБ-1 курса его лекций в МВТУ. 14 марта 1965 г.

навестить сына, которого очень любила и который, тем более, был болен. В конце концов она испекла на скорую руку бисквитный торт и поехала. Отец лежал в постели. У него находился В.П. Мишин. Бабушка познакомилась с ним и с Ниной Ивановной, которую увидела впервые. Она вспоминала, что Нина Ивановна была очень любезна, даже бросилась снимать с нее валенки, но бабушка вежливо отказалась. Мишин вскоре ушел, а Нина Ивановна принесла из своей квартиры испеченные матерью пирожки и организовала чай. Перед уходом бабушка сказала: «Нина, Сережа! Ваши взаимоотношения - это ваше личное дело. Но у меня есть единственная внучка Наташа, которую я обожаю и которая сейчас живет у меня, а у нее есть мама, Ксения Максимилиановна, которую я люблю как свою дочь и не имею оснований относиться к ней скверно. Вы должны с этим считаться. Григорий Михайлович тоже хорошо относится к ним обеим. Но если вы, Нина, сумеете сделать моего сына счастливым, если он будет доволен жизнью с вами, то мы с Григорием Михайловичем постараемся полюбить вас, во всяком случае относиться к вам хорошо». Примерно то же она повторила Нине Ивановне, когда та провожала ее до машины.

На обратном пути бабушка не могла произнести ни слова. Она сидела рядом с шофером, стараясь скрыть свое горе, но слезы градом катились из глаз, потому что теперь стало окончательно ясно, что семья ее любимой внучки погибла безвозвратно. Однако и после этой поездки бабушка, как могла, пыталась повлиять на сына. Но никакие уговоры не действовали. Отец не помышлял о возвращении в семью. В январе 1948 г. он и Нина Ивановна уехали на отдых в Кисловодск.

А у мамы нервы не выдержали, и однажды, весной 1948 г., она, доведенная до отчаяния, незаслуженно обрушила свои упреки на свекровь, которую



Письмо С.П. Королева Н.А. Розенфельд. Москва, 20 февраля 1948 г.

на самом деле очень любила и уважала более двадцати пяти лет, перенося вместе с нею и радости, и невзгоды. Глубоко переживая и раскаиваясь в своей несдержанности, мама написала бабушке письмо, в котором излила свою израненную душу.

«Я очень-очень виновата перед Вами, дорогая и очень родная мне Мария Николаевна. Мне стыдно было вчера подойти к Вам, видя, как Вы меня избегаете, хотя скажу Вам откровенно - я шла с твердым намерением просить у Вас извинения за все сказанное в мо-

мент крайнего раздражения и горечи. Сейчас же я воспользуюсь просто чернилами и бумагой и, конечно, Вашим терпением и, совершенно ничего не скрывая, расскажу Вам хоть немного о том, что делается у меня в душе и что ни один человек из близких и окружающих меня не знает и не подозревает.

Я не люблю рассказывать о себе, тем более рассказывать то, что я временами сама от себя скрываю, то, что и сейчас заставляет меня проливать физически горькие слезы. Но мне очень тяжело, я, видимо, стою на грани нервного напряжения и, несмотря на присущую мне обычно огромную силу воли, не могу взять себя в руки и как-нибудь отвлечься от постоянно преследующих меня дум и мыслей.

Вот уже прошло 5 с лишним месяцев, как мы совсем расстались с С, расстались глупо и, во всяком случае, крайне неожиданно для меня. Расстались тогда, когда, казалось бы, должна была начаться новая жизнь, когда мы оба выросли и поумнели, когда мне и, как мне тогда казалось, ему ужасно хотелось иметь нашего второго ребенка...

Всю историю нашей любви Вы знаете хорошо. Много горя еще до 38 года пришлось мне пережить и, несмотря на оставшееся чувство привязанности и какой-то любви к С, я твердо решила (да именно Вы это ведь знали) оставить его для продолжения им жизни под его любимым лозунгом - «дайте каждому жить, как ему хочется»...

Но вот наступила катастрофа 1938 г., несчастье, которое, к счастью, выпадает не на долю многих. Мне никогда не забыть этого вечера, а затем ночи, вида С, его прощания со мной и... впервые мною виденных его слез. Мне стало совершенно ясно, что, несмотря ни на что из пережитого, несмотря на мой возраст - только 30 лет тогда! - я должна позабыть все плохое, жить и работать для нашей семьи, а его - моего беспомощного, бедолажного мужа - любить, как Наташку, как маленького ребенка, так нуждающегося в заботе, тепле и ласке. Меня многие спрашивали - «зачем», многие предлагали мне свою помощь, руку и сердце, и прочее, но, как я уже Вам сказала, сила воли у меня раньше всегда была огромная, и до сих пор еще соседи мои и товарищи, видевшие меня изо дня в день на 3-х службах, поражаются моей целеустремленности, выдержке и пр. Я жила все 6 с половиной лет надеждой на встречу, я часто думала о С. и полюбила его сильнее, чем даже к моменту нашей женитьбы. Это был мой питомец, я знала, что я ему нужна, и хоть мне очень-очень бывало трудно быть всегда одной, я, не веря в бога, просила о помощи С. и целовала его карточку, как икону. Я боюсь Вам надоесть, сказать надо еще очень-очень много, а я еще так далека от конца.

Я почувствовала много обиды при возвращении С. в Москву, при его холодности в обращении со мной, которую я пыталась объяснить его одиночеством, одичалой и крайне трудной жизнью. Всякая женщина любит ласку, и я, так соскучившаяся по ней, так жаждавшая тепла, заботы о себе и моральной поддержки и помощи, не могла понять С. и увязать его отношение с его письмами из тюрьмы и словами, говоренными мне при свиданиях. Я понимала, что разыгрывается что-то плохое в наших отношениях, я умышленно переехала к себе домой, стараясь всячески сблизиться с С, моим, как я думала тогда, С, - увы, уже делившим себя между мною и другими женщинами. Я далеко не была сдержана и холодна с ним с глазу на глаз, как у Вас дома и вообще на людях, да и С, приезжая ко мне, не всегда только хотел спать и «помирал от усталости». Вы сами видели подчас странное отношение ко мне С, его разговор со мной при всех у Вас на именинах, на нашей годовщине на даче в 1947 г. Только любя его действительно большой, глубокой любовью, можно было простить и позабыть все, даже свое собственное «я» и женское достоинство. И вот сейчас я снова одна, совсем одна, ненужная, позабытая и не любимая человеком, ради которого жила последние 10 лет, с которым были связаны все мечты, мысли и настроения. Я ненавижу его за всю свою разбитую им жизнь, за ложь, за его любовь, подчинение и привязанность к другой, более молодой женщине, но... Я люблю его еще по-прежнему столь сильно, что даже Ваше чувство матери едва ли может сравниться с моим материнским в отношении С. и женским к нему чувством. Несмотря на все зло, сделанное им мне и нашей чудесной маленькой дочке, он по-прежнему, к сожалению, еще так дорог и близок мне, что я не могу переключиться от своей моральной связи с ним и, если уж не выйти замуж (страшно!), то хоть сойтись с кем-нибудь, чтобы все забыть и отвлечься.

Я хочу уехать в Одессу не случайно, ведь это город начала моей любви и личной жизни. Пусть же он будет и концом ее. Пусть похоронено будет в нем все святое для меня и там навеки оставлено. Это, видимо, суеверие, но я чувствую, что это может меня хоть немного излечить от глубочайших душевных ран, мешающих мне жить и работать. А ведь Наталочке только 13 лет, да и мне, несмотря ни на что, только 40! Беды и

С.П. Королев на озере Селигер. Лето 1948 г. Фотография Н.И. Королевой

несчастья С. я, конечно, не желаю. Все это только злые слова, направленные против меня же самой.

Простите же меня, дорогая Мария Николаевна, мой жизненный друг, за все сказанное Вам, причинившее Вам немало огорчения. Вы сумеете, наверное, понять меня и простить, даже если я по малодушию и слабости покачусь затем по наклонной плоскости. Ведь я так устала всю жизнь бороться и быть мужчиной...

К.В.

Я думаю, я уверена, что это послание - крик моей души - будет Вами сразу же уничтожено и просто даже забыто.

Москва, 1 мая 1948 г.».

Но Мария Николаевна не порвала это письмо ни тогда, ни потом, а, наоборот, бережно хранила его до конца жизни, временами перечитывая и делая свои пометки. И через 20 лет, 10 декабря 1967 г., она написала на обратной стороне письма:

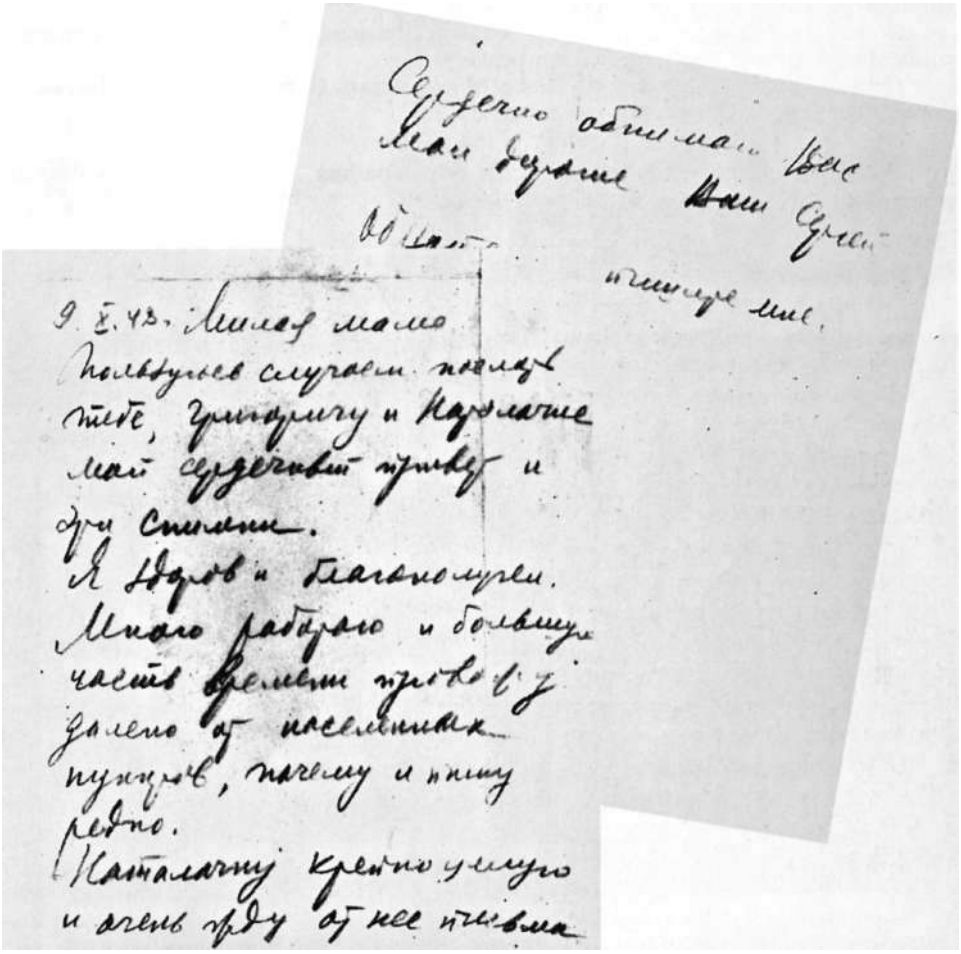
«Нет, я не сердилась на Вас тогда, Лялечка, я как женщина Вас понимала. Я перечитала это письмо вот теперь, когда уже почти два года, как нет Сергея, теперь, когда я наткнулась на него, перебирая свой сокровенный ящик. Почему я не уничтожила его тогда и почему и сегодня рука моя не поднимается его порвать? Очевидно потому, что оно полно любви к моему сыну, - его ни одна женщина не любила, конечно, так, как Вы, и любовь свою Вы похоронили, конечно, не тогда в Одессе, а в последней слезе над его уже остывшим телом.

Ксана! Я Вас сразу полюбила, когда Вы еще девочкой пришли в мою семью. Относилась я к Вам как к младшей сестре. Я старалась все, что могла, сделать для счастья Вашей с Сергеем жизни. Я много думала над ней, и, быть может, только сейчас, сопоставляя все, все, для меня как будто проясняются пути Ваших взаимоотношений с Сергеем, приведших к катастрофе».

Летом 1948 г. мама решила исполнить то, о чем писала в письме свекрови. Мы поехали в Одессу - город молодости и начала любви моих родителей. Мама «продала», как она говорила, свой отпуск, устроившись работать на два месяца врачом санатория на 16-й станции Большого Фонтана.

Нас поселили в доме директора санатория, который жил там вместе с женой, матерью и двумя дочерьми. С нами вместе была моя двоюродная сестра Ксана Винцентини. Мы обе впервые, если не считать моего посещения острова Узедом в Германии, оказались на море и наслаждались им в полной мере, проводя целые дни на пляже. В мамины выходные мы ездили в город, и мама показывала нам дорогие ей места: дом на улице Островидова, где она жила в юности и куда постоянно приходил мой отец, стройпрофшколу, в которой они вместе учились, медицинский институт, на крыше которого впервые поцеловались, публичную библиотеку, которой пользовались тоже вместе. Я не знала тогда, какое особое значение приобрели в то время для мамы эти адреса.

По возвращении в Москву наша жизнь пошла обычным чередом. Я училась в седьмом классе. Летом отец был на Селигере, а затем улетел в Капустин Яр, где с 15 сентября по 5 ноября 1948 г. проводились летные испытания ракеты «Р-1». И хотя она являлась аналогом ракеты «А-4», ее изготовили из отечественных материалов, а главное - устранив некоторые конструктивные недостатки немецкой ракеты. Еще в феврале 1947 г. в записке, под-



9. X. 48. Милая мама
Пользуюсь случаем послать
тебе, Григорию и Надежде
мой сердечный привет и
три Сталина.
Я здоров и благополучен.
Много работаю и большую
часть времени провожу
далеко от населенных
пунктов, почему и пишу
редко.
Наталочку крепко целую
и очень жду от нее письма

Письмо С.П. Королева Марии Николаевне в Москву. Капустин Яр, 9 октября 1948 г.

готовленной в связи с предстоящим обсуждением перспективного плана работ по ракетной технике, отец писал: «Было бы ошибочным считать, что осуществление отечественной ракеты типа «А-4» сводится к задаче простого копирования немецкой техники только лишь с заменой материалов на материалы отечественных марок. Помимо замены материалов и восстановления в новых условиях всего технологического процесса изготовления частей и деталей ракеты, следует иметь в виду, что ракета «А-4» не была доведена немцами до того уровня совершенства, который требуется от образца, находящегося на вооружении».

Председателем Государственной комиссии по летным испытаниям ракеты «Р-1» был назначен С.И. Ветошкин, техническим руководителем - СП. Королев. 9 октября 1948 г. отец прислал с полигона письмо и снимки с дарственными надписями Марии Николаевне с Григорием Михайловичем и мне: «Моим дорогим «старичкам», для меня всегда молодым и горячо любимым от Сергея. Сентябрь 1948 г.», «Моей дорогой дочурке Наталочке от папы. Сентябрь 1948 г.»

«9.X. 48 г. Милая мама !

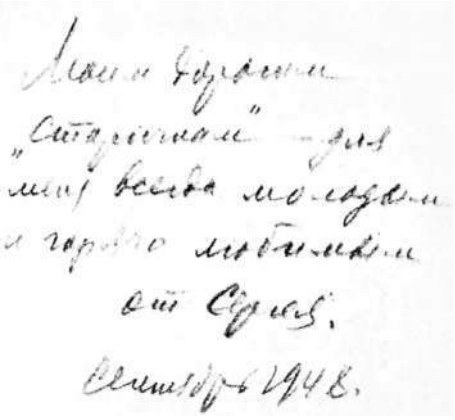
Пользуюсь случаем послать тебе, Григоричу и Наталочке мой сердечный привет и эти снимки.

Я здоров и благополучен. Много работаю и большую часть времени провожу далеко от населенных пунктов, почему и пишу редко.

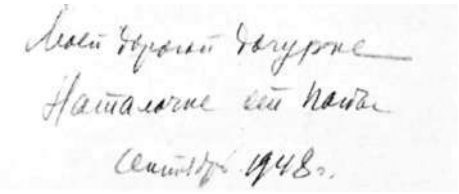
Наталочку крепко целую и очень жду от нее письма. Сердечно обнимаю Вас, мои дорогие. Ваш Сергей. Обязательно пишите мне».

К этому же времени относится и фотография, присланная нам немного позже, и другие фотографии этого периода.

С.П. Королев. Капустин Яр, сентябрь 1948 г.



Моим дорогим
„Старичкам" — для
меня всегда молодым
и горячо любимым
от Сергея.
Сентябрь 1948.



Моей дорогой дочурке
Наталочке от папы
Сентябрь 1948.

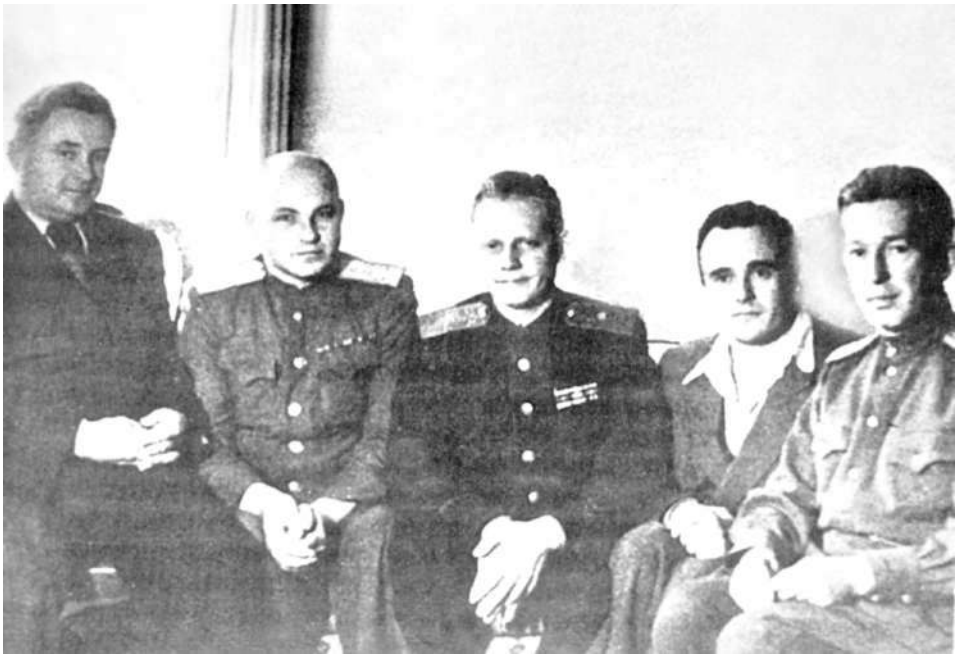
Надпись Марии Николаевне и Григорию Михайловичу. Надпись дочери Наташе

С.П. Королев на полигоне.
Капустин Яр, сентябрь 1948 г.

В вагоне спецпоезда.
Слева направо: В.И. Вознюк,
СИ. Ветошкин,
С.П. Королев, (?).
Капустин Яр, 1948 г.

С.П. Королев. 1948 г.

На полигоне.
Слева направо: (?), А.С Спиридонов, Л.М. Гайдуков, С.П. Королев, А.Б. Каплун. 1948 г.



Н.А. Пилюгин и С.П. Королев. Капустин Яр, 1948 г.

Н.А. Пилюгин и С.П. Королев. Капустин Яр, 1948 г.

Во время наземных испытаний ракеты «Р-1». Слева направо: Л.А. Воскресенский, С.П. Королев, П.В. Цыбин, Н.Н. Смирницкий. НИИ-88, 1948 г.

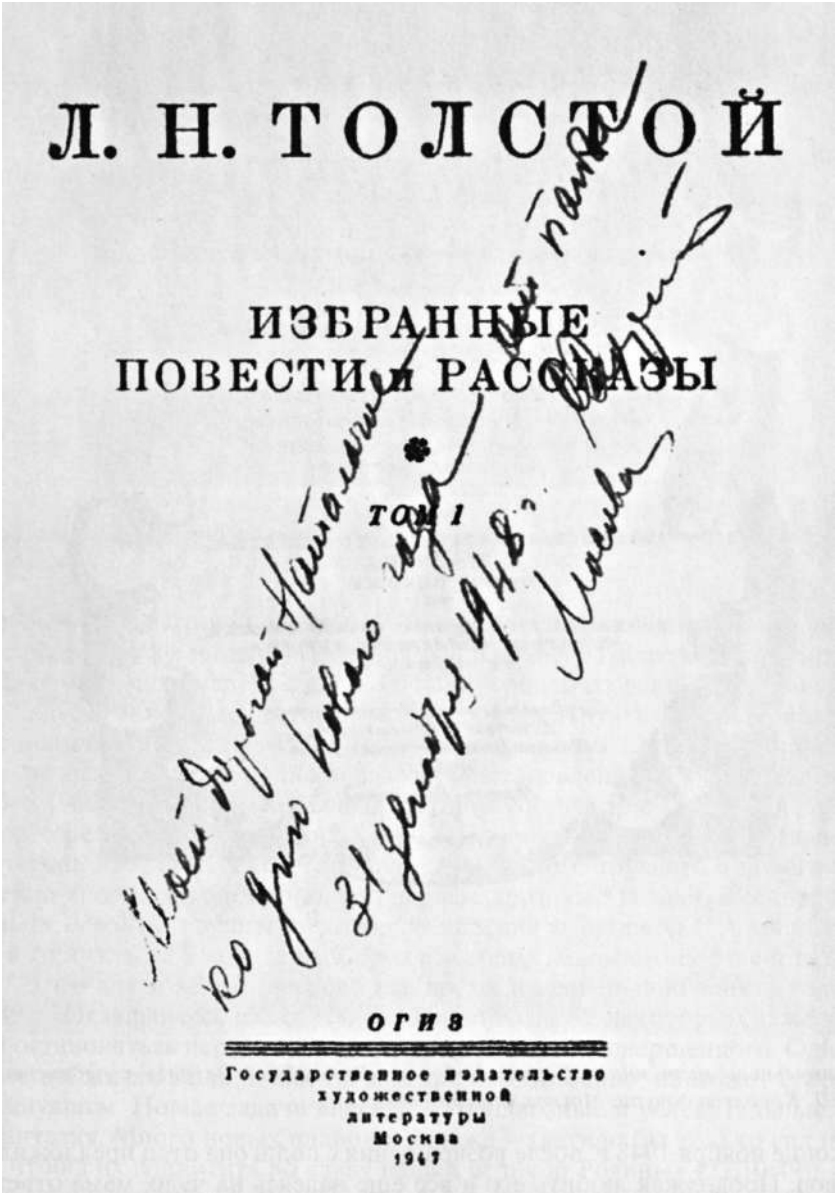
Результаты испытаний ракеты «Р-1» оказались неудачными. Из-за технологических дефектов и иных неполадок только одна из девяти ракет достигла цели. Для устранения недостатков в НИИ-88 срочно создали стенд с возможностью запуска ракетного двигателя на предварительную ступень. Повторные летные испытания ракеты «Р-1», проведенные осенью 1949 г., оказались успешнее: из 20 ракет 17 выполнили задачу. Постановлением Правительства от 25 ноября 1950 г. ракета «Р-1» была принята на вооружение Советской Армии.

Свои переживания в тот период отец выразил в письмах к Нине Ивановне из Капустина Яра. «Как уже я говорил выше - много трудного и нового. Это собственно вполне закономерно, т.к. первые шаги уже позади, а сейчас надо тщательно освоить, изучить некоторые явления и процессы. А ошибаться нельзя и спросить не у кого, а наоборот все время надо самому отвечать и помогать. Этим вот и занято всецело все время и непрерывно занята голова» (11.09.49); «Оглядываясь назад, сейчас можно только с некоторым даже удивлением остановиться перед размерами и содержанием совершенного. Однако, как и всегда, жизнь наша, и как ты знаешь, моя особенно, не может строиться на минувшем. Новые задачи впереди - грандиозные и увлекательные, как сама фантазия. Много новых планов и надежд - хватило бы только сил и лет жизни, чтобы их воплотить во славу нашей великой Родины» (22.10.49); «Видимо наши новые задачи так сложны и огромны по своим масштабам, что просто иногда сразу, без обдумывания в течение значительного времени, трудно все понять и осмыслить» (16.11.50).

Мама много и успешно работала: оперировала, консультировала, преподавала. В ноябре 1948 г. ее утвердили в ученом звании доцента по кафедре травматологии Центрального института усовершенствования врачей.

Титульный лист книги Сергея Боброва «Волшебный двурог» с надписью С.П. Королева дочери. Москва, апрель 1949 г.

В конце ноября 1948 г. после возвращения с полигона отец предложил маме развод. Продолжая любить его и все еще надеясь на чудо, мама ответила отказом. 31 декабря 1948 г. он подарил мне двухтомник своего любимого писателя Льва Толстого с надписью: «Моей дорогой Наталочке ко дню Нового года. 31 декабря 1948 г.», ко дню четырнадцатилетия - книгу Сергея Боброва «Волшебный двурог»: «Наталочке от папы. Апрель 1949 г.», а летом того же года - роман Веры Кетлинской «В осаде», написав: «Моей милой родной Наталочке от папы. 23 июня 1949 г.».



Л. Н. ТОЛСТОЙ

ИЗБРАННЫЕ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

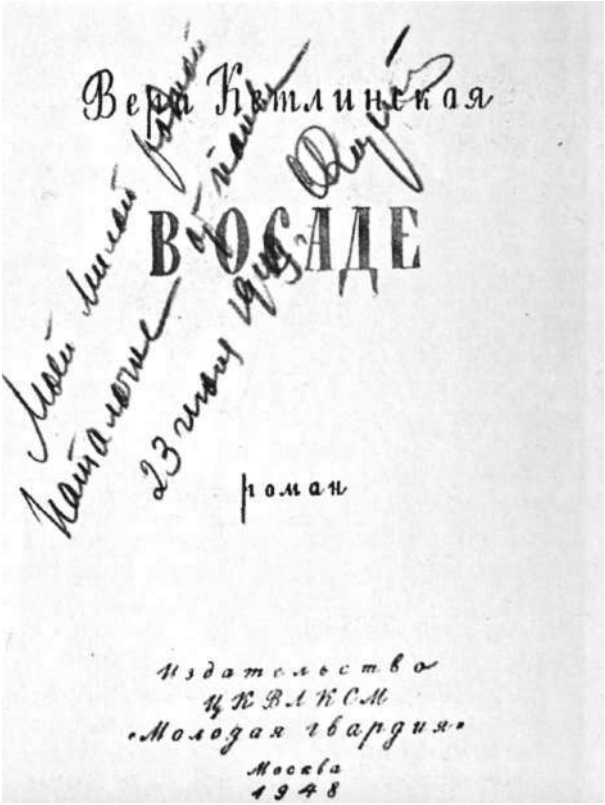
ТОМ I

ОГИЗ

Государственное издательство
художественной
литературы
Москва
1947

Титульный лист двухтомника Льва Толстого «Избранные повести и рассказы» с надписью С.П. Королева дочери. Москва, 31 декабря 1948 г.

Наташа Королева.
Москва, 29 апреля 1949 г.



Вера Кетлинская

В ОСАДЕ

роман

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
Москва
1948

Титульный лист книги Веры Кетлинской «В осаде» с надписью С.П. Королева дочери. 23 июня 1949 г.

С.П. Королев во время короткой передышки. Капустин Яр, 1 мая 1949 г.

С.П. Королев. Капустин Яр, 1 мая 1949 г.

С.П. Королев и А.Я. Щербаков. Капустин Яр, 1 мая 1949 г.

С.П. Королев. Капустин Яр, 1 мая 1949 г.

С.П. Королев - второй справа. Капустин Яр, 1 мая 1949 г.

Весной 1949 г. отец снова улетел на полигон. В праздничный день 1 Мая решено было не работать, а немного отдохнуть. Это весьма необычное для моего отца состояние запечатлено на нескольких фотографиях. Но короткие часы отдыха пролетели быстро, и его снова поглотила напряженная работа.

Я училась в школе и не догадывалась о надвигающемся завершении катастрофы в нашей семье, которое было уже совсем близко. Между тем состоялся третий по счету суд (на первых двух мама отказывала в разводе), где мама, поняв бесполезность сопротивления, согласилась на расторжение брака. Это случилось 24 июня 1949 г. Меня вызвали с дачи на Октябрьскую. Ничего не подозревая, я приехала домой и увидела страшную картину: в кресле сидела заплаканная мама, плакали обе бабушки, грустными и расстроенными выглядели оба дедушки. Для меня известие о разводе моих родителей было подобно грому среди ясного неба. Я никак не могла понять его причину и смириться с тем, что мы уже никогда не будем жить втроем, одной семьей. Мне очень хорошо было с бабушками и дедушками, любимыми мною и любящими меня, но я всегда мечтала, что когда-нибудь буду жить с мамой и папой, которых тоже очень любила. И вот теперь оказалось, что все мои мечты рухнули. Я очень тяжело переживала беду. Больше всего по-женски было жаль маму. Я не понимала, как отец мог предпочесть ей - такой красивой, умной, доброй - любую другую женщину. Для меня мама с детства была идеалом женщины и человека, я старалась во всем брать с нее пример, даже в чем-то подражать ей. И мне больно было видеть ее в том ужасном состоянии, в котором она тогда находилась. Помню, я спросила бабушку Марию Николаевну, как же она не сумела отговорить папу оставить нас с мамой, на что та ответила,

что сделала все, что было в ее силах, но он ушел, и надо с этим примириться. Примириться же оказалось очень трудно - развод родителей оставил тяжелый отпечаток в моей душе. Сейчас, анализируя ту ситуацию с высоты прожитых мною лет, я думаю, что причиной развода стала не только новая любовь отца. И мама, и отец были сильными личностями с очень независимыми характерами. А ведь так редко бывает, когда две сильные личности гармонично уживаются вместе. Мама любила свое дело так же, как отец свое. Такой человек, как она, никогда не смог бы стать чьей-то тенью. И она не смогла стать тенью отца, даже несмотря на сильную любовь к нему.

На следующий после развода родителей день я вернулась на дачу и туда приехал отец с Ниной Ивановной. Я все еще находилась в шоковом состоянии. И он, и она пытались говорить со мной, что-то объяснять - я молча слушала, ничего не воспринимая. Отец привез фотоаппарат и несколько раз снял меня. Несмотря на его просьбы, улыбаться и даже разговаривать я не могла. Во мне все будто окаменело, пропали все желания, все интересы. Они уехали, а я долго горько плакала, спрятавшись в зарослях орешника.

В июле 1949 г. отцу вновь довелось встретиться с И.В. Сталиным, к которому он был приглашен вместе с И.В. Курчатовым, Д.Ф. Устиновым и видными военачальниками: Н.Д. Яковлевым, Н.Н. Вороновым и М.И. Неделиным. Речь шла о создании ракетно-ядерного щита страны перед лицом нарастающих угроз холодной войны. И.В. Курчатов доложил о готовящемся в конце августа испытании первой советской атомной бомбы, отец - о ходе подготовки к испытаниям ракеты «Р-2». И снова, как при первой встрече, И.В. Сталин поразил отца компетентностью задаваемых вопросов и суждений.

Летом 1949 г. мы с мамой вновь уехали в Одессу, взяв с собой, кроме Ксаны, Марианну - двоюродную сестру отца, дочь Василия Николаевича и Маргариты Ивановны, годом моложе меня. Как и в предыдущем году, мама работала врачом санатория.

1 сентября 1949 г. отец женился на Нине Ивановне и через несколько дней уехал на полигон. Мама поставила мне условие: не встречаться с новой женой отца. Она взяла слово и с Марии Николаевны не способствовать этим встречам. Это была типично женская месть оставившему ее мужу. Я обожала маму и обещала не огорчать ее, но выполнение этого обещания оказалось для меня трудным испытанием. Отец приезжал на Октябрьскую или на дачу, как правило, неожиданно и почти всегда с Ниной Ивановной, которая ревновала мужа ко мне - у них не было детей. После таких встреч мне и бабушке Марии Николаевне приходилось объясняться с мамой, от которой я никогда ничего не скрывала. Бабушка жалела маму и глубоко переживала сложившуюся ситуацию, но, будучи мудрой женщиной, несмотря на свои обещания, делала все возможное, чтобы мое общение с отцом не прекращалось. Не случайно поэтому в 1967 г. на том письме мамы, которое я привела выше, она написала: «Я виновата перед Вами только в том, что вопреки Вашей воле я все же сделала все, что могла, чтобы вернуть Наташе отца, а Сергею - дочь, которую он искренне и всегда любил, внешне скрывая это». В 1973 г., после еще одного прочтения письма мамы от 1 мая 1948 г. Мария Николаевна сделала пометку, обращенную уже ко мне: «Наташенька, моя девочка! Не стоит, не читая, уничтожать это письмо. Это крик измученной женщины, твоей матери, пережившей страшную трагедию, это крик Анны Карениной, и это моя искренняя боль и большое, большое горе. Я искупила вину сына и отца твоего тем, что я все-таки вернула тебе отца...» А в 1975 г.

Наташа Королева. Барвиха, 25 июня 1949 г. Фотография С.П. Королева

С.П. Королев. Москва, 1949 г.

бабушка написала на конверте этого письма: «Наташа, одна, возьми его, поплачь, пожалей ее и прости за пережитые горькие твои моменты в отношениях с отцом».

Моментов таких действительно было немало, и они сильно терзали мою ранимую юную душу. Постепенно острота обиды на отца прошла. Я попрежнему любила его и страдала от того, что наши встречи не были частыми. Он всегда был безумно занят, месяцами находился на полигоне, но никогда не забывал поздравить свою маму с именинами, а меня с днем рождения и с Новым годом, присылая в эти дни письма и корзины цветов. В день именин бабушки, на Благовещенье, отец прислал ей свою фотографию, снятую в январе 1950 г., с надписью: «Дорогой маме на добрую память. 7 апреля 1950 г. Сергей».

Мне он прислал поздравительное письмо.

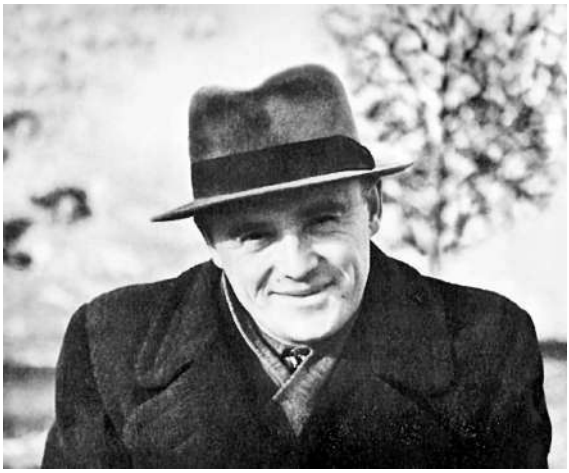
«9 /IV 50 Милая Наташа!

Горячо поздравляю тебя с днем рождения и от всего сердца желаю тебе много счастья, радости и успехов в жизни. Я всегда тебя помню и люблю. Крепко тебя целую и очень хочу тебя видеть. Твой папа».

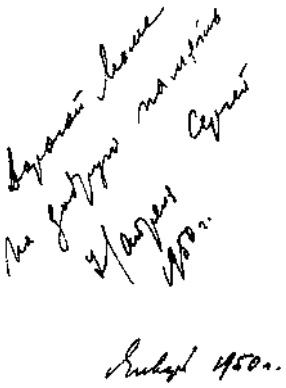
В апреле 1950 г. была проведена реорганизация НИИ-88 с образованием двух опытно-конструкторских бюро: ОКБ-1 - по разработке баллистических и ОКБ-2 - зенитных ракет. Отец стал начальником и главным конструктором ОКБ-1. Теперь он имел значительно большие возможности для работы и большую самостоятельность. Осенью 1950 г. он вновь уехал на полигон для руководства летными испытаниями ракеты «Р-2». Проектирование этой ракеты началось еще во время пребывания наших специалистов в Германии. В последующие несколько лет проводилась доработка проекта. Летные испытания первой партии ракет «Р-2», проходив-

На полигоне. Слева направо: Н.М. Лакузо, Н.С. Медведев, В.И. Каменский, А.М. Гинзбург, Н.А. Пилюгин, С.П. Королев, Ф.В. Шухвастов, Н.Н. Хлыбов. Капустин Яр, 10 сентября 1949 г.

На полигоне. Слева направо: М.М. Борисенко, С.П. Королев, Н.А. Пилюгин, М.С Рязанский. Капустин Яр, 1949 г.



СП. Королев. Январь 1950 г.



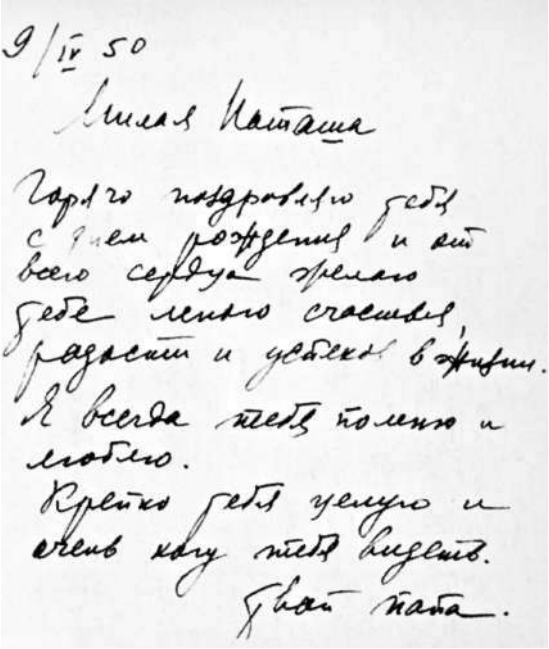
Надпись на обороте

шие с 21 октября по 20 декабря 1950 г., оказались неудачными. Однако недостатки удалось устранить, и летные испытания второй партии ракет в июле 1951 г. прошли успешно. В том же году ракета «Р-2» была принята на вооружение.

Наряду с созданием боевых ракет отец не переставал верить в осуществление своей мечты о полете в космос. Он активно участвовал в реализации программы использования ракетной техники для проведения геофизических экспериментов. С этой целью применялись различные модификации ракеты «Р-1». В июле-августе 1951 г. были проведены вертикальные пуски ракет с научной аппаратурой и подопытными животными, находившимися в специальном герметичном отсеке, - исследовалось их поведение в условиях невесомости. Так, 22 июля 1951 г. на ракете впервые успешно летали собаки Дезик и Цыган. Для отца полеты на ракетах живых существ и возможность их возвращения на Землю имели особое значение: он неуклонно и последовательно шел к главной цели своей жизни - полету в космос человека. Наверное, поэтому на фотографиях того периода отец так ласково обнимает своих четвероногих помощников.

В начале 1952 г., через четыре с лишним года после фактического распада нашей семьи, мама объявила, что собирается выйти замуж за близкого друга моего отца, его соратника по ГИРД и РНИИ Евгения Сергеевича Щетинкова, который любил ее с начала тридцатых годов и потому не женился. Перед тем как сделать маме предложение, Евгений Сергеевич поговорил об этом с отцом, считая необходимым оповестить друга о своем намерении. Отец, в свою очередь, поддержал его в этом. Бабушки и дедушки одобрили мамино желание выйти замуж за Евгения Сергеевича, которого давно знали и считали интеллигентным, скромным и порядочным человеком. Я же категорически возражала. После развода родителей я была в принципе против замужества, заявив всем, что ненавижу мужчин и сама тоже никогда не выйду замуж. Потребовалось вмешательство обеих бабушек, которые убедили меня в несостоятельности моих доводов. 12 февраля 1952 г. Евгений Сергеевич и мама стали мужем и женой. Они купили

Письмо С.П. Королева дочери в Москву. Капустин Яр, 9 апреля 1950 г.



9/IV 50

Милая Наташа

Горячо поздравляю тебя с днем рождения и от всего сердца желаю тебе много счастья, радости и успехов в жизни. Я всегда тебя помню и люблю.

Крепко тебя целую и очень хочу тебя видеть.

Твой папа.

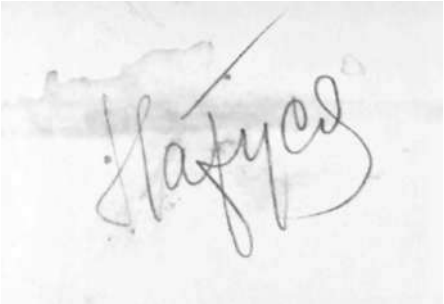
двухкомнатную кооперативную квартиру у станции метро «Сокол», и летом 1952 г. мама, Евгений Сергеевич, мамины родители и я переехали туда.

Евгений Сергеевич обожал маму. Они прожили вместе 24 года до его смерти в 1976 г. от инфаркта. Взаимоотношения их были прекрасными, но мама даже рядом с ним так и не смогла забыть свою первую любовь.

В марте 1952 г. отец подал в партийную организацию ОКБ заявление с просьбой о приеме его кандидатом в члены партии. Это был непростой для него шаг. С одной стороны, он понимал, что много серьезных производственных вопросов можно и необходимо решать на партийном уровне, так что дальнейшее его пребывание вне партии будет мешать делу. С другой - опасался, что годы заключения могут показаться кому-то темным пятном его биографии и вызовут возражения против приема. Не мог он забыть и того, что до своего ареста уже состоял в рядах сочувствующих партии, откуда его исключили по надуманным причинам.

Рекомендации для вступления отцу дали давний друг и соратник Ю.А. Победоносцев, товарищи по работе И.М. Рябов и Д.И. Козлов. Все они характеризовали отца как человека, беззаветно любящего Родину и свою работу. Ю.А. Победоносцев написал так: «Будучи чрезвычайно твердым, упорным и настойчивым в отстаивании и проведении в жизнь своей линии, тов. Королев нередко встречал энергичный отпор и сопротивление. На этой почве у него иногда возникали конфликты с отдельными работниками и товарищами по работе. Однако т. Королев всегда оставался последовательным и принципиальным в намеченном им решении того или иного вопроса».

Опасения отца оказались не напрасными. Несмотря на сугубо положительные рекомендации и единогласное голосование «за» на партбюро и на



Надпись С.П. Королева на обороте

Наташа Королева. Новый Афон, 1951 г.

С.П. Королев. Капустин Яр, 1951 г.

С.П. Королев. Барвиха, август 1951 г. Фотография Н.И. Королевой

С.П. Королев с мамой Марией Николаевной. Барвиха, август 1951 г. Фотография Н.И. Королевой

Сергей Павлович и Нина Ивановна Королевы. Барвиха, август 1951 г. Фотография М.Н. Баланиной

партсобрании в ОКБ-1, среди членов парткома НИИ-88 нашлись такие, которые, услышав об аресте и годах заключения, выступили против. Свою позицию они мотивировали тем, что отец досрочно освобожден, но не реабилитирован. Потребовалось разъяснение директора института К.Н. Руднева, что вопрос согласован «в соответствующих инстанциях». В итоге, 28 марта 1952 г. отец был принят кандидатом в члены ВКП(б).

В июне 1952 г. я с золотой медалью окончила школу. Для меня вопроса: куда пойти учиться? - не существовало. Я с детства постоянно слышала рассказы мамы о работе в больнице и мечтала стать врачом, причем обязательно хирургом, как мама. Сколько себя помню, мы всегда со сверстниками играли в «больницу». Летом 1944 г. я сама оказалась на больничной койке в связи с операцией по поводу острого аппендицита, и это еще больше укрепило мое стремление идти в хирургию, несмотря на то, что мне было тогда всего девять лет. Потом, в школьные годы, я часто приходила к маме на работу и видела, как измученные болезнью люди при виде ее оживали, светлели, протягивали руки, чтобы прикоснуться к ней. Ее буквально боготворили и больные, и сотрудники. Меня это потрясало. Я гордилась мамой, читала книги о медиках. Решила твердо: буду врачом и обязательно хирургом. Мама же была категорически против: «Никогда, только через мой труп. Ты будешь, как я, всю жизнь работать на трех ставках, у тебя никогда не будет свободного времени, не будет покоя!» Она хотела, чтобы я стала химиком или биологом, даже водила меня к знакомым профессорам в МГУ. Но я не соглашалась, плакала и не знала, что делать. «Переступить через труп» мамы я, естественно, не могла, а избрать другую специальность не хотела, так как чувствовала, что медицина - мое призвание. На помощь, как всегда, пришли бабушки. Мама сдалась: «Иди, только потом не упрекай

меня за то, что не отговорила». Я тут же поехала в Первый медицинский институт на Большой Пироговской и подала документы. 4 июля проводилось собеседование. Там один из членов приемной комиссии неожиданно спросил меня, есть ли у человека душа и что это такое. Я растерялась - что ответить? Выручил другой член комиссии: «Наверное, есть. У вас она сейчас уж точно ушла в пятки». Все рассмеялись, а я, собравшись с мыслями, стала объяснять суть этого понятия с научно-философской точки зрения. В итоге меня приняли на первый курс. Теперь-то я уж знаю точно: душа есть. Я верю в существование души. Душа - это внутренний мир и нравственный компас человека.

Итак, летом 1952 г. начался новый этап моей жизни - я стала студенткой старейшего медицинского института страны. Отец одобрил мой выбор. Он не любил лечиться, но к медицине относился с уважением, понимая, что в пилотируемых космических полетах без нее не обойтись. Он по-прежнему много работал, проводил испытания ракет, выступал с докладами и лекциями. 9 августа 1952 г. Ученый совет НИИ-88 выдвинул его кандидатом в действительные члены Академии артиллерийских наук.

К этому времени относится написанная им подробная автобиография, в которой он говорит, в частности, о своем знакомстве с К.Э. Циолковским.

АВТОБИОГРАФИЯ

Королева Сергея Павловича

Родился 30 декабря 1906 г. в г. Житомире. Отец учитель, мать учительница. Отца лишился 3-х лет отроду и воспитывался матерью, а с 10-и летнего возраста на средства отчима, по специальности инженера-механика.

В настоящее время, отчим мой Баланин Григорий Михайлович доцент Московского института инженеров транспорта, а мать на пенсии. Братьев и сестер не имел.

Среднее образование получил, окончив две последние группы Строительной профшколы в г. Одессе, получив специальность рабочего строителя-черепичника. Далее учился $2^1/_2$ года на аэромеханическом отделении Киевского Политехнического Института, а в 1927 году, в связи с закрытием в КПИ этого отделения, был переведен на аэромеханический фак-т МВТУ им. Баумана в г. Москву. МВТУ окончил в 1929 году, защитив в качестве дипломного проекта проект построенного к тому времени и летавшего легкого двухместного самолета своей конструкции.

В 1930 г., без отрыва от производства окончил Московскую школу летчиков.

За весь период учебы жил на свой заработок, работая с 1924 до 1927 г. на разной работе (разносчиком газеты, столяром и др.).

С 1927 г. начал работать на заводах Всесоюзного Авиационного объединения (заводы №№ 22, 28, 39, ЦАГИ).

Имел свои осуществленные конструкции легких самолетов и планеров, а также выполнил ряд печатных работ по авиационной технике.

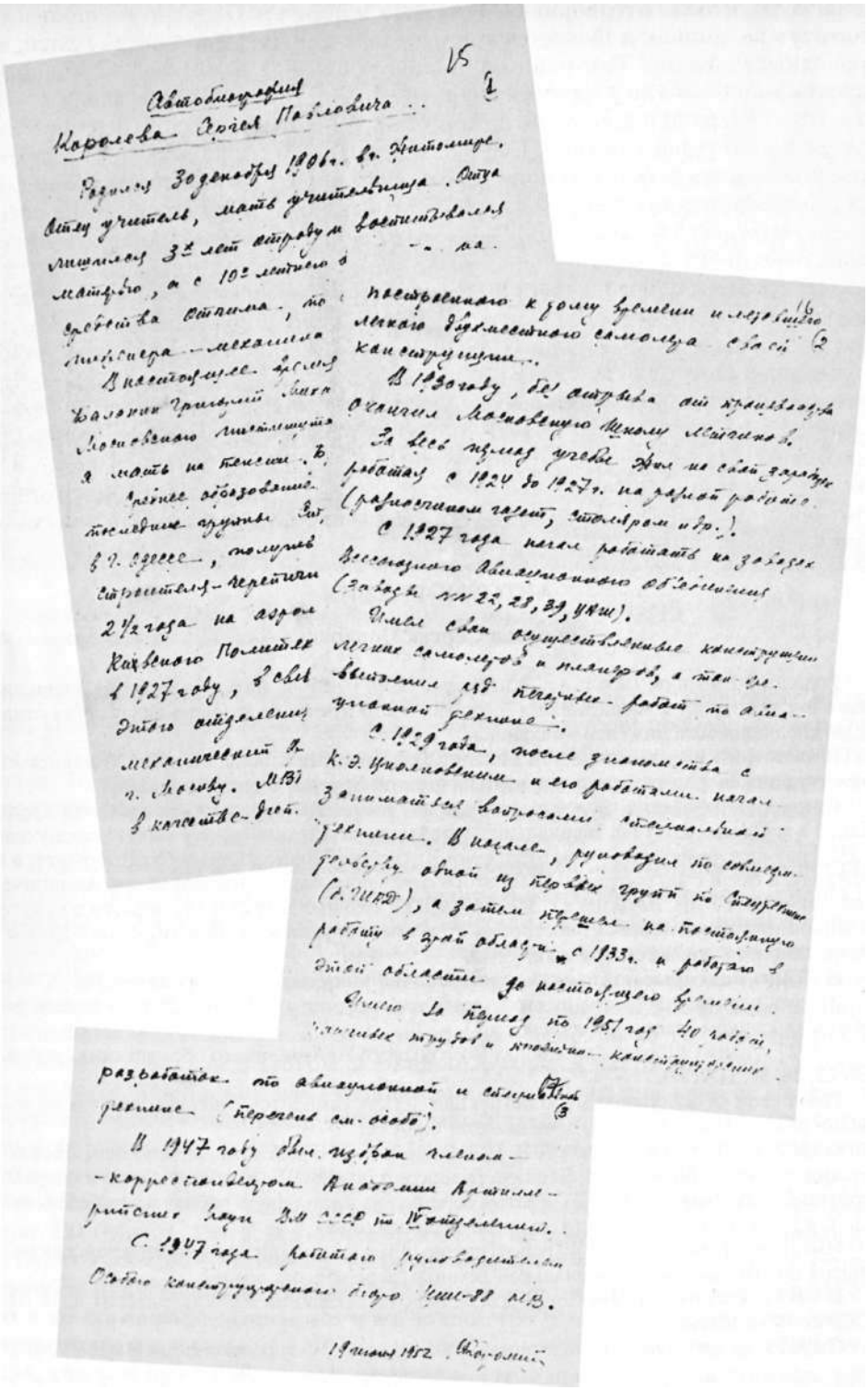
С 1929 г., после знакомства с К.Э. Циолковским и его работами, начал заниматься вопросами специальной техники. Вначале руководил по совместительству одной из первых групп по Спецтехнике (б. ГИРД), а затем перешел на постоянную работу в этой области с 1933 г. и работаю в этой области до настоящего времени.

Имею за период по 1951 г. 40 работ, научных трудов и проектно-конструкторских разработок по авиационной и специальной технике (перечень см. особо).

В 1947 г. был избран Членом-корреспондентом Академии Артиллерийских наук ВМ СССР по IV отделению.

С 1947 года работаю руководителем Особого конструкторского бюро НИИ-88 МВ.

19 июня 1952
С. Королев



Автобиография
Королева Сергея Павловича

Родился 30 декабря 1906 г. в Житомире. Отец учитель, мать учительница. Отца лишился 3½ лет отроду и воспитывался матерью, а с 10½ летнего в сробства отчима, то инженера-механика.

В настоящее время живу в Москве. Имею трудовой стаж и мать на пенсии.

Среднее образование последние группы Дн. в г. Одессе, получив строителя-чертежника 2½ года на заводе Кахвенного Полиграф в 1927 году, в связи этого отделения механический ф. г. Москву. МВТУ в качестве студ.

поступления к дому времени и первого легкого двухместного самолета своей конструкции.

В 1930 году, без отрыва от производства окончил Московскую Школу Авиастроя.

За весь период учебы я не сам занимался работал с 1924 до 1927 г. на разной работе (разносчиком газет, столяром и пр.).

С 1927 года начал работать на заводах Всесоюзного Авиационного Объединения (Заводы №№ 22, 23, 39, УКШ).

Имел свои осуществленные конструкции легких самолетов и планеров, а также движения для получения работ по авиационной технике.

С 1932 года, после знакомства с К.Э. Циолковским и его работами начал занимаясь вопросами ракетной техники. В начале, руководил по совместительству одной из первых групп по ракетным (Д. ЦКБ), а затем перешел на постоянную работу в этой области с 1933 г. и работаю в этой области до настоящего времени.

Всего до перед по 1951 год 40 лет, научные труды и изобрет. конструкторские разработки по авиационной и ракетной технике (перечень см. особо).

В 1947 году был избран членом-корреспондентом Академии Артиллерийских наук МО СССР по 1 отделению.

С 1947 года работаю руководителем Особого конструкторского бюро КБ-88 МВ.

19 июня 1952 Королев

Автобиография С.П. Королева. 19 июня 1952 г.

В самом начале марта 1953 г. отец вновь улетел в Капустин Яр для проведения летных испытаний теперь уже ракеты «Р-5», имевшей дальность полета до 1200 км. Там 5 марта его застало известие о смерти Сталина. Эта новость как громом поразила граждан нашей страны и всего мира. Я училась на первом курсе института, и в один из объявленных дней мы всей группой отправились к Колонному залу Дома Союзов, где стоял гроб с телом Сталина. Конечно, попасть туда оказалось невозможно, зато вполне реально было погибнуть в обезумевшей толпе. На площади Дзержинского (теперь Лубянской) я едва выбралась из-под копыт лошадей конной милиции. Потом стало известно о гибели в те дни многих людей.

СП. Королев. Москва, 9 августа 1952 г.

Отец тоже переживал смерть Сталина и так же, как многие другие, не видел его личной вины в изломах собственной судьбы. В письме к Нине Ивановне 6 марта 1953 г. он писал: «Умер наш товарищ Сталин... Так нестерпимо больно на сердце, в горле комок и нет ни мыслей, ни слов, чтобы передать горе, которое нас всех постигло. Это действительно всенародное, неизмеримое горе - нет больше нашего родного товарища Сталина». И это пишет человек, прошедший сталинские тюрьмы и лагеря, насильственно оторванный от любимой работы и семьи более чем на шесть долгих лет... Поистине магической силой обладал Сталин, если даже люди, пострадавшие от несправедливых репрессий, свято верили в его непогрешимость. Конечно, все это написано до XX съезда партии, на котором был разоблачен культ личности Сталина, и многое оставалось неизвестным.

10 апреля 1953 г. мне исполнилось 18 лет. Отец еще находился на полигоне и прислал мне оттуда совершенно особое письмо. В нем есть грустные строчки, навеянные нашими редкими встречами после развода моих родителей. Но в целом оно проникнуто искренними чувствами любви, патриотизма и может служить примером родительского назидания.

«5 апреля 1953 г.

Наташа! Через несколько дней наступает день твоего совершеннолетия и ты по праву можешь считать себя взрослым человеком.

От всего сердца приветствую тебя в этот день и желаю быть достойным гражданином нашей великой Советской Родины.

Несмотря на тяжелые испытания, которые мы все вынесли за минувшие годы, ни на один миг наша Родина не оставляла заботы о тебе. Как ни было трудно, но ты росла и училась, и жизнь для тебя была светлой... Помни об этом всегда и всегда люби наш народ и землю, на которой ты выросла. Это я тебе желаю во всем и навсегда!

Желаю тебе также радостного труда, хорошей учебы, а также счастья в твоей личной жизни. Я не сомневаюсь в твоих успехах в учебе и работе. Ты выбрала себе благородный путь в жизни, и я уверен, что ты окажешься достойной своего избрания. Личная жизнь во многом в твоих руках, а хороших людей на свете много встретишь. Будет и большая любовь, и дружба - все это обязательно будет!

К.М. Винцентини. Москва, 1952 г.

Е.С. Щетинков. Москва, 1952 г.

Я считаю неправильным, милая Наташа, твое поведение в отношении меня. Я прошу тебя подумать об этом хорошенько. Я искренне и крепко тебя люблю, часто вспоминаю и очень хочу, чтобы ты снова со мной виделась и чтобы было сломано то отчуждение, которое создалось за последние годы. Ты теперь взрослая и сама многое понимаешь. Сейчас я нахожусь очень далеко от тебя, но 10-го апреля - знай, что буду тебя вспоминать, здесь, в этой пустыне.

Не забывай своего отца, который тебя очень любит, всегда помнит и никогда не позабудет. Крепко, крепко тебя обнимаю и целую. Всегда твой друг Сергей».

Получив это письмо, я долго мучительно думала, как себя вести. Мне очень хотелось видеть отца, но мама оставалась непреклонной, а я жила с ней и не хотела ее огорчать.

Весной 1953 г. истек кандидатский партийный стаж отца. Вернувшись с полигона, он подал заявление с просьбой о приеме в члены партии.

«В партийную организацию ОКБ-1
завода им. Калинина

Королева Сергея Павловича,
кандидата в члены КПСС
с марта месяца 1952 г. к/к 10012508

Заявление

Прошу принять меня в члены Коммунистической партии Советского Союза.

Хочу быть в рядах активных участников построения Коммунистического общества в нашей стране.

Обязуюсь всегда высоко держать звание члена партии Ленина-Сталина.

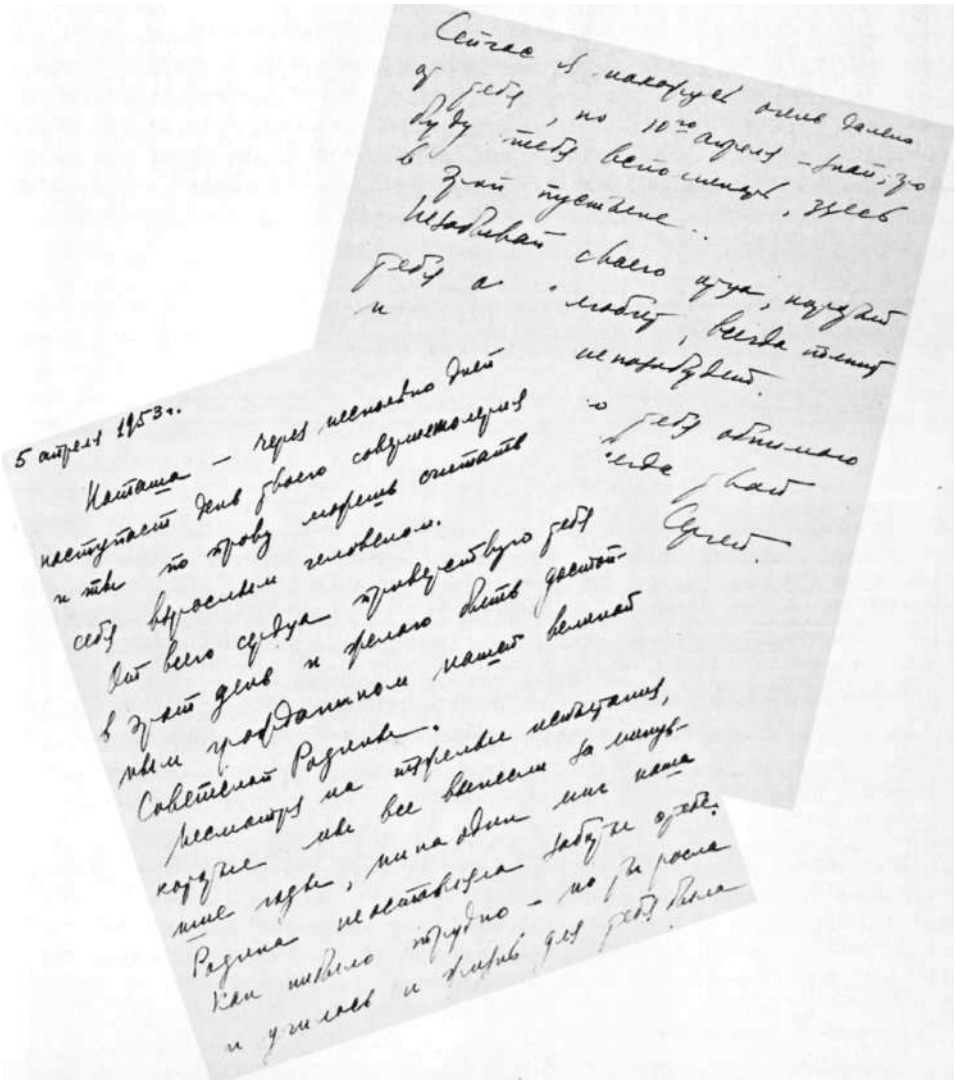
С. Королев

30 июня 1953 г.».

Рекомендации отцу дали товарищи по работе Д.И. Козлов, И.В. Лавров и А.М. Пронин. Д.И. Козлов отметил: «Товарищ Королев своими знаниями и опытом во многом способствовал коллективу ОКБ добиться значительных успехов в деле укрепления нашей страны». И.В. Лавров подчеркнул, что

«тов. Королев отдает максимум энергии на укрепление могущества нашего государства». «Товарищ Королев очень любит свою работу и отдает ей все силы и знания, переживая глубоко каждую, даже небольшую неудачу. Не опускает руки, а, наоборот, еще энергичнее ищет правильного решения задачи», - написал в своей рекомендации А.М. Пронин. 15 июля 1953 г. партийное собрание ОКБ приняло отца в члены КПСС Но только через три года после реабилитации, 4 марта 1960 г., ему выдали новый партийный билет, в котором уже не было записи о привлечении к уголовной ответственности. 23 октября 1953 года произошло еще одно важное событие - общее собрание Академии наук избрало отца членом-корреспондентом АН СССР по отделению технических наук.

Отец по-прежнему много работал и большую часть времени проводил на полигоне. Условия жизни и работы там были трудными. Об этом он пишет в



5 апреля 1953 г.

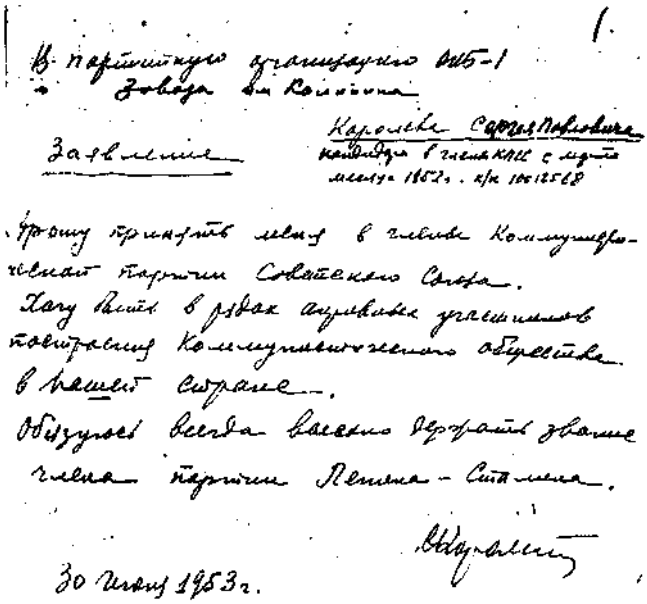
Наташа — через несколько дней наступает день твоего совершеннолетия и тебе по праву можешь считать себя взрослым человеком. Для всего сердца пожелаю тебе в этот день и всегда быть достойным трудолюбивым нашей великой Советской Родины. Несмотря на трудные испытания, которые мы все вынесли за минувшие годы, мы на деньги нашей Родины не жалеем труда и средств. Как нелегко трудно — но росла и умнела и крепла для тебя Вера

Страницы письма С.П. Королева дочери в Москву ко дню совершеннолетия. Капустин Яр, 5 апреля 1953 г.

С.П. Королев.
Капустин Яр, май, 1953 г.

Наташе Королевой
18 лет. Москва, 1953 г.

Заявление С.П. Королева о приеме в члены КПСС. 30 июня 1953 г.



1.

В партийную организацию ОТБ-1
Завода им. Калинина

Королева Сергея Павловича
кандидата в члены КПСС с июля
месяца 1952 г. п/к 10012568

Заявление

Прошу принять меня в члены Коммунистической партии Советского Союза.
Хочу быть в рядах активных участников повышения Коммунистического общества в нашей стране.
Обязуюсь всегда высоко держать звание члена партии Ленина – Сталина.

30 июня 1953 г.

Партийный билет С.П. Королева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

№08683575

Фамилия Королев
Имя и отчество Сергей Павлович
Год рождения 1906
Время вступления в партию Июль 1953
Наименование организации, выдавшей билет Мытищинского з-да им. Калинина Парткома ГК КПСС Московск. обл.

(личная подпись)
М. П.
Секретарь Парткома

Время выдачи партбилета 4 марта 1960 г.

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
1960 год

Месяц	Месячный заработок	Членский взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль	15000	450 00	
Март	15000	450 00	
Апрель	15000	450 00	
Май	15000	450 00	
Июнь	15000	450 00	
Июль	15000	450 00	
Август	15000	450 00	
Сентябрь	15000	450 00	
Октябрь	15000	450 00	
Ноябрь	15000	450 00	
Декабрь	1500	45 00	

письме Нине Ивановне от 29 ноября 1953 г.: «В смысле работы - есть и хорошее и плохое и как всегда много нового и трудного. Живем в эту экспедицию довольно трудно, т.к. во-первых очень холодно. На днях работали при - 32° и выше -20° на солнце температура не поднималась. При этом был еще и ветерок. Должен сказать, что переносить такой «режим» было для меня (да и для всех) довольно трудным делом. Я даже вспоминал свое пребывание на Чукотке (на самом деле Колыме. - *Н.К.)* - как ты знаешь, это довольно грустные воспоминания. Нормально же у нас -12 -15° и немного снега, а ветры все время.... Стараюсь по возможности чередовать работу с отдыхом и спать хотя бы 6-8 часов (либо потом наверстывать эти часы)... Вот какие дела, а жаль, что как-то мало сил и энергии осталось. Сейчас так хочется много трудиться и много творческих мыслей в голове».

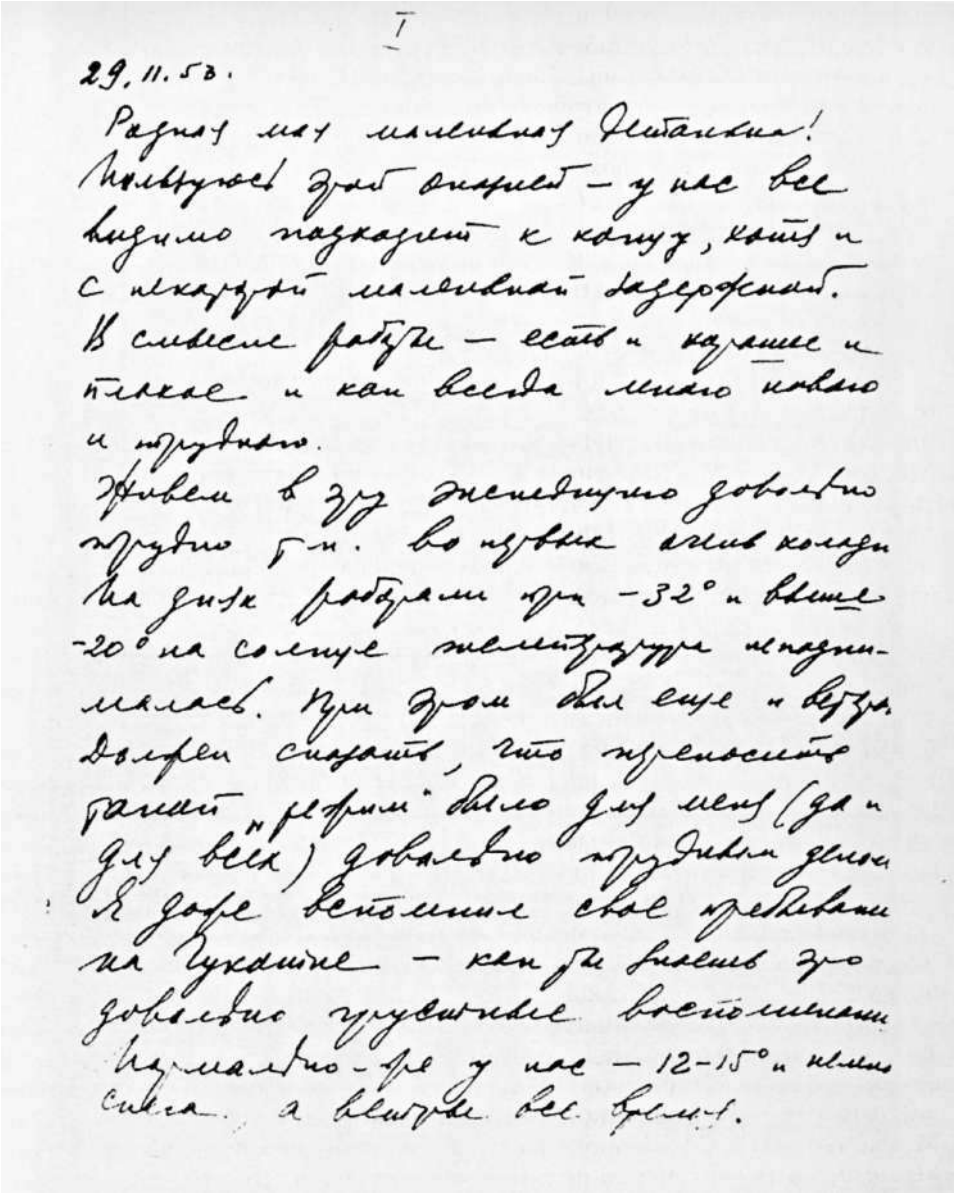
Занимаясь разработкой и испытаниями боевых ракет, отец не оставлял мысли о космических полетах. С целью продвижения этих работ из военного ракетного института НИИ-4, находившегося в Болшеве, в ОКБ-1 была переведена группа М.К. Тихонравова, настойчиво и целеустремленно разрабатывавшая эту тематику в течение многих лет. 27 мая 1954 г. отец обратился к министру вооружения Д.Ф. Устинову с письмом, в котором поставил вопрос о возможности и целесообразности вывода на орбиту Земли искусственного спутника с помощью намеченной к разработке межконтинентальной баллистической ракеты «Р-7». Эту же мысль он высказал и в своем отчете члена-корреспондента АН СССР о научной деятельности за 1954 г., написанном им 25 июля 1955 г.: «В настоящее время все более близким и реальным является создание искусственного спутника Земли и ракетного корабля для полетов человека на большие высоты и для исследования межпланетного пространства». В следующем отчете о научной деятельности, за 1955 г., этот тезис уже более конкретен: «В конце 1955 года были начаты исследовательские работы и подготовлены общие соображения в связи с созданием искусственного спутника Земли».

Это были не просто отчеты. Это был аргументированный план развития исследований верхних слоев атмосферы и ближнего космоса. Позднее историки науки, изучая эти отчеты, установили, что все пункты королевского плана были выполнены им в ближайшие годы.

В августе 1955 г. руководителям страны - Н.С Хрущеву и Н.А. Булганину была направлена докладная записка, подписанная заместителем председателя Совета Министров СССР М.В. Хруничевым, председателем Спецкомитета по реактивной технике при Совете Министров СССР В.М. Рябиковым и С П. Королевым, в которой говорилось: «В связи с появившимися в американской печати сообщениями о том, что в 1957-59 гг. будет осуществлено создание искусственного спутника Земли небольших размеров, докладываем: современное состояние ракетной техники и ее смежных областей позволяет в ближайшие годы создать искусственный спутник Земли... Учитывая, что создание искусственного спутника Земли открывает новые перспективы в развитии науки и военной техники, считали бы целесообразным в ближайшее время приступить к работам по его созданию».

Из-за постоянной занятости отцу редко удавалось выбраться к нам на дачу. В один из таких дней он запечатлен на снимке с отчимом Григорием Михайловичем.

Начиная с 1953 г., в ОКБ-1 проводились работы по использованию баллистических ракет дальнего действия для вооружения кораблей Военно-мор-



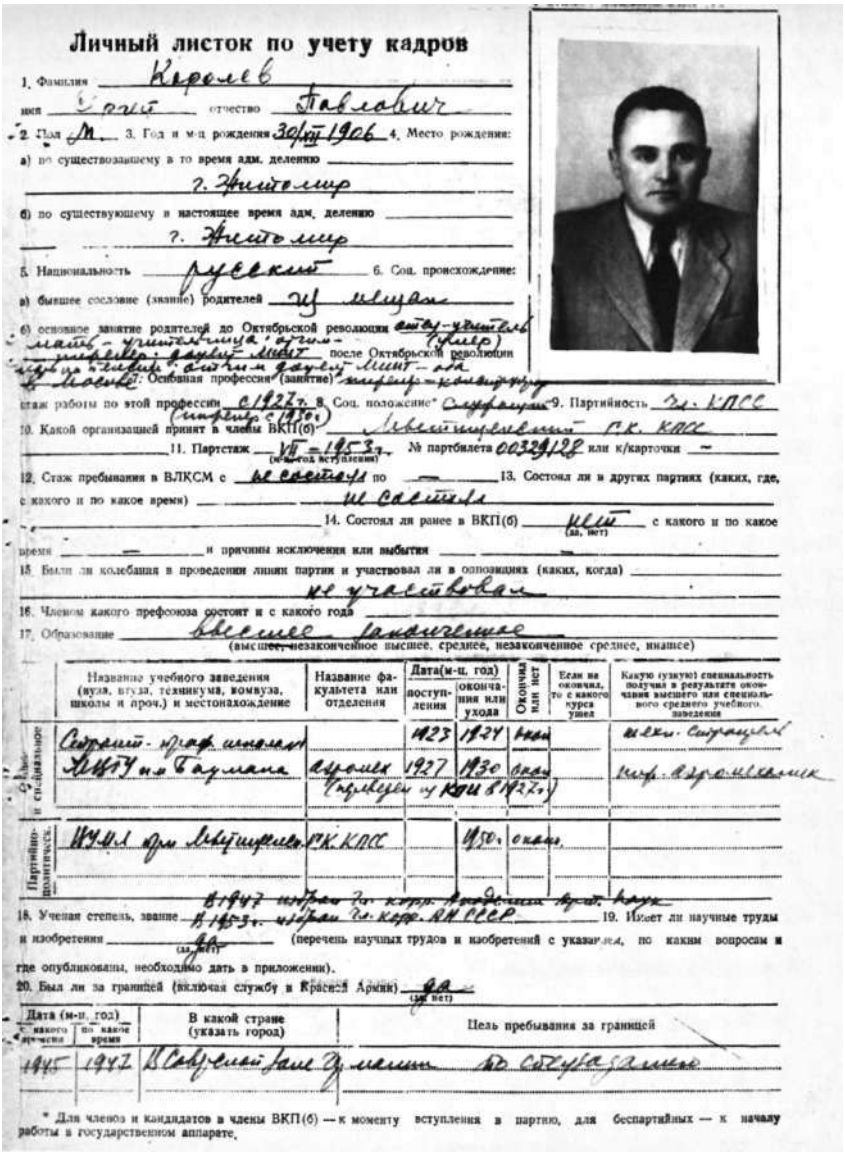
I

29.11.53.

Родная моя маленькая Наташка!
Получил твой открытый — у нас все видимо подходит к концу, хотя и с некоторой маленькой задержкой. В смысле работы — есть и хорошие и плохие и как всегда много нового и трудного.
Живем в эту неделю довольно трудно т.к. во первых опять холодно на днях работали при -32° и выше -20° на солнце температура не поднималась. При этом был еще и ветер. Вообще сказать, что переносить такой „режим" было для меня (да и для всех) довольно трудным делом. Я даже вспомнил свое пребывание на Чукотке — как ни вспомню это довольно грустные воспоминания. Нормально-ре у нас — 12-15° и нет сильных, а ветры все время.

Страница письма С.П. Королева Н.И. Королевой в Москву. Капустин Яр, 29 ноября 1953 г.

ского флота. С этой целью была модернизирована и приспособлена для пуска с подводной лодки ракета «Р-11», получившая индекс «Р-11 ФМ». Первый успешный старт ее состоялся в Белом море 16 сентября 1955 г. Пуском ракеты руководил находившийся на подводной лодке отец. По воспоминаниям одного из первых операторов-подводников А.А. Запольского, при одном из последующих испытаний, пятом, случилось неприятное происшествие. После нажатия кнопки «Пуск» двигатель не включился и ракета осталась на стартовом устройстве. Инструкция предписывала сбросить в таком случае раке-



Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Королев
имя Сергей отчество Павлович
2. Пол М. 3. Год и м-ц рождения 30/VII 1906 4. Место рождения:
а) по существовавшему в то время адм. делению
г. Житомир
б) по существующему в настоящее время адм. делению
г. Житомир
5. Национальность русский 6. Соц. происхождение:
а) бывшее сословие (звание) родителей из мещан
б) основное занятие родителей до Октябрьской революции отец - учитель (умер) мать - учительница, потом - инженер-радиолюбитель после Октябрьской революции отец - учитель, потом радиолюбитель мать - на пенсии в Москве. Основная профессия (занятие) инженер-конструктор
стаж работы по этой профессии с 1927 г. 8. Соц. положение* служащий 9. Партийность чл. ВКПС
(инженер с 1930 г.)
10. Какой организацией принят в члены ВКП(б) Ленинградский ГК. КПСС
11. Партстаж VII-1931 г. (м-ц и год вступления) № партбилета 0032412 или к/карточки —
12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с не состоял по — 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) не состоял
14. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет (да, нет) с какого и по какое время — и причины исключения или выбытия —
15. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда) не участвовал
16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года
17. Образование высшее законченное
(высшее, незаконченное высшее, среднее, незаконченное среднее, иначе)

	Название учебного заведения (вуз, втуз, техникум, комвуз, школы и проч.) и местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м-ц, год) поступления	Дата (м-ц, год) окончания или ухода	Окончил или нет	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую (узкую) специальность получил в результате окончания высшего или специального среднего учебного заведения
Общеобразовательное и специальное	Сергиев-проф. школа		1923	1924	нет		шкл. сварщик
	МВТУ им. Баумана	аэромех (переведен из КПИ в 1927 г.)	1927	1930	окон.		инж.-аэромеханик
Партийно-политическое	ИПЛ при Ленинградском ГК. КПСС			1950 г.	окон.		

18. Ученая степень, звание В 1947 избран чл.-корр. Академии мед. наук В 1953 г. избран чл. акад. АН СССР 19. Имеет ли научные труды и изобретения да (да, нет) (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).
20. Был ли за границей (включая службу в Красной Армии) да (да, нет)

Дата (м-ц, год) с какого времени	по какое время	В какой стране (указать город)	Цель пребывания за границей
1945	1947	В Германии	по службе

* Для членов и кандидатов в члены ВКП(б) — к моменту вступления в партию, для беспартийных — к началу работы в государственном аппарате.

Личный листок по учету кадров С.П. Королева. 21 сентября 1954 г.

ту за борт. Но тогда причина отказа осталась бы невыясненной. И отец принял очень рискованное решение - выйти на верхнюю палубу и осмотреть ракету. Лишь потом, после осмотра, когда ракета наконец была сброшена, отец признался старшему помощнику командира подводной лодки, что у него «вся рубашка на спине мокрая». А суть в том, что во время этой крайне опасной операции пусковые мембраны двигательной установки, находившиеся под давлением наддува баков, могли не выдержать длительного напряжения, двигатель запустился бы, а бежать от огненной струи было и некуда, и некогда. Но таково было правило отца: если рисковать во имя дела, то прежде всего собою.

32. Отношение к воинской обязанности, категория учета _____ группа учета [illegible]

состав [illegible] воинское звание _____ военно-учетная

специальность № 125 приписан ли к войсковой части нет (да, нет) наименование военно-учетного

стола по месту жительства военнообязанного _____

наименование райвоенкомата по месту жительства военнообязанного [illegible]

_____ снят с воинского учета _____ (да, нет)

предоставлена ли отсрочка от призыва на военное время _____ (да, нет) если предоставлена, до какого времени

_____ (мн, год) состоит ли на специальном учете _____ (да, нет)

33. Состояние здоровья (имеет ли ранения, контузии, какие и когда получил) _____

34. Какие награды и поощрения имеет после Октябрьской революции

Когда награжден (число, м-ц, год)	Кем награжден	За что награжден	Чем награжден
1945 г.	Постан. Президиума	За Силу в деле	Орден Бел. Знамя
1948 г.	" "	В честь [illegible]	Медаль [illegible]

35. Привлекался ли к судебной ответственности (кем, когда, за что и решение суда В 1938 году был осужден [illegible] совещанием НКВД; в 1944 г. был освобожден [illegible] судимости

36. Имеет ли партвзыскания нет (да, нет)

Дата м-ц, год	Кем наложено партвзыскание	За что (сущность дела)	Какое наложено партвзыскание

37. Семейное положение в момент заполнения личного листка [illegible] (перечислить состав семьи)

38. Домашний адрес: г. Калининград Московской области ул. К. Либкнехта 4 кв 12

21 сентября (дата заполнения) 1951 г. Личная подпись [illegible] (писать разборчиво)

Подпись тов. _____ заверяю

_____ 195 г.

Начальник Отдела кадров

Зак. 555

Вскоре работы по морским баллистическим ракетам отец передал своему ученику В.П. Макееву, будущему академику АН СССР, дважды Герою Социалистического труда, лауреату Ленинской и Государственной премий, ставшему основателем и Главным конструктором СКБ-385 (ныне ГРЦ им. ВЛ. Макеева в г. Миассе Челябинской обл.).

25 сентября 1955 г. в МВТУ им. Баумана открылась юбилейная сессия, посвященная 125-летию училища. Отцу как его выпускнику, затем преподавателю, а на тот момент Главному конструктору и члену-корреспонденту АН СССР предложили выступить с докладом. Отец назвал свое выступление «К вопросу о применении ракет для исследования верхних слоев атмосферы».

С.П. Королев с отчимом Г.М. Баланиным. Барвиха, 1954 г.
Фотография Н.И. Королевой

Он рассказал о научных открытиях, сделанных с помощью ракет, о будущих искусственных спутниках Земли, о космических кораблях и закончил доклад горячими патриотическими словами:

«Наши задачи заключаются в том, чтобы советские ракеты летали выше и раньше, чем это будет сделано где-либо еще.

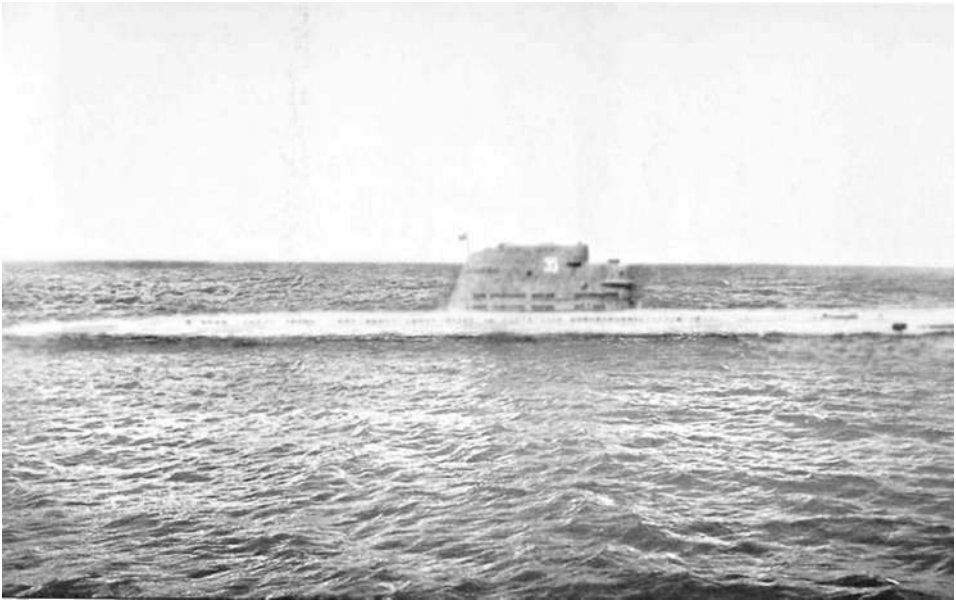
Наши задачи состоят в том, чтобы советский человек первым совершил полет на ракете.

Наши задачи - это создание нового вида сверхскоростного транспорта для пассажиров и грузов - создание ракетных кораблей.

Наши задачи состоят в том, чтобы первый искусственный спутник Земли был советским, был создан советскими людьми.

И наши задачи в том, чтобы в безграничное пространство мира первыми полетели советские ракеты и ракетные корабли».

2 октября 1955 г. внезапно умерла бабушка Соня, мамина мама. Накануне вечером она почувствовала себя плохо, и рано утром ее не стало. Это была первая смерть в моей жизни, причем смерть человека, которого я очень любила. Она жила моей жизнью, моими интересами, воспитывала, учила, старалась помочь во всем. Она была моим исповедником, духовным наставником, и потеря ее оказалась для меня очень тяжелой. Отец не смог быть на похоронах, но помог нам, предоставив автомашины, с которыми были тогда большие трудности. Хоронили бабушку на Армянском кладбище. Во время похорон мама неожиданно в третий раз увидела человека, некогда уговаривавшего ее в Тимирязевском музее стать сексотом (секретным сотрудником) НКВД, а потом встреченного в Германии. Вероятно, он узнал о печальном событии в жизни нашей семьи от моего отца, который дал нам на этот день свою машину. Незнакомец подошел к маме и крепко пожал ей руку. Было не очень



Подводная лодка-ракетоносец

Первый в мире пуск баллистической ракеты с подводной лодки. Белое море, 16 сентября 1955 г.

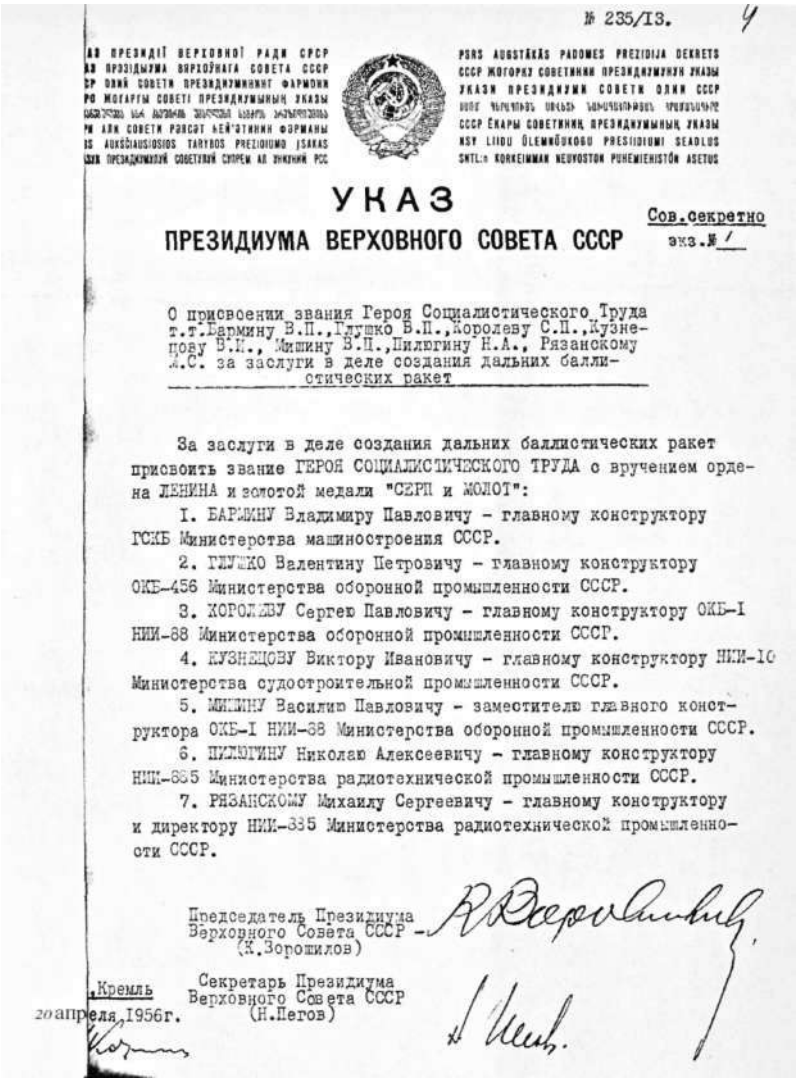
ясно, зачем он здесь, может быть, из уважения к ней и к ее стойкости в том далеком тридцать девятом?

В апреле 1956 г. в Академии наук СССР состоялась Всесоюзная конференция по ракетным исследованиям верхних слоев атмосферы, на которой отец выступил с докладом «Исследование верхних слоев атмосферы с помощью ракет дальнего действия». Одной из основных задач в этом направлении он назвал осуществление полета на ракете человека, отметив: «...современное развитие техники таково, что можно ожидать в ближайшее время создания искусственного спутника Земли... Реальной задачей является разработка

С.П. Королев на отдыхе. 1950-е годы

полета ракеты на Луну и обратно от Луны... Это перспективы, но перспективы реальные и не такие уж далекие».

Апрель 1956 г. знаменателен как для моего отца, так и для всего коллектива НИИ-88. За десять лет, с 1947 по 1956 г., здесь было создано несколько типов одноступенчатых баллистических ракет с дальностью полета от 300 до 1200 км, проведены испытания ракет с ядерным боезарядом. Это вывело Советский Союз на передовые рубежи в мировом ракетостроении и способство-



№ 235/13.

АВ ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
АВ ПРЭЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА СОВЕТА СССР
СР ОЛИЙ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ФАРМОНИ
РО МОГАРГЫ СОВЕТІ ПРЕЗИДЫУМЫНЫҢ УКАЗЫ
РИ АЛИ СОВЕТИ РАЯСОТ ЭЙЎТИНИН ФАРМАНЫ
IS AUKŠČIAUSIOSIOS TARYBOS PREZIDIUMO ĮSAKAS
ЦЫН ПРЕЗИДЫУМЫЙ СОВЕТЫЙ СУПРЕМ АЛ ЭНКИЙ РСС

PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRETS
СССР ЖОГОРКЫ СОВЕТИНИН ПРЕЗИДИУМИНЫН УКАЗЫ
УКАЗИ ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
СССР ЭКАРЫ СОВЕТИНИҢ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU PREESIDIUMI SEADLUS
SNTL:n KORKEIMMAN NEUVOSTON PUHEMIEHISTÖN ASETUS

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Сов.секретно
экз.№ 1

О присвоении звания Героя Социалистического Труда т.т.Бармину В.П.,Глушко В.П.,Королеву С.П.,Кузнецову В.И., Мишину В.П.,Пилюгину Н.А., Рязанскому М.С. за заслуги в деле создания дальних баллистических ракет

За заслуги в деле создания дальних баллистических ракет присвоить звание ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА с вручением ордена ЛЕНИНА и золотой медали "СЕРП и МОЛОТ":

1. БАРМИНУ Владимиру Павловичу - главному конструктору ГСКБ Министерства машиностроения СССР.

2. ГЛУШКО Валентину Петровичу - главному конструктору ОКБ-456 Министерства оборонной промышленности СССР.

3. КОРОЛЕВУ Сергею Павловичу - главному конструктору ОКБ-1 НИИ-88 Министерства оборонной промышленности СССР.

4. КУЗНЕЦОВУ Виктору Ивановичу - главному конструктору НИИ-10 Министерства судостроительной промышленности СССР.

5. МИШИНУ Василию Павловичу - заместителю главного конструктора ОКБ-1 НИИ-88 Министерства оборонной промышленности СССР.

6. ПИЛЮГИНУ Николаю Алексеевичу - главному конструктору НИИ-885 Министерства радиотехнической промышленности СССР.

7. РЯЗАНСКОМУ Михаилу Сергеевичу - главному конструктору и директору НИИ-885 Министерства радиотехнической промышленности СССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(К.Ворошилов)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(Н.Пегов)

Кремль
20 апреля 1956г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда группе конструкторов ракетной техники, в том числе С.П. Королеву. Москва, 20 апреля 1956 г.

вало созданию ракетно-ядерного щита нашей страны. Проделанная работа была высоко оценена руководством СССР. Коллектив НИИ-88 наградили орденом Ленина, 343 сотрудника получили ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета и медали, а членам Совета главных конструкторов и первому заместителю отца В.П. Мишину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1956 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда. 19 мая 1956 г. отец получил диплом Героя.

В июле 1956 г. после окончания четвертого курса института я проходила практику в больнице подмосковного поселка Хотьково. Однажды туда неожиданно приехал отец (как я теперь думаю, у него, видимо, образовалось «окно» во

С.П. Королев и Г.М. Баланин. Барвиха, 1956 г.

время проведения испытаний на ракетной стендовой базе, расположенной неподалеку от Хотьково, вблизи г. Загорска). Около трех часов мы гуляли с ним по лесу и разговаривали. Нам никогда еще не удавалось так долго быть вдвоем и мы оба не могли наговориться. Его интересовали моя учеба, планы на будущее, мои девичьи симпатии. Сначала я относилась к его вопросам настороженно, но очень скоро моя скованность прошла, я почувствовала, как когда-то в детстве, рядом с собой отца, такого большого, сильного мужчину, который любит меня и сможет, если нужно, защитить. Он рассказывал о своей работе, и я понимала, что он увлечен ею до предела, хотя и выглядел очень усталым. Он говорил о предстоящих полетах в космос, о космических поездах и межпланетных станциях-вокзалах, где будут останавливаться космические корабли. Все это казалось мне несбыточным, а он, видимо, чувствуя мою реакцию, со свойственной ему

убежденностью сказал: «Я вижу, тебе не верится, а все это обязательно будет, и ты сама в этом убедишься». Прошло немного лет, и прогнозы отца, казавшиеся нереальными, стали осуществляться. Теперь-то я понимаю, что он в тот момент не фантазировал. Уже существовали проекты, реальные планы, но слишком дерзкими для меня, непосвященной, выглядели тогда его слова.

Напоследок я задала ему вопрос, который с самого начала вертелся у меня на языке: почему они с мамой расстались. Он ответил, что отношения между мужчиной и женщиной - сложная область человеческих взаимоотношений и что я смогу это понять лишь тогда, когда сама выйду замуж. Этот ответ меня не удовлетворил, но других объяснений не последовало. Он уехал, а я всю ночь думала о нем, о маме, о том, как я люблю их обоих, и как плохо, что мы не живем вместе.

Летом 1956 г. произошло еще одно важное событие в жизни коллектива, которым руководил отец: приказом министра оборонной промышленности от 14 августа ОКБ-1 с опытным заводом было выделено из НИИ-88 в самостоятельное предприятие. Это предоставляло больше возможностей его начальнику и главному конструктору - моему отцу, но и возлагало на него множество дополнительных обязанностей, как производственных, так и социально-бытовых. Каждый день его был расписан буквально по минутам, и только четкая организация личного времени позволяла успевать почти везде. Но, конечно, это делалось в том числе и за счет сна и отдыха.

Ближайшей задачей являлись летные испытания первой межконтинентальной баллистической ракеты «Р-7» и на их основе запуск первого искусственного спутника Земли. Надо было спешить - американцы непременно хотели запустить свой спутник первыми. По существу, шло соревнование - кто раньше? Поэтому решено было работать и в праздничные, и в выходные дни. Сослуживцы отца вспоминали, что в наиболее ответственные моменты он сам шел в цеха, чтобы объяснить рабочим важность выполняемой ими задачи. И люди работали самоотверженно невзирая на усталость. Они видели, что Главный рядом с ними. В очередном отчете о научной деятельности - за 1956 г., отправленном отцом в Академию наук 24 января 1957 г., отмечено: «В конце 1956 года были начаты работы по созданию искусственного спутника Земли».

В те дни отец направил в правительство записку, в которой сообщал, что на базе межконтинентальной ракеты разрабатывается ракета-носитель искусственного спутника Земли и что первый запуск этого спутника может быть осуществлен в 1957 г. Вспоминая впоследствии, как родилась идея спутника, отец писал: «Я пришел в ракетную технику с надеждой на полет в космос, на запуск спутника, но долго не было реальной возможности для этого. О первой космической скорости можно было лишь мечтать. С созданием мощных баллистических ракет заветная цель становилась все ближе».

До начала Космической эры оставались считанные месяцы.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АВФ - Академия воздушного флота (позднее - Военно-воздушная инженерная академия им. Н.Е. Жуковского, ВВИА; ныне - Военный авиационный технический университет, ВАТУ)
АМН - Академия медицинских наук СССР
АН СССР - Академия наук СССР
АНИОП - Артиллерийский научно-исследовательский опытный полигон
АПН - Академия педагогических наук РСФСР
АРУ - Авиационная реактивная установка
БРДД - Баллистическая ракета дальнего действия
БСЭ - Большая Советская Энциклопедия
ВВА, ВВИА - см. АВФ
ВКП(б) - Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВУМЛ - Вечерний университет марксизма-ленинизма
ВЧК - Всероссийская чрезвычайная комиссия (позднее - ГПУ, ОГПУ, НКВД)
ГВФ - Гражданский Воздушный Флот
ГДЛ - Газодинамическая лаборатория
ГИРД - Группа изучения реактивного движения
ГКО - Государственный Комитет Обороны СССР
ГПУ - Государственное политическое управление СССР (позднее - ОГПУ, НКВД)
ГРЦ - Государственный ракетный центр
ГСКБ - Головное специальное конструкторское бюро
ГУГБ - Главное управление государственной безопасности
ГУЛАГ - Главное управление лагерей НКВД СССР
ГЭС - Гидроэлектростанция
ГЭУ - Главное экономическое управление НКВД СССР
Дальстрой - Главное управление строительства на Дальнем Севере
ДВК - Дальневосточный край
ЖРД - Жидкостной ракетный двигатель (ракетный двигатель на жидком топливе)
ЗОК - Завод опытных конструкций
ИТЛ - Исправительно-трудовой лагерь
КБ - Конструкторское бюро
КГБ - Комитет государственной безопасности СССР
КОСОС - Конструкторский отдел сектора опытного самолетостроения ЦАГИ
КРА - Крылатый ракетный аппарат (крылатая ракета)
КПИ - Киевский политехнический институт
КПСС - Коммунистическая партия Советского Союза

Лагпункт	- Лагерный пункт
ЛИИ	- Летно-испытательный институт им. М.М. Громова
МАИ	- Московский авиационный институт им. С Орджоникидзе
МАП	- Министерство авиационной промышленности СССР (до 1946 г. - НКАП)
МВ	- Министерство вооруженных сил СССР
МВТУ	- Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана (ныне - Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, МГТУ)
МГУ	- Московский государственный университет
МОП	- Министерство оборонной промышленности СССР (до 1946 г. - НКОП)
МЭИ	- Московский энергетический институт
НИИ-3	- Наименование (с января 1937 г.) РНИИ
НИТИ	- Научно-исследовательский технический институт
НКАП	- Народный комиссариат авиационной промышленности СССР (Наркомавиапром), с 1946 г. - МАП
НКБ	- Народный комиссариат боеприпасов СССР
НКВД	- Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКОП	- Народный комиссариат оборонной промышленности СССР (Наркомоборонпром), с 1946 г. - МОП
НТС	- Научно-технический совет
ОГПУ	- Объединенное государственное политическое управление СССР (с 1934 г. - НКВД СССР)
ОКБ	- Особое конструкторское бюро
ОКБ	- Опытно-конструкторское бюро
ОСО	- Особое совещание при наркоме внутренних дел СССР
РАН	- Российская академия наук
РД	- Реактивный двигатель (реактивное движение)
РККА	- Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКТ	- Ракетно-космическая техника
РНИИ	- Реактивный научно-исследовательский институт
РОНО	- Районный отдел народного образования
РП	- Ракетный (реактивный) перехватчик
РС	- Реактивный снаряд
РУ	- Ракетная (реактивная) установка
Севвостлаг	- Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР
Севжелдорлаг	- Северный исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР по строительству железных дорог на севере страны
СКБ	- Специализированное конструкторское бюро
СТО	- Совет Труда и Обороны СССР
ТАСС	- Телеграфное агентство Советского Союза
УВД	- Управление внутренних дел (областное, городское) НКВД СССР
УК	- Уголовный кодекс
УПК	- Уголовно-процессуальный кодекс

УСВИТЛ	-	Управление северо-восточных исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР
ЦАГИ	-	Центральный аэрогидродинамический институт им. Н.Е. Жуковского
Цекомбанк	-	Центральный коммунальный банк
ЦИУв	-	Центральный институт усовершенствования врачей
ЦК	-	Центральный Комитет
ЦКБ	-	Центральное конструкторское бюро
ЦЛПС	-	Центральная лаборатория проводной связи

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Глава девятая. АРЕСТ, СУД, ТЮРЬМА
Москва-Новочеркасск (1938-1939) 7

Глава десятая. ЗОЛОТО КОЛЫМЫ (1939) 75

Глава одиннадцатая. ПОВТОРНОЕ СЛЕДСТВИЕ
Москва (1940) 108

Глава двенадцатая. С ТУПОЛЕВЫМ-ЗА РЕШЕТКОЙ
Москва-Омск (1940-1942) 141

Глава тринадцатая. КАЗАНСКИЕ «УНИВЕРСИТЕТЫ» (1942-1945) 170

НАЧАЛО ПУТИ

Глава четырнадцатая. ПО ПРАВУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
Германия (1945-1947) 209

Глава пятнадцатая. В СТРЕМИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ (1947-1956) 253

Сокращения и условные обозначения 310

Королева Н.С.

С.П. Королев : Отец : К 100-летию со дня рождения : в 3 кн. / Н.С. Королева; Совет РАН по космосу. - М. : Наука, 2007. - ISBN 5-02-034432-X

Кн. 2 : **1938-1956 годы.** - 2007. - 314 с. - ISBN 5-02-034430-3 (в пер.).

Издание подготовлено к 100-летию со дня рождения академика Сергея Павловича Королева, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, первым награжденного Золотой медалью им. К.С. Циолковского. Выдающийся ученый и крупнейший конструктор в области ракетно-космической техники, С П. Королев навеки вошел в историю, положив начало осуществлению, быть может, самой дерзновенной мечты человечества - мечты о покорении Космоса.

Читатель познакомится с жизнью С П. Королева, историей развития отечественной космической науки и техники, достижениями нашей страны в этой области.

Автор - доктор медицинских наук, профессор Н.С Королева - совершила настоящий подвиг, посвятив многие годы сбору и изучению богатейшего фактического материала в 16 различных архивах, в том числе архивах Главной военной прокуратуры, Федеральной службы безопасности, Архиве Президента Российской Федерации, Российском государственном архиве Новейшей истории, Российском государственном архиве социальной политической истории и др.

Для широкого круга читателей.

Научное издание

Наталия Королева

С.П. КОРОЛЕВ

ОТЕЦ

К 100-летию со дня рождения

В трех книгах

КНИГА ВТОРАЯ

1938-1956 годы

Утверждено к печати
Советом РАН по космосу

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *Е.Ю. Жолудь*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Т.А. Печко, М.Д. Шерстенникова*

Подписано к печати 23.11.2006
Формат 70 x 100 1/16 Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 26,0. Усл.кр.-отт. 27,0. Уч.-изд.л. 28,0
Тираж 5000 экз. Тип. зак. 4465

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

С.П. КОРОЛЕВ

Наталия Королева

ОТЕЦ

НАУКА